

Пёрл-Харбор, 7 декабря 1941 года. Быль и небыль

Аннотация издательства: 7 декабря 1941 года в результате внезапного нападения Японии на Пёрл-Харбор (Гавайские острова) американскому флоту был нанесен значительный урон, а политический авторитет США серьезно пошатнулся. В новой книге известного советского историка Н. Н. Яковлева раскрываются причины, обстоятельства и последствия этого события, в результате которого США вступили во вторую мировую войну. На Западе Пёрл-Харбор и по сей день остается загадкой: почему нападение Японии оказалось внезапным, если в США дешифровали самые секретные японские коды и не могли не знать, что война вот-вот начнется? Автор книги предлагает собственную концепцию случившегося, вводя читателя в политику США и Японии, в мир разведки и контрразведки. В книге сделана попытка рассказать о том, почему японская агрессия застала Соединенные Штаты врасплох. Учитывая чрезвычайную сложность проблемы, изложение разбито на три части. В первой — «Как это произошло» — говорится о военных событиях, связанных с Пёрл-Харбором, как они представлялись современникам; во второй — «Почему это произошло» — на основании имеющихся теперь в распоряжении историков документов освещается политическая подоплека неслыханного промаха в военной истории; в третьей — «Как это объясняют в США» — разбираются различные версии, имеющие хождение в Соединенных Штатах относительно 7 декабря 1941 года.

От автора

7 декабря 1941 года японская палубная авиация нанесла внезапный сокрушительный удар по кораблям в гавани военно-морской базы США на Гавайских островах Пёрл-Харбор. Одновременно японские войска напали на английские, голландские и американские владения на Дальнем Востоке и в Южных морях. Грянула война и на Тихом океане.

В Соединенных Штатах Пёрл-Харбор называют «Днем позора».

Официальная пропаганда в США объяснила, что внезапность нападения на Пёрл-Харбор, где в считанные часы погибло около двух с половиной тысяч американцев, — следствие коварства злонамеренного агрессора. Правительство США будто бы жаждало мира, а Япония, усыпив бдительность Вашингтона, нанесла предательский удар. Объяснений этих на военное время оказалось достаточно.

Когда отгремела вторая мировая война, выяснилось, что в Вашингтоне не могли не знать о намерении Японии напасть на Соединенные Штаты. Тогда почему оказался возможным Пёрл-Харбор? В разное время девять официальных комиссий в США занимались расследованием причин этого. Выводы комиссий, однако, не удовлетворили даже академический мир американской исторической науки. По сей день в Соединенных Штатах не прекращается горячая дискуссия. Иные историки договаривались даже до того, будто Франклин Д. Рузвельт умышленно подставил флот под удар в Пёрл-Харборе, чтобы получить искомый повод для вовлечения американского народа в войну.

Рассекречивание Вашингтоном многих сотен тысяч документов в 80-е годы подлило масла в огонь острых споров, начавшихся уже 7 декабря 1941 года. Авторы новых книг заверяют, что они пытаются объяснить то, что было упущено или не решено раньше. Обозревая новейший вклад в тему, рецензент «Нью-Йорк таймс» Р. Спектор заметил в начале 1986 года: «По всей вероятности, в истории всех народов есть те или иные события, которые, по их мнению, слишком важны, слишком загадочны, слишком болезненны, чтобы оставить их на долю только историков. Для Соединенных Штатов одно из таких событий — японское нападение на Пёрл-Харбор в 1941 году. Американцы в массе своей удовлетворяются тем, что на школьной и студенческой скамье узнают и тут же забывают о большинстве деятелей и свершений отечественной истории. И в

дальнейшем пусть их поминают в учебниках или музеях. За исключением Пёрл-Харбора! О нем выпущено более 100 книг. Тем не менее появляются все новые, и читательская аудитория с великим волнением прочитывает их от корки до корки. Вот перед нами две последние книги об этом эпохальном событии, каждая более 600 страниц. Обе претендуют на то, что сообщают новые факты и по-новому объясняют то, что множество американцев все еще считает уникальной и необъяснимой катастрофой. Обе эти книги — плод коллективных усилий, причем каждый авторский коллектив утверждает, что изучил тысячи документов и дал, наконец, объяснение случившегося».

Обращение в дальнейшем изложении к этим работам — Э. Лейтона «И я был Там», Г. Пранджа «Пёрл-Харбор: вердикт истории», написанным с соавторами и вышедшим соответственно в 1985 и 1986 годах, естественно, неизбежно не только по причинам, бегло обрисованным Р. Спектором. Новейшие разыскания американских историков в предыстории и истории Пёрл-Харбора определенно настораживают. Впрочем, лучше проиллюстрировать, что вызывает, мягко говоря, удивление, на примере книги лауреата премии Пулитцера американского военного историка Дж. Толанда «Позор. Пёрл-Харбор и его последствия», увидевшей свет в 1982 году и неоднократно переиздававшейся. В предисловии Толанд представил свою книгу как «десятое» расследование Пёрл-Харбора:

«Через сорок лет после «Дня позора» я пытаюсь ответить на вопрос: были ли предшествующие девять расследований, коротко говоря, умышленным сокрытием истины с целью возложить вину преимущественно на адмирала Киммеля и генерала Шорта, обелив деятелей в Вашингтоне. Этот и другие вопросы все еще преследуют американцев и японцев. Когда я приступил к делу, меня предупредили,

что массированное рассекречивание спорной документации о Пёрл-Харборе на основе закона о свободе информации всего-навсего дымовая завеса и сокрытие случившегося там по-прежнему продолжается. Однако я убедился в обратном: флот США и Агентство национальной безопасности не только открыли все, но еще оказывают помощь, а в высшей степени спорных документах сделаны лишь считанные купюры, да и то только по причинам обеспечения безопасности».

За «героическим вступлением» последовало 400-страничное (убористым шрифтом!) обвинительное заключение по адресу Франклина Д. Рузвельта и ведущих деятелей его правительства за войну с Японией. На первый взгляд — повторение аргументов противников Рузвельта еще 40-х годов. На деле — дальнейшее развитие уже тогда спекулятивных нападок. Подводя итог своему «десятому» расследованию, Дж. Толанд заключил: «Величайшая трагедия состоит в том, что война с Японией была совершенно не нужна... В широком смысле нам следует оплакивать миллионы убитых и искалеченных в ненужной войне на Тихом океане: солдат и матросов с обеих сторон, ни в чем не повинных гражданских лиц, особенно в Японии, испепеленных в пожаре воздушных бомбежек и атомным оружием. Наконец, последняя жертва — нынешнее состояние мира. Представьте себе, что было бы, если бы не было этой войны на Востоке. Не было бы Хиросимы и угрозы ядерной войны...

Но Япония и Америка извлекли урок из последствий той войны. Первая поняла — ее подлинные друзья не страны «оси», а вторая — только сильная, развитая Японская империя в союзе с западными державами может стабилизировать Азию и предотвратить господство традиционного врага Японии — России.

В прошлом случилось, однако, так, что группка людей, почитавшаяся миллионами как честнейшие политические деятели, уговорила себя, что

ради блага своей страны следует поступать бесчестно, и разожгла войну, которой старалась избежать Япония». Архивиночник, по Толанду, конечно, Ф. Рузвельт, который «был убежден: цель оправдывает средства, и посему правду скрыли»{2}. Вот такую «правду» Толанд открывает современному читателю.

Конечно, это крайняя точка зрения, но ее объединяет с принятой в США общее недоумение общины американских историков, почему Япония осмелилась тогда напасть на США, а не на Советский Союз.

В самом деле, почему? История Пёрл-Харбора открывает возможность узнать, как ведется политика в том мире в критических обстоятельствах и как делаются войны в XX столетии.

В книге сделана попытка рассказать о том, почему японская агрессия застала Соединенные Штаты врасплох. Учитывая чрезвычайную сложность проблемы, изложение разбито на три части. В первой — «Как это произошло» — говорится о военных событиях, связанных с Пёрл-Харбором, как они представлялись современникам; во второй — «Почему это произошло» — на основании имеющихся теперь в распоряжении историков документов освещается политическая подоплека неслыханного промаха в военной истории; в третьей — «Как это объясняют в США» — разбираются различные версии, имеющие хождение в Соединенных Штатах относительно 7 декабря 1941 года.

Как это произошло

Для милитаристов мир — передышка между войнами. Политики ищут, находят и указывают вероятного врага, генералы и адмиралы готовят вверенные им вооруженные силы для защиты отечества.

На протяжении нескольких десятилетий, с начала XX века, Соединенные Штаты и Япония были такими противниками. Грядущая и неизбежная

схватка стала откровенно обсуждаться в печати уже после русско-японской войны 1904—1905 годов. Вашингтон тогда сделал крайне неприятное и тревожное открытие: оказав помощь Японии в войне против России, США вместо признательности получили в ее лице соперника и противника. В Токио определенно думали о том, как бы ограничить американское влияние на Тихом океане и Дальнем Востоке, а еще лучше изгнать отсюда, разумеется силой, Соединенные Штаты.

Обозначившиеся в начале века империалистические распри между Японией и США облекались в формулировки наимоднейших тогда теорий социального дарвинизма в международных делах — сильнейшая нация неизбежно затопчет слабейшую. В Америке истово верили доктринам адмирала А. Мэхана о примате морской мощи и т. д. Все это состояло на вооружении философствовавших американских империалистов. Но очень скоро выяснилось: хваленое идейное оружие — обоюдоострое, им быстро овладели недавние протеже США — военные лидеры Японии.

Вот тогда, в начале века, отметил в конце 70-х годов большой знаток дальневосточных дел английский профессор К. Торн, в Японии также согласились: пора решать, «западной или восточной цивилизации господствовать на земле», а посему «более чем за тридцать лет до Пёрл-Харбора... по обе стороны Тихого океана... окрепло убеждение — война между Японией и Соединенными Штатами неизбежна».

Американец Х. Ли уже в 1909 году в книге «Доблесть Невежества» описал будущую японо-американскую войну. Он красноречиво рассказал, как падут форпосты США — Филиппины, Гавайи и в руках Японии окажется Аляска. Книга нашла неожиданно прилежных читателей — офицеров армии и флота Японии. В переводе на японский язык она была названа без затей: «Война между Японией и Америкой» и распродана очень порядочным по тем временам тиражом — 40 тысяч экземпляров.

В 1925 году обозреватель английской газеты «Дейли телеграф» Г. Байвотер внезапно разразился книгой — «Великая Тихоокеанская Война». Бойкий журналист предрекал — внезапное нападение на Пёрл-Харбор совершенно обязательно для успешного овладения Филиппинами и Гуамом. Надо думать, тогдашний японский военно-морской атташе в Вашингтоне Исороку Ямамото не пропустил книги, рецензию на которую поместил на первой странице «Нью-Йорк таймс бук ревью».

Пока вслед за авторами таких книг заинтригованные читатели совершали волнительные прогулки в будущее, военные были заняты своим прозаическим делом: в штабах разрабатывались планы сокрушения неприятеля, изыскивались пути и средства нанесения ему удара. В 96-томной американской официальной истории участия армии США во второй мировой войне сказано: «...стратегия войны с Японией на Тихом океане была единственной областью американского военного планирования, которая имела длительную и непрерывную историю». Америка и Япония разделены тысячами километров океана, поэтому оперативные планы разрабатывались в первую очередь в штабах флотов. Вплоть до второй половины 30-х годов американские стратеги исходили из того, что США и Япония померятся силами один на один. По этой причине, а также в интересах сохранения военной тайны, план войны с Японией зашифровывался как «одноцветный» — план «Орандж» («Оранжевый»). Когда в 1936—1937 годах возникла фашистская «ось» — политический союз Германии, Японии и Италии, — пришлось иметь в виду возможность коалиционной войны с обеих сторон. Поэтому были составлены «многоцветные» планы. Основным из них был план «Рейнбоу-2» («Радуга»). Он предусматривал согласованные действия США, Англии и Франции, причем между ними предполагалось «разделение труда»: англичане и французы воюют главным образом в

Европе, а американцы громят Японию. Американский флот будет направлен в западную часть Тихого океана.

При предполагавшемся соотношении сил и с учетом расстояний, в Вашингтоне рассудили, что Филиппины и Гуам на первом этапе боевых действий придется списать со счетов. Они будут отвоеваны на заключительной стадии войны. План «Рейнбоу-2» был утвержден объединенным советом армии и флота США 30 июля 1939 года. В соответствии с ним и проводилась подготовка к войне с Японией, а в случае необходимости в план вносились изменения. План безоговорочно подтверждал необычайную важность Гавайских островов как базы для флота США. На всех стадиях разработки и уточнения этого документа.

Тихоокеанский флот США, созданный приказом президента В. Вильсона в июне 1919 года, в 20-е годы неоднократно выдвигался к Гавайским островам, где базировался в гавани Пёрл-Харбор на острове Оаху.

В 1932 году американские флотоводцы провели совместные маневры с сухопутными войсками в гавайских водах. Отрабатывалась оборона островов от нападения с моря и воздуха. Командующий нападавшей стороны адмирал Г. Ярнелл с эскадрой вышел с баз в Калифорнии. В море он перестроил свою эскадру: оставив позади линкоры и крейсера прикрытия, устремился к Гавайским островам с двумя авианосцами «Саратога» и «Лексингтон». На Гавайях предвкушали появление в виду островов всей эскадры и собрались дать ей «сражение» в традиционном стиле. Но Ярнелл не оправдал этих ожиданий. За полчаса до рассвета 7 февраля он поднял с подошедших на 40 миль к Гавайям авианосцев 152 самолета. С первыми лучами солнца они подвергли внезапной «бомбардировке» аэродромы вблизи Пёрл-Харбора, «уничтожили» на них самолеты и завоевали полное господство в воздухе. Урок был ясен. Тем не менее главный посредник на маневрах заключил: «Сомнительно

нанесение сильного удара с воздуха по Оаху перед лицом сильной авиации, защищающей остров. Авианосцы будут поражены, а нападающие самолеты понесут большие потери».

В Японии внимательно изучили результаты маневров, но пришли к иным выводам. В 1936 году японская военно-морская академия выпустила «Исследование стратегии и тактики в операциях против США». Японские эксперты записали: «В случае базирования главных сил американского флота в Пёрл-Харборе военные действия надлежит открыть внезапными ударами с воздуха».

Совместные учения флота и армии США в апреле 1937 года подтвердили справедливость японского анализа. К Гавайям теперь подступила американская эскадра — 111 военных кораблей, имевших на авианосцах около 400 самолетов. Вновь аэродромы Оаху были внезапно «разгромлены» с воздуха, а на следующий день без сопротивления прошла высадка десанта. Посредники сочли, что потери «нападавшей» стороны — один линкор. И все.

Серия маневров в 30-е годы преисполнила гордостью американских адмиралов — вот на какие свершения способен флот США! То, что эти свершения может не только повторить, но и превзойти флот другой державы, им как-то не приходило в голову. Как и то, что «противник», оборонявший на учениях острова, по существу, подыгрывал атакующим, вероятно, во славу американского оружия.

Американские флотоводцы водили свои эскадры к Гавайям с баз в Калифорнии. Приход флота на Гавайи обычно совпадал с очередным обострением международной обстановки. Постоянные базы флота оставались на западном побережье Американского континента, куда корабли возвращались после непродолжительного пребывания на Гавайях.

Когда 1 сентября 1939 года началась война в Европе, распорядок был изменен. С января 1940 года основные силы Тихоокеанского флота сосредоточились на Гавайских островах — сначала под предлогом маневров, а 7 мая 1940 года флот получил официальное предписание — остаться в Пёрл-Харборе на неопределенное время. По мнению командования вооруженных сил США, корабли здесь находились в полнейшей безопасности.

Государственный секретарь США К. Хэлл со временем заметил: выдвигая флот на Гавайи, правительство руководствовалось теми же мотивами, что и человек, «державший в доме заряженную двустволку при переговорах с бандитом». Действительно, опираясь на Пёрл-Харбор, флот мог эффективно действовать против Японии в случае войны, а уже одно присутствие его на Гавайских островах оказывало влияние на японскую политику в дни мира. Так считали не только в Вашингтоне, но и в Токио как в канун войны, так и после ее завершения, когда подводились итоги. Заместитель государственного секретаря С. Уэллес подчеркивал: «Если бы флот ушел с Гавайских островов, японские военные лорды несомненно истолковали бы это отступление как то, что США смирились с распространением господства Японии на весь Тихий океан и Азию». Один из японских флотоводцев, адмирал Сигэру Фукудоме, в свою очередь доказывал: «Американский флот, выдвинувшийся на Гавайи, мог без большого труда проследовать в западную часть Тихого океана, создав тем самым явную угрозу Японии. Пока флот оставался на Гавайях, складывалась стратегическая обстановка, несравненно более напряженная и угрожающая Японии, чем тогда, когда флот был на базах на Тихоокеанском побережье США».

Особенность политической обстановки в Японии в те годы заключалась в том, что делами страны вершила клика милитаристов. Между

руководителями армии и флота существовали коренные разногласия по поводу направления агрессии. Командование армии стояло за войну с Советским Союзом, флот требовал предварительно захватить владения колониальных держав в Южных морях, чтобы обеспечить Японию ресурсами для длительной борьбы. Но адмиралы остро осознавали ограниченность экономического потенциала страны, что определило военно-морскую стратегию. Они с достаточной долей реализма предполагали, что боевые действия не удастся перенести к берегам Америки, напротив, работники главного морского штаба резонно ожидали наступления США. Решительное сражение они надеялись дать на подступах к метрополии, перехватив американский флот.

Крылатой среди японских военных моряков тогда стала фраза: «Мы уверены не в том, что враг не нападет на нас, а в нашей готовности встретить его, когда он придет». Японские адмиралы знали, что верфи страны не могут тягаться с американской судостроительной промышленностью, в преявших боях они полагались не на количественное, а на качественное превосходство. Была поставлена цель создать сбалансированные военно-морские силы, основой которых стали бы первоклассные линейные корабли. Флагман японского флота — линкор «Ямато» был крупнейшим в мире военным кораблем своего времени. Его водоизмещение составляло 72 тысячи тонн, орудия главного калибра не имели равных на флоте Соединенных Штатов.

В конце 30-х годов стратегическое мышление в Японии приобрело и другое направление. Первоначальный толчок тому дали успехи авиации, а понимание ограниченности ресурсов страны без излишних теоретических экскурсов поставило изучение проблемы на практическую почву. Некоторые командующие японского флота пришли к выводу, что использование самолетов с авианосцев против боевых кораблей даст

возможность одержать победу над превосходящими американскими силами.

Они не только теоретизировали, но и претворяли свои воззрения в жизнь, добившись строительства гигантских по тем временам авианосцев водоизмещением по 30 тысяч тонн. В американском капитальном труде «Пёрл-Харбор: вердикт истории», вышедшем в 1986 году, в котором подведены итоги почти полувекового изучения проблемы, подчеркивается: «Япония в 1941 году имела самую лучшую палубную авиацию в мире... В японском флоте нашлись проницательные и решительные лидеры, которые из имевшихся сил и средств сумели создать 1-й воздушный флот, тем самым став основоположниками создания крупных ударных авианосных соединений. Когда они расширили его до 6 авианосцев, он превратился в самое мощное ударное соединение, выходившее до той поры в море».

Для адмиралов «хасирского флота», как иной раз именовались японские линейные корабли — по месту их якорной стоянки у острова Хасира, все это казалось опасным еретическим заблуждением. Но сторонники палубной авиации стояли на своем, противопоставляя словам консерваторов стройную стратегическую концепцию.

Дискуссия оказалась непродолжительной, и не потому, что стороны пришли к компромиссу, а потому, что подошло время выступать.

В качестве ближайших целей войны в Токио намечали оккупацию обширного района на юге и создание оборонительного периметра по линии, соединяющей Курильские и Маршалловы острова (включая остров Уэйк), архипелаг Бисмарка, острова Тимор, Ява, Суматра, а также Малаю и Бирму. Нападение на владения колониальных держав неизбежно влекло за собой войну с США, Англией и Голландией.

Если последних двух держав в то время в Токио не опасались, то по-

иному обстояло дело с Соединенными Штатами, которые пока не принимали участия в войне в Европе. Появление на театре военных действий сильного Тихоокеанского флота США могло бы затруднить овладение районом Южных морей, затянуть боевые действия. В результате Япония оказалась бы вовлеченной в длительную войну: к ней она не была готова и выдержать ее не смогла бы. Было необходимо без промедления принять решение о том, как нейтрализовать американский флот. «Линкорные адмиралы», определявшие стратегию главного морского штаба, пытались отстоять известный вариант — встретить американцев на пути в Японию, однако новаторы в военно-морском деле указали, что это поставит под угрозу удар на основном направлении — в сторону Южных морей.

Новый главнокомандующий Объединенным флотом адмирал Исороку Ямамото, назначенный на этот пост в августе 1940 года, прямо указал тогдашнему премьер-министру князю Коноэ: «Если мне скажут воевать, тогда в первые шесть — двенадцать месяцев войны против США и Англии я буду действовать стремительно и продемонстрирую непрерывную цепь побед. Но я должен предупредить: если война продлится два или три года, я не уверен в конечной победе». В случае длительной войны с США, писал Ямамото в частном письме, «нам недостаточно взять Гуам и Филиппины, даже Гавайи и Сан-Франциско. Нам потребуется взять Вашингтон и подписать мирный договор в Белом доме». Последнее явно превосходило возможности Японии.

Итак, чтобы не допустить затяжной войны и разорвать заколдованный круг, Ямамото предложил одновременно с наступлением на юг нанести удар с воздуха по Пёрл-Харбору.

Операция Z»

В 1941 году Ямамото минуло 57 лет. За его плечами было сорок лет

безупречной службы в императорском флоте. Разведка США характеризовала Ямамото как «исключительно способного, энергичного и сообразительного человека». Адмирала помнили в США по годам его службы в Вашингтоне японским военно-морским атташе.

В 80-е годы, вглядываясь через дымку лет уже в далекое прошлое, американский контр-адмирал Э. Лейтон рисовал впечатляющий портрет Ямамото в расцвете сил. Лейтону было что вспомнить: кадровый разведчик, в 20-е и 30-е годы он работал в военно-морском атташате США в Токио. В отличие от тех, кто писал о Пёрл-Харборе после 1945 года, Лейтон считал возможным рассказать кое-что только после рассекречивания в 80-е годы 500 тысяч документов разведывательных ведомств США. Свободно владевший японским языком, Лейтон, пожалуй, даже ходил в добрых знакомых Ямамото в конце 30-х годов, то есть в то время, когда адмирал был заместителем военно-морского министра.

«На исходе 30-х годов, — напомнил Лейтон в мемуарах, вышедших в 1985 году, — всем наблюдателям было ясно, что жизнь Ямамото в опасности. Я поддерживал с ним служебные и светские отношения, а сходство наших интересов переросло в дружбу. Я пристально следил за его деятельностью. Мне довелось непосредственно наблюдать, как на посту заместителя военно-морского министра он рисковал своей популярностью и даже жизнью, отвращая очередное правительство от конфронтации с США по поводу войны в Китае... Ведь 30 августа он был назначен командующим Объединенным флотом ради спасения его жизни».

Да, экстремисты, рвавшиеся к войне, действительно угрожали тогда Ямамото. Адмирала засыпали посланиями самого дурного тона. «Если не исправишься, — говорилось в одном из них, — от тебя избавятся либо взрывчаткой, либо бомбой». Откуда экстремистам было знать, что душой

подготовки флота к войне и был Ямамото. Судя по мемуарам, Лейтон не сообразил, что адмирал вполне мог быть первоклассным актером. На нередких попойках японских морских офицеров, где бывал Лейтон, «хозяин (Ямамото), казалось, выхлестывал столько же стаканов виски, что и гости. Позднее я выяснил, что Ямамото следовал старому китайскому обычаю пить в таких случаях холодный чай», — только и припомнил Лейтон.

Японский «друг» американского разведчика, как видим, носил непроницаемую маску. Лейтону оставалось только гадать, что скрывается за ней. Чем он и занимался. Он долго размышлял по поводу фразы Ямамото, брошенной после выигрыша очередной партии в карты: «Наука и умение всегда превзойдут удачу и суеверие». Пытались понять Ямамото и другие американские разведчики, компенсируя скудость информации далеко идущими выводами.

Глубокие психологи из разведки встречались с Ямамото за карточным столом, где сделали немаловажные наблюдения. Адмирал любил играть в покер. По тому, как он чрезвычайно ловко манипулировал в игре оставшимися тремя пальцами на левой руке (результат ранения в Цусимском сражении, во время которого Ямамото находился на борту флагмана «Микаса»), его американские партнеры заключили, что адмирал — натура необычайно азартная. По этой причине, а также потому, что Ямамото был чемпионом императорского флота игры в го (японские шахматы) и многим другим, компетентные американские органы твердо решили, что соединениям под водительством адмирала будет присущ боевой, наступательный дух. Славная для воина репутация оказала адмиралу дурную услугу.

Когда у Ямамото впервые зародилась мысль о налете на Пёрл-Харбор, сказать трудно: по понятным причинам он не был допрошен на процессе

главных японских военных преступников в Токио после войны. Очевидно лишь то, что память о русско-японской войне никогда не покидала адмирала. И на исходе шестого десятка жизни, в феврале 1941 года Ямамото доверился сослуживцу, старому «морскому волку» адмиралу Дзисабуро Одзава. Принимая гостя в своей роскошной каюте на борту флагмана линкора «Нагато», Ямамото говорил: «При изучении истории русско-японской войны самый главный урок для меня — наш флот начал ее с ночного нападения на русских в Порт-Артуре. На мой взгляд, это самое выдающееся стратегическое достижение войны. К сожалению, мы не довели атаку до конца и не достигли полностью удовлетворительных результатов».

Ямамото был преисполнен решимости не повторять ошибку. Коль скоро, по мнению передовых офицеров, самолет сменял корабль как ударное средство флота, Ямамото и его сторонники еще в 30-е годы приложили немалые усилия к подготовке авиационных соединений к войне. Душой подготовки был контр-адмирал Тамон Ямагути, закадычный друг Ямамото. К 1940 году оба могли с удовлетворением обзирать пройденный путь: Япония располагала значительным числом опытных летчиков и штурманов для палубной авиации. Известия о том, что американский флот постоянно базируется на Пёрл-Харборе, окрылили их — время и средства на подготовку были потрачены не зря.

Тут подоспели вести из Европы — операция типа задуманной проверена в бою. В ночь на 11 ноября 1940 года английский авианосец «Иллюстриос» подошел на 170 миль к итальянской базе Таранто в Ионическом море и поднял в воздух 21 торпедоносец. Штурманы в светлую лунную ночь без труда привели ударную группу к цели. Сброшенные торпеды поразили в гавани Таранто три итальянских линкора: один из них затонул, два других были надолго выведены из строя.

Об уроках Таранто с оттенком сарказма (памятуя о том, что выявилось впоследствии) написал английский журналист Р. Кольер, военный корреспондент и контрразведчик: «Мораль операции в Таранто не упустил военно-морской министр Рузвельта Фрэнк Нокс. «Успех английской атаки с воздуха торпедами по кораблям, стоящим на якоре в гавани, — писал он военному министру Стимсону, — подсказывает: нужно немедленно принять меры предосторожности для защиты Пёрл-Харбора от внезапной атаки в случае войны между США и Японией».

Нокс не мог знать, что командующий японским Объединенным флотом адмирал Исороку Ямамото также принял близко к сердцу уроки Таранто. В сейфе на борту «Нагато» Ямамото хранил отпечатанное на ротаторе руководство «Образ действия, мощь и защита американского флота в районе Гавайев». 500 страниц текста. Практические выводы? Письмо Нокса последствий не имело, а Ямамото после Таранто окончательно уверовал, что он на верном пути.

7 января 1941 года он подал военно-морскому министру Косиро Оикава докладную на 9 страницах «Соображения о подготовке войны», впервые официально обосновав налет на Пёрл-Харбор. Не ожидая окончательной санкции правительства, через неделю Ямамото в доверительном порядке в письме на трех страницах довел свою идею до сведения своего душевного друга — начальника штаба 11 -го воздушного флота контр-адмирала Такахиро Ониси. Ониси был тем человеком, кто мог оценить дерзкий план. Впоследствии он стал основателем отрядов «камикадзе» — летчиков-смертников. Ониси горячо поддержал Ямамото. Однако подчиненные ему соединения при всем желании их командующего не могли участвовать в рейде на Гавайские острова — в его подчинении были в основном самолеты базовой авиации, уже назначенные для действий на юге. Еще в конце 1940 года Ямамото попросил подыскать

ему «летчика, чья прошлая служба не сделала его сторонником традиционных операций». Ему называли Минору Гэнда.

Гэнда служил в штабе 1-го воздушного флота, находившегося под командованием вице-адмирала Тюити Нагумо. Это соединение флота и было способно нанести молниеносный удар: в него входили шесть новейших авианосцев. Однако личность командующего вице-адмирала Нагумо мало соответствовала наступательным возможностям авианосного соединения. Адмирал был сторонником осторожных действий, жаловался на больные ноги и с большим подозрением относился к боеспособности превосходных новых авианосцев. Он был убежден, что одна-две бомбы легко отправят любой из этих громадных кораблей на дно. На взгляд Нагумо, было легкомысленно ставить под угрозу дорогие во всех отношениях корабли в самом начале войны.

Естественно, что Гэнда, человек совершенно иного склада, не мог довериться своему непосредственному начальнику. В прошлом отчаянный летчик-истребитель, Гэнда командовал отрядом летчиков, прославившихся на флоте как «фокусники Гэнда». При этом тогда 36-летний Гэнда был способным военным теоретиком — с 1935 года он разрабатывал тактику массированного применения авианосцев, названную противником «гэндизмом». В середине 30-х годов молодой Гэнда завоевал доверие Ониси, что было отнюдь не легким делом. Адмирал, особенно навеселе, не задумываясь орал даже на Ямамото! Ониси отправил Гэнда учиться в военно-морской колледж («пусть тебе это покажется глупым... но нужно создать базу для дальнейшего движения вверх»). Сокурсники Гэнда, которым он с готовностью и не слушая их возражений излагал свои идеи, считали эксцентричного офицера «рехнувшимся».

Они никак не могли уяснить различия между построением в воздухе

ударной авиационной группы, поднятой с авианосцев, находящихся на большом расстоянии друг от друга, и вылетом такой же группы с авианосцев, идущих в сомкнутом строю. Доспорить с упрямыми не удалось. Гэнда отправился воевать в Китай, послужил военно-морским атташе в Лондоне и только в ноябре 1940 года возобновил службу на авианосцах. Получив задание изучить возможность нападения на Пёрл-Харбор, Гэнда горячо взялся за дело. Представилась возможность на практике показать то, что не видели глупцы. Через десять дней он доложил свои выводы. Операция рискованна, но возможна. Для этого необходимо использовать все шесть авианосцев, отобрать наиболее опытных летчиков. Залог успеха — строгое соблюдение тайны, с тем чтобы достичь внезапности. Шансы на успех — 60 из 100. Ониси, консультировавший Гэнда, счел, что и того много, он остановился на 40. Горячо одобряя идею Ямамото — внезапный удар по Пёрл-Харбору, Гэнда не оставил камня на камне от предложенного адмиралом образа действий. Ямамото полагал, что авианосцы подойдут к Гавайям на 500—600 миль и с них стартуют самолеты. Разбомбив американский флот в Пёрл-Харборе, они лягут на обратный курс и, исчерпав запас горючего, закончат полет в океане. Эсминцы и подводные лодки, развернутые на возможном пути отхода самолетов, подберут тех летчиков, кто выживет после посадки на воду.

Гэнда, не щадя самолюбия Ямамото, и не его одного, резко возразил: да, духи предков зовут воина, но смерть приходит не в поражении, а как назвать приводнение? Нет, авианосцы должны подойти на такое расстояние к Гавайским островам, чтобы принять самолеты после атаки, снова вооружить их и быть готовыми к новой схватке с врагом. Гэнда не менее сурово раскритиковал «узость» взглядов Ямамото на атаку с воздуха. Адмирал предлагал бросить против американского флота только

торпедоносцы, то есть прибегнуть к самой сложной операции. Гэнда потребовал вместе с торпедоносцами ввести в дело бомбардировщики, работающие с горизонтального полета и с пикирования.

С этими доводами Ямамото и Ониси согласились. Но Гэнда так и не удалось переубедить адмиралов, что объектами нападения должны быть не только корабли, но и сооружения военно-морской базы. Особенно ошетинился Ониси против конечного предложения Гэнда: «За ударом по Гавайям мы должны высадить крупный десант на острова. Если Гавайи будут захвачены, Америка утратит свою самую большую передовую базу, тем самым мы создадим отличные условия для проведения наших операций». По мнению Гэнда, для захвата островов нужно было не более 10—15 тысяч хорошо вооруженных и оснащенных войск. Ониси поставил точку в дискуссии, сухо указав: «При наших наличных силах мы не можем наступать одновременно на востоке и на юге»{19}. Морскому летчику Гэнда, видимо, не пришло в голову спросить: да, это верно в отношении флота, но где многомиллионная армия?

Вероятно, на это просто не хватало времени, ибо решение тактических вопросов подавило стратегические размышления. Нужно было решить, наконец, как поразить американские корабли в гавани. Было хорошо известно, что тогдашние торпеды можно было сбрасывать с самолетов только там, где глубина воды не менее 25 метров. В противном случае они зарывались в грунт на дне. Глубина гавани Пёрл-Харбора составляла в среднем 10 метров и только на фарватере достигала 15 метров. Кроме того, американцы имели обыкновение швартовать линейные корабли у стенки парами, иными словами, даже если удастся добиться попадания в один корабль, другой все равно оказывался в безопасности. Гэнда взялся в кратчайший срок приспособить торпеды для использования в мелководной гавани.

Под его руководством начались сверхсекретные эксперименты. Сначала дело не ладилось: 800-килограммовые торпеды, сброшенные с самолетов над небольшими глубинами, взметнув тучи ила, неизменно застревали на дне. Немногочисленные участники и зрители испытаний — опытные летчики — соболезнующе качали головами. Как ни изменялись приемы сбрасывания, результаты не радовали. Только к октябрю улыбнулась удача: простые деревянные стабилизаторы, укрепленные на корпусе, решили проблему. Теперь торпеды годились и на мелководье. Гэнда торжествовал — найдено «абсолютное оружие». Однако успех убедил не всех.

Параллельно с экспериментами Гэнда отрабатывались приемы бомбардировки линкоров с воздуха. Оказалось, однако, что у авиации нет бомб, способных пробить довольно толстую палубную броню крупных кораблей американского флота. Пришлось прибегнуть к импровизации. Практичные работники материально-технической службы флота нашли выход: к 15- и 16-дюймовым бронебойным снарядам приделали стабилизаторы. Испытания превзошли все ожидания: не оставалось ни малейших сомнений, что эти снаряды пробьют броню. Средства для разгрома американского флота были подготовлены. Оставалось убедить главный морской штаб в целесообразности удара по Пёрл-Харбору. Этим и занялся Ямамото.

Для начала адмирал проявил великое лукавство, вероятно, самую примечательную черту своего характера. Предстоявший налет на американскую базу Пёрл-Харбор он зашифровал в апреле как «операция Z». Это было напоминанием о сигнале, поднятом адмиралом Того перед началом сражения с русским флотом в Цусимском проливе. Он подчеркнуто делал акцент на том, что не проводит различия между противниками Японии. Это, однако, не подвинуло решение вопроса,

причем по причинам, которые никак не предвидел Ямамото: в пылу подготовки военно-технических аспектов операции он упустил, что война не больше чем продолжение политики.

Как заметил Э. Лейтон о тех месяцах в Токио: «Серьезное оперативное планирование нельзя было начать, пока имперский генеральный штаб не разрешил стратегических противоречий. Армия по-прежнему стояла за наступление на русских в Сибири... флот стремился ударом на юг захватить нефть и иные ресурсы голландской Восточной Индии... Эти вопросы и терзали японское правительство». Только в августе 1941 года Ямамото решил, что пришло время информировать командование флота. Идею операции, наконец, доложили начальнику главного морского штаба Осами Нагано и тридцати ведущим работникам. В 62 года Нагано был самым старым адмиралом на действительной службе, в его представлении линкор оставался основой морской мощи.

11—20 сентября в военно-морском колледже на ежегодной штабной игре были проиграны операции флота в грядущей войне. Нагано и оперативное управление главного морского штаба настаивали на консервативном образе действия: двинуться на юг и, если США вмешаются, встретить врага поближе к Японии. Они поставили вопрос в лоб: разве исчерпаны ресурсы так и не испробованной на деле доктрины японских флотоводцев «егеки сакусен» («действия из засады»)? В противовес американскому плану «Орандж» эта доктрина предусматривала выдвижение на маршрут Тихоокеанского флота США, следующего на запад, японских подводных лодок. В результате к месту решительной схватки у Маршалловых островов американские эскадры придут изрядно потрепанными. Были приведены и другие доводы: разве не может случиться так, что Соединенные Штаты вообще не будут препятствовать вооруженной рукой японским захватам в странах Южных

морей и ограничатся дипломатическими протестами?

Если вся игра проводилась в глубокой тайне, то тройной секретностью была окружена ее часть, касавшаяся Пёрл-Харбора. В изолированном зале собралось тридцать с небольшим адмиралов и старших офицеров. В присутствии Ямамото они провели нападение «синих» (японцы) на «красных» (американцы). По мере того как соединение Нагумо приближалось на карте к Гавайям, напряжение в зале нарастало. Посредники дают вводные — за три дня до условной даты нанесения удара «красные» заметили неопознанную подводную лодку к югу от островов, за день — увидели нефтяное пятно на поверхности: подтекала топливная цистерна на подводной лодке, идущей в погруженном положении.

Радиус воздушного патрулирования с островов немедленно был увеличен с 400 до 600 миль, и днем американский разведывательный самолет обнаружил корабли 1-го воздушного флота. Самолет был уничтожен, не успев передать свое донесение до конца, но дозорные японские подлодки доложили — 10 вражеских крейсеров держат курс на корабли Нагумо. Адмирал тем не менее вышел в точку подъема самолетов в 200 милях от Гавайев. У Пёрл-Харбора их встретили тучи американских истребителей и массированный зенитный огонь. Вернулось менее половины самолетов. Итог: американским кораблям нанесены незначительные повреждения. Тут на соединение обрушилась авиация «красных», которая пустила на дно два авианосца и несколько других кораблей, примерно треть состава 1-го воздушного флота.

Помрачневшие руководители игры предложили другой вариант — Нагумо подходит на закате на 450 миль к островам и, резко увеличив ход, покрывает за ночь 250 миль. Самолеты взмывают в воздух на рассвете, до начала работы американской патрульной авиации. Внезапность

достигнута! В Пёрл-Харборе потоплены 4 линкора, 2 авианосца, 3 крейсера, серьезно повреждены линкор, авианосец, 3 крейсера. Самолеты «красных» настигают Нагумо при отходе, топят авианосец и наносят повреждения еще нескольким кораблям. Итоги более чем удовлетворительные, особенно с учетом того, что американская авиация на Гавайях практически уничтожена.

Нагумо никак не робкого десятка. Тем не менее он помертвел. Адмирал не верил результатам игры, посредники определенно подыгрывали «синим». С величайшим подозрением Нагумо отнесся к идее подойти к Гавайям через северную часть Тихого океана. На этом маршруте даже скрытность обеспечить трудно. А зимний океан? Как дозаправлять хотя бы эсминцы, танцующие на гигантских волнах у массивных танкеров? Не говоря уже о более крупных кораблях. И после такого перехода лукавые посредники сулят ему «успех»! Ямамото, широко улыбаясь, обнял поникшего Нагумо за плечи и утешил: «Не беспокойся. Я возьму на себя всю ответственность». Адмирал Фукудоме добавил: «Если ты погибнешь в этой операции, в память о тебе воздвигнут храмы».

Штабная игра не убедила, а разубедила даже Ониси. Вместе с начальником штаба 1-го воздушного флота контр-адмиралом Рэйносукэ Кусака в конце сентября он явился к Ямамото. Командующий встретил двух почтенных адмиралов в своей каюте в окружении молодых офицеров. Они выслушали доводы Ониси и Кусака — отвлечение авианосцев для удара по Пёрл-Харбору лишит достаточного воздушного прикрытия армию вторжения на Филиппины. Последствия понятны. Отношения между Японией и США ухудшаются с каждым днем, следовательно, повышается бдительность на Гавайях и внезапность проблематична.

Ямамото предложил высказаться молодежи, что офицеры и сделали с

нескрываемым удовольствием, разбивая аргументацию адмиралов. Экспансивный Кусака не выдержал. Пренебрегая не только воинской дисциплиной, но и приличием, принятым в японском обществе, он вспыхнул:

— Вы морской стратег-любитель, — бросил Кусака в лицо Ямамото. — Ваши идеи наносят ущерб Японии. Вся операция — азартная игра.

— Да, я люблю такие игры, — огрызнулся Ямамото. — Вы говорите, что эта игра, так я и выиграю ее.

Помедлив, Ямамото заключил:

— Я прекрасно понимаю точку зрения вас обоих. Но я верю в операцию. Без нее нельзя выполнить весь план войны на Тихом океане.

После яростного объяснения, остывший Ониси остался поиграть в шахматы с Ямамото на борту флагмана, а надутый Кусака откланялся. Провожая его к трапу, Ямамото сумел ободрить оппонента. Он снова заверил, что понимает опасения Кусака, но «нападение на Пёрл-Харбор нужно провести, невзирая на потери. Поэтому с этого момента потрудитесь приложить все усилия к наилучшему выполнению задачи». Ямамото еще просил передать самый горячий привет Нагумо, понимая, что тот с нетерпением ждет результатов визита.

Были еще споры. Но Ямамото упорно твердил: американский флот — главная угроза Японии, не устранив его, нельзя рассчитывать на удачу во всей войне. Дело дошло до острого объяснения: Ямамото пригрозил, что в случае отказа от удара по Пёрл-Харбору он уйдет в отставку со всем штабом. Во время ожесточенных дискуссий и руководство главного морского штаба познакомилось с изречениями Ямамото, которые давно заучили назубок подчиненные адмирала: «Нужно проникнуть в логово тигра, чтобы взять тигрят», «Загнанная в угол крыса кусает кота», «Мудрый ястреб прячет когти» и т. д. Говорят, что адмирал прибег к

крайнему средству: если больные ноги Нагумо мешают ему вести ударное соединение через холодные зимние воды, Ямамото готов лично возглавить набег на Гавайские острова. Перед этим натиском, в котором логика сочеталась с плохо замаскированным оскорблением профессиональной чести, главный морской штаб уступил. Была отдана предварительная директива, предусматривавшая в общем плане войны операцию против Пёрл-Харбора.

Адмирал Кусака до конца оправдал доверие Ямамото. Оставив сомнения, он с головой погрузился в подготовку к походу. Пришлось, помимо прочего, повести невидимую войну с интендантством. Чиновники-бюрократы в Токио никак не могли взять в толк, зачем ему необходимо восемь танкеров. Но Кусака знал: если оперативное соединение не будет располагать этими танкерами, тогда придется идти в бой, имея четыре авианосца вместо шести. Потребовалось несколько недель, чтобы доказать очевидную истину в надлежащих инстанциях. Далее — как раздобыть зимнее обмундирование для соединения? Занятые по горло интенданты снаряжали войска для действий в тропиках. Требование зимних вещей вызвало бы ненужные толки и пересуды. Подчиненные Кусака заявили изумленным работникам тыла: «На войне нельзя заранее знать, где окажешься в конце концов», — и подали на склады заявки как на летнее, так и на зимнее обмундирование. Двойной комплект одежды выдали, а военную тайну сохранили даже от собственных интендантов.

Пока вопрос все еще решался в высших сферах, среди летчиков уже шел отбор подходящих кандидатов. Капитан I ранга Мицуо Футида был крайне удивлен, когда его неожиданно вернули на флагманский авианосец 1-го воздушного флота «Акаги» для дальнейшего прохождения службы. Футида оставил авианосец всего год назад. Вездесущий Гэнда, одноклассник и приятель Футида по военно-морскому училищу,

объяснил: «Не волнуйся. Мы хотим, чтобы ты вел наши самолеты, когда пробьет час атаковать Пёрл-Харбор». Некоторым группам пилотов, взяв с них клятву хранить все в тайне, адмирал Ямамото лично разъяснил будущую задачу.

Торпеды для «мелкой гавани Владивостока»

Пожалуй, вся предшествующая служба 39-летнего Мицуо Футида подготовила его к той работе, которую вверил ему Ямамото по рекомендации Гэнда — старшего авиационного начальника 1-го воздушного флота. В послужном списке Футида налет более трех тысяч часов, участие в боях в Китае. Боевой летчик и опытный штабист, он окончил военно-морской колледж на год позже Гэнда. Военный интеллигент, но, увы, пытавшийся внешне подражать Гитлеру — чаплинские усики, надутый вид. Отработать свинцовый взгляд не удалось — по натуре он был добродушен.

На авианосцы пришли лучшие военные летчики. С. Мурата считался «асом-торпедоносцем» всего флота, о Т. Эгуса отзывались как о «пилоте пикирующего бомбардировщика № 1 всей Японии», С. Итайя, вероятно, не имел равных в истребительной авиации. Под предводительством Футида они возглавили групповую подготовку летчиков каждый по своему профилю, ибо к этому времени завершилась индивидуальная учеба, начатая еще в мае.

Тогда Гэнда подобрал на Кюсю, самом южном острове Японии, район, который при большом воображении можно было принять за нечто похожее на Пёрл-Харбор на острове Оаху. На юго-восточном побережье Кюсю в глубине живописного залива лежит город Кагосима. С поздней весны в небе над городом ревели моторы самолетов, внезапно появлявшихся со стороны моря и выполнявших маневры, непонятные,

впрочем, не только для обывателей, но и для большинства летчиков. Так продолжалось до одного дня ранней осени, когда Футида выстроил летчиков и объявил, что они закончили предварительную подготовку, отрабатывая действия в морском сражении, теперь пришло время научиться атаковать корабли на якорной стоянке.

Футида небрежно, будто речь шла об обыкновенном задании, объяснил: за набором высоты 2000 метров резкое снижение, с интервалами в 500 метров торпедоносцы проскальзывают через узкую долину, проходят на высоте 40 метров над Кагосима, выскочив к заливу, с 20 метров сбрасывают воображаемые торпеды. Затем отход и снова все сначала. И так день за днем. Добрые жители Кагосима всерьез задумались над дисциплиной на флоте, а квартал публичных домов города заметно оживился: молоденькие пилоты очень дерзки. Крестьяне в других местах тренировки летчиков негодовали: перепуганные самолетами на бреющем полете куры перестали нестись.

Тем временем с меньшим шумом прошла подготовка бомбардировщиков. Путем проб и ошибок Футида установил: оптимальная высота бомбометания с горизонтального полета — 3000 метров, лучше работать не уставными девятками, а пятерками самолетов. До 70 процентов бомб поражали цели. Что до пикировщиков, то Эгуса доказал и показал — нужно сбрасывать бомбы и выходить из пике на высоте 450, а не 600 метров, как было принято по уставу. Точность выше! Приняли. В разгар боевой подготовки летного состава Ямамото как-то с удовлетворением произнес: «Да, на Объединенном флоте есть адмиралы, настроенные против удара по Пёрл-Харбору. Вероятно, лучше полагаться на молодых офицеров, которым можно доверять».

Эти молодые решали все на свой страх и риск. Действия торпедоносцев оказались бы совершенно бесполезными, если бы американские корабли

были защищены противоторпедными сетями. Сколько ни бились, проблему решить не удавалось. Но не отменять же удар торпедоносцев! Футида и Мурата нашли решение: несколько летчиков должны направить свои самолеты в борт кораблей и ценой своих жизней проделать в сетях большие отверстия для торпед следующих самолетов. Гэнда одобрил идею, которую они решили довести до сведения пилотов на последних инструктажах.

В начале ноября 1-й воздушный флот почти в полном составе провел маневры. Воспользовавшись тем, что оперативное соединение впервые собралось вместе в заливе Ариаке, поблизости от Кагосима, Нагумо вызвал на флагманский авианосец «Акаги» начальствующих лиц со всех кораблей. Он обратился к ним с короткой речью: «Судя по дипломатической обстановке, война с Соединенными Штатами, кажется, неизбежна. В этом случае мы нападём на американский флот на Гавайях. Хотя не все детали операции уточнены, капитаны I ранга Гэнда и Футида составили общий план. Сейчас они объяснят его вам. Если после их объяснений у вас будут вопросы, вы вольны спрашивать». Толкам и пересудам среди офицеров пришел конец — они впервые услышали: цель — Пёрл-Харбор. Всеобщий восторг...

3, 5 и 7 ноября авианосцы, уйдя на 200 миль от побережья, поднимали в воздух самолеты, которые «атаковали» линкоры Объединенного флота, стоявшие в заливе Ариаке. План атаки на Пёрл-Харбор воспроизводился во всех деталях, включая бомбежку наземных аэродромов. Футида вел атакующих, Гэнда с группой офицеров на борту объектов «атаки» придирчиво наблюдал, отмечая успехи и промахи. После атаки авианосцы принимали самолеты и возвращались на стоянку флота в залив Ариаке. Следовали многочасовые беспощадные разборки маневров. Гэнда, впрочем, никогда не удавалось удовлетворить, он без труда

находил все новые поводы для недовольства.

Если теперешние огорчения Гэнда во многом были все же надуманными, то Футида рвал и метал. И по очень серьезной причине. Сложность операции в его глазах усугубилась во много раз — в ноябре Футида узнал, что обожаемый кумир адмирал Ямамото санкционировал участие в операции еще подводных лодок. Выяснились подробности поистине поразительные.

Когда в сентябре был принят предварительный план удара по Пёрл-Харбору, в нем предусматривалось выдвижение японских подводных лодок в гавайские воды. Теперь оказалось, что командование подводного флота, с нетерпением ожидавшее войны, внесло в план свои коррективы: лодки должны не только подстергать врага, но и принять участие в нападении на американский флот в самой гавани Пёрл-Харбора.

К этому времени были построены и прошли испытания карликовые подводные лодки. Утлое суденышко водоизмещением 46 тонн с экипажем из двух человек несло две торпеды и имело ограниченный запас хода — около 100 миль при скорости в 4 узла. Однако предусматривалось, что в случае необходимости эта подводная лодка могла идти в погруженном состоянии 50 минут со скоростью 19 узлов. Их доставляли к месту действия большие подводные лодки-носители. Осенью 1941 года японский флот имел пять сверхмалых подводных лодок. На океанских подводных лодках типа «И-24» позади рубки были установлены стальные зажимы, замками которых управляли изнутри судна. Этими зажимами сверхмалые подводные лодки и крепились к лодкам-носителям.

Хотя возможности карликовых лодок вызывали самые серьезные сомнения, подводники настойчиво просили Ямамото разрешить использовать их в день нападения на Пёрл-Харбор. Ямамото усматривал в этом больше вреда, чем пользы: он опасался, что присутствие

подводных лодок, которые должны подойти к Гавайским островам заблаговременно, может быть обнаружено американцами, что сорвет внезапность удара авиации. Но подводники буквально ходили по пятам за адмиралом. Как заметил Ямамото, «если они войдут в бухту, то никогда оттуда не вернутся, и такой вход в бухту не вызывается необходимостью»{23}. Однако в конце концов подводники взяли верх.

Эту слабость Футида никогда так и не простил Ямамото. Он никак не мог понять своего рода стариковской привязанности адмирала к подводным лодкам. Логика Футида была безупречной: если атака с воздуха удастся, зачем подводные лодки? Если авиация не преуспеет, какая польза от пяти «труб», как именовали карликовые подводные лодки на своем жаргоне офицеры флота. Но одно не вызывает сомнения, серьезно предостерегал Футида, американцы неизбежно обнаружат подход подводных лодок к Гавайям, что может сорвать внезапность всей операции против Пёрл-Харбора.

Оказалось, однако, что усилий Футида недостаточно, чтобы сломить традиции флота. Он не переспорил и не убедил адмиралов.

Автору и горячему стороннику плана — капитану Найодзи Иваса — была оказана высокая честь лично руководить действиями карликовых лодок. Ямамото внес лишь одно изменение: решение о входе в гавань должно быть принято самостоятельно командой лодки, а командиры лодок-носителей получили приказ принять на борт оставшихся в живых после атаки. Экипажи карликовых лодок пропустили слова Ямамото мимо ушей. По традиции древних японских воинов молодые моряки сознательно шли на смерть. «Мы опадём, как цветы вишни на землю», — объяснил впоследствии младший лейтенант Кацуо Сака-маки, единственный уцелевший из десяти подводников, принявших участие в атаке на Пёрл-Харбор. «Но ведь каждый из моих летчиков имеет больше шансов, чем 50

на 50, умереть за императора», — горячился Футида.

Но тогда, в ноябре 1941 года, дальнейшие дискуссии были излишни — на разных базах корабли 1-го воздушного флота собирались в поход. Авианосцы принимали на борт свои группы самолетов и по одному исчезали за горизонтом. Куда? На берегу никто не знал. Пока остались на якоре в заливе Саеки несколько крупных кораблей во главе с «Акаги». 17 ноября в залив буднично вошел линкор «Нагато». Без эскорта. Ямамото с высшими чинами своего штаба прибыли напутствовать на подвиг командование 1-го воздушного флота. Ямамото обратился с речью к примерно 100 офицерам, собравшимся на полетной палубе «Акаги».

Немногие пережившие войну на всю жизнь запомнили Ямамото в этот час. Адмирал говорил не заглядывая в записки, ветер иногда заглушал его речь. «Япония за свою блистательную историю сражалась со многими достойными противниками: монголами, китайцами, русскими, — глуховато, размеренно говорил он, — но в этой операции мы встретимся с самым сильным и изворотливым врагом». Он внимательно осмотрел строй офицеров и продолжил: «Американский командующий (адмирал Киммель. — Н. Я.) — человек незаурядный. Такому относительно молодому адмиралу не доверили бы Тихоокеанский флот, если бы он не был способным, мужественным и смелым. Мы можем ожидать, что он будет мужественно сражаться. Больше того, известно, что он дальновиден и осторожен, поэтому вполне возможно, им приняты строжайшие меры предосторожности. Помните: может оказаться так, что атака не будет внезапной. Может быть, вам придется с боем пробиваться к цели».

Некоторые из оставшихся в живых в той войне вспоминали, что при этих словах они похолодели. Одно дело атаковать на учениях со вводной «внезапность утрачена», и совсем другое, когда об этом предупреждает

командующий Объединенным флотом. Футида держался браво, всем видом показывая — уж он-то со своими пилотами готов лететь хоть в зубы дьявола. Ямамото с видимым чувством благодарности крепко пожал ему одному руку перед строем. Затем все спустились в кают-компанию, серьезно, с достоинством выпили сакэ и трижды негромко возгласили «банзай!» в честь императора. Экипаж, а на борту «Акаги» почти две тысячи человек, пока не должен знать о цели операции.

Ямамото вернулся на борт «Нагато». Корабли Нагумо тут же подняли якоря и, набирая ход, ушли в море. Ямамото через сильный бинокль следил за ними несколько часов, пока они не скрылись из виду.

В Японии было сделано все, чтобы не заметили ухода 1-го воздушного флота. Аэродромы, с которых летали на учения пилоты Футида, приняли самолеты 12-го смешанного авиационного корпуса. Они продолжили вылеты, имитируя по мере возможности действия своих предшественников. Командование тыла флота отпустило в отпуск всех, кого можно было высвободить с баз. Нельзя было допустить, чтобы в палитре портовой жизни поубавилось синего цвета, формы военных моряков.

Корабли Нагумо ушли к тайному месту сбора — заливу Танкан (Хитокапу) на острове Итуруп в группе Курильских островов. Отстал только авианосец «Кага», который должен был забрать драгоценный груз — модернизированные торпеды. Их никак не удавалось подготовить в срок. Только благодаря сверхчеловеческим усилиям управляющего отделением концерна «Мицубиси» в Нагасаки Юкиро Фукуда удалось 17 ноября сдать заказ на «Кага». Фукуда, исполнив долг, заговорщицки подмигнул офицерам, принявшим торпеды: они пригодятся «в мелкой гавани Владивостока». Офицеры вежливо улыбнулись.

Разведка и контрразведка: в США и на Гавайях

Многое, если не все, зависело от разведки. Оперативное соединение отправлялось за тысячи миль от основного театра войны, существенно ослабляя японские силы. Ямамото надеялся поймать врага в мышеловке — Пёрл-Харборе. Но нужно было быть уверенным не только в том, что главные силы американского Тихоокеанского флота окажутся там в день нападения, но и знать точное расположение кораблей в гавани. Сообщить обо всем этом должны были разведчики.

В канун второй мировой войны размах японской шпионской работы в Соединенных Штатах был весьма значителен. Руководство разведкой осуществлялось не слишком целеустремленно, тем не менее, а быть может в результате этого, японские агенты собирали громадное количество самой разнообразной информации, буквально затопляя ею свои разведывательные центры. Отсюда понятные трудности при ее оценке. Но в случае необходимости можно было детально изучить тот или иной аспект военной подготовки Соединенных Штатов. Кроме того, по-видимому, происходил обмен информацией на высшем уровне с разведывательными службами союзников Японии — Германии и Италии. Между Японией и США шла ожесточенная тайная война, спецслужбы обеих стран неплохо представляли возможности друг друга и обменивались беспощадными ударами. Еще в 1923 году погиб тайный агент корпуса американской морской пехоты Э. Эллис, отправленный на подмандатные острова — Каролинские, Маршалловы и Марианские. Он работал под видом натуралиста и должен был разведать, как японский флот использовал их в своих целях вопреки мандату Лиги Наций. Японские власти с прискорбием сообщили, что Эллис умер от неизвестной болезни. Исследовать причины его смерти они разрешили Л. Зембишу — главному фармацевту американского Госпиталя в Иокогама.

Он привез в Токио пепел Эллиса, но сам был в невменяемом состоянии от наркотиков и вскоре погиб.

Довольно эффективно пресекая поползновения американской разведки, японские разведчики в 30-е годы резко расширили свою деятельность. Третье управление главного морского штаба, работавшее против США, сначала стало практиковать засылку штатских лиц для сбора информации об американском флоте. Результаты оказались удручающими. Технические данные перевирались, идеологическое содержание донесений дошло до абсурда. Например: «Американцы идут добровольцами во флот для бесплатных кругосветных путешествий и в случае войны они ударятся в бегство».

Японские разведчики изменили свою кадровую политику, и под видом командированных для изучения языка в США хлынули морские офицеры. Они собирали сведения о флоте, морском строительстве, радиосвязи и т. д. Не остались вне их внимания новейшие методы разведки. В 1933 году четверо американских разведчиков под видом метеорологов провели год на судах американских линий, курсировавших между японскими портами. Они занимались радиоразведкой. Увы, без большого успеха. Но японские разведчики в этом преуспели.

С 1937 года лейтенант Тогами с подручным полтора года разъезжали по США поближе к военно-морским базам с мощной радиоустановкой в багажнике автомашины. Сотни часов терпеливого прослушивания эфира дали бесценные данные об американском флоте. Помимо прочего, вне всяких сомнений, была установлена его худшая подготовка к действиям ночью по сравнению с японским флотом. Это дорого обошлось американцам в первый год войны на Тихом океане. Выполнив свою миссию, Тогами благополучно отбыл в Японию.

Американские разведчики и контрразведчики, конечно, не дремали. Но

по сравнению с японскими действовали хотя и напористо, но топорно. ФБР следило за 342 лицами, подозреваемыми в том, что они японские агенты. На Тихоокеанском побережье США, где в основном жили американцы японского происхождения, контрразведчики 12-го военноморского округа с центром в Сан-Франциско держали в фокусе своего внимания всех «подозрительных». Хотя данные этой операции так и не рассекречены, известно, например, что подслушивались не только телефонные разговоры между местными японскими бизнесменами, но обязательно контролировалась вся телефонная, теле- и радиосвязь с Японией и странами Дальнего Востока.

С 1938 года контрразведчики округа систематически тайком проникали в служебные помещения японских фирм, вскрывали сейфы и т. д. В 1940 году они загорелись желанием раздобыть код, на который перейдет японский торговый флот после объявления мобилизации. Они ухитрились подбросить наркотики в сейф капитана японского судна, стоявшего в порту Сан-Педро в Калифорнии. Затем при таможенном досмотре контрразведчики «нашли» наркотики и, несмотря на яростные протесты капитана, отправили содержимое сейфа на берег. Там в складе у причала книгу с кодом быстро сфотографировали и вернули впаавшему в прострацию капитану. Конечно, как только он вернулся в Японию и доложил о случившемся, код был изменен, но все равно обладание полным текстом старого кода было неоценимой помощью при дешифровке нового.

По сей день специалисты в США спорят по поводу того, чья разведка оказалась эффективнее в канун войны — американская или японская. С учетом случившегося вскоре в Пёрл-Харборе ответ очевиден. Американские объяснения профессиональных промахов выдержаны, однако, в духе отборной риторики насчет демократии. Как с величайшей

серьезностью написал тот же Э. Лейтон: «Американский успех (с описанным похищением кода на торговом судне. — Н. Я.) был, однако, каплей по сравнению с ведром информации, которую тайные агенты Японии, например Тачибана, добывали в США. В противоположность Японии мы, свободная страна, не имели контроля полицейского государства и тех ограничений, которые затрудняли там сбор информации, в чем я лично убедился, работая заместителем военно-морского атташе в Токио».

Ссылки на «американскую демократию» в такого рода делах играют сугубо служебную роль. Не дело Тачибана представляет интерес, а американская реакция на него, ибо она вводит в высшую математику американских спецслужб. Итару Тачибана обосновался в Лос-Анджелесе для «изучения» английского языка. Для прикрытия шпионажа и извлечения дополнительных доходов (к содержанию капитан-лейтенанта императорского флота) он стал хозяином нескольких публичных домов. Он был очень активен и промахнулся: взял для выполнения тайных заданий на Гавайях осведомителя американских спецслужб. По просьбе военно-морской контрразведки и собственным соображениям ФБР арестовало Тачибана. При обыске нашли столько документов, что потребовалось срочно вызвать из Вашингтона трех переводчиков, чтобы разобраться в добыче. Улики, сообщники — все было налицо. Но государственный секретарь К. Хэлл не счел полезным предавать его суду, ибо в это время дипломатические «переговоры с японцами вступили в критическую фазу». 21 июня 1941 года Тачибана выслали из США. В Токио в третьем управлении сразу нашли применение его талантам, включив в подготовку операции против Пёрл-Харбора.

Для правительства США не было секретом, что консульства и иные учреждения держав «оси» были гнездами шпионажа. 16 июня 1941 года

госдепартамент распорядился закрыть все 24 немецкие консульства, 21 июня — все итальянские. В конце месяца ФБР арестовало 29 лиц, обвиненных в шпионаже в пользу Германии. «Ни одна из этих мер не создала затруднений японцам, — сообщает профессор Г. Прандж. — По различным причинам госдепартамент предпочитал, чтобы японские консульства по-прежнему работали. Согласно одному источнику, американские власти содержали «целую банду опытных взломщиков», которые тайно проникали в японское консульство в Нью-Йорке. Они фотографировали найденные документы и аккуратно клали туда, откуда брали. Нью-йоркское консульство было таким ценным источником информации, что органы военных разведок умоляли госдепартамент не трогать его... Консульства Хирохито (император Японии. — Н. Я.), вероятно, были более полезны открытыми, чем в случае их закрытия»{27}. Надо думать, спецслужбы США почитали это верхом мудрости. Пристально наблюдая, как казалось звездам американской разведки, за каждым шагом противника, они надеялись, используя и дезинформацию, побуждать японские консульства докладывать Токио то, что отвечало высшим интересам США. На бумаге выглядело гладко и многообещающе, а что получилось на деле, продемонстрировала, в частности, тайная война американских и японских спецслужб на острове Оаху.

Гавайские острова давно были объектом пристального внимания японской разведки. Получение оттуда информации оперативного характера, необходимой для подготовки удара по Пёрл-Харбору, не представляло особых затруднений. Помимо открытых источников — разнообразных сведений, предававшихся американцами огласке, Япония использовала обширную агентурную сеть. Воды Тихого океана бороздили бесчисленные рыболовные суда, которые занимались промыслом не

только у Гавайских островов, но и у побережья Северной Америки, от Аляски до Панамского канала. Этот «рыболовный» флот собирал в свои сети военно-стратегическую информацию. Должный контроль над этой деятельностью, истинное значение которой не составляло секрета, установить не удавалось.

На самих Гавайских островах проживало много японцев и американцев японского происхождения. В 1941 году таких лиц только на острове Оаху было 83 тысячи, а всего на Гавайских островах — 160 тысяч человек, из них на 7 декабря 1941 года 35 тысяч сохраняли японское подданство. Среди этого населения теоретически было нетрудно на вербовать агентов. Президент Франклин Д. Рузвельт еще 10 августа 1936 года приказал главнокомандующему ВМС США: «Установить тайную слежку за любым японцем, американским гражданином или нет, проживающим на Оаху, замеченном в том, что он встречает японские суда или имеет какие-либо контакты с членами их экипажей». Предлагалось составить списки таких лиц, все они подлежали «заключению в концентрационные лагеря в случае чрезвычайного положения». Президент потребовал представить ему «дополнительные рекомендации после изучения этого вопроса». Указание президента возбудило подозрения в отношении всех японцев на Гавайях, а в спецслужбах создало обстановку шпиономании. Фокус их внимания переключился на тысячи и тысячи людей, которые не имели отношения к какой-либо подрывной или шпионской работе.

Между тем штаб-квартирой шпионажа было генеральное консульство Японии в Гонолулу, имевшее право шифр-переписки с Токио. Ему подчинялось 234 консульских агента, разбросанных по Гавайским островам. Во исполнение приказа президента военная контрразведка к 1941 году собрала против 217 консульских агентов материалы, позволявшие арестовать их за нарушение закона о регистрации как

«агентов» иностранной державы. ФБР и военно-морская разведка доложили генеральному прокурору США: против 40 консульских агентов имеются улики, позволяющие отдать их под суд за шпионаж. На передовом фронте борьбы с вражеской агентурой выступали контрразведчики вооруженных сил, ФБР держалось в тени. Больше того, в официальной истории ведомства сказано: «В 1940 году Гувер (директор ФБР. — Н. Я.) отказался нести основную ответственность за расследование шпионажа, саботажа и подрывной работы на Гавайях, ибо отделение ФБР в Гонолулу не имело для этого ни должного количества людей, ни необходимого опыта». Видимо, по этой причине, как подчеркнуто в специальном исследовании о ФБР, «хотя и выражался скептицизм в отношении ФБР из-за того, что оно не сумело своевременно узнать и предупредить военных о японском нападении на Пёрл-Харбор, правительственные расследования не поставили этого в вину ФБР».

Коль скоро политический сыск был умышленно выведен из игры, Вашингтон не затруднялся объяснять что-либо подробно и контрразведчикам вооруженных сил. 25 июля 1941 года военный министр приказал им не предпринимать никаких мер против японской агентуры на Гавайях, а ограничиться предупреждением. Летом и осенью 1941 года один из комитетов палаты представителей объявил о намерении расследовать японскую подрывную работу в США, а сенаторы Г. Жиллет и Э. Джонсон 2 октября 1941 года внесли резолюции с тем же предложением, особо выделив «деятельность японских консульских представителей на Гавайях». Президент и государственный секретарь, разумеется, не могли поступить здесь так, как с военными, — приказать и все тут. Но вежливые увещания Белого дома и госдепартамента конгрессменов и сенаторов имели тот же эффект — расследования не состоялись. Почему? Об этом дальше.

Профессор Г. Прандж, очень подробно рассмотрев все «за» и «против», заключил: «Заккрытие японского генерального консульства в Гонолулу могло бы перевести идею нанесения удара по Тихоокеанскому флоту США в Пёрл-Харборе из реальной жизни в область фантазии, откуда Ямамото извлек ее... Прекращение поступления информации из главного источника на Гавайях наверняка бы укрепило сопротивление главного морского штаба операции и Ямамото было бы отказано в ее проведении. Больше того, сам Ямамото мог бы остановиться, если бы ему пришлось полагаться на случай, а не на твердые разведывательные данные о том, что он найдет флот Киммеля в Пёрл-Харборе». По «высшим соображениям» все описанное не было сделано, посему на Гавайских островах расцвел японский шпионаж.

Поздней весной 1941 года японский министр иностранных дел по поручению военно-морской разведки сменил руководителей генерального консульства. Генеральным консулом был назначен Нагао Кита, вице-консулом — офицер флота, 28-летний Тадео Есикава, прибывший на Гавайские острова с дипломатическим паспортом на имя Моримура. Кита участвовал в войне в Китае. Он был переведен на Гавайские острова из Гуанчжоу (Кантона), где тесно сотрудничал с военно-морской разведкой. В задачу вице-консула Моримура входил сбор оперативной информации для командования японского флота.

В статье, написанной Есикава в конце 1960 года для ведущего органа американских ВМС «Юнайтед стейтс нейвл инститьют просидингс», через 19 лет он впервые рассказал о своей разведывательной работе. Автор утверждал, что был «единственным» японским агентом на Гавайских островах. Не отрицая его значительной роли в этом, все же следует заметить, что громадное количество информации, отправленное в Японию во второй половине 1941 года, «не могло быть делом рук одного

человека»{32}.

Есикава передвигался по острову без каких-либо ограничений. Во время ежедневных прогулок от Перл-Сити до оконечности полуострова он обозревал аэродром на островке Форд в центре гавани и стоянку линейных кораблей. Есикава бродил по окрестностям базы, взбирался на гору Танталус, откуда наблюдал за входом и выходом кораблей в море. Иной раз он брал напрокат самолет в аэропорту Джон Роджерс и совершал приятные и полезные полеты для изучения аэродромов. Но наиболее удобным «и, я бы сказал, наиболее приятным был, конечно, расположенный на возвышенности японской ресторан Сунте Ро», — вспоминал Есикава. Там предприимчивый японский вице-консул забирался в маленькую комнату, располагался на рисовых матах и, по его словам, вел пристойные беседы с гейшей, прерывая их, время от времени, разглядыванием Пёрл-Харбора. В комнате была сильная подзорная труба, а Есикава недаром называли ходячей энциклопедией американского флота — он мгновенно опознавал любой корабль.

Идиллическая шпионская обстановка: за окном гавань, флот как на ладони. Есикава имел возможность не только определять дислокацию кораблей, но и следить за тем, что на них происходит. «Гейша, которая до моего появления обычно развлекала американских военнослужащих, иногда также оказывалась источником некоторых сведений, разумеется, без малейшего поощрения, а тем более принуждения с моей стороны, ибо полагаться на женщину было бы рискованно». А Есикава, многоопытный разведчик, не желал подвергать опасности бесценный источник информации, каковым он считал себя.

Американские контрразведчики так и не выяснили, что Моримура-Есикава был звездой шпионских дел генконсульства. Впрочем, он сумел ввести в заблуждение даже сослуживцев. Часто пьяный, вечно с

женщинами, и разными, даже периодически оскорбляющий Кита и сверх того отъявленный лодырь и щеголь, он никак не походил на разведчика, а, скорее, выглядел отпрыском богатой семьи, отправившей его в земной рай Гавайев проветриться. На деле с каждым месяцем качество его донесений третьему управлению улучшалось. Он довольно скоро установил и документировал пагубный образ действия американских адмиралов — собирать в субботу и воскресенье основные корабли флота в Пёрл-Харборе. Внимательно наблюдая за американскими аэродромами («гуляке» для этого приходилось вставать на рассвете), Есикава установил, что патрульная авиация практически игнорирует северные подходы к Гавайям.

В своей работе Есикава опирался на считанных помощников и, по всей вероятности, не использовал местных японцев. Он высокомерно разъяснял сообщникам, что низкий уровень образования соотечественников-островитян перечеркивает расовые преимущества. Они «не подходят к работе», а большинство из них «просто мусор». Он был уверен, что на Гавайях должна быть тайная шпионская сеть, независимая и неизвестная генконсульству, «работающая по прямым указаниям Токио», но не имел о ней представления. Ничего по этому поводу не смогли сообщить и американские исследователи Пёрл-Харбора.

С осени 1941 года Токио становится все более требовательным, от генерального консульства ждут детальной информации. 24 сентября в консульство поступает совершенно секретное указание, подписанное министром иностранных дел адмиралом Тоёда. Кита и Есикава вменяется в обязанность условно разделить гавань Пёрл-Харбор на пять подрайонов и сообщать о наличии в каждом из них кораблей. «Мы бы хотели, чтобы вы сообщали о каждом случае, когда два или больше

кораблей стоят у одного пирса», — многозначительно добавлял Тоёда. Указание Токио принято к исполнению. Вслед за телеграммой от 24 сентября 1941 года министр иностранных дел Японии требовал от генерального консульства все новой и новой информации. Как и принято в упорядоченной дипломатической практике, министерство иностранных дел являлось лишь передаточной инстанцией между руководством разведки и агентами. 15 ноября генеральному консульству вменяется в обязанность сообщать о расположении кораблей в гавани регулярно, не реже двух раз в неделю.

С середины лета 1941 года пароходное сообщение между США и Японией было фактически прервано. Но главный морской штаб добился, чтобы МИД Японии договорился с Вашингтоном о приеме хотя бы нескольких судов в США. По осени стороны сообщили — американские порты посетят три судна из Японии. 22 октября на Гавайские острова из Иокогама вышел японский лайнер «Тайе-Мару». Стюардом на корабле был Сугуру Сузуки, самый молодой, 33-летний капитан-лейтенант японского флота. Хотя третье управление не имело причин жаловаться на информацию Кита и Есикава, главный морской штаб провел последнюю проверку. Судно пошло курсом, по которому через месяц с небольшим должен был следовать 1-й воздушный флот Нагумо. Вместе с Сузуки ехали еще двое ряженных — офицеры императорского флота, направлявшиеся с визитом на Гавайи в интересах подводных сил. В пути троица была занята до предела: наблюдение за горизонтом, видимость, волнение, сила и направление ветра и т. д. Капитан так проложил курс, что рассвет 1 ноября застал судно в 200 милях севернее Оаху. Вскоре Сузуки увидел американский патрульный самолет. Итак, граница патрулирования, и крайне небрежного, 200 миль от Оаху.

«Тайе-Мару» пришвартовался в гавани Гонолулу в субботу. С утра в

воскресенье Сузуки проверил донесения ген-консульства о поведении офицеров и матросов американского флота в день отдыха. Все сошлось, никакой боевой готовности. В воздухе не видно патрульных самолетов.

Сузуки сделал надлежащие выводы из увиденного через иллюминаторы каюты. Пирс оцеплен, множество американских агентов — из ФБР, армейской контрразведки, контрразведчики 14-го военно-морского округа, таможи цепко следили за каждым шагом экипажа и немногих «пассажиров». Сузуки счел за благо не сходить на берег, а приглашал одного Кита на судно. Кита запретил Есикава даже появляться вблизи гавани, юбочник утроил в эти дни свои похождения на виду зорких агентов из американских спецслужб. А Сузуки был по горло занят, пока «Тайе-Мару» стоял в порту. Подтвердилось, что американский флот не использует больше якорной стоянки у Лахаина. При встрече Кита был передан вопросник, насчитывавший более 100 пунктов. Кита и Есикава постарались оказаться на высоте. К ответам были приложены карты, схемы, то есть все, что нужно для удара с воздуха. С утренней до вечерней зари Сузуки следил за американскими самолетами. Эти наблюдения дополнили сведения генконсульства, доставлявшиеся на судно иногда в объемистых пакетах, особенно карты. Сверхбдительные американские агенты, обыскивавшие у трапа считанных пассажиров судна, сходявших на берег и возвращавшихся на «Тайе-Мару», ничего не обнаружили. 5 ноября шпионское судно ушло в Японию, еще раз проверив предстоящий маршрут соединения Нагумо. Еще на борту «Тайе-Мару» на обратном пути в Японию Сузуки сравнил свои записи с заметками обоих коллег. Все трое остались удовлетворенными.

Утром 17 ноября «Тайе-Мару» вернулся в Японию. Тачибана сердечно встретил разведчиков и обрадовал: в этот же день они должны доложить об увиденном главному морскому штабу. Днем Сузуки предстал перед

собранием адмиралов во главе с Нагано. Он заверил, что обстоятельства для рейда к Гавайям благоприятны. Вежливые вопросы, обстоятельные ответы с показом деталей на картах, подготовленных Есикава. Нагано помалкивал, время от времени подремывая в кресле. На следующий день Сузуки направили к адмиралу Нагумо — просветить штаб 1-го воздушного флота об обстановке в Пёрл-Харборе.

29 ноября Токио инструктирует генконсульство в Гонолулу: «Мы получали от вас сообщения о передвижении кораблей, отныне доносите даже тогда, когда корабли стоят на месте». И эта информация стала немедленно отправляться из Гонолулу. 2 декабря Токио, приказав уничтожить все шифры, за исключением относительно простых «о» и «л», предписывает: «Ввиду нынешней обстановки чрезвычайно важно знать о наличии в гавани военных кораблей, авианосцев, крейсеров. Отныне, не щадя никаких усилий, докладывайте ежедневно. В каждом донесении сообщайте, есть ли аэростаты заграждения над Пёрл-Харбором, имеются ли признаки, говорящие о том, что их будут поднимать. Также сообщите, установлены ли на кораблях противоторпедные сети». Генконсульство скрупулезно выполнило приказ.

Помимо ежедневных сообщений 6 декабря Кита передал простым шифром целый научный трактат: «1. В октябре на Американском континенте в Кэмп-Дэвиде, штат Калифорния, армия приступила к подготовке солдат для работы с аэростатами воздушного заграждения. Заказано 400—500 аэростатов, есть основание полагать, что они будут использованы для защиты Гавайских островов и Панамского канала. Что касается Гавайских островов, то в результате самого тщательного изучения окрестностей Пёрл-Харбора выяснено: установок для подъема их в воздух нет, солдат для службы в таких частях не отбирали. Более

того, подготовка к использованию аэростатов не ведется. Нет никаких признаков, что на острова доставлены аэростаты. Едва ли они есть в наличии. Однако если бы и была проведена соответствующая подготовка, а американцам нужна защита с воздуха акватории Пёрл-Харбора и близлежащих аэродромов — Хикэм, Форд и Эва, возможности создания такого рода защиты в Пёрл-Харборе ограничены. Я считаю, что представляется очень благоприятная возможность для внезапного удара по всем этим объектам. 2. По моему мнению, линкоры не оснащены противоторпедными сетями. Подробности неизвестны. Я сообщу о результатах изучения этого вопроса». Надо ли говорить, что готовил депешу Есикава и ему предстояло продолжать «изучать этот вопрос».

Хотя в генконсульстве не могли знать о том, что Пёрл-Харбор избран как объект для нападения, о том, когда последует удар, содержание инструкций было совершенно ясным. И Кита решился дать совет, предлагая не упустить благоприятную возможность. Иными словами, он дал понять, что разгадал цель бесчисленных запросов из Токио. Для разведчика шаг рискованный.

Адмирал Киммель и генерал Шорт на посту

В то время как в Вашингтоне считали, что Гавайи — несокрушимый форпост США на Тихом океане, командующих на месте давно не на шутку тревожила безопасность кораблей на отдаленных островах. С января 1940 года Тихоокеанским флотом командовал адмирал Дж. Ричардсон, принявший дела у адмирала К. Блоха, который в 62 года остался комендантом 14-го военно-морского округа — Гавайями с прилегающими водами. Очень известные в США флотоводцы, но коль скоро К. Блоха непреодолимо клонило ко сну на работе, Дж. Ричардсон взял на себя объяснения с Вашингтоном.

Когда в мае 1940 года правительство решило оставить Тихоокеанский флот в Пёрл-Харборе, адмирал Дж. Ричардсон обратился за разъяснениями к главнокомандующему ВМС США адмиралу Г. Старку. В ряде официальных и неофициальных документов он выразил мнение, что базирование флота в Пёрл-Харборе подрывает его боеготовность. В гавани нет необходимых средств для обслуживания такого количества кораблей, фактически невозможна мобилизация флота в случае необходимости.

В большой докладной записке Г. Старку 22 июня Дж. Ричардсон настаивал, что если «руководствоваться только соображениями военноморского дела», то корабли следует отвести на базы западного побережья Америки. В заключение Дж. Ричардсон задавал риторический вопрос: «Другими словами, что более важно: поддержать дипломатические представления на Тихом океане, базируя флот на Гавайских островах, или облегчить его подготовку для ведения боевых действий в любом районе, базируя большинство кораблей на обычных базах западного побережья?» Г. Старк разделял настроение Дж. Ричардсона. Он попытался переговорить с Ф. Рузвельтом. «Несколько раз, — рассказывал после войны Г. Старк, — я спрашивал президента, какую роль суждено играть нашему флоту, если Япония нападет на британские владения. Он просто не отвечал, а как-то заявил: «Не задавайте мне таких вопросов». Не думаю, чтобы он мог на них ответить».

В октябре 1940 года Дж. Ричардсон приехал в Вашингтон и добился приема у президента. Он был преисполнен решимости убедить Ф. Рузвельта отозвать флот с Гавайских островов. Военные доводы адмирала не произвели впечатления на Ф. Рузвельта. Он объяснил Дж. Ричардсону, что флот находится на Гавайских островах для оказания

сдерживающего влияния на Японию. На вопрос, собираются ли США вступить в войну, президент ответил, что в случае японского нападения на Таиланд, английские или голландские владения Соединенные Штаты не поднимут оружия. Он даже сомневался, что США объявят войну, если японцы вторгнутся на Филиппины. Однако, заметил Ф. Рузвельт, «японцы не могут всегда избегать ошибок, и по мере развития войны и расширения масштабов военных действий рано или поздно они совершат ошибку, и мы вступим в войну». Объяснения были весьма туманными.

Дж. Ричардсон неосмотрительно заявил президенту, что он не убежден и по-прежнему настаивает на возвращении флота с Гавайских островов к берегам Америки. Больше того, адмирал затронул и политический вопрос, указав, что флот на Гавайях не оказывает сдерживающего влияния на Японию. Только в том случае, если корабли будут находиться на обычных базах, где можно без помех провести мобилизацию, в Токио поймут, что США имеют серьезные намерения. Он резко подытожил беседу: «Г-н президент, я должен заявить вам, что высшие офицеры флота не доверяют гражданскому руководству нашей страны, а без этого нельзя успешно вести войну на Тихом океане». Потом, много спустя, он припоминал, что Рузвельт с выражением болезненного удивления произнес: «Джо, ты так ничего не понял».

Ослепленный только флотскими интересами, Дж. Ричардсон не сообразил, что выбрал не лучшее время для схватки с президентом. Ф. Рузвельт вел трудную избирательную кампанию, через месяц ему предстояло в третий раз просить избирателей подтвердить его пребывание в Белом доме. Радея за любимый флот, Дж. Ричардсон определенно нарушил принцип принципов ведения государственных дел в США: он, военный моряк, вторгся в политику. Развязка не заставила долго ждать. 12 января 1941 года Дж. Ричардсон был снят с поста.

Военно-морской министр Ф. Нокс лаконично объяснил адмиралу: «Во время беседы вы обидели президента». Дж. Ричардсон прокомандовал 13 месяцев вместо обычных двух лет, установленных для пребывания в этой должности.

1 февраля 1941 года в командование американским Тихоокеанским флотом вступил адмирал Хасбенд Киммель. Он происходил из семьи, мужчины которой служили в армии со времен Войны за независимость США в 1775—1783 годах. Х. Киммель не смог поступить в Вест-Пойнт и стать офицером армии, пришлось изменить традиции семьи: в 1900 году он был принят в военно-морское училище в Аннаполисе. Еще кадетом он зарекомендовал себя исполнительным, преданным делу служакой. В ежегоднике училища за 1904 год — год окончания его Киммелем — помещались по традиции очерки обо всех выпускниках. Да, то был год 1904-й, год нападения Японии на Порт-Артур. И в этом же году в Японии окончил училище Ямамото...

Киммель прошел обычную школу американского морского офицера: участвовал в «умиротворении» Кубы, высаживался во время интервенции США в Мексике. После первой мировой войны Х. Киммель последовательно занимал многие важные посты. Когда стало известно о его высоком назначении, некоторые вспомнили о полузабытом эпизоде: в бытность Ф. Рузвельта в 1913—1920 годах заместителем военно-морского министра, Киммель какое-то время являлся временным помощником будущего президента. Однако Х. Киммель не был слишком близок к Ф. Рузвельту, он стал командующим в обход 32 адмиралов главным образом благодаря собственным заслугам. Его преданность делу была общеизвестна на флоте, а желание делать все за всех вошло в поговорку.

Моряк до мозга костей, Х. Киммель ревностно отстаивал традиции флота.

Когда в канун войны для моряков была введена форма цвета хаки, Х. Киммель с очевидным консерватизмом заметил: «Эта форма умаляет достоинство и воинский вид». Адмирал был известен на флоте тем, что не терпел дураков. При острых объяснениях в голову подчиненных, медливших с ответом или отвечавших невпопад, летели увесистые книги: Киммель, запойный чтец, всегда имел их в достатке под рукой. На палубе разъяренный адмирал в припадках ярости срывал и топтал форменную фуражку, изрыгая немыслимые ругательства. На этот случай вестовые держали запас старых фуражек, которые подбрасывали под ноги адмиралу во гневе. Но, как ни странно, подчиненные не таили зла, все знали — адмирал Х. Киммель отличный моряк.

Приказ о назначении он получил на Гавайских островах, где командовал эскадрой крейсеров. Х. Киммель немедленно отправился на квартиру своего предшественника Дж. Ричардсона и заявил, что не видит оснований для его снятия с поста, а также заверил, что сам не прилагал никаких усилий, чтобы получить высокое назначение. Профессиональная этика была соблюдена.

Х. Киммель возглавил флот почти в 59 лет и по этой причине, а также чтобы полностью отдаться службе, отправил жену в США. Он крепко запомнил урок, преподанный Дж. Ричардсону, и не говорил о необходимости отвести флот с Гавайских островов, а посвятил свою деятельность поднятию боеготовности. При существовавшей системе ответственности за оборону дело отнюдь не простое.

За оборону с моря отвечал 14-й военно-морской округ, а то, что адмирал К. Блох в прошлом был начальником Х. Киммеля, не способствовало установлению между ними сердечных отношений. Флоту полагалось оборонять только собственные корабли, а защита Пёрл-Харбора возлагалась на армию, в распоряжении которой были самолеты, батареи

береговой и зенитной артиллерии. Гарнизон Гавайских островов, насчитывавшим на 7 декабря 1941 года 2490 офицеров и 40 469 солдат, командовал генерал Уолтер Шорт, назначенный через несколько дней после Киммеля — 4 февраля 1941 года. Он принял дела на Гавайях в 60 лет, пройдя нелегкий путь армейского офицера — служба в захолустных гарнизонах и прозябание в штабах. Видимо, Шорт, хотя теперь и генерал-лейтенант, не изменил привычки, вбитой почти 40-летней службой, — нужно подчиняться и помалкивать. Начальству виднее. Он единственный участник драмы 7 декабря 1941 года, который не оставил после себя никаких следов, приметных для историков.

Незадолго до войны на Гавайях побывал фактический главнокомандующий ВВС США генерал Х. Арнольд. Он осмотрел аэродромы на Оаху, видимо, как подобает начальнику, дал ценные указания подчиненным и, очень вероятно, до конца использовал гостеприимство местного генералитета. В послевоенных мемуарах Арнольд внес свою лепту в дискуссию о Пёрл-Харборе: «По возвращении в Вашингтон газетчики процитировали мое утверждение, что, с моей точки зрения, нет более заманчивой задачи, как ударить с воздуха по Пёрл-Харбору, по всем этим кораблям, стоящим на якорях. Сказал ли я это или нет — несущественно, но цель была мечтой любого пилота — другого такого скопления кораблей трудно было сыскать. Хуже было другое, о чем я не мог сказать публично: отсутствие единства командования на Гавайях. Здесь порочная идея о том, что «береговая линия разделяет ответственность армии и флота», была продемонстрирована с максимальной силой. А раз не было единого командования, то и не было единой обороны». Очень логично и убедительно, только генералу следовало бы сообщить это, кому ведать надлежало в то время, а не резервировать суждение за мемуарами,

вышедшими в 1949 году.

В 30-е годы на маневрах американского флота была выявлена уязвимость Пёрл-Харбора для удара самолетов с авианосцев. Расчеты показывали, что ударное вражеское соединение, которое к вечеру накануне дня нападения находится в 600—900 милях от острова Оаху, за ночь может сделать стремительный рывок и на рассвете поднять самолеты с авианосцев на расстоянии 275—300 миль от Пёрл-Харбора. Именно такое расстояние требовалось для того, чтобы самолеты с тогдашним радиусом действия могли совершить налет и вернуться на авианосцы. Исходя из этих подсчетов, для ведения разведки на 800 миль на 360°, как требовало островное положение Пёрл-Харбора, командующие на Гавайских островах заключили, что необходимо иметь 250 самолетов.

В докладе Мартина — Беллинджера (соответственно командующие ВВС армии и флота на Гавайях), направленном в апреле 1941 года в Вашингтон, они предупреждали, что «наиболее вероятное и опасное нападение на Оаху — атака с воздуха». Они требовали введения дневного патрулирования на 360° на расстояние 800 миль и подтверждали, что для этого нужно по крайней мере 250 самолетов, предпочтительно летающих лодок «Каталина» с большим радиусом действия.

Доклад Мартина — Беллинджера, составленный по приказу Киммеля, в Вашингтоне нашли прекрасным, горячо одобрили, обещали помочь самолетами. Но только на 7 декабря 1941 года на Гавайях для патрулирования оказалось всего 6 бомбардировщиков «Б-17» армии и 81 «Каталина». Они покрывали 144°, вне оставалось 60 процентов зоны, которую по идее нужно было бы патрулировать. Но какие сектора избрать?

Примерно в 1500 милях к югу от Гавайев лежат острова Пальмира, Рождества и Виктория, в 500 милях к юго-западу — остров Джонстон, а в 1500 милях от этого острова находился самый восточный бастион Японии — Маршалловы острова. В 2000 милях прямо на запад — американский форпост остров Уэйк, в 1500 милях к северо-западу — остров Мидуэй. На север простирается океан вплоть до побережья Аляски и Алеутских островов. Южные, западные и даже северо-западные подступы к Гавайям, следовательно, по большей части прикрывались островами, принадлежавшими США. Но в этих районах, особенно на юго-западе, таилась угроза: здесь наименьшее расстояние отделяло Гавайи от японских владений. По подсчетам штаба Киммеля, от японской базы на острове Джалуит в восточной группе Маршалловых островов для быстроходного японского ударного соединения всего пять суток хода. Следовательно, сюда основное внимание!

Если представить Гавайи центром циферблата часов, то патрулировались сектора с 6 до 11 часов. Просматривалась, конечно, обширная зона — в неделю, предшествовавшую 7 декабря 1941 года, американские самолеты осмотрели два миллиона квадратных миль океана, не обнаружив ни одного японского военного корабля. Э. Лейтон нашел: «Решение оставить сектор в направлении 12 часов вне патрулирования было рассчитанным риском, на который пошли профессионалы, офицеры флота на основании самой достоверной информации, имевшейся у них. К сожалению, японцы либо догадались о нашем затруднительном положении, либо сознательно воспользовались им, ибо они нанесли удар с севера — из района, который не разведывался с воздуха»{42}.

В это время новинкой военной техники была радиолокация. После настоятельных просьб генерала У. Шорта 3 июня 1941 года на Гавайи прислали три стационарные радиолокационные установки, а 1 августа —

шесть передвижных. На 7 декабря действовало пять передвижных установок, помещенных на грузовиках, стационарные не были смонтированы — металлические опоры под них так и не поступили из США. Попытка поместить одну радиолокационную установку на горе Калеакала встретила яростное сопротивление службы парков министерства внутренних дел США. Обращение У. Шорта к начальнику штаба армии генералу Дж. Маршаллу не очень помогло делу. Дж. Маршалл разъяснил, что служба парков заинтересована в сохранении земель, находящихся в ее ведении, и высказывается против постройки любых объектов, «которые существенным образом изменяют естественный вид резервации».

До 7 декабря У. Шорт представил в военное министерство сметы на общую сумму 23 миллиона долларов для сооружения аэродромов, позиций для батарей, улучшения дорог и т. д. Ассигновано 350 тысяч долларов — полтора процента просимой суммы. Обращения в Вашингтон с просьбой усилить противовоздушную оборону острова в основном остались без последствий. На 7 декабря вместо необходимых 96 трехдюймовых зенитных орудий было 82, соответственно вместо 135 37-миллиметровых орудий — 20, вместо 309 крупнокалиберных пулеметов — 109. Учитывая слабость противовоздушной обороны острова Оаху, Х. Киммель отдал приказ о подчинении зенитной артиллерии флота командованию 14-го военно-морского округа.

Среди командования флота все же высказывались опасения, что корабли в Пёрл-Харборе могут быть атакованы самолетами-торпедоносцами. Такое мнение существовало и в штабах на Гавайских островах. Чтобы положить конец толкам, Г. Старк 15 февраля 1941 года направил специальное разъяснение Х. Киммелю. «Вопрос об установке противоторпедных сетей в гавани Пёрл-Харбор для защиты от удара с

воздуха рассмотрен. При небольших глубинах в гавани это излишне. Кроме того, теснота гавани и необходимость иметь место для маневрирования кораблей ограничивают возможность использования сетей имеющегося типа... Для успешного сбрасывания торпед с самолетов нужна минимально глубина воды 25 метров, а желательна 50 метров».

В военно-морском министерстве игнорировали сообщение о том, что в Англии весной 1941 года успешно испытаны торпеды на глубинах 14 метров. А о работе Гэнда никто, понятно, и не подозревал. Получив из Вашингтона авторитетное заключение военно-морского министерства, штаб Х. Киммеля полностью исключил возможность атаки торпедоносцев. Никаких мер защиты принято не было.

Эти, пусть жизненно важные, вопросы для Пёрл-Харбора тускнели по сравнению с последствиями для флота Киммеля, которые влекли за собой попытки Вашингтона быть сильным на обоих океанах — Атлантическом и Тихом — с тогдашним американским флотом одного океана. В апреле Киммелю от имени президента предписали начать переброску кораблей в Атлантику. 21 апреля ушел авианосец «Йорктаун» с эскортом эсминцев. Государственный секретарь К. Хэлл попытался воспротивиться ослаблению Тихоокеанского флота, ибо, считал он, это поощрит Японию на агрессию. Против него единым фронтом выступили министры Г. Стимсон и Ф. Нокс, генерал Дж. Маршалл и адмирал Г. Старк. Стимсон коротко сформулировал их возражения: Хэлл обрекает «флот на бездействие на Тихом океане, где, как хорошо известно, мы не собираемся активно использовать его против японцев, и не дает возможности сыграть свою подлинную роль на основном театре военных действий».

Но если Токио, ободренное уходом американских кораблей с Тихого

океана, обратит свою агрессию против владений США, скажем, тех же Гавайев? 24 апреля Стимсон разъяснил Рузвельту в Белом доме, что острова неприступны, независимо от того, базируется ли флот в Пёрл-Харборе или нет. Он вручил президенту докладную записку, подписанную генералом Дж. Маршаллом. В документе ясно чувствуется раздражение профессионала, которому приходится иметь дело с полужнайками.

Докладная открывалась в высшей степени претенциозно: «Остров Оаху, благодаря своим укреплениям, гарнизону, природным характеристикам, считается сильнейшей крепостью в мире. Для захвата Оаху врагу придется доставить экспедиционные силы, способные с боем высадиться перед лицом гарнизона, насчитывающего почти 35 000 человек, имеющего 127 орудий береговой обороны, 211 единиц зенитных средств и более 3000 полевых орудий и пулеметов для защиты побережья. Без господства в воздухе это невыполнимая задача». Если же враг все же попытается совершить рейд против Гавайских островов, объяснял Дж. Маршалл президенту, «неприятельские авианосцы, эскортные корабли и транспорты начнут подвергаться бомбардировке с воздуха уже на расстоянии 750 миль. Это воздействие с воздуха будет все усиливаться, пока в 200 милях от цели вражеские корабли не окажутся под огнем всех видов наших самолетов... 35 самых современных «летающих крепостей» («Б-17». — Н. Я.), 35 средних бомбардировщиков, 13 легких бомбардировщиков, 150 истребителей, 105 из которых новейших образцов... В этих условиях нападение на Оаху просто невозможно. Поэтому если и стоит чего-нибудь опасаться, то только диверсий на самих Гавайских островах».

Надо думать, президент и его ближайшие соратники поздравили друг друга с тем, что США имеют такой несокрушимый бастион. Х. Киммелю

пошел четкий приказ снарядить в путь и отправить в Атлантику линкоры «Миссисипи», «Айдахо», «Нью-Мексико». 19—22 мая в глубокой тайне они ушли из Пёрл-Харбора. Всего Х. Киммель лишился 3 линкоров, авианосца, 4 легких крейсеров, 17 эсминцев, 10 вспомогательных судов, 3 танкеров, 3 транспортов, то есть примерно четверти своего флота. Или, скажем по-другому, больше кораблей, чем удалось потопить японцам 7 декабря 1941 года в Пёрл-Харборе.

Х. Киммель неоднократно настойчиво просил Вашингтон систематически информировать его штаб о всех важнейших политических событиях, с тем чтобы в случае опасности войны можно было принять надлежащие меры. Ему были даны официальные заверения, что на Гавайские острова будет передаваться «соответствующая информация об иностранных державах, их политике и деятельности нелояльных элементов в США». В день вступления Х. Киммеля в должность Г. Старк, ссылаясь на донесение американского посла в Японии Дж. Грю от 27 января 1941 года, сообщил: «Перуанский посланник рассказал сотруднику американского посольства, что он узнал из многих источников, включая один японский, — в случае конфликта между США и Японией японцы намереваются совершить внезапное нападение на Пёрл-Харбор, используя все свои силы и средства. Перуанский посланник считает, что слухи эти носят фантастический характер. Тем не менее он полагает, что они заслуживают того, чтобы довести их до сведения моего посольства». Комментируя донесение Дж. Грю, Г. Старк добавлял: «Военно-морская разведка совершенно не верит этим слухам. Больше того, учитывая известные сведения о нынешней дислокации и использовании японского флота и армии, очевидно, что против Пёрл-Харбора не будет предпринято никаких действий ни в ближайшее время и не планируется в обозримом будущем». Эта оценка в последующем не изменилась.

Отправка четверти Тихоокеанского флота в апреле — мае в Атлантику куда лучше, чем любые разъяснения Вашингтона, раскрывали командующим на Гавайях, как правительство оценивает международную обстановку. В штабе Киммеля не строили никаких иллюзий по поводу того, что уход этих эскадр останется тайной для потенциального противника. Штабные офицеры, конечно, понятия не имели о Есикава, но прекрасно помнили о японском консульстве в Панаме и не сомневались, что во время прохождения через Панамский канал корабли были тщательно пересчитаны. Пошли слухи, что вслед за этой отправкой кораблей («поцелуем смерти» именовал ее начальник штаба Тихоокеанского флота адмирал В. Смит) последуют новые. Тут взволновался уже Г. Старк и вызвал Х. Киммеля в Вашингтон объясниться с президентом.

9 июня 1941 года в Белом доме Рузвельт принял Киммеля. Состоялась очень вежливая, пожалуй даже светская, беседа. Президент доверился адмиралу: США ведут тайные переговоры с некими японскими представителями (не названы) и другими заинтересованными лицами (также не названы), что обеспечит мир на Тихом океане «на 100 лет». Внимательно слушавший адмирал отметил про себя, что собеседник сооружал прекрасные воздушные замки. Без перехода Рузвельт осведомился у Киммеля, как он относится к идее Нокса — взять с Тихого океана еще 3 линкора, оставшихся 6 с лихвой хватит. «Безумие!» — вскричал адмирал. «Так я и думаю. Я сказал Ноксу — это глупо», — заверил Рузвельт. Адмирал, взвешивая каждое слово, заметил, что, «хотя дело высших инстанций — решать», лично он «убежден — любое новое сокращение флота явится приглашением Японии начать войну». Рузвельт согласился и ускользнул от каких-либо объяснений. Киммель ушел из Овального кабинета, возобновив представление о Рузвельте как

приятном человеке и в полном недоумении о дальнейшей политике США. Все же он чувствовал себя победителем — по крайней мере удержал линкоры.

На протяжении 1941 года командующим на Гавайских островах много раз сообщалось о намерениях потенциального противника — Японии. После нападения Германии на Советский Союз 22 июня в информационных документах из Вашингтона возможность японо-советской войны неизменно занимает первое место. Уже 3 июля Г. Старк указывает в письме Х. Киммелю: «Японское правительство вынесло решение о своей будущей политике, которое поддерживается всеми основными японскими политическими и военными группами. Эта политика, по-видимому, имеет в виду войну в ближайшем будущем. Движение против английских и голландских владений нельзя полностью исключить». Однако Г. Старк подчеркивал, что «основные усилия Японии будут направлены против приморских провинций России». Аналогичные оценки постоянно повторялись в последующем вплоть до нападения Японии на Пёрл-Харбор. Сообщения из Вашингтона подкреплялись другими сведениями. Всего до 7 декабря 1941 года начальник разведки Тихоокеанского флота Лейтон получил, «по-видимому, пятьдесят (разрядка моя. — Н. Я.) предупреждений из китайских источников, дипломатических источников... от консулов, помощников военных атташе, представителей Чан Кайши о том, что японцы, вне всякого сомнения, уже на следующей неделе нападут на Россию». Лейтон аккуратно докладывал все эти материалы Киммелю.

Это не могло не успокоить американских командующих на Гавайских островах, они перестали сокрушаться по поводу кораблей, ушедших в Атлантику. Им также было известно, что в Вашингтоне происходят секретные американо-японские дипломатические переговоры. Хотя о

содержании их командование на Гавайских островах могло только гадать, Х. Киммель и У. Шорт понимали, что от исхода этих переговоров зависит — быть миру или войне между Соединенными Штатами и Японией. Они были уверены, что в случае разрыва переговоров правительство немедленно даст им соответствующие указания.

А пока они жадно собирали слухи из всех источников. 29 октября Киммель воспользовался проездом через Гавайи журналиста Х. Абенда, который, объехав страны Южных морей, возвращался в США. Киммель отобедал с ним. Абенд рассказал адмиралу «самое главное»: когда Япония нападет на СССР, Англия и Голландская Восточная Индия объявят ей войну. Киммель уяснил из рассказов Абенда, что «самое вероятное направление японского авантюризма — поход на север». Выслушав все это, Киммель просит Старка сообщить: «Если японцы действительно пойдут на такую авантюру, а Британия и Голландская Индия объявят им войну, что будем делать мы?» Вразумительного ответа, естественно, не последовало.

Только в самом конце ноября события начали нарастать. 27 ноября в штаб Х. Киммеля поступила срочная телеграмма Г. Старка. Она начиналась зловеще: «Это послание следует рассматривать как предупреждение о войне. Переговоры с Японией, направленные к стабилизации условий на Тихом океане, прекращены, и агрессивные действия Японии ожидаются в ближайшие дни», а именно вторжение на Филиппины, в Таиланд, Малайю или, возможно, высадка на Борнео. Х. Киммелю поручалось начать подготовку к выполнению задач в соответствии с планом «ВПЛ-46».

Этот план предусматривал, что с открытием боевых действий Тихоокеанский флот должен поддерживать действия США, Англии и Голландии на Дальнем Востоке путем отвлечения японских сил —

корабли Тихоокеанского флота выдвигаются к подмандатным тогда Японии островам. В соответствии с планом Киммель приказал флоту «готовиться к захвату и установлению контроля над Каролинскими и Маршалловыми островами и созданию передовой базы Флота на острове Трук».

29 ноября Г. Старк в новой директиве разъяснил: «План «ВПЛ-52» не будет применяться в Тихом океане и не будет здесь введен, за исключением подрайона юго-восточной части океана и Панамского канала. Не предпринимайте никаких наступательных действий, пока Япония не нападет». План «ВПЛ-52» означал оборону Западного полушария силами флота. По этому плану корабли имели право открывать огонь без предупреждения. Вероятно, это заметно запутало дело — с одной стороны, задача явно непосильная тогда для флота: вторгнуться в сильно укрепленные архипелаги, овладев Труком, о котором ходили слухи как о «Гибралтаре Тихого океана». С другой — не стрелять! Разведчики и авиационные начальники на Гавайях решились рекомендовать рискованный шаг: направить с острова Уэйк специально переоборудованные бомбардировщики «Б-24». Они должны были на большой высоте пролететь над Маршалловыми островами, разведать все, особенно происходившее на таинственном Труке и вокруг него.

В свою очередь У. Шорт получил 27 ноября указание от Дж. Маршалла: «Переговоры с Японией фактически прекращены. Надежд на то, что японское правительство будет продолжать их, почти нет. Хотя будущее поведение Японии предсказать нельзя, в любой момент возможны враждебные действия. Если возникновения войны нельзя избежать, повторяю, нельзя избежать, Соединенные Штаты хотят, чтобы Япония сделала первый шаг». Армейскому штабу на Гавайских островах в связи с этим приказывалось вести разведку и принять другие меры, какие У.

Шорт сочтет необходимыми. Но их следовало проводить так, чтобы «не создавать беспокойства, повторяю, не создавать беспокойства среди гражданского населения и не раскрывать своих намерений».

После совещания с офицерами своего штаба и обмена мнениями с Х. Киммелем У. Шорт отдал приказ о предупреждении диверсий против армейских частей США на островах, о чем и сообщил в Вашингтон. Поскольку оттуда не последовало никаких комментариев, командующие на Гавайских островах заключили, что большего от них и не требуется. Они знали, что, если бы существовала непосредственная опасность для Гавайских островов, указания из Вашингтона носили бы совершенно иной характер.

Прибытие в начале декабря на Оаху первого бомбардировщика-разведчика «Б-24» не могло не укрепить Киммеля и Шорта в убеждении, что Гавайям ничего не угрожает. Самолет прилетел с минимальным вооружением и без боеприпасов. Вот видите, удовлетворенно говорил Шорт, «военное министерство не рассматривает Гонолулу объектом возможного нападения, ибо считает большей опасностью для самолета везти груз боеприпасов, чем нападение на него японских истребителей». На аэродроме с энтузиазмом принялись довооружать «Б-24», военное министерство категорически приказало, чтобы экипаж мог отбиться в случае нужды. В штабах Киммеля и Шорта ликовали: наконец Вашингтон санкционировал решительные меры — посылку над японской территорией разведчиков в тревожное, но все же не военное время.

Новые приказы из Вашингтона подтвердили, как им казалось, правоту этой оценки. 27 ноября Г. Старк приказал послать подкрепление с Гавайских островов — по 25 истребителей на острова Уэйк и Мидуэй. Были указаны и средства доставки — на авианосцах. В строю американского флота на Тихом океане в тот момент было два авианосца

— «Энтерпрайз» и «Лексингтон», третий — «Саратога» — ремонтировался на базе западного побережья США. Х. Киммель не решился отправить авианосцы без сильного эскорта. 28 ноября оперативное соединение адмирала В. Хэлси — «Энтерпрайз» в сопровождении трех тяжелых крейсеров и девяти эсминцев — покинуло Пёрл-Харбор. 4 декабря, доставив самолеты на остров Уэйк, соединение направилось к Гавайским островам.

5 декабря из Пёрл-Харбора вышло оперативное соединение под флагом адмирала Дж. Ньютона — «Лексингтон» с тремя тяжелыми крейсерами и пятью эсминцами, чтобы перебросить самолеты на остров Мидуэй. Но, еще не достигнув Мидуэя, Ньютон получил приказ соединиться с оперативным соединением Хэлси. Для выполнения различных задач в начале декабря Пёрл-Харбор покинуло еще три тяжелых крейсера, около десятка эсминцев и семь подводных лодок.

После ухода оперативных соединений к 7 декабря 1941 года в Пёрл-Харборе осталось несколько более половины Тихоокеанского флота. Однако его основные по тогдашним воззрениям на военно-морскую мощь ударные силы — восемь линейных кораблей — стояли в гавани. Всего в Пёрл-Харборе находилось 96 кораблей разных классов. На аэродромах Оаху значилось 227 военных самолетов, но многие из них устарели или находились в ремонте.

Впоследствии Х. Киммель писал: «Было приказано отослать от Гавайских островов авианосцы, которые являлись главным средством активной обороны флота от удара с воздуха. 27 ноября военное и военно-морское министерства предложили, чтобы мы взяли с острова Оаху 50 процентов истребительной армейской авиации. Эти указания были отданы мне в тот же день, когда пришло так называемое «предупреждение о войне». В этих условиях ни один разумный человек не мог предположить, что

«предупреждение о войне» имело целью предостеречь от нападения в районе Гавайских островов».

Штаб Киммеля беспокоили частые смены позывных японского флота осенью 1941 года. С 16 ноября японские авианосцы окончательно «потерялись», разведка давала гадательные ответы об их местопребывании. 1 декабря адмирал приказал доложить дислокацию японского флота. 2 декабря Лейтон представил просимые сведения. Киммель с неудовольствием обнаружил, что в графе об авианосцах проставлено «Воды метрополии?». «Вы так и не знаете, где они? — обрушился он на Лейтона. — Не хотите ли вы сказать, что они уже будут огибать Даймонд Хед (мыс у входа в Пёрл-Харбор. — Н. Я.), а вы все еще не будете знать об этом!»

Лейтон заверил командующего, что авианосцы, наверное, все же заметят пораньше.

Но приплывут ли они вообще? Этот вопрос Киммель в начале декабря решал, как вошло в привычку на Гавайях во второй половине 1941 года, в зависимости от судеб гитлеровского «блицкрига» против СССР. Как только вермахт забуксовал под ударами Красной Армии, в прессе Гонолулу косяком пошли оптимистические статьи. Как заметила еще 16 сентября ведущая газета Гонолулу «Стар бюллетен»: все новые неудачи Гитлера в России служат свидетельством того, что нарушение мира на Тихом океане «менее вероятно, чем в 1940 году, когда Германия достигла вершины своих успехов».

Утром 6 декабря Киммель принял корреспондента газеты «Крисчен сайенс монитор» Дж. Хэрша. Адмирал, сославшись на только что полученное сообщение о переходе немцев к обороне на фронте под Москвой, с нескрываемым удовлетворением продолжил: «Это означает, что они отказались от захвата Москвы этой зимой. Это означает, что

японцы не нападут на нас. Они достаточно разумны, чтобы не вести войну на два фронта. Если бы Москва пала, тогда бы они напали на нас, не опасаясь за свой тыл». Адмирал никак не мог расстаться с убеждением, что если уж суждено военному пожару охватить Дальний Восток и Тихий океан, то это будет война Японии против Советского Союза!

Кит с мотором в корме!»

В ночь на 18 ноября из Куре в Японское море вышли пять подводных лодок. Едва покинув базу, они погрузились и продолжили путь под водой. Нужно было сохранить тайну: во Внутреннем море часто попадались суда. С них легко можно было бы различить необычные возвышения за рубками лодок — каждая несла сверхмалую подводную лодку. Через пролив Бунго вышли в открытый океан и взяли курс на Гавайские острова. Несмотря на то что вокруг на десятки миль простирались пустынные воды, лодки сохраняли строгие меры предосторожности: днем шли под водой, горбатыми призраками всплывали в темноте и так продолжали путь до рассвета. С первыми проблесками новой зари океан поглощал отряд.

В эти же дни еще два отряда — одиннадцать подводных лодок вышли из Иосука и направились к Гавайским островам. Четвертый отряд — девять подводных лодок — покинул передовую базу на острове Кваджалейн, взяв курс также на Гавайи.

Пяти подводным лодкам-носителям была поставлена задача: к вечеру 6 декабря сосредоточиться у входа в Пёрл-Харбор и по получении приказа о начале боевых действий спустить карликовые подводные лодки и атаковать американский флот. 20 остальных подводных лодок образовывали завесу вокруг Гавайских островов.

Угроза со стороны вражеских подводных лодок была постоянной темой

штабных совещаний командования Тихоокеанского флота. По действовавшим тогда инструкциям подводные лодки надлежало атаковать в пределах трехмильной зоны обороны. Поскольку в 1941 году участились случаи установления гидроакустического контакта патрульных кораблей с неизвестными подводными лодками, 12 сентября Х. Киммель обратился за указаниями к Г. Старку: «Следует ли нам сбрасывать глубинные бомбы в случае установления контакта или ожидать нападения?» 23 сентября Г. Старк ответил: «Существующий приказ не атаковать подозрительные подводные лодки, за исключением зоны обороны, остается в силе. Если получены исчерпывающие, я повторяю, исчерпывающие доказательства того, что японские подводные лодки находятся на территории (имеются в виду территориальные воды. — Н. Я.) или вблизи территории США, тогда нашим следующим шагом будет серьезное предупреждение и угроза применения силы против таких подводных лодок». До 7 декабря никаких новых указаний из Вашингтона по этому вопросу не поступало.

В начале декабря японские подводные лодки, окружив Гавайи гигантским кольцом, постепенно стягивали его. И тут случилось то, о чем Футида предупреждал Ямамото, — американские корабли начали обнаруживать «неопознанные» объекты. С утра 5 декабря поблизости от Оаху эсминец «Селфридж» установил гидроакустический контакт с неизвестной подводной лодкой, но скоро утратил его. В середине дня другой эсминец «Талбот» попросил разрешения сбросить глубинные бомбы на подводную лодку, обнаруженную гидроакустиком в пяти милях южнее Пёрл-Харбора. Командир отряда запретил: за лодку, наставительно разъяснили капитану «Талбота», приняли кита. Тот недовольно фыркнул: «Кит с мотором в корме!»

В далекой Японии начальник штаба Объединенного флота адмирал

Матоме Угако заносил в эти часы в свой дневник: «Пока операция развивается успешно. Гавайи — как крыса в крысоловке».

Путь «Кидо Бутай»

С 17 по 22 ноября корабли оперативного соединения адмирала Нагумо собрались в заливе Танкан (Хитокапу) на острове Итуруп в группе Курильских островов. Они прокрались поодиночке с разных баз. Радиостов кораблей, которых хорошо знала по «почерку» американская служба радиоперехвата, оставили в Куре имитировать оживленный обмен сообщениями по радио. Те, кто следил за эфиром, оставались в неведении о действительном местонахождении кораблей.

Утром 22 ноября с мостика флагмана — авианосца «Акаги» Нагумо осмотрел свой отряд. В свинцовых водах небольшого унылого залива тесно стояли 32 корабля: шесть авианосцев ударной группы и силы прикрытия — два линкора, три тяжелых крейсера; отряд из девяти эсминцев, возглавляемый легким крейсером; передовой отряд — три подводные лодки и отряд снабжения — восемь танкеров. Место сбора было выбрано вдали от населенных островов. Холодный залив окружали горы, покрытые снегом, на берегу три одинокие радиомачты, несколько жалких хижин рыбаков. И все. Даже в забытом богом и людьми месте адмирал Нагумо не осмеливался рисковать: было запрещено сходить на берег, на кораблях строжайше следили за тем, чтобы мусор не выбрасывался за борт. В заливе Хитокапу корабли пополнили запасы топлива с танкеров, погрузили предметы снаряжения.

Днем 22 ноября на «Акаги» Нагумо провел узкое совещание. Капитан-лейтенант Сузуки выступил с поучительным докладом о своем пребывании на Гавайских островах. Командиры авианосных авиационных соединений задали множество вопросов и сделали последние заметки. В заключение выпили сакэ и трижды возгласили «банзай!» за здоровье

императора. Этот и последующие два дня были предельно загружены: непрерывные совещания, которые открывал Нагумо, а проводили в основном Гэнда и Футида. Их участникам объявлялась цель предстоявшего похода, хотя немало среди слушателей знали о ней уже несколько месяцев. Предстоявшая операция разбиралась на прекрасном рельефном макете Пёрл-Харбора, а также карте, подготовленной Кита. Вопросы, вопросы, вопросы... И неожиданные предложения... Пилотам предписывалось сохранять радиомолчание, за исключением только случая, если самолет терпел аварию. Всеобщее негодование — разве нельзя умереть молча, но не открывать врагу местонахождение соединения. Летчики единодушно постановили: авианосцы не отвечают на призывы о помощи гибнущих в море самолетов. Безопасность кораблей важнее, чем жизни летчиков.

Гэнда, Футида и Мурата уже разработали план прорыва противоторпедных сетей — летчики-самоубийцы разобьют свои самолеты о борта кораблей, прикрытые ими. Но как доложить Нагумо и Кусака? Троица нашла выход.

Футида в присутствии обоих адмиралов на инструктаже пилотов торпедоносцев быстро произнес: «Первый самолет прокладывает путь для остальных, бомбардируя сеть. Если он не преуспеет, последующие самолеты сделают все, чтобы разбомбить сеть сзади или изнутри». — «Это как же?» — зашевелился заинтригованный Нагумо. Футида осклабился: «Речь идет о технических деталях особого вида атаки, пилоты понимают, что имеется в виду». Нагумо удовлетворился объяснением, а пилоты торпедоносцев, посвященные в тайну, сделали вид, что не сказано ничего особенного.

Инструктажи перемежались выпивками, хвастливыми речами, старшие офицеры громоздили небылицы о подвигах, совершенных легендарными

самурайскими мечами. Срывая голоса, ревели военные песни. Оглушали друг друга любимой «песней воина, жертвующего собой», балладой, рожденной в кровавых штурмах Порт-Артура в 1904 году в память павших в волнах штыковых контратак русской пехоты.

Вечером 25 ноября радист принес Нагумо совершенно секретный приказ. Главнокомандующий Объединенным флотом Ямамото приказывал «оперативному соединению, передвигаясь сугубо скрытно и осуществляя ближнее охранение против подводных лодок и самолетов, продвинуться в гавайские воды и в момент объявления военных действий атаковать главные силы американского флота на Гавайях с целью нанесения ему смертельного удара. Первый воздушный налет намечается на рассвете «дня Х» (точная дата будет определена последующим приказом). После окончания воздушного налета соединению быстро оставить воды и возвратиться в Японию, поддерживая тесное взаимодействие и обеспечивая охранение от контратак противника. В случае, если переговоры с Соединенными Штатами окажутся успешными, оперативное соединение должно быть в готовности к немедленному возвращению и рассредоточению».

Глубокой ночью 25 ноября капитан-лейтенанта Сузуки подняли с постели: его вызывал командующий. Когда Сузуки вошел в каюту Нагумо, адмирал был один. Он еще не ложился. Одетый в кимоно, старик нервно ходил по каюте. Нагумо попросил еще раз подтвердить, что американский флот в Пёрл-Харборе, а не на якорной стоянке Лахаина. Сузуки поклялся. Угостив офицера сакэ, адмирал с извинениями отпустил Сузуки. В каюте остался Нагумо со своими тревогами и ответственностью. В шесть утра 26 ноября оперативное соединение покидало залив. Сторожевой корабль просигналил «доброго пути». Линкоры и крейсера, проходя мимо покрытых снегом склонов гор острова, открыли огонь.

Взрывы снарядов поднимали тучи снега, пыли и камней. Грохот разносился над водами залива. Бодрящее и возбуждающее моряков зрелище.

Корабли, набирая ход, легли на курс. Они двигались прямо на восток, с тем чтобы, минуя оживленные судоходные линии, выйти к Гавайским островам с севера. По пути несколько раз пополняли запасы топлива с танкеров, что было вовсе не легким делом в зимнем океане. Громадные шланги били по палубе, брызги топлива превращали ее в каток. Корабли, вздымающиеся на волнах, к счастью не очень бурного, океана, тем не менее едва избегали столкновения друг с другом. Нескольких матросов смыло, спасти их не стали, и они скоро скрылись в воде. По-прежнему свято соблюдался приказ — не выбрасывать мусор за борт.

Но эти трудности были несравнимы с предстоявшими испытаниями, о которых знали разве лишь на мостике «Акаги». В ушах Нагумо все еще звучали напутственные слова Ямамото: вероятно, придется пробиваться к цели с боем. Одна треть «Кидо Бутай» (ударный отряд), как именовалось оперативное соединение Нагумо в японских штабных документах, должна была навсегда остаться в гавайских водах. А через зимний океан шли корабли — гордость тогдашнего императорского флота. Для двух крупнейших авианосцев «Сёкаку» и «Дзуйкаку» (водоизмещением по 30 тысяч тонн) участие в операции было практически первым серьезным выходом в море, они были спущены на воду в августе — сентябре 1941 года. Да, признавали в штабе Нагумо, это самые современные авианосцы (каждый имел по 72 самолета) и посему включены в «Кидо Бутай», но все вздыхали — летчиков этих групп так и не удалось полностью обучить. Им для атаки отвели второстепенные цели. Линкоры «Хизэй» и «Кириисима» считались образцовыми, на первом всегда находился император на маневрах. Тяжелые крейсера очень удачной конструкции,

новейшие эсминцы. Наконец, три подводные лодки, водоизмещением по 2581 тонне, у каждой на борту по самолету-разведчику. Все надводные корабли оперативного соединения в случае необходимости могли развить скорость много больше 30 узлов.

Днем «Кидо Бутай» следовал в так называемом оборонительном построении. В десяти километрах по курсу передовой отряд — четыре эсминца. Затем двумя колоннами авианосцы, охраняемые на флангах тяжелыми крейсерами и эсминцами. Непосредственно за ними отряд обеспечения, замыкали строй оба линкора. Первоначально Нагумо собирался пустить впереди подводные лодки, сделав их «глазами» оперативного соединения. Но сразу по выходе в океан выяснилось, что порой неважная видимость и неизменное радиомолчание, введенное в «Кидо Бутай», крайне затрудняли связь с ними. Нагумо распорядился: подводным лодкам следовать в километре по правому борту флагмана «Акаги».

С наступлением ночи корабли подтягивались поближе друг к другу. Но все равно утром то один, то другой корабль обнаруживали чуть ли не на горизонте. Отставший быстро нагонял отряд, шедший со скоростью 12—14 узлов и снижавший ее до 9 узлов при заправке топливом.

Чем дальше отходили от Японии и чем ближе были Гавайи, тем больше мрачнел Нагумо. Ему мерещились бесчисленные трудности, которые ежечасно неизбежно встретит «Кидо Бутай». Поэтому едва ли Кусака был удивлен, когда Нагумо, стоя рядом с ним на качающемся мостике, заметил: «Господин начальник штаба, не думаете ли вы, что я взял на себя тяжкую ответственность? Если бы только я оказался более тверд и отказался! Теперь, когда родные моря остались позади, я начинаю сомневаться в успехе». Кусака заверил его, что все пойдет по плану. Нагумо улыбнулся: «Завидую вам, господин Кусака. Вы такой оптимист».

Кусака был уверен в победе и поэтому предпочитал ожидать ее, не сходя с мостика, где он и спал беспокойным сном в парусиновом кресле.

Среди моряков и летчиков нарастало напряжение. Корабли сохраняли радиомолчание, использовали высококачественное топливо — из труб почти не вырывалось дыма, ночью шли без огней. Сотни глаз следили за горизонтом и небом: действовал строжайший приказ немедленно сообщить о любом встречном судне или самолете. Время от времени рев моторов оглашал полетные палубы, на каждом авианосце прогревала моторы шестерка дежурных истребителей. Но чтобы не раскрывать планов, в воздух не поднимался ни один из сотен самолетов оперативного соединения. Поэтому трудно было проверить правильность редких сообщений, повергавших штаб Нагумо в панику, — замечено судно.

Как-то донесли о советском пароходе, следовавшем, по-видимому, из Сан-Франциско. На кораблях объявили боевую тревогу, пароход не появился. На мостике и в рубке «Акаги» горячо обсуждался вопрос: что делать, если на пути окажется нейтральное судно. Было высказано и такое мнение: «Потопить и забыть о нем». Претворить в жизнь предложение не удалось: в особенно пустынных в это время года водах океана не попало ни одного судна. Ночью Кусака лично увидел бортовые огни самолета. В действительности то была горящая сажа, вылетающая из трубы авианосца, следовавшего параллельным курсом. Немедленно последовало строгое замечание его капитану.

Каждый день похода был похож на другой, ничего не случалось. По утрам на полетной палубе «Акаги» появлялся Кусака и прилежно выполнял доступные ему по возрасту физические упражнения. Довольно комичное зрелище для юных пилотов, собиравшихся вокруг. Адмирал наставительно объяснял: «Так я проживу до ста лет». Многократно

повторяемая сентенция неизменно вызывала взрывы смеха у молодежи. Большинство пилотов были уверены, что не вернутся. «Они не боялись смерти, — припоминал Футида, — они боялись только того, что атака окажется неудачной и им придется неудачниками возвращаться в Японию». Многие из них предпочитали пока убивать время за картами и бутылкой сакэ.

Гэнда так и не знал покоя. Вместе с офицерами штаба он продолжал работать над планом операции, внося мелкие изменения и уточнения. В штабе Нагумо отлично знали обстановку в Пёрл-Харборе. Ежедневно из штаба Ямамото передавали для «Кидо Бутай» шифровки, освещавшие по часам происходившее на Гавайях. Источником, как всегда, было японское генеральное консульство в Гонолулу. Гэнда вдруг заметил серебряные нити на висках, он поседел. Годы спустя, возвращаясь к этому походу, он припоминал, как часами вглядывался в океанскую даль с неотвязной мыслью: «Вот мы идем в действительности, а не в мечтах на Пёрл-Харбор! Да поможет нам бог!» К всевышнему обращались Нагумо и Кусака. За счет Провидения они относили то, что «Кидо Бутай» не встречал никаких помех. Частые туманы не в счет, скорее благо — на время «Кидо Бутай» вообще исчезал из виду.

Сначала на кораблях думали, что идут очередные учения. Но день проходил за днем, оперативное соединение, не снижая скорости, все дальше уходило от берегов Японии. Теперь укреплялось убеждение, что дело идет к войне. Летчики помалкивали. В трюмах крупных кораблей у машин судачили: запасов топлива хватит, чтобы, сделав обходный маневр, выйти к Филиппинам и вернуться в Японию.

2 декабря толкам был положен конец. На «Акаги» был принят условный сигнал из штаба Ямамото: «Начинайте восхождение на гору Ниитака», что означало — удар по Пёрл-Харбору в воскресенье 7 декабря 1941

года. Об этом было объявлено личному составу. «Наконец сбылись мечты», — раздавалось на кораблях. Летчики стали героями дня. Им стали выдавать специальный рацион — молоко, яйца. Экипажи авианосцев делали все возможное, окружая несколько навязчивым вниманием будущих героев. Для Нагумо наступили особенно тревожные дни: если соединение будет замечено противником до 6 декабря, ему в соответствии с планом операции надлежало повернуть назад, если 6 декабря — следовало самостоятельно принять решение о целесообразности удара по Пёрл-Харбору, если 7 декабря — в любом случае атаковать.

Последние дни подготовки. Летчики вновь и вновь тренировались в опознавании американских кораблей по силуэтам. На палубе «Акаги» Кусака выставил для всеобщего обозрения рельефную карту Пёрл-Харбора, хранившуюся до тех пор под замком. Из штаба Ямамото по радио поступала все более подробная свежая информация о дислокации американских кораблей в Пёрл-Харборе. Генеральное консульство в Гонолулу побило все рекорды прилежания.

Около 6 утра 6 декабря «Кидо Бутай» вышел в точку примерно в 600 милях севернее и слегка западнее от Оаху. На «Акаги» приняли «переданный с уважением» Ямамото рескрипт императора о войне с США. Через час корабли в последний раз приняли топливо. Пока полтора часа шла заправка, Нагумо не находил себе места: оперативное соединение уже находилось в пределах радиуса патрульной авиации с Гавайев. Но все сошло благополучно. Танкеры повернули на север, а оперативное соединение двинулось на юг. В 11.30 на кораблях был прочитан приказ Ямамото, начинавшийся словами: «Час пробил. На карту поставлена жизнь или смерть нашей империи...»

Последовали патриотические речи, покрывавшиеся криками «банзай!».

По мачте «Акаги» медленно полз вверх флаг, а когда он был поднят, на секунду воцарилась тишина: перед глазами была реликвия японского флота — тот самый флаг, который нес флагманский броненосец адмирала Того «Микаса» в Цусимском сражении в 1905 году. Теперь шовинистическому подъему на кораблях поистине не было пределов. Над волнами океана долго и далеко разносились исступленные крики «банзай!» из тысяч здоровых глоток. В 12 часов дня оперативное соединение устремилось к Гавайским островам, увеличив ход до 20 узлов.

У Нагумо на «Акаги» лихорадочно разбирали последние сообщения от Ямамото. В Пёрл-Харборе нет авианосцев, а японцы полагали, что Тихоокеанский флот США имеет четыре авианосца. Видя, как убивается Гэнда, начальник разведотдела штаба капитан-лейтенант Оно утешал его: быть может, парочка авианосцев придет в Пёрл-Харбор к утру 7 декабря. «Тогда, — воскликнул Гэнда, — мне наплевать, если в гавани не будет всех восьми линкоров». Нагумо, веривший, что основа морской мощи — линкоры, не был особенно взволнован отсутствием авианосцев. Он приказал перестать беспокоиться по поводу того, что в Пёрл-Харборе их не видно. Переговорив в последний раз с командирами групп, Футида около 9 часов вечера отправил их спать и сам последовал за ними. Палубные офицеры заботливо следили за сном мальчиков — летчики должны хорошо отдохнуть перед вылетом.

Гэнда, отдохнувший несколько часов, около полуночи вышел на мостик. На полетной палубе уже выстраивали самолеты первой волны, мелькали тени, матросы технического дивизиона авиационной боевой части готовили их к вылету. Упорядоченная суэта, звонки лифтов. Все они — носовые, средние и кормовые работали без усталости, поднимая самолеты, которые торопливо откатывали на места. Из погребов боезапаса

доставляли и подвешивали торпеды и бомбы, заряжали бортовое оружие. То там, то здесь на полетной палубе вспыхивало пламя из выхлопных труб, механики прогревали моторы. Когда заревели десятки моторов и дрожащим пламенем осветилась погруженная во мрак в этом походе полетная палуба, Гэнда невольно поежился — где светомаскировка? И тут же утешил себя: «В руках богов».

Снова и снова возвращаясь к «звездному часу» своей жизни, Гэнда множество раз рассказывал, как удивительное спокойствие снизошло на него, сомнения рассеялись, как туман на рассвете, а ум казался «ясным и чистым, как незамутненное зеркало». Он спустился в радиорубку.

Ямамото не оставлял заботой «Кидо Бутай» даже сейчас. В 1.50 шифровка о дислокации кораблей в Пёрл-Харборе в сумерки по местному времени, в 2.00 еще одна: корабли не защищены противоторпедными сетями, аэростатов заграждения нет.

В этот час исполинскими черными призраками корабли Нагумо пожирали мили ходом в 24 узла, то есть оставляли за собой каждый час примерно 40 километров. Армада перестроилась по-боевому. Впереди легкий крейсер «Абукума» и веером четыре эсминца. В трех милях за ними резали волны линкоры «Хиэй» и «Кирисима», в четырех милях по флангам справа и слева тяжелые крейсеры. Еще в трех милях позади бронированной фаланги все шесть авианосцев, окруженные эсминцами, рыскавшими в охране. Последними скользили три подводные лодки.

На ходовом мостике «Акаги» Нагумо, не повышая голоса, буднично обратился к Гэнда: «Я благополучно привел «Кидо Бутай» к месту нападения. Отныне бремя операции на ваших плечах и всех остальных в авиационных группах». Гэнда не менее деловито заверил: «Адмирал, летчики победят!»

В 5.30 утра 7 декабря в полной темноте катапульты тяжелых крейсеров

выбросили два самолета-разведчика. Они должны были доложить обстановку в Пёрл-Харборе и в Лахаине. На «Акаги» заканчивалась бессонная ночь капитан-лейтенанта Оно у радиоприемника: он слушал передачи Гонолулу. Никаких признаков тревоги, радиорубку заполняли мягкие звуки гавайской музыки.

Задолго до позднего рассвета 7 декабря личный состав оперативного соединения был на ногах. Летчики надевали свежее белье, тщательно отглаженную форму. Некоторые написали прощальные письма родным, упаковали личные вещи. Футида и Мурата натянули белье и рубашки красного цвета, чтобы не смущать других пилотов видом крови в случае ранения. Торопливый, веселый праздничный завтрак для всего летного состава, офицеров и рядовых.

По боевой трансляции прозвучала команда: «Летчики, сбор!» Сотни пилотов торопливо собрались в помещениях для инструктажа. Еще один взгляд на схемы расположения кораблей в Пёрл-Харборе, информация о скорости и направлении ветра, последние расчеты расстояния и полетного времени до объекта и обратно. Оперативное соединение в 220 милях прямо на север от Пёрл-Харбора. Строгий приказ: ни один из летчиков, за исключением ведущего первой волны Футида, не должен прикасаться к радиопередатчику до начала атаки. Летчики в мундирах с иголки внимательно слушали. У некоторых на головах белели традиционные боевые повязки самураев.

Покончив с делами земными и профессиональными, позаботились о душах. Небольшими группами пилоты собирались у синтоистских алтарей, входивших в обязательный комплект оборудования японских боевых кораблей. Глоток сакэ за успех, короткая молитва.

Команды с постов управления: «Экипажи на стартовые площадки! Запустить моторы!» Яркие вспыхнувшие палубные огни осветили

самолеты, слепящее пламя из выхлопных труб поблекло. Авианосцы, оставив позади корабли эскорта, развернулись против крепнущего ветра и взяли курс на восток, прямо к посветлевшему небу. Навстречу катили бесконечные ряды высоких волн с пенистыми гребнями. Громадные корабли, снова набрав скорость 24 узла, зарывались носом, брызги долетали до полетных палуб. Свежая погода внушала опасения за безопасность взлета, продольная качка достигала 15°, но отступить было поздно — от исхода удара по Пёрл-Харбору, считали в Токио, зависит судьба первых месяцев войны. Когда Футида занимал место в кабине, взволнованный матрос протянул ему белую повязку. «Это вам в подарок от экипажа. Не откажите в любезности взять ее с собой в Пёрл-Харбор!» Футида с благодарностью укрепил ее на голове.

В 6 утра флаги на мачте «Акаги» взлетели до клотика и опустились. Взлет Первой волны. На концах крыльев самолетов зажглись красные и синие лампочки. Прощальные взмахи рук и фуражек, напутствия, тонувшие в шуме моторов. Оглушительно ревя, самолеты срывались с полетной палубы и мгновенно исчезали в предрассветном сумраке навстречу восходящему солнцу, которое угадывалось за горизонтом. Первыми покинули авианосцы истребители «Зеро». За ними бомбардировщики и торпедоносцы, эти с экипажами по три человека. Взлет всех самолетов занял 15 минут, омраченный потерей всего двух истребителей — один упал в море, другой из-за неисправности двигателя пришлось оставить. Взлетевшие машины образовали гигантский круг в ожидании сбора всех. В 6.20 командирский бомбардировщик Футида, различавшийся по оранжевым огням, повел на Пёрл-Харбор 183 самолета первой волны — 40 торпедоносцев, 51 пикирующий бомбардировщик, 49 бомбардировщиков и 43 истребителя.

Взошло солнце. В 7.15 с авианосцев стартовала вторая волна — 78

пикирующих бомбардировщиков, 54 бомбардировщика и 36 истребителей. Всего в двух волнах к Гавайским островам направлялись 350 самолетов. 39 истребителей оставались на авианосцах в резерве на случай контратаки противника. Нагумо повел корабли на юг, пока они не достигли точки в 180 милях севернее Оаху.

Когда самолеты скрылись, на кораблях воцарилась необычайная, оглушительная тишина. Многие молились, иные вытирали слезы. Адмирал Кусака устало опустился на мостик, ему показалось — в кресло. Губы его беззвучно шевелились: он также молился.

Рассвет 7 декабря

В ночь на 7 декабря события поблизости от Пёрл-Харбора развивались так, как предписывают различные наставления на флоте. Еще с вечера 6 декабря японские подводные лодки-носители, подтвердив уверенную работу штурманов, заняли позиции примерно в восьми милях от входа в гавань. С них были видны огни на Оаху и даже рекламы на пляже Уйкики. Порывы ветра доносили звуки джазовой музыки, передававшейся по радио.

В 3 часа ночи четыре малые подводные лодки были спущены на воду и своим ходом направились к Пёрл-Харбору. На пятой дело не ладилось: отказал гирокомпас. После двухчасовых попыток исправить его командир младший лейтенант Кацуо Сакамаки решил в любом случае выполнить задание. Прощание с офицерами — и оба подводника, держа в руках легкий завтрак и по бутылке вина, заняли свои места в лодке. Несколько минут после их ухода ощущался легкий запах духов: следуя традициям самураев, они крепко надушились перед боем. Ни провожавшие, ни уходившие не тешили себя иллюзиями: личные вещи экипажей сверхмалых подводных лодок были тщательно упакованы, к ним приложены прощальные письма родным и завещания. Большие

подводные лодки погрузились и стали ждать. По плану малые подводные лодки должны были на рассвете проникнуть в Пёрл-Харбор, опуститься на дно и ждать. В сумерках 7 декабря им предстояло атаковать то, что останется на плаву после удара с воздуха.

В 3.42 ночи с тральщика «Кондор», занятого скучнейшим делом — тралением магнитным тралом за кромкой фарватера у Пёрл-Харбора, заметили перископ подводной лодки. На ней, по-видимому, увидели «Кондор» и отвернули. В 3.58 с «Кондора» светосигнальными средствами передали семафор на находившийся вблизи патрульный эсминец «Уорд». Эсминец провел безуспешный поиск в указанном районе в течение примерно часа. В 4.58 ворота в противолодочном заграждении в Пёрл-Харбор открылись. Предстояло пропустить в гавань и из гавани несколько мелких судов, в числе их возвращался в Пёрл-Харбор и «Кондор».

На прощание с «Уорда» попросили уточнить координаты, где была замечена лодка. «Кондор» с готовностью ответил. На эсминце, хотя и думали, что в темноте и буй может легко сойти за лодку, продолжали бдительно нести патрульную службу. В 6.30 утра, когда уже рассвело, с транспорта «Антарес», медленно направлявшегося в Пёрл-Харбор с баржей на буксире, заметили примерно в 1500 метрах, по-видимому, рубку подводной лодки какой-то странной конструкции. О чем с «Антареса» сообщили на «Уорд», где рулевой и вахтенный уже углядели примерно в миле подозрительный черный предмет, следовавший вплотную за баржей, которую буксировал «Антарес».

Пилот патрульного самолета Уильям Таннер также усмотрел в этом нечто необычное и, снизившись, описал над «предметом» пару кругов. Приглядевшись, на мостике эсминца решили, что это рубка подводной лодки невиданной в американском флоте конструкции. На мостик был

вызван капитан-лейтенант Уильям Аутбридж, которому сообщение представилось чрезвычайно важным. После 14 лет службы в военно-морских силах он первый день командовал кораблем, серьезно относился к вверенному, ему делу и к себе.

Едва взглянув на подозрительный предмет, Аутбридж скомандовал полный ход. Инструкция предписывала атаковать любую подводную лодку, находящуюся в пределах зоны обороны без эскорта. На эсминце сыграли боевую тревогу. Младший лейтенант Уильям Таннер по-своему истолковал действия «Уорда». Он заключил, что подводная лодка оказалась в запретной зоне из-за аварии, а эсминец спешил ей на помощь. Чтобы помочь эсминцу не потерять место лодки, терпящей бедствие, добрый Таннер сбросил рядом с ней пару дымовых бомб. Больше он ничем не мог помочь гибнущим людям.

А на море события приобрели драматический оборот. Когда до рубки лодки оставалась какая-нибудь сотня метров, Аутбридж приказал открыть огонь. Первый снаряд, выпущенный в 6.45, пролетел мимо, второй — с расстояния 50 метров — угодил в основание рубки. Через несколько мгновений «Уорд» прошел рядом с лодкой, а когда она оказалась под кормой, сбросил четыре глубинные бомбы.

Гигантский фонтан воды и пены поднялся как раз на том месте, где только что наблюдали лодку.

С воздуха Таннер в недоумении созерцал действия «Уорда». Кто прав? По-видимому, на борту эсминца знали лучше, и патрульный самолет, последовав примеру, также сбросил глубинные бомбы. Выполнив требования инструкции и доложив об этом по радио, Таннер продолжил полет. После минутного раздумья младший лейтенант твердо решил, что на дно отправлена американская подводная лодка. Последствия — военный суд и все прочее — живо встали перед его мысленным взором.

Таннер стал обдумывать вопрос, как жить после позорного увольнения из военной авиации.

Аутбридж знал, что с патрульных кораблей часто поступали ошибочные донесения об обнаружении подводных лодок. Виновником иногда оказывался кит или «еще что-нибудь в этом роде». Поэтому, послав первое донесение об атаке подводной лодки, он вслед за ним в 6.55 направил другое: «Атаковали, обстреляли и сбросили глубинные бомбы на подводную лодку, находившуюся в запрещенном районе». Этим он хотел подчеркнуть, что с «Уорда» видели цель. Тут Аутбридж увидел большой белый сампан, прокраившийся в запретный район. Случалось и раньше, что рыбаки нарушали границы зоны. «Уорд» устремился к сампану.

Шкипер-японец застопорил машину и замахал белым флагом. Все это озадачило Аутбриджа: формальная сдача, хотя не было войны. Рыбаки, очевидцы недавних бравых действий «Уорда», по-видимому, просто испугались за свою жизнь. Капитан эсминца был короток на расправу. Аутбридж приказал сампану следовать за ним, но в 7.03 был установлен гидроакустический контакт с еще одной подводной лодкой. «Уорд» атаковал глубинными бомбами обнаруженную цель. После взрывов пяти бомб на поверхности растеклось масляное пятно. Доложив о новых подвигах, эсминец вернулся к сампану. День начинался хлопотливо. Аутбридж просил по радио штаб 14-го военно-морского округа ожидать от него дальнейших сообщений и прислать подкрепление.

В 7.12 первое донесение Аутбриджа попало к дежурному офицеру по военно-морскому округу Каминскому. Он доложил об этом начальнику штаба округа, последний предложил Каминскому проверить сообщение и информировать дежурного по штабу, командующего флотом и другие инстанции, а сам соединился с начальником округа адмиралом Блохом. В

штабе флота, получив сообщение Каминского, обсудили его и решили осведомиться, знает ли об этом Блох и что сделано в связи с докладом Аутбриджа.

В этот момент оперативный офицер патрульной авиации передал в штаб флота робкое донесение Таннера о потоплении подводной лодки. Стали выяснять, об одной или двух лодках идет речь и где, собственно, находятся американские подводные лодки и т. д. Неразбериха нарастала, иные начальствующие лица еще спали, и дежурным приходилось сначала говорить с их женами. В оперативном центре патрульной авиации было высказано предположение, что вообще не было никакой подводной лодки, а по ошибке перехвачено сообщение об очередном учении. Еще большее замешательство внесло донесение «Уорда» о задержанном сампане. Если «Уорд» сражается с подводными лодками, то при чем тут сампан?

Наконец дежурного по штабу флота осенило: не лучше ли сообщить обо всем Киммелю, что он и сделал в 7.40. С командующим связаться оказалось легко: адмирал всецело принадлежал службе. Киммель приказал затребовать от капитана «Уорда» подробное объяснение, предупредив, что он будет ждать у телефона. В 7.51 эсминец «Монагхэн», стоявший в Пёрл-Харборе, получил приказ выйти в море и связаться с «Уордом».

Но никому не пришло в голову поставить в известность о происходившем штаб генерала У. Шорта, отвечавшего за оборону Гавайев. Моряки не горели желанием посвящать во флотские дела армию.

Таковыми же поразительными соображениями руководствовались в то воскресное утро и армейцы. Следовали служебным инструкциям и на передвижной радиолокационной станции на горе Опана, что на самой северной оконечности острова Оаху. Там с 4 до 7 утра 7 декабря

дежурили рядовые Джозеф Локкард и Джордж Эллиот. Станция позволяла вести наблюдение на расстоянии до 150 миль. Радиолокационные установки, находившиеся в распоряжении армии, только осваивались и обычно работали главным образом в учебных целях с 7 утра до 4 часов дня. После предупреждения из Вашингтона 27 ноября генерал У. Шорт приказал повысить бдительность, и часы работы станций изменились — с 4 до 11 утра, ибо коварный враг нападает обычно на рассвете. На выходной день было сочтено достаточными три часа — с 4 до 7 утра. Впрочем, изложенные важные соображения не были доведены до персонала, обслуживавшего радиолокационные установки: солдаты и сержанты по простоте душевной полагали, что время работы станций ограничено из-за боязни износа оборудования.

Все радиолокационные станции были связаны с информационным центром в форте Шафтер. Утром 7 декабря в центре находилось несколько рядовых, которые по получении сообщений о самолетах на планшетах-построителях вели прокладку их курса. Единственный офицер среди них, лейтенант Кермит Тайлер, в сущности был посторонним. Его послали для прохождения практики в качестве офицера связи от истребительной авиации. Однако никого из тех, кто бы мог обучать лейтенанта в воскресенье, в центре не было. И Тайлер в 4 часа утра заступил на учебное дежурство, которое по причинам, известным только в армии, должно было закончиться в 8 утра. Ведь сами станции прекращали работу в 7!

Именно в этот час Локкард и Эллиот должны были выключить свою установку, запереть станцию и отправиться завтракать в лагерь. Но грузовика, обычно отвозившего солдат, что-то не было видно. Они решили потренироваться. В 7.02 Локкард проверил настройку и убедился, что основные импульсы двоятся. Сначала он подумал, что

приборы расстроились. Беглая проверка показала, что станция в порядке. Тогда они поняли, что на расстоянии 136 миль летит большая группа самолетов. Представился прекрасный случай для учебы: такой крупной цели им никогда не приходилось видеть. Локкард поручил новичку Эллиоту прокладывать их путь на планшете, сам устроился у индикатора. Они получили пеленг, дистанцию и координаты, определив место цели.

Эллиот заметил, что неплохо было бы доложить о самолетах в информационный центр. Им двигали самые добрые побуждения, обычные у молодого солдата: могло случиться так, что самолеты обнаружат как армия, так и флот, а поскольку неизвестно, чьи они, возникнет путаница и даже могут вылететь на перехват.

После недолгих препирательств Локкард согласился и Эллиот позвонил в информационный центр. Было 7.15. Сначала он снял трубку прямой, или «боевой», связи планшетного поста с информационным центром. Никто не ответил, тогда он повторил вызов по телефону общей линии. К этому времени Тайлер остался вдвоем с дежурным телефонистом. Ровно в 7 утра все остальные сложили приборы и документы и ушли завтракать. Звонок оператора с горы Опана «об обнаружении такой крупной цели, какой он никогда не наблюдал на экране радиолокатора», никого из тех, кому этим ведать надлежало, не застал.

Дежурный телефонист предложил Тайлеру все же оторвать планшетистов от завтрака: им никогда еще не приходилось вести такую большую цель. Тайлер рассудил иначе. Он вспомнил, что всю ночь радиостанция Гонолулу передавала гавайскую музыку. Его сослуживец как-то объяснил, что это делалось тогда, когда из США на Гавайи перегоняли бомбардировщики «Б-17» и станция служила им радиомаяком. По-видимому, и на этот раз летели бомбардировщики. Поэтому Тайлер со

спокойной душой попросил передать на Опану не беспокоиться.

Локкард и Эллиот оказались настойчивыми, они потребовали к телефону Тайлера, которому длинно стали рассказывать об обнаруженных целях. Тот оборвал малопонятные объяснения, изобиловавшие техническими терминами, коротким: «Не беспокойтесь об этом». Рядовые сочли благоразумным не идти дальше в споре с офицером, а занялись прокладкой курса. Они заранее гордились прекрасными записями данных о полете самолетов. В 7.39 в 20 милях от острова цель была потеряна в зоне непроходимости волн: мешали возвышенности.

Локкард и Эллиот выключили станцию и, захватив с собой записи, чтобы похвастаться перед солдатами своей полуроты, вышли на дорогу. И только! Никто в армейских инстанциях ни с утра, ни в течение всего того дня не позаботился ввести в курс дела флотские штабы. Потом многие годы в США скорбели по поводу всего этого, а тогда, в 7.45 утра 7 декабря, к станции на горе Опана пришел грузовик, и с приятным сознанием выполненного долга Локкард и Эллиот отправились в лагерь.

«Тора! Тора! Тора!»

Как раз в эти минуты Мицуо Футида также думал о том, чтобы наилучшим образом выполнить свой долг. Они шли на высоте трех тысяч метров над плотными облаками, не видя океана. Слева по борту ослепительно сияло солнце, внизу бескрайняя снежная равнина облаков. Никаких ориентиров. Футида настроился на волну радиостанции Гонолулу и использовал ее как приводной маяк. В 7.40 тревогам пришел конец — в разрывах облаков появилась белая полоса прибоя — северное побережье Оаху. Земля открылась в точно рассчитанное время: через час сорок минут с момента вылета.

В этот момент радист самолета Футида принял сообщение с «Акаги» —

флагманский авианосец передал данные, добытые двумя разведчиками, наблюдавшими с 7.15 до 7.35 Пёрл-Харбор и якорную стоянку Лахаина. Никто на земле не заметил предвестников бури, никто из американских радистов не обратил внимания на работу неизвестных передатчиков. Футида не мог не укрепиться в мысли, что боги на стороне Японии.

Рассеялись последние сомнения — о погоде в районе цели. Сообщение диктора радиостанции Гонолулу оказалось необычайно полезным: «Разорванная облачность... главным образом над горами... высота 1500 метров, видимость хорошая». Лучшего для атаки и не требовалось.

Итак, подходить с запада, с востока помешает облачность над горами. Футида в последний раз оглядел в строю ведомые им самолеты. Все были в сборе. 48 бомбардировщиков непосредственно следовали за самолетом Футида. Справа и ниже шли 40 торпедоносцев под командованием капитана III ранга Мурата, левее и выше — 51 пикирующий бомбардировщик капитана III ранга Такахаси; 43 серебристых истребителя капитана III ранга Итая уже ушли вперед, чтобы встретить в случае необходимости противника.

По плану предусматривалось два варианта атаки: в условиях внезапности и при утрате ее. В первом случае начинали торпедоносцы, затем вступали в действие бомбардировщики и завершали удар пикирующие бомбардировщики, а истребители обеспечивали прикрытие. При таком порядке выхода на цель дым от бомбардировки не мешает работе торпедоносцев. Если окажется, что внезапность утрачена, тогда первыми на аэродромы, зенитные средства армии и флота обрушатся пикирующие бомбардировщики и истребители, которые подавят сопротивление. Только после этого торпедоносцы и бомбардировщики атакуют корабли. На приборной доске каждого самолета была укреплена небольшая фотография Пёрл-Харбора с воздуха. На ней были отмечены

секторы действий каждой эскадрильи. Для изготовления ценного руководства не потребовалось больших усилий. Незадолго до начала войны японские агенты купили фотографии в магазине сувениров в Гонолулу. Цена — доллар за комплект.

В 7.49, когда самолеты первой волны вошли в зону видимости Пёрл-Харбора, Футида внимательно осмотрел гавань в бинокль. Все восемь линкоров на месте, но авианосцев не видно. Впрочем, времени на раздумья и сожаления не оставалось. Футида по радио отдал приказ атаковать, затем достал ракетницу и выстрелил в воздух черную ракету, указывая порядок атаки — в условиях внезапности. Подчиняясь приказу, пикирующие бомбардировщики стали набирать высоту, а торпедоносцы круто снизились. Только группа истребителей не реагировала: пилоты не заметили сигнала.

Футида выпустил вторую ракету, теперь ее увидели не только истребители, но и летчики пикирующих бомбардировщиков, которые сочли, что она означает утрату внезапности. В этом случае им предоставлялась честь начать! Ломая тщательно отработанный план, пикирующие бомбардировщики резко набрали высоту и устремились в атаку одновременно с торпедоносцами. Но теперь это не имело никакого значения, в воздухе не было видно ни разрывов зенитных снарядов, ни американских истребителей. Футида был уверен в успехе; в 7.53, еще до того как первая бомба упала на Пёрл-Харбор, он передал по радио на «Акаги» условный сигнал «Тора! Тора! Тора!» («Тигр! Тигр! Тигр!») — внезапная атака удалась.

По прихоти прохождения радиоволн слабый сигнал самолетной радиостанции приняли за пять тысяч миль радисты флагмана Объединенного флота — линкора «Нагато». По местному времени около половины четвертого утра. Ямамото играл в го со своим начальником

штаба. Он флегматично выслушал доклад о том, что внезапность достигнута, и продолжал передвигать фигуры...

На Оаху и кораблях многие заметили подход и развертывание серебристых самолетов. Лейтенант Кермит Тайлер поспешил из помещения на воздух, чтобы посмотреть на «учения морских бомбардировщиков над Пёрл-Харбором». Эсминец «Хэлм» был единственным кораблем, находившимся в движении в этот момент; он проходил главный фарватер. Когда торпедоносцы, следуя от входа в гавань, пролетели в какой-нибудь сотне метров от корабля и один из них случайно покачал крыльями, рулевой Хэндлер приветливо помахал в ответ рукой.

На линкоре «Калифорния» старослужащий авторитетно разъяснил любопытным желторотым резервистам, задравшим носы к небу: «Должно быть, к нам в гости пожаловал русский авианосец. Видите, вот прибыли самолеты с него, на них ясно видны красные круги».

Пёрл-Харбор под огнем

Каждый день в 7.55 на кораблях в Пёрл-Харборе начиналась торжественная церемония, дорогая сердцу моряка. На водокачке морской базы поднимался синий «подготовительный» флаг, все корабли в гавани повторяли сигнал. В 8.00 одновременно на кораблях спускались «подготовительные» флаги, на носу взвивался гюйс, а на корме — государственный флаг США. На небольших кораблях, приветствуя флаг, разливались трели свистков боцманов, с кораблей побольше раздавались звуки горнов, а на линкорах сияла медь духовых оркестров — там играли государственный гимн.

7 декабря в 7.55, как заведено, моряки были поглощены своим ритуалом. На палубах, окончив в 7.45 завтрак, собирались экипажи. Офицеров,

кроме вахтенных, было мало, иные еще спали, другие завтракали — офицеры могли завтракать до 8.30. Капитаны пяти линкоров и половина офицерского состава ночевали на берегу. У некоторых зенитных орудий позевывали плохо подобранные и малочисленные расчеты. На многих кораблях матросы собирались съехать на берег и наиболее предусмотрительные, чтобы сократить томительную процедуру воскресной утренней поверки, уже открыли двери и люки в водонепроницаемых переборках.

8 7.55, едва отзвучали звуки горна, возвещавшие начало церемонии подъема флага, гавань наполнилась шумом моторов. С разных направлений группы самолетов непривычной конструкции пикировали на остров Форд, другие, летя низко над водой, направлялись к кораблям. Дежурный офицер в оперативном центре патрульной авиации все еще ломал голову, пытаясь установить место, где «Уорд» потопил подводную лодку, когда рев самолета, идущего на бреющем полете, сорвал его с места. Он выскочил из дома, чтобы заметить номер и наказать воздушного хулигана. В лицо ему ударил горячий воздух, грохот оглушил: самолеты с красными кругами на крыльях бомбили аэродром патрульной авиации. Сначала многие решили, что командование флота устроило маневры в условиях, приближающихся к боевым, а для большей реальности на самолетах даже нарисованы опознавательные знаки вероятного противника. Заблуждение продержалось несколько мгновений — самолеты сбросили торпеды, которые начали рваться, поражая линейные корабли.

Первые минуты атаки навсегда запали в память участников с обеих сторон. Из 609 человек японского летного персонала, побывавших над Пёрл-Харбором 7 декабря 1941 года, через сорок лет осталось в живых едва дюжина. Один из них, Иосио Сига, в прошлом летчик-истребитель,

вспоминал: «Да, то было прекрасное зрелище, вид американского флота произвел на меня глубокое впечатление. Если японские военные корабли были замаскированы в темно-серые тона, то американские блистали. Я сразу понял, что атаковать легко, но последствия сброшенных нами бомб будут серьезными». Для начала он отметил «жуткий американский зенитный огонь. Разрывы снарядов усеяли небо, как цветы в корзине. Было страшно». Прикрывая свои самолеты сверху, Сига видел, как далеко внизу торпедоносцы «очень медленно» летели к линкорам, да и «торпеды двигались также очень медленно, мы видели их в воде, делающими узлов 30—40».

Пять американских линкоров стояли попарно: «Оклахома» — пришвартованный к борту «Мэриленд», «Вест-Вирджиния» — к борту «Теннесси», плавучая мастерская «Вестал» — к борту «Аризона»; «Невада» и «Калифорния» стояли поодиночке, а флагман флота линкор «Пенсильвания» с двумя эсминцами занимали сухой док. На «Неваде» в момент начала налета оркестр играл государственный гимн. Торпедоносец, сбросивший торпеду в «Аризону», пронесся над палубой «Невады». Хвостовой стрелок увидел оркестр, о палубную броню лягнула крупнокалиберная очередь, полетели щепки настила. Музыканты съежились, но доиграли гимн и только потом, побросав инструменты, разбежались по укрытиям.

В Пёрл-Харборе поняли, что происходит. Разноголосица истерических команд, расчеты бросились к зенитным орудиям и пулеметам. В 7.58 радиостанция штаба передала о налете японской авиации на Пёрл-Харбор, в 8.00 об этом сообщили всем кораблям в море. Зенитный огонь, хотя и усиливался с каждой минутой, был плохо организован. На многих кораблях боевые погреба оказались под замком, не было времени найти ключи — ломали двери. В воздухе, склонный к лирике, японский пилот

Матсумура огорчился. Как припоминал он после войны: «Зенитные средства противника неистовствовали. Черные разрывы испортили такое прекрасное небо. К тому же были еще и белые облачка разрывов». Рвались учебные снаряды. В суматохе заряжали орудия и ими.

Ярость атаки сосредоточилась на линейных кораблях. Через восемь минут после поражения первой торпедой линкор «Оклахома» перевернулся. Вода мигом распространилась через незакрытые люки в водонепроницаемых переборках. На поверхности остались только правый борт и часть киля. Корабль уткнулся мачтами в дно. Сотни человек оказались в ловушке. Через несколько месяцев, когда линкор был поднят, обнаружили около четырехсот трупов.

Поэтическая душа Матсумура, пилотировавший торпедоносец, отыскал свою цель — линкор «Вест-Вирджиния». Со второго захода он всадил торпеду в борт корабля. «Громадный фонтан воды поднялся выше мостика и затем медленно опал, как гейзер, исчерпавший свою силу. И тут же другой фонтан взметнулся в воздух», — удовлетворенно отметил он. Получив последовательно несколько торпед, «Вест-Вирджиния» загорелся и сел на дно на ровном киле. «Калифорния» затонул прямо у пирса. Раздался страшный взрыв: бомба, по-видимому, попала в носовые боевые погреба «Аризоны». Вверх на 300 метров взметнулся столб огня и дыма. В одно мгновение корабль превратился в груды металлолома. Погибло 1102 человека.

С горы Макалага, где находились виллы командного состава, было отлично видно происходившее. Адмирал Киммель со двора своей виллы наблюдал за началом японского нападения. Жена адмирала Блоха, стоявшая рядом с ним, заметила: «Похоже, что они накрыли «Оклахому!» — «Сам вижу», — огрызнулся флотоводец.

В спальне дома через улицу — там жил начальник разведки флота — его

жена обнаружила исчезновение мужа. Она выглянула в окно: разведчик в пижаме, но с биноклем, пытался рассмотреть, что происходит в гавани. Жена спросила: «Почему самолеты флота не сделают чего-нибудь?» Супруг рявкнул: «Почему самолеты армии не сделают чего-нибудь?»

В этот момент с улицы донесся шум: за Киммелем прислали автомобиль. На ходу завязывая галстук, он нырнул в машину. Когда машина тронулась, на подножку прыгнул командир дивизиона подводных лодок. В 8.10 Киммель был на своем командном пункте, откуда оказалось несравненно удобнее наблюдать за разгромом флота и отдавать команды. Он потребовал, чтобы командный состав рассредоточился. Два адмирала, глазевшие на происходившее через одно окно, разошлись в разные концы здания. В 8.17 Киммель отдал приказ второй эскадрилье патрульной авиации: «Найти врага!» Приказ, конечно, был невыполним в обстановке, царившей на командном пункте, — по словам штабного офицера, «паники не было, царил упорядоченный ужас».

Из восьми линейных кораблей только «Невада» дал ход во время нападения на Пёрл-Харбор. Офицер, принявший командование в отсутствие капитана, надеялся, что удастся выйти в открытое море. Линкору требовалось два с половиной часа, чтобы поднять пары, а для выхода в море использовались четыре буксира. На стоянке работал один котел, но на этот раз незадолго до налета был разожжен другой, чтобы подменить первый. Это дало возможность через 45 минут после появления японских самолетов сделать попытку уйти из гавани. Хотя и поврежденный бомбами, «Невада» хорошо слушался руля. Громадный корабль, непрерывно отбивавший атаки и искусно маневрировавший в тесной гавани, привлек всеобщее внимание. Особенно восхищался капитан землечерпалки, стоявшей на выходе из порта. От него требовали, чтобы он убирал трубопровод, когда линкоры входили или

выходили из Пёрл-Харбора. Капитан всегда утверждал, что они могли пройти, если бы только захотели. Теперь «Невада» доказал его правоту. Когда линкор вошел в фарватер, к Пёрл-Харбору как раз подошли японские пикирующие бомбардировщики второй волны под командованием многоопытного Такасиге Эгуса. Пёрл-Харбор к этому времени был дьявольским котлом пожаров, от которых поднимались серые, коричневые, белые, ядовито-желтые, черные клубы дыма. Прицельное бомбометание в огне пожаров и под бешеным зенитным огнем было почти невозможно. Но «Невада» был отчетливо виден.

Японские летчики обрушились на линкор с удвоенной яростью — представилась прекрасная возможность затопить его и закупорить вход в Пёрл-Харбор. Цель японцев стала ясна и тем, кто был на берегу. «Невада» получил приказ очистить фарватер. Повинуясь ему, командовавший офицер в 9.10 ткнул корабль носом на грунт напротив мыса Госпитальный. Через пять минут на борт поднялся капитан, догнавший, наконец, линкор, и вступил в командование вверенным ему кораблем. Несмотря на то что при попытке выйти из Пёрл-Харбора линкор получил новые попадания бомб и торпед и теперь плотно сидел на мели, расчеты зенитных установок продолжали вести огонь. Когда бой закончился, экипаж «Невады» огляделся — пятьдесят убитых, более сотни раненых. Но моряки отстояли серьезно избитый линкор.

Флагманский линкор «Пенсильвания» с двумя эсминцами «Кессин» и «Дауне» находился в сухом доке. Вода из дока была выкачана, корабли опустились, и высокие стенки дока очень затрудняли обзор — самолеты появлялись внезапно. Все эти трудности быстро понял крановщик подвижного крана, гражданский рабочий Джордж Уолтере. Он решил внести свою лепту в отпор дерзкому врагу. Сидя в будке крана на высоте 15 метров, Уолтере видел приближающиеся самолеты, а среди

атаковавших «Пенсильванию» летчиков второй волны было немало малоопытных с авианосцев «Сёкаку» и «Дзуйкаку», не блиставших тактическими приемами. Уолтере передвигал свой кран по рельсам вдоль стенки дока так, чтобы преградить им путь. Естественно, что такого рода противовоздушная оборона большого успеха иметь не могла, а постоянное перемещение крана вызвало сначала бешенство у зенитчиков на палубах кораблей в доке. Однако они очень скоро оценили его действия: движение крана по крайней мере показывало, откуда появится очередной японский самолет. Уолтере, однако, не успел стать общепризнанным героем — взрыв бомбы лишил кран подвижности. Линкор практически не пострадал, а эсминцы разбомбили.

Очень плохо пришлось старому линейному кораблю «Юта», с которого давно сняли вооружение; его использовали в качестве плавучей мишени на маневрах. Чтобы защитить корабль от учебных бомб, его палуба была покрыта толстыми деревянными брусками. «Юта» стоял отдельно от остальных линейных кораблей, а его палуба имела необычный вид. Некоторые японские летчики решили, что перед ними авианосец, и серьезно занялись кораблем. На него обрушился ливень бомб и торпед. Немногочисленный экипаж корабля-мишени, привыкший к учебным бомбардировкам и обстрелам, сохранил завидное присутствие духа. Под огнем японских самолетов люди организованно покинули корабль. «Юта» в результате попадания торпед перевернулся. Три легких крейсера — «Хелена», «Гонолулу» и «Рэлей» — получили довольно серьезные повреждения, а эсминец «Шоу» пострадал при пожаре.

За утро 7 декабря японская авиация потопила пять линкоров, повредила три. Выведены из строя, но остались на плаву три легких крейсера, сильно пострадали три эсминца. Повреждены или потоплены четыре вспомогательных судна, включая «Юту». Всего 18 кораблей, не считая

затопленного сухого дока № 2. Впоследствии большинство кораблей было вновь введено в строй. Не удалось восстановить линкоры «Аризона», «Оклахома», корабль-мишень «Юта», эсминцы «Кессин» и «Дауне».

Киммелю, ни на секунду не покидавшему своего поста у окна командного пункта, выходившего на гавань, докладывали новости, одна другой хуже. Звякнуло оконное стекло. Пуля из крупнокалиберного пулемета на излете разбила его, ударила адмирала в грудь, оставив черную метку на белоснежном кителе, и упала на пол. Киммель поднял ее и с глубокой скорбью произнес, ни к кому особо не обращаясь: «Куда милосердней убить меня...»

В разгар налета авиации дали о себе знать японские подводные лодки. В 8.17 с эсминца «Хэлм», полным ходом вырвавшегося из Пёрл-Харбора, внезапно увидели рубку подводной лодки. Эсминец немедленно открыл огонь. Рубка скрылась, а в штаб было послано предупреждение об опасности подводных лодок. В 8.30 появилась еще одна подводная лодка, на этот раз внутри гавани. Она успела выпустить обе торпеды, которые не нашли целей. Эсминец «Монагхэн» обстрелял, таранил, атаковал ее глубинными бомбами и в боевом азарте выскочил на берег. На этом закончилось участие японского подводного флота в боевых действиях.

Две сверхмалые подводные лодки были потоплены, две пропали без вести, а пятая — под командованием Сакамаки — весь день 7 декабря безуспешно пыталась пробраться в Пёрл-Харбор. Именно эту лодку увидел и обстрелял эсминец «Хэлм». Через перископ подводники видели налет авиации и горели желанием оказаться в центре событий. Но лодка несколько раз натыкалась на рифы, повредив оба торпедных аппарата. Моряки поклялись, что если они прорвутся в гавань, то направят лодку к

линейному кораблю, предпочтительно к «Пенсильвании», и взорвутся вместе с ним. Но этот замысел осуществить не удалось, и не потому, что линкор был в сухом доке, о чем они не знали, а потому, что суденышко плохо поддавалось управлению и в конце концов застряло на рифе.

Подводники пытались вплавь добраться до берега, доплыл один Сакамаки. На пляже он упал без сил, а когда очнулся, увидел винтовку стоявшего над ним американского солдата. В Токио десять членов экипажей сверхмалых подводных лодок посмертно повысили в чине, о судьбе Сакамаки, первого японского военнопленного, еще не знали. Кроме того, одна большая подводная лодка была потоплена у входа в Пёрл-Харбор. Командование японского флота тогда так и не узнало о жалком конце предприятия с подводными лодками. В штабе Объединенного флота тем не менее родилась легенда, давшая весной 1942 года обильную пищу токийской прессе, о сверхподвигах подводников при нападении на Пёрл-Харбор. На счет карликовых лодок пропагандисты в Токио записали гибель линкора «Аризона» и другие поражавшие воображение свершения.

«Как бы удрать с добычей»

Одновременно с ударом по кораблям был совершен налет на аэродромы. По японским подсчетам, на Гавайских островах было по крайней мере 900 самолетов, в действительности по крайней мере в три раза меньше. Самолеты на аэродромах представляли собой удобную и заманчивую цель — по приказу генерала У. Шорта они во избежание диверсий стояли группами на открытых местах. Так было на аэродромах Хикэм и Эва, около Пёрл-Харбора, на аэродроме истребительной авиации Уиллер, в центре Оаху, и других. На базе морской авиации в Канэохэ, расположенной в восточной части Оаху, гидросамолеты ровными рядами

покачивались на якорях.

Уже в первые секунды внезапная атака внесла страшное опустошение. Японские бомбардировщики бомбили с пикирования и бреющего полета, а истребители штурмовали аэродромы и находившиеся вблизи здания. Заправленные самолеты на рулежно-подходных дорожках вспыхивали факелами, на базе Канэохэ гидросамолеты тонули или горели в ангарах. В 8.00 к Оаху подошли 12 бомбардировщиков «Б-17» под командованием майора Лондона, совершившие 14-часовой перелет из Сан-Франциско (для тех времен громадное расстояние), и горючее было на исходе. Самолеты прибыли из Калифорнии облегченными: с них сняли вооружение, броню и сократили экипажи. Когда американские летчики увидели множество самолетов, снующих в небе над аэродромами, они решили, что местные авиаторы приготовили им торжественную встречу. Японские истребители тем временем уже пристраивались в хвост бомбардировщикам. Американские пилоты, расстегивая спасательные пояса, дивились многочисленному эскورتу. Через несколько мгновений пулеметный огонь с «эскортирующих» самолетов открыл им глаза на истинное положение вещей.

Майор запросил контрольную башню на аэродроме Хикэм о порядке посадки. Ему спокойно сообщили все необходимые данные, а когда бомбардировщик снижался на взлетно-посадочную полосу, невозмутимо добавили, что на хвосте его машины висят три японских истребителя. Под аккомпанемент пулеметных очередей, бивших по обшивке, бомбардировщик Лондона совершил посадку среди полыхающих на земле самолетов. Еще несколько «Б-17» приземлились в Хикэме, а остальные пытались найти места поспокойнее, но все аэродромы на Оаху были под огнем. Где бы ни появились «Б-17», их обстреливали японские истребители как в воздухе, так и на земле. Некоторые бомбардировщики

были серьезно повреждены. Японские летчики чисто профессионально отметили живучесть этих машин.

С земли было трудно разобрать, что происходит в сумятице воздушного боя. Адмирал Пай, торопившийся к месту службы, обратил внимание своего спутника адмирала Лири: «Смотрите, они умудрились написать «Армия США» на своих самолетах». Над ними пролетел бомбардировщик «Б-17» в огненном кольце японских истребителей.

На аэродромах стреляли все, кто только смог найти оружие, — из пулеметов, винтовок и даже пистолетов. Но неорганизованный огонь не причинял видимых потерь японским самолетам. Немногие американские летчики, поднятые с постели налетом, сумели добраться до аэродромов, еще меньше нашли самолеты, пригодные к полету, и лишь десятку из них удалось подняться в воздух.

Героями американской авиации оказались лейтенанты Джордж Уэлч и Кен Тайлор. Ночь на воскресенье юноши провели без сна на танцах и за карточным столом. На рассвете они держали военный совет: лечь спать или сначала искупаться в море. Уэлч убедил приятеля, что нет ничего полезней утренних купаний. Налет застал их в дороге — лейтенанты ехали в Халейву, там был небольшой аэродром, на котором стояла их эскадрилья. В Халейве не было никого из начальствующего состава, командир эскадрильи майор Остин охотился на оленей. Уэлч и Тайлор взлетели в воздух и вступили в бой в районе аэродрома Уиллер. Они сбили семь японских самолетов из одиннадцати уничтоженных в воздушных боях над Оаху утром 7 декабря.

На аэродромах было уничтожено 188 и повреждено 128 американских самолетов.

Тем временем к Пёрл-Харбору приближались двумя группами 19 самолетов с авианосца «Энтерпрайз». Корабль находился в 200 милях

прямо к западу от Оаху и должен был прийти позднее. Как обычно, авианосец выслал вперед патрульные самолеты, которые, завершив полет, должны были приземлиться на аэродроме Уиллер. Лидер — торпедоносец командира группы Б. Янга. Вместо стрелка заднюю кабину занимал офицер из штаба адмирала Хэлси, вооруженный не пулеметом, а портфелем с секретными документами о выполненной миссии «Энтерпрайза» — доставке истребителей на остров Уэйк. Около 8.30 торпедоносец Янга подлетал к Пёрл-Харбору. Впереди стена разрывов зенитных снарядов. Янг подивился воскресным учениям, да еще в районе базы, но, решил он, зенитчики знают лучше, примут меры предосторожности и не поразят свой самолет. Он без колебаний направился к аэродрому. Офицер в задней кабине был заморожен — армейский самолет, как он было решил, зашел в хвост, от него «быстро полетели как бы сигаретные окурки». Проследив их направление, он замер — от «окурков» посыпались кусочки алюминия с крыла.

Самолет проскочил торпедоносец, на крыльях и фюзеляже — красные круги... Янг понял и резко бросил торпедоносец на снижение через трассирующие очереди американских пулеметов и разрывы зенитных снарядов. Историограф «Энтерпрайза» зафиксировал: «В отчаянные секунды между нападением и посадкой не было времени предупредить эскадрилью, уже подходившую к острову. Когда Янг нажал на тормоза и его торпедоносец замедлил бег по аэродрому, матрос на летном поле навел на него пулемет. В этот кровавый час он уже забыл, что в Пёрл-Харборе могут быть самолеты, не домогающиеся его смерти. Пулеметную очередь по самолету предотвратил какой-то летчик, бросившийся на моряка с увесистым камнем в руке».

В эти минуты репродукторы на «Энтерпрайзе» донесли крик пилота другого торпедоносца: «Пожалуйста, не стреляйте! Не стреляйте! Это

свой самолет!» Пять самолетов с «Энтерпрайза» были сбиты усилиями как японских самолетов, так, по-видимому, и американских зенитчиков. Печальная участь авиагруппы Янга малопонятна, с ней расправились почти через час после того, как с Гавайев предупредили корабли в море о том, что на Пёрл-Харбор налетела японская авиация. Утверждают, что по получении предупреждения адмирал Хэлси на борту «Энтерпрайза» отреагировал перед отвечавшим за связь: «Боже мой! Они стреляют по моим ребятам, немедленно сообщите Киммелю!» Но почему brave адмирал не приказал оповестить Янга, которому оставалось полета до Пёрл-Харбора не менее получаса?

Авиагруппа с «Энтерпрайза» испытала на себе то, что встретили японские самолеты второй волны, начавшие действовать в 9 часов, — плотный огонь флота и зенитных средств с берега. Соответственно распределились и потери. Всего японская авиация от огня зенитной артиллерии и в воздушных боях потеряла утром 7 декабря 29 самолетов: 9 в первой волне и 20 во второй.

По мнению Футида, однако, бешеный зенитный огонь был благом для второй волны! В его воспоминаниях, опубликованных посмертно в американской печати, заявлено, пожалуй, с оттенком высокомерия: «Когда подошли самолеты второй волны, небо было так покрыто облаками и дымом, что самолетам было трудно отыскать свои цели. Атаку еще более осложнял жестокий зенитный огонь с кораблей и берега. Но Эгуса бесстрашно повел через него свои пикировщики. Его самолеты избрали целями те корабли, с которых велся самый сильный огонь. Решение оказалось правильным, ибо эти корабли пострадали меньше от первого налета. Вторая волна обрушилась на менее поврежденные линкоры и ранее оставшиеся целыми крейсера и эсминцы».

Бомбардировщик самого Футида, хорошо известный всем летчикам,

поспевал везде в небе над Пёрл-Харбором, Он, как придирчивый посредник на маневрах, вникал в детали действий первой и второй волны. Футида вспоминал: «Снова (от разрывов снарядов. — Н. Я.) нас страшно трясло и наши самолеты болтало. Вдруг я увидел, как с самолет» впереди нас упала бомба. Этот пилот уже проявлял беспечность. На учениях он несвоевременно сбрасывал бомбы и часто получал замечания.

Я подумал: «Этот проклятый опять взялся за свое!» и погрозил ему кулаком. Но скоро я понял, что с его самолетом неладно, он терял горючее. Я написал на маленькой черной дощечке: «Что случилось?» и показал ему. Он объяснил: «Пробило дно фюзеляжа».

Только теперь я разглядел, что остатки разбитого бомбодержателя на его самолете бешено болтались в воздухе. Испытывая сожаление за то, что порицал его, я приказал: вернуться на авианосец. Он ответил: «Бензиновый бак уничтожен. Следую за вами». Видя настроение пилота и его экипажа, я разрешил, хотя понимал, что бесполезно вести искалеченный самолет без бомб через вражеский огонь». Футида благоразумно не рассказал о конечной судьбе этого бомбардировщика, а продолжил описание своих свершений — наблюдения за точностью бомбардировки: «Я растянулся ничком на полу, наблюдая за падением бомб через смотровое отверстие. Четыре бомбы в безукоризненном порядке летели вниз, как дьяволы судьбы. Цель была так далеко внизу, что я на мгновение засомневался, поразят ли они ее. Бомбы становились все меньше и меньше, я затаил дыхание, боясь потерять их из виду. Я забыл обо всем, в волнении следя за их полетом к цели. Они превратились в маковые зернышки по размеру и наконец исчезли в момент, когда белые клубы дыма появились на корабле и вблизи его. С большой высоты близкие попадания заметнее, чем прямые попадания,

ибо от первых расходятся круги по воде. Отметив только два таких круга и две небольшие вспышки, я закричал «два попадания» и встал с пола». Высокая выучка японских летчиков привела к тому, что жители Гонолулу испытали силу зенитного огня, но не бомбардировщиков с воздуха. В горячке боя, когда с раскаленных стволов орудий клочьями свисала краска, артиллеристы не следили за направлением снарядов. Во время налета в городе раздалось сорок взрывов, вызвавших человеческие жертвы и причинивших ущерб в 500 тысяч долларов. Собравшиеся у трупов, а среди убитых была 13-летняя девочка, проклинали японских варваров, попирающих законы войны. Последующее расследование показало, что лишь один из сорока взрывов был взрывом японской бомбы — у городской электростанции, остальные — дело рук зенитчиков флота. В 9.45 все было кончено. Отбомбившись и израсходовав боеприпасы, самолеты второй волны повернули обратно. Еще с полчаса над Пёрл-Харбором висел в воздухе одинокий самолет с красной и желтой полосами на хвосте. Мицуо Футида определял размеры ущерба. Дым от пожаров, мешавший бомбометанию, не способствовал и наблюдению, но ему удалось сделать несколько удовлетворительных снимков гавани. Разрушения и потери на аэродромах было определить труднее, однако в воздухе не было видно ни одного американского самолета, и это давало ответ. Затем Футида направился к месту сбора, чтобы убедиться, что там не задержались самолеты, — истребители не имели радиопередатчиков и их следовало вести назад к авианосцам. Действительно, в воздухе бесцельно кружились два истребителя. Они пристроились к самолету Футида и легли на обратный курс.

Японские самолеты возвращались на авианосцы, следуя прямо на север: горючее было на исходе и применить ложные пути отхода было невозможно. Около 10 часов утра с авианосцев заметили черные точки

на горизонте. Они быстро росли, и скоро воздух заполнился гулом — вернулись торпедоносцы, бомбардировщики и истребители первой волны. Машины поспешно садились — стрелки указателей горючего дрожали около нулей. Погода испортилась, и возвращение на авианосцы было трудным. Чтобы не загромождать полетные палубы, несколько сильно поврежденных машин пришлось столкнуть в воду.

Пилотов приветствовали, забрасывали вопросами. Большинство с гордостью рассказывали о своих успехах, некоторые жаловались, что их бомбы и торпеды «чуть-чуть» не попали, и умоляли разрешить еще один вылет. Потери — 29 сбитых и 74 серьезно поврежденных самолета — не останавливали. Хотя намерения командования не были известны, самолеты заправили горючим, зарядили оружие. Ждали лишь команды для повторного налета.

Гэнда горячо доказывал, что говорить о полном успехе нельзя. Так и не удалось обнаружить оперативные группы с американскими авианосцами. Он был уверен, что «над Нагумо будут всегда смеяться грядущие поколения, если он не нанесет еще удар по Пёрл-Харбору». Разумеется, об этом своем открытии он считал за благо не сообщать командованию 1-го воздушного флота, а просто доложил Нагумо: «Нужно остаться в этом районе еще на несколько дней, найти и уничтожить вражеские авианосцы»{75}.

Около полудня колеса последнего, 321-го самолета ударились о палубу. На «Акаги» вернулся Футида. Он поднялся на мостик в разгар оживленной дискуссии, которую прервали, чтобы выслушать мнение руководителя операции. Когда Футида закончил доклад, Нагумо несколько напыщенно заявил: «Теперь мы можем заключить, что ожидавшиеся результаты достигнуты». Это было заявление для всех. Между собой же Нагумо и Кусака сошлись в том, что цели операции

выполнены на 80 процентов и стоит ли ставить под угрозу драгоценные авианосцы ради оставшихся 20 процентов? Кусака повторил свой довод: «Операция должна быть проведена с такой же стремительностью, как пролетает демон, а окончание ее — улетающий порыв ветра». Они там, на мостике «Акаги», нанеся предательский кровавый удар, впали в поэтическое настроение.

Напрасно офицеры авиации пытались переубедить Нагумо, указывая, что на Оаху еще оставалось множество целей. Напрасно Футида предлагал разбомбить в Пёрл-Харборе топливные емкости, доки и мастерские, а затем повернуть на юг и искать американские авианосцы — «Энтерпрайз» и «Лексингтон». Горячие тирады летчиков прервал Кусака, беспокойно поглядывавший на небо. Он попросил разрешения Нагумо лечь на обратный курс. Нагумо разрешил. В 1 час дня оперативное соединение со скоростью 26 узлов пошло на запад, к берегам Японии.

Там, на базе в Куре, возбужденные работники штаба Ямамото ждали дальнейших сообщений. Узнав об удаче, все единодушно считали, что будет нанесен второй удар. Ямамото с обычной беглой насмешливой улыбкой заметил, что Нагумо, наверное, чувствует себя как вор, отчаянно смелый на пути «на дело», а теперь только и думающий, как бы удрать с добычей. Затем он подумал, переменял тон и тихо произнес: «Адмирал Нагумо собирается отступить». Через несколько минут шифровка с «Акаги» подтвердила его слова. Оперативное соединение возвращалось. Нагумо больше не хотел искушать судьбу. Потрясенный Гэнда на всем пути назад свел общение с командованием 1-го воздушного флота до служебных формальностей.

Нагумо, надутый, как павлин, величественно появлялся на людях. Ему доложили: «По радио сообщили, что адмирал Киммель потерял голову». Нагумо понял буквально: отрубили-де голову. С глубоким вздохом он

выдавил из себя: «Я все время ощущаю, что оказал Киммелю дурную услугу». Подчиненные поспешили заверить адмирала, что в радиосообщении о голове американского адмирала сказано фигурально. Если современникам, особенно адмиралам, считавшим, что линкоры — главная сила флота, вывод из строя восьми линейных кораблей представлялся катастрофой для США, то ретроспективный взгляд на события 7 декабря 1941 года убеждает, что японский успех направил косное американское военно-морское мышление на правильную дорогу. Линкоры, ушедшие на дно в Пёрл-Харборе, олицетворяли собой прошлый день в войне на море. Японские летчики блистательно доказали, что отныне битвы на океанских просторах решают авианосцы, а тяжелые корабли — лишь их прикрытие. Ничтожные потери японцев по сравнению с американскими{*3} убеждали самых упрямых.

Но главное, командование японского оперативного соединения не захотело и не смогло уничтожить Пёрл-Харбор как военно-морскую базу США на Тихом океане.

«День позора»

Днем 7 декабря на Гавайях были твердо убеждены, что враг у порога и с минуты на минуту полчища японцев вторгнутся на острова. Уже в 9.30 на улицах Гонолулу продавался экстренный выпуск местной газеты с гигантским заголовком на первой странице: «Война! Японские самолеты бомбят Оаху!»

Все, в чем годами подозревали местных японцев в глазах как американских военных, так и обывателей Гонолулу, обернулось правдой. Истерики и демагоги бросились туда, где враг был доступен, — к генеральному консульству. ФБР и полиция, однако, успели первыми к осиному гнезду, выставив караул вокруг здания. Со двора генерального консульства поднималась жидкая струйка дыма, едва видимая на фоне

зловещих, смрадных туч, наползавших от Пёрл-Харбора. Генеральный консул Кита с Есикава деловито жгли документы.

Долго-долго, вплоть до 70-х годов, в американской литературе кочевал из книги в книгу апокрифический рассказ о бдительном полицейском, оказавшемся среди приставленных к генконсульству. Д. Уайтхед писал, например, в «Истории ФБР»: «Нагао Кита. Это имя нужно помнить в истории шпионажа во второй мировой войне. Если кто и помог удару по Пёрл-Харбору, то им был Кита. Под прикрытием дипломатической неприкосновенности он передавал Токио сведения о движении кораблей в Пёрл-Харборе. А теперь, когда удар был нанесен, он стремился уничтожить свидетельства этого.

Но стопы бумаг горят медленно. Охранник увидел, что жгут бумаги. Он ворвался в генеральное консульство и выхватил у протестовавших японцев шифровальную книгу и кипу донесений. Все это было передано ФБР, которое переслало их органам флота для дешифровки». Из рук вот этого полицейского США-де и получили сверхсекретные данные о деяниях врага в самый канун войны. В действительности, как мы увидим дальше, дело обстояло совершенно по-иному, а сказочка эта была пущена в обиход, чтобы не допустить разглашения сведений о гигантском размахе работы разведки США.

Версия эта оказалась полезной и для нагнетания страха по поводу японской «пятой колонны». Вверив борьбу с ней ФБР, полиции и добровольцам, командование вывело весь гарнизон, до последнего человека, на боевые посты. Армия и флот были готовы встретить врага.

На островке Форд вырастали бастионы из мешков с песком. На «Неваде», крепко сидевшем на дне, готовились к последнему бою. Отряд моряков сошел на берег рыть окопы. План обороны линкора предусматривал: держаться, сколько возможно, на корабле, а затем отступить на берег и

там сражаться до последней капли крови. На аэродроме Уиллер войны установили пулеметы. В штабах жгли документы. Из сухого дока в гавани грозные 14-дюймовые орудия стерегли вход в Пёрл-Харбор. Флагман Тихоокеанского флота линкор «Пенсильвания», прочно опираясь на кильблоки, тоже изготовился к решительному бою. Но где же враг? Японцы таинственным образом исчезли.

В штабе флота не щадили усилий, чтобы обнаружить противника. Х. Киммель подсознательно чувствовал, что противник пришел с севера, однако все время поступали сообщения о японских авианосцах, замеченных к югу от Оаху. Источником одного из донесений об этом был наверняка крейсер «Миннеаполис», возвращавшийся с учений и находившийся в этом районе. Капитан крейсера приказал доложить Киммелю: «Никаких авианосцев не видно», но при передаче напутали и сообщили: «Видю два авианосца».

Примерно в 10 часов утра Киммель приказал адмиралу М. Драмелю атаковать два японских авианосца, находящихся якобы в 30 милях к юго-западу. Драмель, под флагом которого находился отряд из трех крейсеров и дюжины эсминцев — эти корабли не были повреждены во время налета, передал сигнал: «Сосредоточиться и атаковать».

Отряд ринулся на юго-запад, но никого не обнаружил. Однако его увидел разведывательный самолет с авианосца «Энтерпрайз». Летчик решил, что он наконец нашел вражеские корабли. С «Энтерпрайза» по радио передали срочное сообщение в штаб Киммеля, оттуда Драмелю последовал новый приказ: «Искать». Отряд приступил к тщательным поискам самого себя!

Командир эскадрильи самолетов, вернувшейся с Мидуэя, лично доложил в штаб Киммеля, что южнее Оаху наблюдал японский авианосец и эсминец. Почти все офицеры штаба говорили с ним, летчик стоял на

своем: «Это был японский авианосец, я видел восходящее солнце, нарисованное на полетной палубе». К тому же коварный враг замаскировался, «на палубе были нарисованы надстройки тяжелого крейсера». Но в штабе Киммеля решили все же проверить: в этом районе находилась оперативная группа под флагом адмирала У. Брауна. Запросили его, адмирал недовольно ответил, что только что американский самолет отбомбился по подчиненному ему крейсеру «Портленд». К счастью, промазал, хотя «две бомбы легли рядом».

Уцелевший «Б-17» взлетел с аэродрома Хикэм и, как другие патрульные самолеты, направился в поиск на юго-запад от Оаху. Вскоре он увидел «прекрасный авианосец», вдоль всего борта которого внезапно засверкали вспышки. С авианосца встретили приближавшийся бомбардировщик сосредоточенным огнем. «Бог возложил в этот миг на меня руку, я понял — это не японский авианосец», — рассказывал потом командир «Б-17». Он повернул и направился на северо-запад. Впоследствии подсчитали: если бы «Б-17» не сделал крюк на юг и не потерял время, он бы обнаружил отходивший на запад «Кидо Бутай» Нагумо.

В 12.10 с Оаху вылетели девять самолетов, которые обследовали водные просторы на 200 миль к северу: японского флота не видно. В штабе Киммеля, однако, не позаботились опросить тех, кто что-то знал. Майор Лондон тщетно пытался доложить, что, когда его «Б-17» прибыл к Гавайям, японские самолеты прилетали и улетали на север. Его не слушали. Радиолокационные установки, в том числе на горе Опана, вновь работали. Они передали в информационный центр все необходимые данные об обратном курсе самолетов. Но в штабах флота никому не пришло в голову запросить этот армейский центр, забыв, что радар дает возможность проследить не только подход, но и уход самолетов.

О местонахождении врага не было ничего известно, дикие слухи с быстротой молнии облетали Оаху.

С едким сарказмом автор документальной книги «День позора» У. Лорд писал: «В довершение несчастий вышло указание — собрать всех говорящих по-японски. Распространялись самые неприятные слухи. Младший лейтенант Джон Ландрет слышал, что по радио объявили о японской высадке у Даймонд Хед. Радист Лафата со «Свона» услышал новости похуже: японцы уже взяли Уйикики.

По мнению спасшихся с «Аризоны» на сборном пункте, опасность исходила не с востока, а с запада — сорок японских транспортов стояли у Барбара Пойнте. Дело обстоит куда сложнее, заметил кто-то артиллеристу Ральфу Карлу с «Теннесси», — десант высадился на пляже Уэне. Другие клялись, что японцы высадились на севере. Рабочий доков Джеймс Спагнола узнал, что все северное побережье острова было потеряно. В Шофилде лейтенанта Роя Фостера информировали, что в ближайшие полчаса-час последует вторжение на Шофилд и Уиллер, а сержант морской пехоты Бердет Одекирк точно знал — Шофилд пал.

И как будто морских десантов было недостаточно, распространились слухи, что японские парашютисты дождем сыпятся с небес — на побережье Нанакули на северо-западе, на поля сахарного тростника к юго-западу от острова Форд, на долину Маноа к северу от Гонолулу. Их можно узнать по красному солнцу, нарисованному на спине, или по красной метке над левым нагрудным карманом, или по значку красного солнца на рукаве. Во всяком случае, все они носят синие комбинезоны»{77}.

Немедленно отправлялись отряды, чтобы проверить эти сообщения и затем опровергнуть их. Громадную тревогу вызывали местные японцы. Говорили о том, что вот-вот начнется восстание. Очевидцы утверждали,

будто шофер-японец на тяжелом грузовике с цистерной для молока разъезжал по аэродрому Уиллер, отбивая хвосты у самолетов, и был на месте застрелен бдительным офицером.

Разнесся слух, будто японские агенты отравили источник воды у аэродрома Эва. Узнав об этом, люди, пившие воду, почувствовали себя плохо и были доставлены в госпиталь. Попытка подполковника Фрэнка Лейна опробовать воду не удалась: собачка, избранная для проверки, подозрительно упрямилась, отказывалась лакать воду. Другой пес попал под куда более тяжкое подозрение. Некий бдительный обыватель доложил военным властям, что «на пляже Эва собака лает шифром в направлении подводной лодки у побережья». Опрашивавший его офицер отметил: заявитель «был абсолютно серьезен и верил в то, что говорил». Жителей Оаху, японцев по происхождению, принимали за переодетых вражеских солдат. Среди местных японцев распространился слух: американская армия, мол, перебьет их всех до одного. Затем якобы планы американцев изменились: всех мужчин-японцев расстреляют, а женщин заморят голодом. Американские солдаты на каждом шагу грозили японцам оружием, а ФБР и полиция не смогли реализовать свои обширные планы ареста «подозрительных» только по причине нехватки грузовиков и охраны.

В 11.15 губернатор островов 72-летний Джозеф Пойндекстер дрожащим голосом прочитал по радио прокламацию о введении чрезвычайного положения. Он уже был смертельно напуган: зенитный снаряд разорвался рядом с его машиной по дороге, другой — залетел в здание губернаторского дворца. Не успел губернатор закончить чтение, как позвонили из штаба, приказав немедленно прекратить передачу: ожидается новый налет, и самолеты используют работающую радиостанцию как приводной маяк. Молодые помощники губернатора

повиновались приказу. Они, не вдаваясь в объяснения, схватили его, вытащили на улицу, стремительно посадили в машину. Шофер резко взял с места, и машина вихрем помчалась по улицам Гонолулу. Ошеломленный губернатор серьезно решил, что допустил какую-то фатальную ошибку в передаче и арестован военными властями.

В полдень на улицах Пёрл-Харбора и в военных городках у аэродромов появились машины с громкоговорителями. Семьям военнослужащих приказывалось эвакуироваться без промедления. Перепуганные женщины, собрав детей и прихватив кое-какие вещи, заполняли грузовики и автобусы, свозившие их к университету в Гонолулу и зданиям школ. Там в страшной тесноте они с волнением ожидали новых ужасов.

Генерал У. Шорт, вместе со штабом обосновавшийся в глубоком туннеле склада боеприпасов в трех милях от форта Шафтер, был готов к отражению штурма. Но на островах еще не ввели военного положения, что, по мнению штаба, существенным образом подрывало боеготовность гарнизона. Из глубокого подземелья он по телефону заклинал Пойндекстера без промедления издать соответствующую прокламацию, ибо в штабе твердо верили — армада с десантом приближается к Гавайям. Губернатор, напуганный историей с утренней передачей, не хотел брать на себя ответственность и решил сначала связаться с Ф. Рузвельтом. Несколько часов он умолял цензора флота разрешить разговор с Белым домом. Наконец цензор уступил, и губернатор услышал бархатный голос президента. Рузвельт согласился, что ввести военное положение неплохо. В 16.25 Гавайские острова прокламацией губернатора были объявлены на осадном положении.

События на Оаху повлекли за собой многие и разнообразные последствия. Еще в 7.33 по гавайскому времени на радиостанцию

компании «Вестерн юнион» пришла из Вашингтона шифрованная телеграмма на имя генерала Шорта. Юноша-посыльный из местного японского населения Тадао Футиками получил ее для доставки вместе с письмами частным лицам. Одетый в обычную форму посыльных компании, он сел на мотоцикл и отправился по адресатам. Очень скоро Футиками понял, что случилось нечто из ряда вон выходящее — взрывы, стрельба зениток, самолеты, с ревом проносящиеся над головой.

Тадао не сообразил, что, по мнению бдительных солдат и полиции, японские парашютисты выглядели именно так, как он — зеленая рубашка и брюки цвета хаки. Его останавливали на каждом углу, придирчиво проверяли документы. Потратив несколько часов, Тадао с большим трудом пробился к форту Шафтер. Результат: в три часа дня генерал Шорт держал в руках расшифрованную телеграмму, которую человек со смелым воображением мог истолковать как предупреждение о намерении Японии открыть военные действия. Шорт немедленно направил копию документа Киммелю. Адмирал холодно заметил посланцу, что телеграмма не имеет никакого значения, скомкал ее и бросил в корзину под столом.

Сгустились сумерки, и было введено полное затемнение. Продолжали рождаться самые мрачные слухи. Японцы-де уже высадились в США и продвигаются к Лос-Анджелесу, обе оперативные группы «Лексингтон» и «Энтерпрайз» потоплены. Настроение несколько улучшили известия, распространившиеся среди моряков: во-первых, русские якобы бомбят Токио, во-вторых, всем уцелевшим во время налета на Пёрл-Харбор будет дан месячный отпуск. То там, то здесь вспыхивала стрельба: стреляли часовые, целые подразделения вели огонь друг по другу. Солдаты 27-го и 98-го полков долго перестреливались. Наконец один раненый разразился такой бранью, по которой «противник» наверняка определил, что перед ним свои. В порту пулеметная очередь с

«Калифорнии» срезала двух спасшихся с «Юты», а на Оаху было множество раненых.

Семьи военнослужащих продолжали свозить на сборный пункт и с наступлением темноты. Жена командира дивизии Д. Вильсона запомнила жуткую ночь, когда автобусы, перегруженные женщинами, детьми и пожилками, с черепашьей скоростью ползли по дороге не зажигая фар. Они часто застревали в транспортных пробках, а над машинами все свистели пули, не смолкала беспорядочная стрельба. «Большая часть женщин утратила даже следы контроля над собой. Они плакали и кричали, как перепуганные дети. Некоторые стояли на коленях, бормоча бессвязные молитвы».

В Гонолулу было не лучше. Жена офицера-подводника П. Райана даже через сорок лет не могла забыть ужаса, вызванного распорядительностью властей. В каждом квартале был назначен дежурный, призванный следить за соблюдением затемнения. «В ночь на 8 декабря, — писала она, — такой дежурный, 60-летний гаваец китайского происхождения, столкнулся с двумя приятелями, также дежурными. В темноте они приняли его за японского парашютиста и, перепуганные до смерти, забили друга тяжелыми фонарями. На следующий день он умер в больнице от травм черепа. Трагедия послужила уроком, и люди с наступлением темноты не покидали домов»{78}.

Полковник Фидлер во главе отряда солдат лично проверил сообщение о том, что кто-то сигналил синим светом в районе базы. Солдаты в стальных касках с примкнутыми штыками окружили подозрительное место: два фермера доили корову в условиях затемнения, обернув старую лампу синим целлофаном. Мелькавшие тени рук на ее фоне и были «сигналом».

Во второй половине дня адмирал Хэлси на борту «Энтерпрайза» получил

долгожданную ориентировку: японские корабли обнаружены к югу от Оаху. Пилоты торпедоносцев и пикирующих бомбардировщиков в предвкушении добычи с энтузиазмом стартовали с авианосца под прикрытием шестерки истребителей. Они провели длительный поиск и нашли корабли, американские, шедшие, чтобы присоединиться к «Энтерпрайзу». Разочарованные пилоты с трудом посадили в темноте свои тяжелые самолеты (было приказано не освобождаться от торпед и бомб). Истребителей, которые сожгли за четырехчасовой полет почти все горючее, направили на аэродром на острове Форд.

Ведущий знал о повышенной боевой готовности. Он точно договорился по радио с офицером на контрольной башне о порядке посадки. Было приказано включить бортовые огни и выдерживать установленное направление.

Всем кораблям и зенитным батареям строжайшим образом приказали не открывать огня: самолеты свои. Но стоило им появиться в зоне Пёрл-Харбора, как линкор «Пенсильвания», подав пример бдительности, ошестинился огнем. В одно мгновение застреляло все, что могло стрелять. Пять самолетов были тут же сбиты, три летчика успели выпрыгнуть с парашютами из горящих машин, одного из них изрешетили из пулемета, пока он плыл в гавани. Благополучно приземлился лишь один самолет: пилот стремительно спикировал на зенитную установку, ослепил светом стрелков и отвернул в сторону. Через десять минут, когда стрельба угасла, он запросил по радио инструкции о посадке. Ему было сказано: подходить на бреющем полете, не зажигать огней. Он не смог сесть как свой самолет, но успешно сделал посадку как вражеский{79}. На кораблях боевой дух необыкновенно поднялся: наконец-то япошек проучили.

Гавайи изготовились к бою

Суровый воинский порядок водворился на Гавайях. Вдоль побережья рыли траншеи. На пляжах установили самые разнообразные заграждения. В тылу регулярных частей, занявших позиции, формировались территориальные войска. Трагическое и смешное соседствовали друг с другом. Сотни добровольцев пришли в военные госпитали. На Гавайях оказался доктор Д. Морхед, известнейший американский хирург. Вместе со своими коллегами он почти не отходил от операционного стола. Когда он вышел на минутку выпить кофе, рядом оказался начальник госпиталя. Морхед шутливо заметил, что, пожалуй, он теперь военный врач. Ретивый администратор понял слова хирурга буквально. Через полчаса он сунул голову в дверь операционной и прокричал, что доктор Морхед произведен в полковники медицинской службы.

Стремительно возникший Совет граждан Гонолулу организовал посильную помощь: эвакуация населения, раздача продовольствия и т. д. Солдаты второго батальона территориальных войск, только что одевшие военную форму, не знали толком, что делать. Внезапно среди групп растерянных вчерашних штатских появился подтянутый сержант. Он прибыл в военной машине с широкими полномочиями — сколотить крепкий батальон. Солдаты охотно подчинились. Сержант сумел раздобыть все необходимое — оружие, снаряжение. Он месяц самоотверженно работал с батальоном, пока не попался на краже виски из магазина. Выяснилось, что он был солдатом, сбежавшим с гауптвахты утром 7 декабря. Он начал с похищения формы сержанта и автомобиля, а затем вступил в командование батальоном.

Но почему столь распорядительный тип не устоял перед соблазном похитить виски? Супруга офицера-подводника П. Райана, давшая живые

зарисовки Пёрл-Харбора в первые недели после японского налета, еще припомнила о здешних нравах: «Днем 7 декабря губернатор запретил продажу всех спиртных напитков, включая вино и пиво. Неизбежно отсутствие вечерних коктейлей побудило самых предприимчивых среди нас попытаться проверить дикие рецепты изготовления браги из ананасового сока, которого у нас было предостаточно. К сожалению, получавшееся пойло было непригодно для питья.

Как-то нам удалось на время утолить жажду, когда один из мужей появился с литровкой чистейшего спирта. Он туманно объяснил, что «заимствовал его из корабельного нактоуза». Смешав спирт с фруктовым соком и льдом, мы получили приемлемый пунш, украсивший нашу дневную пирушку».

В те тревожные дни на островах напряженно ждали японского вторжения. Его дождались только немногочисленные обитатели крошечного островка Ниихау, самого западного в группе Гавайских островов. Ниихау принадлежал богатой семье Робинсонов, которые стремились сохранить островок в таком виде, как они представляли Гавайи в далеком прошлом. Раз в неделю на Ниихау приходил с ближайшего острова, лежавшего в двадцати милях к востоку, катер с припасами. Иных связей с Гавайями жители Ниихау, обслуживавшие скотоводческое ранчо, устроенное Робинсонами на острове, не имели.

Однако, когда около двух часов дня 7 декабря японский самолет с пулевыми пробоинами в фюзеляже и крыльях сделал вынужденную посадку на острове, жители Ниихау реагировали молниеносно. Несколько мужчин отняли пистолет и документы у летчика и посадили его в импровизированную тюрьму. Поскольку пилот упорно отказывался говорить по-английски, простодушные островитяне прикомандировали к нему местного японца, а сами с нетерпением стали ждать катера,

который что-то не приходил.

Решающие события развернулись 12 декабря: пилот, вступив в сговор с местным японцем, завладел всем оружием, имевшимся на острове, — револьвером и двустволкой. Вооружившись, они стали хозяевами деревушки, жители которой разбежались. Японцы сняли пулеметы с самолета и стали угрожать, что перестреляют всех островитян, если им не вернут документы, отнятые у пилота. Попытка использовать для передачи ультиматума дряхлую старуху, а только она осталась в деревне, не удалась. Никакие угрозы не могли оторвать ее от привычного занятия — чтения Библии.

Тем временем островитяне подготовились к отвоеванию Ниихау. В ночь на субботу им удалось стащить патроны к пулемету, а с утра, по всей вероятности, самый сильный из жителей Ниихау вместе с женой отправился в разведку. Японцы схватили их. Островитянин по-доброму посоветовал бросить играть с оружием — как бы не случилось беды. Взаимные оскорбления — и скоро все четверо в жестокой схватке катались по траве. Пилоту удалось ранить из пистолета местного великана, что вывело того из себя. Он схватил пилота и разбил ему голову о каменную стену. Взглянув на бездыханное тело, его союзник застрелился на месте из ружья. Тем и закончилось вторжение на Ниихау, единственное на Гавайях.

Соучастие местного японца в попытке летчика с истребителя «Зеро» овладеть островком было единственной вылазкой «пятой колонны» на Гавайях. Таков честный вердикт истории. Тогда же, по горячим следам за Пёрл-Харбором, ответственные американские деятели думали по-иному. 12 декабря адмирал Х. Киммель докладывал Г. Старку: «Работа «пятой колонны» внесла громадное смятение».

Военно-морской министр Ф. Нокс, приехавший в эти дни на Гавайи,

сообщал Ф. Рузвельту: «Работа членов японской «пятой колонны» сразу за нападением заключалась в распространении по радио десятков ложных и противоречивых сообщений о направлении, куда улетели японские самолеты, а также о том, что везде маячат японские корабли». 15 декабря Нокс на пресс-конференции в Вашингтоне обобщил: «Я считаю, что «пятая колонна» сработала лучше всего за всю войну на Гавайях, за исключением, быть может, Норвегии».

По поводу этих и других суждений Г. Прандж заметил, имея за плечами десятилетия исследования Пёрл-Харбора: «В действительности флоту, армии и гражданскому населению Оаху вовсе не было нужды в помощи «пятой колонны» для создания всеобщего замешательства», возвращенного «как поганка на почве, унавоженной подозрениями и истерией».

Г. Прандж прав.

США и Япония в войне

Громадный, как представлялось тогда, успех удара по Пёрл-Харбору породил внушительную легенду — среди пилотов, атаковавших американский флот, были немцы. На Гавайях нашлись даже «очевидцы», видевшие за штурвалами японских самолетов европейские лица. Что тут сомневаться, конечно, только гитлеровским люфтваффе, а не «азиатам» по плечу содеянное!

В действительности гитлеровское руководство узнало о Пёрл-Харборе из радиоперехвата, когда над Берлином уже сгустилась ночь 7 декабря. Поднятый с постели Риббентроп не поверил сообщению, которое, «вероятно, пропагандистское ухищрение врага», и потребовал, чтобы его больше не беспокоили до утра. А в 1 час дня 8 декабря к нему явился Осима с официальной просьбой «немедленно» объявить войну США. Гитлер, разумеется, стоял за это и засел за подготовку трескучей речи

против Рузвельта, что потребовало времени. Отсюда задержка с объявлением войны США до 11 декабря 1941 года.

По всей вероятности, Рузвельт и Хэлл знали о происходившем в Берлине и в ожидании неизбежного из Европы не отвлекались от дел на Тихом океане.

В тот фатальный день 7 декабря в Белом доме уже в 8.40 вечера сошлись министры. Они расселись в Овальном кабинете. Президент серьезно сообщил, что по значимости совещание можно сравнить только с тем, которое провел А. Линкольн со своим правительством в начале Гражданской войны в США, то есть в 1861 году. Тут в кабинет стали входить лидеры конгресса, толпа сенаторов и конгрессменов. Они оттеснили членов кабинета от стола и сгрудились вокруг президента.

Военный министр Г. Стимсон подал голос: коль скоро США вступили в войну на Тихом океане, нужно объявить войну еще Германии и Италии. Нечего тянуть. Гул одобрения покрыл резкий голос Рузвельта: «Не надо». Воцарилась тишина. Франклин Д. Рузвельт неторопливо прочитал лекцию об американо-японских отношениях, выделив миролюбие Соединенных Штатов и коварство Японии. Взять хотя бы последнюю ноту Токио, сокрушался президент, «ложь с начала до конца». Он еще описал в самых мрачных красках катастрофу в Пёрл-Харборе. Сенатор Т. Коннэли закричал: «Наши проспали! Где были наши патрули?» Рузвельт развел руками. На том совещание, равное по важности собранию у А. Линкольна в 1861 году, закончилось.

В Белый дом потянулись адмиралы, генералы, бизнесмены, политики и многие другие. А вокруг все сгущались толпы, нестройно певшие «Боже, благослови Америку». Поздно вечером Рузвельт принял известнейшего журналиста Э. Мэрроу. Президент сухо сообщил об известных потерях. Внезапно Рузвельт сорвался, стуча по столу громадным кулаком, он

закричал: американские самолеты были уничтожены «на земле, боже мой, на земле!».

8 декабря в 12.20 в Вашингтоне кортеж из десяти сверкающих машин подъехал к южному входу Капитолия. Из первой вышел президент США Франклин Д. Рузвельт. Он был в морском плаще и опирался на руку сына Джимми в форме капитана морской пехоты. Охрана высыпала из трех машин и взяла в кольцо президента. Вокруг здания за кордоном конных полицейских густая, молчаливая толпа.

Президент приехал просить конгресс объявить войну Японии. В Капитолии все были в сборе. В 12.29 Рузвельт, поддерживаемый Джимми, вошел в зал палаты представителей, где проводились объединенные заседания конгресса. Немного словное представление спикера Сэма Райберна — и президент занял трибуну. Впервые за девять лет его встретили аплодисментами и республиканцы. Он произнес короткую речь, в которой сказал:

«Вчера, 7 декабря 1941 года — в День позора, Соединенные Штаты были внезапно и злоумышленно атакованы военно-морскими и воздушными силами Японской империи. США были в мире с этой страной и по просьбе Японии все еще вели переговоры с ее правительством и императором, направленные на сохранение мира на Тихом океане. Больше того, через час после начала нападения японской авиации на остров Оаху посол Японии в США Номура и его коллега по переговорам Курусу передали государственному секретарю официальный ответ на недавние американские предложения. Хотя в ответе указывалось, что представляется бесполезным продолжать нынешние дипломатические переговоры, в нем не содержалось ни угроз, ни намека на войну или вооруженное нападение. Учитывая расстояние между Гавайями и Японией, нет никаких сомнений в том, что нападение умышленно

готовилось в течение многих дней и даже недель. А все это время японское правительство сознательно стремилось обмануть Соединенные Штаты ложными заявлениями и выражало надежду на сохранение мира. Вчерашнее нападение на Гавайские острова нанесло огромный ущерб американским морским и военным силам. Погибло очень много американцев». Перечислив и другие пункты, в которых японские войска напали на американские владения на Дальнем Востоке и Тихом океане, Ф. Рузвельт просил конгресс объявить с 7 декабря 1941 года войну Японии.

После непродолжительного обсуждения, в 16.10 8 декабря конгресс принял объединенную резолюцию, объявлявшую войну между «императорским правительством Японии и правительством и народом Соединенных Штатов». США вступили во вторую мировую войну.

Почему это произошло

Нападение на Гавайские острова, как молния, поразило американских командующих на месте военных действий, но схватка с Японией не могла быть неожиданной для правящих кругов США. Пёрл-Харбор, или «День позора», как назвали его в Соединенных Штатах, был лишь логическим развитием и только очередным звеном в американо-японских отношениях. Рост межимпериалистических противоречий давно вел дело к такому исходу.

Еще в 1918 году В. И. Ленин, говоря о взаимоотношениях между Соединенными Штатами и Японией, подчеркивал: «Экономическое развитие этих стран в течение нескольких десятилетий подготовило бездну горючего материала, делающего неизбежной отчаянную схватку этих держав за господство над Тихим океаном и его побережьем. Вся дипломатическая и экономическая история Дальнего Востока делает

совершенно несомненным, что на почве капитализма предотвратить назревающий острый конфликт между Японией и Америкой невозможно». В. И. Ленин считал, что в данном случае виновниками предстоявшего вооруженного конфликта явятся как Токио, так и Вашингтон: «Вы знаете, что война между Японией и Америкой уже готова, она подготовлена десятилетиями, она не случайна; тактика не зависит от того, кто первый выстрелит. Это смешно. Вы прекрасно знаете, что японский капитализм и американский одинаково разбойны». Последующие события подтвердили справедливость ленинского анализа.

По большому счету Соединенные Штаты пожинали плоды своей политики в отношении Японии с конца XIX — начала XX века. В те времена Вашингтон в высшей степени благосклонно относился к Японии, больше того, серьезно поощрял ее империалистическую экспансию. Заодно с США выступала Англия, подписавшая в 1902 году договор с Японией, направленный против России. Опираясь на английскую поддержку, Япония решительно укрепила свои позиции в Корее и Южной Маньчжурии и смело вступила в конфликт с Россией.

В ходе русско-японской войны 1904—1905 годов за спиной Японии уже открыто стояли Соединенные Штаты. Политическая, экономическая и финансовая поддержка Вашингтона и Лондона дала возможность Японии возобладать над Россией. Однако в ближайшие годы, уже в первую мировую войну, выяснилось, что японские империалисты отплатили черной неблагодарностью своим англоамериканским покровителям. Те вскармливали японский милитаризм против России, а Япония вознамерилась овладеть Китаем, стать ведущей силой на Дальнем Востоке и Тихом океане, а на первом этапе — захлопнуть перед США «двери» в Китай, сведя на нет традиционную американскую политику «открытых дверей» и «равных возможностей» в Китае.

После завершения первой мировой войны США ужесточили свою позицию в отношении Японии. Под сильнейшим американским нажимом на Вашингтонской конференции девяти держав в 1921—1922 годах японские империалисты были вынуждены расстаться со значительной частью своей добычи военных лет. Япония вернула Китаю занятую ею территорию, «арендованную» в свое время Германией. Японские представители поставили свои подписи под обязательством уважать суверенитет, независимость, территориальную и административную неприкосновенность Китая, уважать принципы «открытых дверей» и «равных возможностей» в этой стране. Англо-японский договор 1902 года ушел в прошлое.

США вместе с ведущими странами Западной Европы позаботились о том, чтобы ввести в надлежащие рамки японские морские вооружения. На конференции был подписан договор пяти держав (США, Англия, Япония, Франция, Италия), установивший тоннаж их линейных кораблей в пропорции 5 : 5 : 3 : 1,75 : 1,75. Ряд других соглашений на взаимной основе запрещал укрепление островных владений США, Англии и Японии. Вашингтонская конференция вызвала яростное недовольство японских милитаристов, резко усугубила их империалистические противоречия с Соединенными Штатами, которых в Токио считали главным виновником отступления и унижения Японии.

Зарницы на Дальнем Востоке

На первый взгляд Япония в те годы представлялась сплоченной, туго связанной железной дисциплиной нацией, руководители которой четко знали, как добиться своих целей. Западные политические наблюдатели были склонны усматривать в различных акциях японской политики отдельные проявления некоего обширного «зловещего плана» и, никогда

не ставя под сомнение его реальность, расходились лишь в оценках существа замыслов японских империалистов. Исследователи, как водится, размышляли, вскрывали сложные мотивы и т. д., в то время как японская государственная мысль была много проще.

Противоречия в курсе японской политики, а они, собственно, и служили отправной точкой для рассуждений о «сатанинской мудрости» Токио, порождались прозаическими обстоятельствами — особенностями тогдашнего государственного устройства Японии. Номинально правителем страны являлся император, назначавший премьер-министра и членов кабинета, не считаясь с парламентом. Он также контролировал армию и флот через соответствующих начальников штабов, подчинявшихся непосредственно трону.

На деле замещение высших правительственных постов производилось по совету старейших политических деятелей, ранее генро, а в описываемый период — своего рода коллегии бывших премьер-министров. Военный и военно-морской министры состояли на действительной службе. В своем официальном качестве они, а следовательно и кабинет, отвечали за снабжение вооруженных сил, но вопросы стратегии оставались в руках генерального штаба армии и главного морского штаба. Кабинет в целом обычно не информировался военщиной об их планах. Больше того, если военный и военно-морской министры того желали, они угрозой отставки могли привести к падению любой кабинет. Стабильность правительства обеспечивалась постоянным конфликтом между командованием армии и флота, непрерывно фрондировавших друг против друга в интересах достижения «национальной гармонии» и лучшего служения императору.

С начала 20-х годов страну лихорадило, милитаристы вовсю развернули свою деятельность и пропаганду. Бесчисленные легальные и тайные организации, предварительно ,дав клятвы в верности трону, громко

требовали от очередного правительства динамической политики, мало считаясь с реальными возможностями Японии. Они порывались пойти войной на державы, имевшие несчастье соседствовать с Японией или в какой-то мере заинтересованные в делах Дальнего Востока и Тихого океана. Советский Союз, Китай, США, Англия — все они именовались врагами.

Политические экстремисты имели влиятельных покровителей в Токио, в сущности, они только забежали вперед. За кулисами их деятельность направляли подлинные хозяева страны — клика монополистов «дзайбацу», мечтавшая о покорении обширных районов планеты и эксплуатации их богатств. Финансовый капитал, естественно, подкармливал яростных и алчных шовинистов. Те в меру сил и возможностей отрабатывали полученное. Острые приступы политического безумия щедро вознаграждались.

Отставной генерал-лейтенант Кохиро Сато порадовал своих соотечественников книжкой «Если Япония и Америка начнут войну», нашумевшей в 20-е и 30-е годы. Он открыл читателям, что Америка отравлена «золотым ядом», ненавидит Японию, чинит препятствия ее справедливым устремлениям. Но боевой дух самураев возобладает «над материальными ценностями, развратившими Соединенные Штаты». Исход войны решают мужество или трусость: в японском фольклоре установлено, что когда-то 50 японских пиратов завоевали 10 китайских провинций, а несколько тысяч самураев, высаженных в США, смогут нанести решительное поражение американцам. «Моя идея заключается в том, — писал Сато, — что если отряды таких воинов, презирающих смерть... будут брошены, на Сан-Франциско, то это будет в высшей степени интересно». Мнение ветерана русско-японской войны, который теперь собирался самурайским мечом поразить Америку, можно было

скинуть со счетов, если бы речь шла только о бредовых идеях престарелого мемуариста. Появление книжонки Сато, однако, было возможно лишь в обстановке военного психоза, нагнетающегося сверху.

Не кто иной, как премьер-министр Японии в конце 20-х годов Гиити Танака 21 июля 1927 года обратился к императору с обширным меморандумом, предлагая проводить политику «железа и крови». Меморандум, ставший известным миру уже к концу 1927 года, гласил: «Если мы в будущем захотим захватить в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сокрушить Соединенные Штаты, то есть поступить с ними так, как мы поступили в русско-японской войне. Но для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные азиатские страны и страны Южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами».

Танака лихо расправился на бумаге с великим северным соседом. «В программу нашего национального роста, — внушал он, — входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить наши мечи с Россией на полях Монголии в целях овладения богатствами Северной Маньчжурии. Пока этот скрытый риф не будет взорван, наше судно не сможет пойти быстро вперед».

Милитаристы только горестно недоумевали, почему правительство медлит с претворением в жизнь столь прекрасной программы. Они торопили, убиваясь по поводу того, что Япония запоздала к разделу мира. Как-то японский представитель на сессии Института тихоокеанских отношений, проводившейся в Гонолулу, с трогательной откровенностью пожаловался американцам: «Япония нехотя, но хорошо усвоила уроки Запада... Однако ныне, когда она поднаторела в игре захватов, другие державы, большинство которых завладело всем необходимым им, внезапно

преисполнились добродетелей и говорят, что пора прекращать эту игру», причем главный виновник — Соединенные Штаты, «эгоистично надоедающие всем и неразумно вмешивающиеся в естественные чаяния Японии».

Державам, которых токийские экстремисты объявили «врагами» Империи восходящего солнца, оставалось только гадать, какая из них окажется первой под ударом на деле, ибо на словах им всем доставалось, пожалуй, поровну. Последовательность японской агрессии, казалось, проявилась в 1931 году. Япония захватила Маньчжурию, а вслед за тем вышла из Лиги Наций. Запад ограничился беззубыми протестами, а по существу ликовал — Япония вышла широким фронтом на границу с СССР. Стремительное развертывание в Маньчжурии Квантунской армии, казалось бы, убеждало, что война против СССР не за горами. В канун оккупации Маньчжурии в ней было 11,5 тысячи, а в 1935 году — 164 тысячи человек. Квантунской армией командовали отъявленные милитаристы, многие среди них были ветеранами русско-японской войны 1904—1905 годов, бесчинствовали в составе интервенционистских войск на советском Дальнем Востоке в 1918—1922 годах. Они рвались к реваншу.

Советскому Союзу пришлось заняться укреплением своих дальневосточных рубежей. Была сделана попытка образумить японские правящие круги. В декабре 1931 года мы предложили Японии подписать пакт о ненападении. Год думали в Токио и наконец ответили: время для этого «не созрело».

Тем временем официальная пропаганда назойливо растолковывала самим японцам, что Империя восходящего солнца только обороняется. В бесчисленных речах тогдашний военный министр Садао Араки призывал к новым усилиям в «умиротворении» Азии. Его красноречие лежало в

основе «шедевра» японской кинематографии, вышедшего на экраны летом 1933 года. Звуковое кино только делало первые шаги, и пропагандисты до конца использовали его возможности.

Внушительно и скорбно звучал голос диктора, читавшего одну из речей Араки: «Можем ли мы ожидать, что воды Тихого океана будут столь мирны, как сегодня? Святая миссия Японии — установить мир на Востоке... Лига Наций не уважает этой миссии... Осада Японии всем миром под водительством Лиги Наций во время «маньчжурского инцидента» показала это. Но придет день, когда мы заставим весь мир уважать наши национальные добродетели».

На экране появлялась карта — Япония в центре «нового порядка» в Азии, окруженная ее провинциями — Китаем, Индией, Сибирью, странами Южных морей. «Сотраждане! — проникновенно спрашивал диктор словами Араки. — Неужели обстановка в Азии так и не претерпит никакого улучшения? Умоляю вас от всего сердца — давайте вместе приступим к делу!» Под торжественные звуки марша наплыв текста: «Свет идет с Востока!»

Подразумевалось, что зритель уходил с сеанса, потрясенный до глубины души чудесами кинотехники и отчаянным положением Японии.

Политический террор, установившийся в стране с 1930 года, представлял в глазах обывателя в ином свете. Еще в ноябре 1930 года молодой «сверхпатриот» Сагойя тяжело ранил среди бела дня премьер-министра Осати Хамагути, виновного, по словам убийцы, в подрыве военной мощи страны. Сагойя отправили в тюрьму, а премьер-министр скончался в августе следующего года. В военных штабах вызревали бесконечные заговоры. 15 мая 1932 года в официальную резиденцию премьера Инукаи, прозванного «богом конституции», вошла группа взволнованных молодых людей и застрелила его. Отвратительное убийство 75-летнего

старика и еще несколько убийств, случившихся в тот же день, у многих вызвали симпатии не к жертвам, а к преступникам. Когда убийцы предстали перед судом, зал заседания превратился в форум, на котором молодые фанатики произносили речи о верности трону. Суд формально приговорил виновных к пожизненному заключению. Но председательствующий отечески посоветовал им беречь здоровье в узилище. И не зря: к 1940 году все «герои 15 мая» оказались на свободе. Полиции в 30-е годы удалось обезвредить множество заговорщиков, некоторые из них попали под суд. Такая участь постигла организацию «солдат бога», планировавшую убийство поголовно всех членов правительства и установление военной диктатуры. В уже заготовленном манифесте, захваченном полицией, говорилось: «Солдаты бога отрицают все институты, построенные на социализме и либерализме... солдаты бога стремятся к уничтожению лидеров финансовых групп, лидеров политических партий, предателей в окружении императора и их наймитов, препятствующих прогрессу империи. Они произведут реставрацию империи и установят власть императора во всем мире». Заговорщики не успели провозгласить свой манифест, с этой задачей отлично справился суд, весьма и весьма торжественно огласивший его. Итог: «солдат бога» пожурили в судебном заседании, приняли во внимание их «патриотические мотивы» и отпустили восвояси.

Наконец, 26 февраля 1936 года взбунтовалась группа «молодого офицерства», поднявшая части первой дивизии и третьего полка императорской гвардии, расквартированные в Токио. В мятеже приняло участие около полутора тысяч офицеров и солдат. Они захватили военное министерство, штаб-квартиру полиции, несколько других официальных зданий и выпустили обязательный в таких случаях манифест в верности трону и заявление: «Яснее света, что наша страна

стоит на пороге войны с Россией, Китаем, Англией и Америкой, которые собираются уничтожить нашу древнюю землю. Если мы не поднимемся сейчас и не уничтожим нечестивых и неверных тварей, окружающих трон и препятствующих истинным реформам, престиж императора будет повержен... Мы, дети нашей бесценной страны богов, приступаем к делу с чистыми сердцами. Пусть дух предков императора поможет нам в нашем подвиге».

Пока изумленные токийцы знакомились с манифестом, около 300 «детей бесценной страны богов» окружили дом премьер-министра Кэйсукэ Окада, убили его зятя и четырех полицейских. Окада, наверное, помнивший о судьбе своих предшественников, спрятался в чулан, где просидел два дня. Ему удалось ускользнуть из собственного дома, окруженного стражей мятежников, смешавшись с толпой плакальчиков, сопровождавших гроб с телом зятя на кладбище.

Банды офицеров рыскали по городу в поисках ненавистных им деятелей. Мятежники ворвались в дом лорда-хранителя печати, бывшего премьера Макото Сайто. Его жена мужественно попыталась прикрыть своим телом мужа. Как объяснил один из мятежников на суде, «мы не хотели наносить вреда никому, за исключением ее мужа. Поэтому мы были вынуждены оттащить ее, подсовывая оружие под ее тело. Мы стреляли много раз, пока не решили, что старик мертв. Тут вошел солдат и попросил разрешения выстрелить в Сайто, мы дали и ему возможность произвести несколько выстрелов. Мы хотели, чтобы окончательно убедиться в смерти Сайто, перерезать ему еще глотку, но отказались от этой мысли, так как женщина намертво вцепилась в тело. Затем мы собрались у ворот дома и троекратно возгласили «банзай!» в честь императора». На теле Сайто оказалось сорок семь пулевых ран, у его жены, оставшейся в живых, прострелены обе руки. Неслыханное зверство в доме виднейшего

государственного деятеля у всех на виду в самом центре столицы страны. Так «с чистыми сердцами» бесчинствовали заговорщики, прикончив десяток людей, среди них несколько крупных государственных деятелей. Военное министерство в официальном заявлении о мятеже, пожалуй, уважительно именовало террористов «партией, поднявшейся, дабы очистить национальную конституцию». Против бандитов три дня не принимали никаких мер. Только 29 февраля от имени императора им предложили разойтись, что они нехотя сделали. На этот раз пятнадцать человек все же были расстреляны. Высокопоставленные генералы, в том числе Араки, связанные с заговором, отделались легким испугом — переводом в резерв.

«Молодое офицерство» не смогло возобладать над «группой контроля» в командовании армии. Входившие в нее милитаристы не видели необходимости в мятежах, они считали, что дело шло к установлению безраздельного главенства военщины над правительством. На их взгляд, легальный путь взятия власти давал возможность до конца использовать ресурсы нации на войну. Безответственные бунты и заговоры крайних экстремистов, однако, облегчали им путь к вершинам государственного правления, в стране поддерживалась постоянная напряженность.

События 26 февраля, как лакмусовая бумажка, проявили политическую обстановку в Японии, они позволили компетентным японистам сделать ценные выводы, Талантливый ученый-востоковед, выдающийся советский разведчик Рихард Зорге отмечал: «События 26 февраля были преданы забвению в связи с началом японо-китайской войны, однако они стали неоценимым пособием для нас с точки зрения понимания внешней политики Японии и ее внутренней структуры». Блестящий публицист Р. Зорге даже в подцензурной «Франкфуртер цайтунг» сумел тонко передать обстановку тех лет в Японии. Он иронически отмечал неистовые

усилия японских деятелей, «постоянно воюющих друг с другом за «лучшую историю»... Воспеваются подвиги, совершаемые с помощью обнаженного меча или ружейного приклада, самопожертвование мелких отрядов «камикадзе» — смертников... Начинает казаться, что читаешь самурайскую легенду».

Летом 1937 года Япония напала на Китай. Случилось это при первом правительстве князя Фумимаро Коноэ, сохранившего на Западе, несмотря на это, репутацию умеренного политического деятеля. Военные действия в Китае, развернувшиеся на громадных пространствах, против ожидания потребовали определенных усилий. Кампания оказалась не легкой прогулкой, а вылилась в затяжную войну. В какой-то мере бои в Китае поглотили энергию японских экстремистов, однако атмосфера в Токио не разрядилась. Милитаристы горько жаловались, что мир никак не подходит к пониманию «чистых помыслов» Японии.

Иосуке Мацуока, приобретший порядочный вес в политических кругах японской столицы, в октябре 1937 года высказался в большой статье:

«Экспансия Японии, равно как американская, столь же естественная, как и рост ребенка. Только одно может остановить рост ребенка — смерть... Но Япония не окажет этой приятной услуги и не умрет».

Под аккомпанемент изысканных объяснений, облеченных в формулировки, предназначенные для внешнего мира, и грубой милитаристской пропаганды, обрушенной на страну, все новые и новые контингенты японских войск отправлялись за море, на Азиатский материк.

12 декабря 1937 года самолеты японского флота в ясную солнечную погоду потопили на Янцзы американскую канонерку «Пэнаи», принимавшую на борт эвакуировавшихся сотрудников посольства США в осажденном Нанкине. Американские дипломаты — свидетели наглых

действий японских милитаристов — были вне себя. «То было тревожное время для нас в посольстве США в Токио, — негодовал задним числом Э. Лейтон, — посол Грю, помнивший, как после потопления броненосца «Мэн» в гавани Гаваны началась испано-американская война, ожидал от Вашингтона объявления войны и приказал персоналу посольства собирать вещи. В последующие дни в военном атташате кипела лихорадочная деятельность, мы старались выяснить факты и оценить их последствия. Было постыдно слушать, как наши интеллигентные друзья выражали свое искреннее и единодушное мнение: случившееся — «китайская пропаганда!».

Хотя, по свидетельству Лейтона, Грю объяснял Вашингтону, что конфликт нельзя больше урегулировать «бумажными пулями», правительство США не прибегло даже к ним. Оно приняло японские извинения и тем кончило дело. Иначе и быть не могло: США встали на путь «невмешательства» в войну в Китае. Этот образ действия американским политикам представлялся верхом государственной мудрости — попытаться защитить интересы США руками других, а основное бремя отпора японской агрессии возложить также на других, предпочтительно на Советский Союз.

В то время только СССР оказал китайскому народу действенную помощь против беспощадного врага. Вслед за подписанием 21 августа 1937 года договора о ненападении с Китаем СССР в последующие два года открыл ему кредиты на 250 миллионов долларов. С октября 1937 по сентябрь 1938 года Китай получил из СССР 985 самолетов, 82 танка, более 1300 орудий, 14 тысяч пулеметов, боеприпасы, оборудование и снаряжение. Коль скоро Япония блокировала побережье Китая, грузы из СССР перевозились по «дороге жизни», Синьцзянскому тракту в 3 тысячи километров от Алма-Аты через Синьцзян до Ланьчжоу. Срочные грузы

доставлялись воздухом.

В. И. Чуйков, впоследствии Маршал Советского Союза, был военным атташе СССР в Китае и главным военным советником при Чан Кайши. Он отмечал, что потерянные китайской армией тяжелая техника и самолеты были более чем компенсированы присланным из СССР. Но дело не только в этом. «В первый период войны, — писал В. И. Чуйков, — летчики-добровольцы из СССР приняли на себя главный удар японских воздушных армад. Более 200 советских летчиков отдали жизни за свободу и национальную независимость китайского народа».

По мере развертывания японской агрессии Советский Союз был вынужден принимать все новые меры безопасности. 1 июля 1938 года советские армии на Дальнем Востоке были преобразованы в Дальневосточный Краснознаменный фронт. Решение как нельзя своевременное!

«Что следует ожидать от исхода войны с Китаем? — спрашивал Р. Зорге на страницах «Франкфуртер цайтунг» в конце ноября 1938 года. — На то, что будет положен конец дальнейшей военной активности и даже дальнейшему еще более усиленному вооружению, едва ли можно рассчитывать, сколько бы этого ни хотелось. Ведь уже сегодня общественности напоминают о том, что действительные противники Японии — Советский Союз и Англия».

Японская военщина связывала свои неудачи в войне в Азии с советской помощью китайскому народу и предприняла против СССР ряд провокаций. С 1936 года на границе с СССР было отмечено 231 нарушение, из них 35 крупных столкновений с применением оружия. Хищнический лов рыбы с нарушением советских территориальных вод, всегда вызывавший пограничные конфликты, в 1938 году приобрел неслыханный размах. Под прикрытием эсминцев, разведывательно-

дозорных шхун и подводных лодок в советских территориальных водах по-разбойничьи промышляли не менее 1500 японских судов. 19 июля 1938 года в Токио банда хулиганов напала на советское полпредство.

Милитаристы попробовали крепость советских границ в июле — августе 1938 года у озера Хасан, выдвинув смехотворные претензии на советские земли. Когда японскому дипломату М. Сигемицу в НКВД СССР показали подлинные карты, приложенные к международным соглашениям и удостоверявшие границу, он бросил: «По моему мнению, в этот критический момент говорить о каких-то картах неразумно. Это только осложнит дело». Красная Армия нанесла сокрушительное поражение обнаглевшим самураям и выбросила уцелевших агрессоров за пределы советских границ. Квантунской армии пришлось долго зализывать раны.

28 ноября 1938 года доселе малоизвестный генерал Хидэки Тодзио произнес трескучую речь. Незадолго перед этим Тодзио назначили заместителем военного министра, и политические комментаторы справедливо расценили, что генерал точно сформулировал точку зрения командования армии. Тодзио сообщил, что Япония должна вооружаться и вооружаться, дабы быть в состоянии «вести войну на двух фронтах»: во-первых, против СССР, во-вторых, в Китае. Поскольку Англия и США также не желают усиления Японии, нужно «держаться на страже» и в отношении этих стран.

«Нью-Йорк таймс», изложив речь Тодзио, выделила только ее начало, подчеркнув в заголовке: «Тодзио предсказывает войну против СССР». На то у редакции газеты были серьезные причины.

Мацуока: «Эра демократии прикончена!»

Если бы противоречия между США и Японией развивались в «вакууме», тогда война между ними вспыхнула бы куда раньше 1941 года. Но американо-японские отношения составляли лишь часть всего комплекса

международных отношений. В 30-е годы ясно обнаружилось стремление японского империализма напасть на Китай и Советский Союз и поставить под свой контроль Дальний Восток. Хотя при этом ущемлялись и американские интересы, на взгляд Вашингтона это облегчало борьбу с опаснейшим империалистическим противником: Япония брала на себя роль жандарма на Дальнем Востоке, а в затяжной войне против СССР Япония ослабла бы. И чем больше она увязала бы в вооруженной борьбе на Дальнем Востоке, тем легче становилась бы для Соединенных Штатов задача ее конечного разгрома. Все это заслуживало всяческого поощрения с точки зрения империалистических интересов США. Отсюда «невмешательство» Соединенных Штатов в агрессию против китайского народа, заботливое снабжение Японии стратегическими материалами, необходимыми для ведения войны, а главное — страстное ожидание антисоветскими кругами США нападения японских милитаристов на Советский Союз.

В глазах американских империалистов «антикоминтерновский пакт», созданный в 1936—1937 годах и прямо направленный против Советского Союза, служил верной порукой тому, что японская агрессия на советском Дальнем Востоке не будет изолированной, сольется с «крестовым походом» Германии и Италии против СССР с запада. Но «антикоминтерновский пакт» не был военным союзом. Усилия дипломатии европейских держав «оси» с 1937 года были направлены на то, чтобы зафиксировать в новом договоре обязательства сторон поддерживать друг друга в войне. Договоренность между Берлином и Римом была достигнута заключением в мае 1939 года «Стального пакта» между Германией и Италией. Камнем преткновения оставалась Япония. Токийские политики всегда были готовы подписать военный союз против Советского Союза, но дипломаты европейских фашистских держав

настоятельно требовали, чтобы Япония приняла на себя обязательство воевать в любом случае, то есть и если возникнет война с Англией или Францией. Против этого возражали МИД Японии и командование японского флота. Неуступчивость моряков вызвала сильнейшее озлобление в армии, где иные офицеры стали поговаривать, что флот — «враг страны № 1», а крайние экстремисты в армейских мундирах выражали готовность расправиться с изменниками, свившими презренное гнездо в военно-морском министерстве. Все это дошло до сведения командования флота, которое поздней весной 1939 года приняло контрмеры. Военно-морской министр и его заместитель окружили себя многочисленной охраной, в здании министерства установили пулеметы, поблизости постоянно дежурил батальон морской пехоты. Часовые в министерских подъездах и у здания отныне имели не только пистолеты, но для большего впечатления и мечи. Флотоводцы были готовы с оружием в руках отстаивать свою точку зрения.

Самая воинственная часть японской армии — квантунцы — решила продемонстрировать свою правоту. Естественно, решающим в их глазах доводом — силой оружия. В начале мая 1939 года японские войска развязали военные действия против Монгольской Народной Республики, попытавшись для начала захватить участок монгольской территории восточнее реки Халхин-Гол. СССР пришел на помощь союзной Монголии. Масштаб боев быстро расширялся, что и было целью Квантунской армии. В ее штабах рассчитывали, в случае если сражение на Халхин-Голе окажется победоносным, нанести молниеносный удар по советскому Дальнему Востоку. Было спланировано вторжение в Уссурийскую и Амурскую области, район Хабаровска и — ни больше, ни меньше — захват советского Приморского края!

Агрессоры просчитались. Переброшенные в Монголию советские войска с

участием монгольских частей быстро ликвидировали первоначальные успехи Квантунской армии. 1-я советская армейская группа под командованием комкора Г. К. Жукова нанесла ряд серьезных ударов по японским войскам, а в заключительной операции в конце августа окружила и наголову разбила развернутую в районе Халхин-Гола 6-ю особую японскую армию. В этой операции с обеих сторон участвовало свыше 800 самолетов, более 1000 орудий, много больше 1000 танков и 132 тысячи человек личного состава.

Японцы потеряли на Халхин-Голе до 61 тысячи человек. Было уничтожено много японской военной техники, одних самолетов 660, примерно в два раза больше, чем потребовалось для разгрома американского Тихоокеанского флота в Пёрл-Харборе, захвачено в виде трофеев более 200 орудий, среди них тяжелые, доставленные из Порт-Артура. Японские потери на Халхин-Голе превысили потери Японии в людях и технике за первый год войны в Китае. В сражении на Халхин-Голе Г. К. Жуков с полной очевидностью доказал и несостоятельность Японии как военного союзника в борьбе против СССР.

Катастрофическое поражение японской армии в монгольских степях принудило поджигателей войны в Берлине и в Токио по-новому взглянуть друг на друга. Результаты раздумий в правительственных ведомствах Германии и Японии — Советский Союз могучая военная держава. Гитлеровское руководство сообразило, что начинать поход за мировое господство с войны против СССР явное самоубийство. В такой обстановке Германия предложила Советскому Союзу подписать договор о ненападении. Коль скоро западные державы сорвали многолетние попытки СССР создать фронт коллективной безопасности в Европе и, несомненно, стремились «канализировать» гитлеровскую агрессию на Восток, СССР согласился на подписание такого договора. Тем самым

наша страна выводилась из-под непосредственного удара в Европе.

В Токио оценивали складывавшуюся обстановку с точки зрения того, что выгодно Японии. Правительство, возглавлявшееся Хиранума, раздирали противоречия. Противники подписания военного договора с Германией и Италией указывали: в Европе вот-вот вспыхнет война и Японии придется вступить в нее не потому, что это выгодно в данный момент, а в силу союзнических обязательств. Следовательно, предлагавшийся договор лишит ее свободы действий. Потребовалось более 70 заседаний совета «пяти министров — узкой коллегии внутри японского правительства, чтобы сломить сопротивление тех, кто был против вступления в союз с Германией и Италией на их условиях. Приближение развязки на Халхин-Голе, несомненно, прекратило словопрения.

10 августа 1939 года в Берлин и Рим было послано сообщение о готовности Японии подписать договор с оговоркой, что она вступит в войну, когда сочтет возможным. Ответ оказался отрицательным.

Сначала это озадачило правительство Хиранума, а когда 23 августа 1939 года стало известно о заключении договора о ненападении между Германией и СССР, негодованию в Токио не было пределов. Гитлеровское руководство не оценило доброй воли японского правительства, которое проявило максимум уступчивости, вверив судьбу империи в руки Германии. Разумеется, вслух не говорили того, что было на уме у многих, — проученные на Халхин-Голе самураи надеялись опереться на европейские державы «оси». Противники соглашения с ними, воспрянув духом, открыто злорадствовали, Хиранума и его сторонники были сконфужены, в военно-морском министерстве демонстративно убрали пулеметы из здания и отправили дежурный батальон, простоявший на вахте четыре месяца, в казармы. Направив Германии «строгий» протест против нарушения «антикоминтерновского пакта» и отчитав сотрудников

своего берлинского посольства за халатное отношение к работе — упустили своевременно сообщить о последних шагах гитлеровской дипломатии, правительство Хиракумы в обстановке всеобщего замешательства и взаимных обвинений в Токио ушло в отставку.

Как заметил М. Сигемицу, «стало очевидно, что Германия и Япония мыслили по-разному, а их цели и интересы не совсем совпадали. Поскольку «антикоминтерновский пакт» был превращен в клочок бумаги, постольку были ликвидированы обязательства по нему Японии. Япония вновь обрела свободу действий и могла начать все заново». Москва не только отвратила возможность создания единого фронта капиталистических государств против СССР, но и сорвала одновременное вступление в войну агрессивных держав, что явилось громадным выигрышем для всего человечества.

В это время американская дипломатия была озабочена следующим: во что выльется вновь обретенная «свобода действий» Японии? Поверенный в делах США в Токио с тревогой сообщал 23 августа 1939 года государственному секретарю К. Хэллу: «...поскольку Германия сочла возможным прийти к соглашению с Россией, Япония может подумать о том, чтобы принять советское предложение о пакте о ненападении, которое остается в силе с 1931 года, когда оно впервые было выдвинуто Советским Союзом».

После начала второй мировой войны Япония заняла выжидательную позицию. Милитаристы, получившие крепкий урок у Халхин-Гола, не осмеливались больше посягать на безопасность границ Советского Союза и МНР. Борьба против китайского народа определенно затягивалась, а в войне против японских агрессоров Китай получал значительную помощь от Советского Союза. Уже по этим причинам северное направление агрессии представлялось крайне трудным. Взоры японских милитаристов

обращаются в сторону Южных морей.

Как водилось тогда в Японии, экстремисты составили несколько заговоров, чтобы, подтолкнуть правительство к активным действиям. Они планировали убить премьера, ряд министров, взорвать американское и английское посольства в Токио и прикончить даже адмирала Ямамото! Все эти деятели, по мнению заговорщиков, были повинны в «мягкой» позиции Японии перед лицом США и Англии. Полиция успела схватить заговорщиков, 28 из них в 1940 году предстали перед судом. Самый суровый приговор — 5 лет тюрьмы.

Когда летом 1940 года Франция потерпела сокрушительное поражение, Бельгия и Голландия были оккупированы, а положение Англии казалось безнадежным, в Токио сочли, что перед Японией открылись необычайные возможности. Обширные колонии европейских держав отныне оказались «бесхозными», их некому было защищать. Теперь уже не экстремисты, а подлинные хозяева Японии, серьезные люди, взялись за практическую подготовку войны. Нараставшую агрессивность японских милитаристов можно только сопоставить с размерами добычи, которую они намеревались захватить в районе Южных морей.

Новая международная обстановка потребовала нового правительства. 16 июля 1940 года под давлением армии относительно умеренный кабинет, сформированный в густой тени Халхин-Гола, ушел в отставку. Новое правительство возглавил 49-летний князь Фумимаро Коноэ.

Премьер был в родственных отношениях с императорской семьей и пользовался большой популярностью среди правящей верхушки страны. Его симпатии к тоталитарному образу правления были общеизвестны. Впрочем, князь был, мягко говоря, «гибким» политиком и очень странным человеком. Он панически боялся микробов и стерилизовал пищу кипятком и алкоголем, в толпе носил марлевую маску, прикрывавшую

рот и нос. Коноэ грезил наяву и, чтобы забыться, принимал десять различных видов снотворных таблеток. Но бок о бок с утонченным князем-интеллигентом встали люди совершенно иного склада.

Большинство членов кабинета принадлежало к так называемой Квантунской клике. Стоик и солдафон, генерал Хидэки Тодзио получил портфель военного министра, а ведение внешних дел было поручено другу Тодзио — Иосуке Мацуока, который в 30-е годы был президентом компании Южно-Маньчжурской железной дороги. Получив образование в США, Мацуока клялся в том, что выступает за улучшение японо-американских отношений, но в то же время объяснял: кабинет «чертовски склоняется к державам «оси» и выступает за новый порядок в Азии». Как льстиво заметил один из его подчиненных, Мацуока был подобен буревестнику, режущему воздух над бурным морем, Коноэ же был похож на застенчивую белочку, скрывающуюся в лесной чаще.

Очень скоро Мацуока был прозван «Гитлером из папье-маше». Оттеснив Коноэ, он взялся энергично руководить внешней политикой Японии. Мацуока поспешил познакомить журналистов с личной оценкой последствий побед Германии и Италии в Европе. «Эра демократии, — воскликнул Мацуока на пресс-конференции 21 июля, — прикончена!»

Начиная с 1937 года каждое правительство в Токио получало в наследство от предшественников войну в Китае и открывало свою деятельность заявлением, что оно разрешит «китайскую проблему». На этот раз также говорилось о том, что «китайские дела будут полностью урегулированы», но предложенный метод оказался новым. Под предлогом того, что Китай нужно лишить помощи с юга, был сделан акцент на разрешении «южных проблем», а именно — Япония начала оказывать давление на власти Французского Индокитая и Голландской Индии, домогаясь далеко идущих уступок. 17 июня французская

администрация закрыла дорогу в Китай из Ханоя.

Пришла очередь Англии. Токио настаивал, чтобы она закрыла границу с Гонконгом и Бирманскую дорогу. По дороге длиной 715 миль, проходившей через горы от Лашио до Чунцина, в Китай доставлялось до трех тысяч тонн грузов в месяц. Начальник японской разведки указал английскому военному атташе в Токио на некую связь: «Если вы не закроете Бирманскую дорогу, мы овладеем Гонконгом». Хотя первым побуждением английского министра иностранных дел лорда Галифакса было «послать японцев ко всем чертям», У. Черчилль проявил большую осторожность. Англия просто не могла получить еще одного противника^{105}, и 12 июля закрыла дорогу на три месяца.

Понимая, что экспансия на юг все же рано или поздно встретит сопротивление, Мацуока вернулся к заключению военного союза с Германией и Италией. Разбойники быстро урегулировали второстепенные вопросы, разделявшие их, и договорились о главном — взаимной помощи в борьбе за мировое господство. Противников оформления союза с европейскими державами «оси» в Токио осталось немного: некоторые изменили свои убеждения под влиянием успехов Германии, другие были изгнаны из внешнеполитической службы Японии — Мацуока, придя в МИД, устроил основательную «чистку» дипломатического аппарата. Кроме того, как свидетельствовал японский посол в Вашингтоне Китисабуро Номура, «дипломатическая машина стран «оси» щедро смазывалась из неограниченных фондов Германии, и немало пришлось дать взятки, чтобы «позолотить ручку» японским дипломатам, которым предстояло подписать пакт».

На заседании Тайного совета в Токио 26 сентября, на котором было принято окончательное решение о вступлении в союз с европейскими державами «оси», министры высказались с похвальной откровенностью.

Они заверили членов Тайного совета, что договор необходим, так как Германия может заключить мир с Англией и полюбовно договориться с ней о разделе сфер влияния на Дальнем Востоке и Тихом океане. Поэтому следует без промедления «выявить решимость империи».

Только один член Тайного совета, ветеран японской дипломатии виконт Кикудзиро Исии, влил вместительную ложку дегтя в бочку меда. Он не протестовал против договора, а просто указал, что союзы с Германией еще никому не приносили добра. Исии напомнил слова Бисмарка: для заключения союза необходимы два партнера — наездник и осел, причем наездником должна быть всегда Германия. Что до Гитлера, заметил Исии, то он весьма ненадежный деятель, совсем недавно заключивший пакт с СССР. В общем, по словам престарелого дипломата, Япония должна быть очень и очень осмотрительной.

Критерием искренности между союзниками — Германией, Италией и Японией, — пожалуй, служит необычайное обстоятельство: в основу переговоров о союзе был положен проект договора на английском языке! Партнеры по агрессивному предприятию явно опасались, что, если тексты на немецком, итальянском и японском языках будут признаны аутентичными, крючкотворы-юристы каждой из высоких договаривающихся сторон могут придать договору любое толкование.

Подписание Тройственного пакта состоялось в Берлине. В 1.15 дня 27 сентября 1940 года в громадный зал послов рейхсканцелярии мягкой, кошачьей походкой скользнул Гитлер. Трое, сидевшие у длинного стола, с готовностью вскочили, приветствуя фюрера, — министры иностранных дел Германии и Италии Риббентроп и Чиано, японский представитель Сабуро Курусу. Щелканье фотоаппаратов, пулеметный треск кинокамер, вспышки магния — и договор подписан.

Агрессоры заявляли: «Правительства Германии, Италии и Японии

считают необходимым условием длительного мира, чтобы каждый народ занял достойное его место». Они указывали, что стремятся установить «новый порядок в великой Восточной Азии и в Европе», и приглашали другие страны присоединиться к ним, «чтобы таким образом осуществить свои надежды на мир во всем мире». Конкретно стороны договорились о том, что Япония уважает руководящую роль Германии и Италии в установлении «нового порядка» в Европе, последние делали аналогичное заявление в отношении роли Японии в «великой Восточной Азии». Ключевое значение имела статья 3 договора, по которой Германия, Италия и Япония обязывались оказывать взаимную помощь, «если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению какой-либо другой державы, которая сейчас не участвует в китайско-японском конфликте».

Агрессоры демонстрировали единство держав с тоталитарным образом правления. Правительство Коноэ одновременно с подписанием договора привело политическую структуру страны в соответствие с новыми задачами. Все легальные партии Японии «патриотично» самораспустились. Вместо них в середине октября 1940 года учредили Лигу содействия трону, чтобы «стомиллионная нация» шла в направлении, указанном правительством.

При подписании Тройственного пакта было произнесено немало слов о том, что договор Германии, Италии и Японии послужит делу мира. Фашистский министр иностранных дел Риббентроп заявил: «Договор является военным союзом между тремя сильнейшими державами на земле... Он принесет миру мир в кратчайший срок... Любая страна, которая вознамерится вмешаться на окончательной стадии разрешения проблем в Европе и Восточной Азии или напасть на любую державу, подписавшую этот пакт, встретит концентрированную мощь трех

государств с более чем 250-миллионным населением». Составители пакта в своей фразеологии пороха не выдумали. С незапамятных времен зачинщики войны распинаясь в приверженности к миру. В Токио Мацуока уточнил: «безответственными элементами», способными «расширить» уже идущую войну, являются те, «кто пытается прямо или косвенно сорвать наши усилия по созданию нового порядка в Великой Восточной Азии, и даже те, кто прибегает ко всякого рода хитростям, чтобы затруднить движение Японии по пути выполнения ее великой исторической миссии — установления мира во всем мире».

Поставивший от имени японского правительства подпись под договором Сабуро Курусу был женат на американке. Разве все это в совокупности не говорило о том, что Тройственный пакт имел целью только укрепление мира и не был направлен против США?

«Европа прежде всего»

Дипломатия держав «оси» никого больше не могла обмануть. Объединение сил агрессоров предвещало превратить войну, пока ограниченную пределами Европы, в мировую. Фашистский блок бросил вызов всему миру и создал смертельную угрозу человечеству. Хотя присоединение Японии к Германии и Италии неизмеримо усилило опасность войны на Дальнем Востоке и Тихом океане, центр мощи фашистского блока по-прежнему лежал в Европе. Там находилась гитлеровская Германия.

Командование американских вооруженных сил, рассматривая обстановку, складывавшуюся в мире с чисто военной точки зрения, пришло к выводу, что враг № 1 — Германия. Как генерал Дж. Маршалл, так и адмирал Г. Старк докладывали правительству: Соединенные Штаты не готовы к войне на два фронта — в Европе и на Тихом океане, и если возможен

выбор, то основные усилия США должны предпринять в Европе. Что Соединенным Штатам придется воевать с державами «оси» — в Вашингтоне сомнений не вызывало. Хотя вопрос о том, когда, как и где они поднимут оружие, оставался открытым.

Пока что в Белом доме и государственном департаменте придерживались курса в отношении Японии, которому США твердо следовали в 30-е годы: ни в коем случае не обострять отношений с Токио. Практически это вылилось в «невмешательство» в японо-китайскую войну, больше того, в поощрение японской агрессии. Военная экономика Японии зависела от поставок из США, особенно металлолома и нефти. Что, в США были слепы к тем последствиям, которые это повлечет для них самих? Вовсе нет.

Весной 1941 года конгрессмен Дж. Кифи (от штата Вашингтон) говорил: «Вооружая Японию, Соединенные Штаты стали ее партнером по агрессии. За это преступление мы, равно как Япония, должны ответить перед судом справедливости мира. История не оправдает нас. Возмездие может настичь нас скоро». Другой конгрессмен, К. Андерсен (от штата Миннесота), спустя несколько месяцев уточнил: «Мы все знаем, что шансы 50 на 50, что наш флот встретится в смертельной схватке с японским флотом. Ему, наверное, придется сражаться с кораблями, построенными из металлолома, вывезенного из нашей страны, машины которых будут работать на нашей нефти».

В разгар второй мировой войны и избирательной кампании 1944 года сенатор Г. Шипстед, вернувшийся к событиям ее кануна, утверждал, что США не только снабжали Японию стратегическими материалами, но и помогали расплачиваться за них, а именно: «США в 1933 году начали политику ревальвации, которая... влекла за собой закупки золота и серебра по ценам значительно большим, чем существовали в момент

вступления г-на Рузвельта в должность... Казначейство приобретало по взвинченным ценам золото, украденное в Маньчжурии, и серебро, вывозимое (японцами. — Н. Я.) из Китая. Мы же осыпали их таким количеством военного и промышленного оборудования, за которое японцы не были в состоянии расплатиться. Мы сами платили за него, финансируя и предоставляя бонусы при продаже драгоценных металлов и, конечно, закупая в больших количествах японские товары, что давало Японии еще валюту».

Равным образом информированное общественное мнение в Соединенных Штатах отнюдь не было в неведении, что американская политика обеспечивала материально ведение войны Японии в Китае. Как заметил американский публицист Дж. Флинн о действиях Вашингтона в период, непосредственно предшествовавший Пёрл-Харбору: «На деле мы предоставляли больше помощи Японии, чем Китаю. В 1939 году экспорт США в Китай составил 56 600 000 долларов, в Японию — 232 000 000 долларов. Такая же картина была в 1940 году. Мы продали Японии громадное количество стали и металлолома, нефти и других материалов, с помощью которых она вела войну в Китае и готовилась к войне с нами. Правительство США посылало свои симпатии Китаю, а металлолом в Японию».

Могут возразить: приведенное суждение принадлежит тому, кто в свое время был среди яростных противников президента Ф. Рузвельта. Но в книге Г. Пранджа, вышедшей в 1986 году и являющейся попыткой доказать неизбежность того курса, который проводили США в отношении Японии, четко сказано: «В жестком утверждении Джона Т. Флинна о том, что до начала войны в Европе США «не помогали Китаю, а, напротив, помогали Японии», содержится много правды». Что, в самом деле, было невозможно по-иному вести дела с Японией? Конечно можно, и об этом с

солдатской прямоотой написал в своих мемуарах Маршал Советского Союза В. И. Чуйков, вспоминая о том, как он отправился в Китай советским военным атташе в самое критическое время — в декабре 1940 года.

В. И. Чуйков выезжал в Китай с группой советских военных советников и специалистов. «Вместе с нами Советское правительство, — писал В. И. Чуйков, — направляло в распоряжение Чан Кайши большую военную помощь: 150 самолетов-истребителей, 100 скоростных бомбардировщиков (СБ), около трехсот орудий, пятьсот автомашин ЗИС-5 с соответствующим оборудованием и запасными частями... Скажут: вот, дескать, благодетель. Разве не в интересах Советского Союза было вести войну с Японией руками-китайцев? Это приходилось мне слышать и в те годы, и позже. Но против Советского Союза Япония так и не выступила даже в самые трудные для нас годы войны, а Китай топила в крови. С этим очевидным и неоспоримым фактом нельзя не считаться тем, кто в какой-то мере хочет быть объективным».

При ретроспективном взгляде совершенно очевидно, кто был против кого и кому пришлось расплачиваться за собственные ошибки. Но в то время в Вашингтоне направление политики, избранное США, представлялось безупречно верным.

Американские деятели, непосредственно занятые проведением политики на Дальнем Востоке, отчетливо видели взаимосвязь между ростом агрессивности Японии и успехами гитлеровской Германии. Посол США в Токио Джозеф Грю 12 сентября 1940 года направил в Вашингтон послание, которое рассматривал как «самое важное за все восемь лет» пребывания на этом посту. Анализируя политику Японии, посол пришел к выводу, что эта страна «отбросила все соображения этики и морали, она стала бесстыдно и откровенно оппортунистической, стремясь при каждой

возможности поживиться за счет слабости других. Американские интересы на Тихом океане определенно находятся под угрозой в результате ее экспансии на юг... Совершенно ясно, что Япония остерегается вольничать в еще большей степени в отношении американских интересов только потому, что уважает нашу потенциальную мощь, в равной степени очевидно, что она нарушала наши права пропорционально силе ее убеждения, что народ США не позволит использовать эту мощь. Нельзя исключать вероятность, что, если удастся подорвать это убеждение, тогда окажется возможным вновь использовать средства дипломатии». Но каким образом решить эту проблему?

Дж. Грю понимал, что Японию можно остановить только твердой политикой: учитывая слабость ее военно-экономического потенциала, на нее можно эффективно воздействовать экономическими санкциями. Применение последних, однако, повлекло бы за собой немедленное возмездие если не со стороны японского правительства, то «мог последовать внезапный удар флота или армии без предварительного уведомления правительства». Следовательно, разрешая в конечном счете подчиненную проблему — американо-японские отношения, Соединенные Штаты опрокинули бы всю свою внешнеполитическую стратегию — пока остаться в стороне от войны.

В доверительном письме Ф. Рузвельту 14 декабря 1940 года Дж. Грю обратился к нему как к «Фрэнку», старому приятелю еще со времен совместной учебы в привилегированной частной школе в Гротоне. «Мне совершенно ясно, что нам в один прекрасный день предстоит схватка и основной вопрос сводится к следующему: что более выгодно для нас — случится это скорее или позднее». В ответном письме 21 января 1941 года Ф. Рузвельт сообщил: «Я полностью согласен с твоими выводами».

Объясняя взаимосвязь между событиями в Европе и на Дальнем Востоке, он подчеркнул: «Конфликт в Европе наверняка займет продолжительное время, и мы должны помнить, что, когда Англия победит, у нее может не остаться сил, необходимых для того, чтобы пересмотреть территориальные изменения в западной и юго-западной части Тихого океана, которые могут произойти во время войны в Европе, если Японию не сдержать в определенных границах». Принципиально проблема, стоявшая перед Соединенными Штатами, была ясна в Вашингтоне. Оставалось изыскать средства для ее разрешения.

В январе — марте 1941 года в США состоялись совершенно секретные переговоры с английскими военными представителями. 27 марта был принят американо-английский план «АБЦ-1», предусматривавший участие США совместно с Англией в войне с державами «оси». Сущность его сводилась к тому, что в первую очередь предстоит нанести поражение Германии, а затем заняться Японией. До победоносного конца в Европе боевые действия на Тихом океане ограничатся стратегической обороной, войной на истощение. Эти соображения, выработанные совместно, были положены в основу пересмотренного плана действий американских вооруженных сил в войне — «Рейнбоу-5».

Хотя план «АБЦ-1» не был утвержден Ф. Рузвельтом, ибо Соединенные Штаты не желали утрачивать свободы в выборе наиболее целесообразного момента для вступления в войну, подготовка американских вооруженных сил отныне проводилась в соответствии с задачами, поставленными в нем. Принцип сосредоточения сил против Германии, основного форпоста держав «оси», был здравым с военной точки зрения — в Европе лежал центр тяжести второй мировой войны. Аксиомой стратегии является то, что в войне против коалиции необходимо бить по основному звену вражеского союза. План «АБЦ-1»

отвечал и специальным интересам правящих кругов Соединенных Штатов — стараться вести войну чужими руками. Основное бремя, по крайней мере на ближайшее время, в Вашингтоне надеялись возложить на Англию.

Рузвельт и его ближайшее окружение считали, что Лондону тут деваться некуда. Все это, разумеется, неставляло американских деятелей в благоприятном свете в глазах Черчилля и его приближенных. Влиятельный английский политик С. Криппс негодовал: «Американцы обращаются с нами, как с бедными родственниками. ФДР (Франклин Делано Рузвельт. — Н. Я.) ведет себя (с членами английского кабинета. — Н. Я.) как со своими слугами». Посол Англии в Вашингтоне лорд Галифакс сокрушался, что президент США «готов лгать, если это ему нужно», способен «в любой момент политиканствовать в ущерб нам».

Поэтому стоит ли удивляться, что применительно к Дальнему Востоку и Тихому океану план «АБЦ-1» давал значительные преимущества США сравнительно с Англией. «Невмешательство» и даже поощрение японской агрессии Вашингтоном определялись совершенно другими соображениями: после принятия плана «АБЦ-1» было нетрудно изобразить это как действие в пользу глобальной стратегии противников держав «оси». Независимо от этих соображений, касавшихся исключительно США, признание Европы основным театром военных действий второй мировой войны намечало наиболее рациональный путь конечного разгрома держав «оси».

В марте 1941 года Мацуока отправился в Европу. Он посетил Берлин и Рим, где вел секретные переговоры с фашистскими главарями. К этому времени Германия, завершавшая подготовку к нападению на СССР, определила место Японии в стратегии держав «оси». Позиция Германии в переговорах с Японией была зафиксирована в директиве гитлеровского

руководства от 5 марта 1941 года, которая гласила: «Цель сотрудничества, основывающегося на Тройственном пакте, должна заключаться в том, чтобы побудить Японию по возможности скорее предпринять активные действия на Дальнем Востоке. В результате там будут связаны крупные силы Англии, а центр тяжести интересов США будет перенесен на Тихий океан... Следует подчеркнуть, что общая цель в ведении войны должна заключаться в том, чтобы быстро повергнуть Англию и тем самым удержать США от вступления в войну».

Гитлер и Риббентроп внушали Мацуока убедить свое правительство с «молниеносной быстротой» захватить Сингапур — оплот английской мощи в районе Южных морей — и «тем самым разрубить гордиев узел». Они твердили о «необычной легкости операции», ибо «с Англией фактически покончено». Доказательство — цифры тоннажа потопленных английских судов. Мацуока заверил своих собеседников, что он не пощадит усилий, чтобы склонить кабинет в Токио к захвату Сингапура, хотя придется немало потрудиться. В Японии, объяснил Мацуока, есть «интеллигентские круги», оказывающие влияние даже на императорский двор. Чтобы ввести их в заблуждение, он, Мацуока, пока будет вести себя осторожно, но ведь существует старая японская поговорка: «Открой огонь — и это сплотит нацию».

Гитлер остался в счастливом убеждении, что подготовка к захвату Сингапура будет завершена к маю 1941 года, а сама операция не заставит себя ждать. Все же с оговоркой. Фюрер нашел, что Мацуока «сочетает лицемерие американского миссионера-евангелиста с восточными пороками японца».

В Берлине и Риме японский министр иностранных дел попытался выяснить политику европейских держав «оси» в отношении Советского Союза. Он, вероятно, хотел узнать, что крылось за прощальными словами

Гитлера японскому послу Курусу, отбывавшему в Японию в начале февраля: «Общие друзья могут в один прекрасный день стать общими врагами». Плюс рассуждения Риббентропа с новым японским послом генералом Хироси Осима в конце февраля: «Если рейху суждено воевать на Востоке — Советский Союз падет».

Хотя МИД Германии и командование вооруженных сил рекомендовали сообщить японцам о предстоявшей войне против СССР, Гитлер запретил передавать Мацуока какую-либо информацию. Частично это объяснялось соображениями сохранения военной тайны, но главная причина заключалась в том, что в Берлине тогда были твердо убеждены, что справятся с СССР собственными силами, и пока не хотели ни отвлекать Японию от агрессии на юге, ни делиться с ней плодами победы. Риббентроп, однако, в значительной степени на свой страх и риск предостерег Мацуока: на обратном пути в Москве «не заводить разговоры с русскими слишком далеко», ибо конфликт с СССР возможен. Он многозначительно добавил, имея в виду продвижение Японии на юг: «Если Россия когда-нибудь нападет на Японию, то Германия немедленно нанесет удар».

В правительственных канцеляриях Лондона и Вашингтона с затаенным дыханием следили за поездкой Мацуока. Подумать только, 150 000 берлинцев отбили каблуки, маршируя по Вильгельмплац в честь японского министра.

Несомненно, в Берлине фашистские заговорщики готовили новые ужасы для мира. Но что именно и как это выяснить? Американское и английское правительства ожидали, что Мацуока вернется в Японию через Англию и США. Рузвельт даже предложил Хэллу «выразить некоторое удивление тем, что Мацуока не собирался посетить Вашингтон на обратном пути». Однако японский министр иностранных дел предпочел вернуться через

Советский Союз. Во время пребывания Мацуока в Москве Англия и США сделали попытку улучшить отношения с Японией и в то же время предостеречь ее от подписания пакта о нейтралитете с СССР. Американскому и английскому послам в Москве пришлось немало потрудиться, чтобы встретиться с японским министром иностранных дел. Им удалось, наконец, настичь Мацуока на спектакле во МХАТе, где английский посол вручил ему соответствующее послание У. Черчилля.

Мацуока, не читая, сунул документ в карман и ответ дал 22 апреля 1941 года, уже вернувшись в Токио. Мацуока писал: «Вы, Ваше превосходительство, можете быть уверены, что внешняя политика Японии определяется после беспристрастного рассмотрения всех фактов и весьма тщательной оценки всех элементов положения, с которым она сталкивается. В то же время никогда не упускается из виду великая расовая цель и создание в конечном итоге условий, отвечающих тому, что в Японии называют «Хакко ицию» («восемь углов мира под одной крышей». — Н. Я.), — японской концепции мира, где не будет ни завоеваний, ни угнетения, ни эксплуатации какого бы то ни было народа. Коль скоро решение будет принято, то мне едва ли нужно указывать Вашему превосходительству, что оно будет претворяться в жизнь твердо, но весьма осмотрительно, с учетом всех деталей меняющейся обстановки». Извлечь что-либо рациональное из этого потока трескучих фраз было невозможно. Недаром в Берлине, оценив красноречие Мацуока, преподнесли ему при прощании знаменательный подарок — звуковую киноустановку.

Советский Союз остро ощущал угрозу фашистской агрессии всему человечеству. В канун войны советская дипломатия упорно работала, пытаясь создать систему коллективной безопасности для предотвращения нового мирового конфликта. В результате политики западных держав,

пытавшихся направить агрессоров на СССР, решить эту задачу не удалось, в Европе разразилась война. Заключение СССР и Германии пакта о ненападении сорвало попытки организации коллективного «крестового похода» против Советского Союза. Умелое использование советской дипломатией противоречий в агрессивном лагере оказало громадное воздействие на обстановку на Дальнем Востоке.

Соединенные Штаты не были готовы к войне, и даже мысль о том, что придется в ближайшие месяцы поднять оружие, пугала высшее американское командование. Адмирал Г. Старк откомментировал весной 1941 года: «На доллары нельзя купить вчерашний день». Командующему Тихоокеанским флотом США 27 мая он пишет: «Вы, естественно, спрашиваете — предположим, японцы пойдут на Голландскую Индию. Что тогда мы будем делать? Я не знаю и полагаю, что на нашей зеленой земле нет никого, кто мог бы сказать это вам».

Пока Советский Союз не был связан в Европе, японские лидеры опасались очертя голову броситься в военные авантюры, в первую очередь в сторону Южных морей. Летом 1940 года японские милитаристы не использовали благоприятной для себя обстановки только потому, что учитывали роль СССР как фактора мира на Дальнем Востоке и Тихом океане. На этот счет один из лидеров группировки, настаивавшей на южном направлении агрессии, генерал Койсо, не оставил никаких сомнений. В октябре 1940 года он публично предостерег: «Осуществляя движение на юг против волков, надо остерегаться тигра с северных ворот». После того как Германия, на взгляд токийских политиков, вероломно нарушила «антикоминтерновский пакт», подписав договор о ненападении с СССР, они все более склонялись к мысли, что пора нормализовать отношения между Советским Союзом и Японией.

13 апреля 1941 года в Москве был подписан пакт о нейтралитете между

Советским Союзом и Японией сроком на пять лет. Заключение его вызвало известное замешательство в Берлине, а правительства Англии и США были повергнуты в смятение. Если гитлеровское руководство, хотя и неприятно пораженное самостоятельностью своего союзника, понимало, что Япония в конечном счете оплатила Германии той же монетой, то в Вашингтоне и Лондоне просто не могли простить «неблагодарности» японских милитаристов. Японцы нагло обманули ожидания американских и английских политиков, которые в предвидении войны между Японией и СССР давно создали тепличные условия для японской агрессии на Дальнем Востоке. Вместо похода на СССР, о чем Токио громогласно твердил многие годы, Япония подписала пакт о нейтралитете с Советским Союзом!

Американская печать не замедлила разъяснить фатальную ошибку Мацуока. Одна из статей такого рода настолько понравилась членам конгресса, что была включена в текст официального отчета о работе конгресса — «Конгрешнл рекорд». По тем временам немалое достижение. Как заметили Г. Прандж и дорабатывавшие после его смерти книгу «Пёрл-Харбор: вердикт истории» Д. Голдингейн и К. Диллон: «Если что и поражает на страницах «Конгрешнл рекорд» за 1941 год, так это почти полное отсутствие обсуждения или комментариев по поводу Дальнего Востока. Мелькают страницы, но не упоминается даже слово Япония».

В статье подчеркивалось: «Заклучен пакт о взаимном нейтралитете, но отнюдь не пакт о ненападении. А это громадное различие. Если бы был подписан пакт о ненападении, то он явился бы большим облегчением для Японии, позволив ей проводить более смелую политику в отношении Соединенных Штатов в теперешней напряженной обстановке... Нынешний пакт не помешает России объявить войну Японии, когда последняя будет находиться в войне с США... Коротко говоря, Россия

может быть и нейтральной в японо-американской войне и в то же время стать ее активным участником по собственному желанию». Анализ носил, несомненно, провокационный характер.

Профессиональные американские дипломаты, зная японских милитаристов, комментировали пакт далеко не истерически. Дж. Грю пометил в дневнике, что японская печать пишет о пакте «со сдержанным одобрением, но отнюдь не с энтузиазмом». Оценивая настроения в Токио, он выделил следующее: «Есть признаки, указывающие на то, что полной уверенности, влекущей за собой продвижение на юг, в отношении позиции северного соседа не испытывают». 21 апреля 1941 года он разъяснял государственному секретарю: «Будущее развитие советско-японских отношений в значительной степени зависит от того поворота, который примет война в Европе, и от размеров действительной или потенциальной угрозы Советскому Союзу».

Подписав договор о нейтралитете с Японией, Советский Союз, исходя из иных посылок, делал выводы, аналогичные положенным в основу плана «АБЦ-1», — о приоритете европейского театра. Хотя на верность японских милитаристов своим обязательствам полагаться не приходилось (Тодзио, например, категорически отрицал, что пакт способствовал принятию в Токио решения об экспансии на юг) и СССР был вынужден сохранить значительные силы на Дальнем Востоке, пакт о нейтралитете с Японией дал возможность стратегически разграничить Европу и Дальний Восток, сосредоточить внимание на опасности, исходившей от фашистской Германии.

Так развитие событий — угроза державам «оси» всему человечеству — закладывало объективные предпосылки для создания антигитлеровской коалиции. Но весной 1941 года ни Белый дом, ни государственный департамент не оценили по достоинству усилия Советского Союза. Там не

пожелали даже проследить очевидную связь между пактом о нейтралитете и непоколебимой решимостью СССР отстоять свои дальневосточные рубежи.

Э. Лейтон, решая ограниченную задачу защиты чести мундира своего кумира адмирала Х. Киммеля, походя вскрыл глубинные мотивы реакции Вашингтона на советско-японский пакт о нейтралитете: «Президент со своими начальниками штабов проводили все новые сокращения Тихоокеанского флота не только из-за приверженности их к стратегии «Европа прежде всего». Когда в апреле принималось решение об этом... предполагалось, что сползание к решительной конфронтации на Тихом океане может быть предотвращено какими-то изощренными дипломатическими маневрами. Перспектива оттепели между Токио и Вашингтоном ослепила высшие штабы флота и армии в нашей столице и привела их к серьезнейшему промаху».

Воистину, кого боги хотят покарать, того лишают разума! Американские политики, хотя и имели перед глазами горькие плоды довоенной политики «невмешательства», по-прежнему не оставляли надежд, что можно отвести угрозу от США, побудив Японию избрать объектом агрессии Советский Союз.

Вашингтон: политика «баланса сил»

Традиции американской внешней политики, восходящие к «отцам-основателям» заокеанской республики, заключаются в том, что Соединенные Штаты всегда стремились извлекать выгоды для себя из войн в Европе и Азии. Собственно, на этом в известной степени и основывалось благополучие США. Их правительства не спешили вступать в крупные вооруженные конфликты, а выжидали ослабления борющихся сторон, чтобы затем бросить решающую гирю на весы войны и мира.

Политика США на первом этапе второй мировой войны дает тому

блестящее доказательство. Хотя с самого начала конфликта Соединенные Штаты приняли сторону противников держав «оси», ибо агрессивный блок грозил самому национальному существованию, и США стали фактическим союзником Англии, американское правительство вовсе не горело желанием ввязаться в вооруженную схватку. Но в Вашингтоне ни на минуту не упускали из виду, что участие Соединенных Штатов во второй мировой войне неизбежно, и проводили обширную подготовку к этому как внутри страны, так и внешнеполитически. Отсюда план «АБЦ-1», ленд-лиз и постепенное, пока в целом негласное, углубление американо-английского сотрудничества. Коротко говоря, Соединенные Штаты выдвигались на исходные позиции.

Весной 1941 года из крупных государств мира, помимо США, вне орбиты войны находились только Советский Союз и Япония. Это обстоятельство побуждало Вашингтон к еще большей осмотрительности: ни в коем случае не нарушать «очередности», дожидаться прежде всего вовлечения в мировой конфликт СССР и Японии и потом, и только потом, определить собственную позицию.

Выполнение этого замысла открывало захватывающие перспективы перед империалистическими кругами США. Соединенные Штаты, рассуждали они, окажутся единственной великой державой, силы которой не испепелит пожар мировой войны. Народы Европы и Азии, проливающие кровь, тем самым приблизят наступление «Американского века» — мирового господства американской плутократии. Успех или неуспех этих планов в значительной степени зависел от того, что сделает и что не сделает американская дипломатия.

Что касается распространения войны в Европе, то уже в начале 1941 года в Вашингтоне получили важную информацию. С 1934 года в американском посольстве в Берлине служил в качестве торгового атташе

С. Вуд. Официально он был дипломатом, но в действительности вел работу, имевшую мало общего с почтенной профессией. С. Вуд был разведчиком, располагавшим прочными связями в высоких сферах Берлина. Как-то в августе 1940 года он получил с утренней почтой конверт. В нем был билет на сеанс в кинотеатр, который Вуд не заказывал. Американец по роду своей профессии привык ничему не удивляться — в зале на соседнем кресле оказался один из его «знакомых». Во время сеанса сосед сунул в карман Вуда записку, содержащую сенсационную новость: Гитлер собирается напасть на Советский Союз!

Информация была немедленно передана в Вашингтон. Руководство госдепартамента крайне скептически отнеслось к ней: со дня на день ожидалось германское вторжение в Англию. Тем не менее Вуду было поручено удвоить усилия. Его агент разъяснил: «Воздушные налеты на Англию — маскировка подлинных и хорошо разработанных планов Гитлера нанести внезапный, сокрушительный удар России».

18 декабря 1940 года Гитлер подписал директиву № 21 — план «Барбаросса». Через несколько дней ее текст был доставлен Вуду и переслан в Вашингтон. Теперь Хэлл больше не сомневался: другие источники тоже подтверждали сообщения из Берлина. Тщательная проверка, проведенная заместителем государственного секретаря Б. Лонгом, дала аналогичные результаты. В начале января 1941 года обо всем этом было доложено Ф. Рузвельту.

Отныне государственные деятели Соединенных Штатов имели возможность более резко высказываться против политики нацистов. Даже человеку с посредственным интеллектом было очевидно, что в Берлине на пороге войны против СССР не рвались иметь еще одного могущественного противника — Соединенные Штаты. Кабинет Ф.

Рузвельта состоял из неглупых людей, и поэтому было решено заодно предупредить Советский Союз о возможном нападении, что и сделал в начале 1941 года заместитель государственного секретаря С. Уэллес в беседе с советским послом К. А. Уманским. Так много надежнее: предупреждение из Вашингтона о планах нацистских заговорщиков сольется с вооруженной борьбой Советского Союза.

Одновременно, дабы гитлеровское руководство не упустило своих истинных интересов, ведомству Э. Гувера — Федеральному бюро расследований поручили подбрасывать германскому посольству в Вашингтоне стратегическую дезинформацию такого рода: «Из весьма надежного источника стало известно, что СССР намеревается пойти на новую военную агрессию, как только Германия будет связана крупными военными операциями» на Западе.

Успехи английских криптографов и расторопность разведчиков дали возможность проникнуть в святая святых гитлеровского руководства — со второй половины 1940 года в специальном подразделении Интеллидженс сервис удалось дешифровать ряд немецких кодов. Черчилль, некоторые министры и высшее командование вооруженных сил отныне в основном были в курсе действий врага. Гитлеровцы же не допускали и мысли, что их коды, в первую очередь работа шифровальной машины «Энигма» («Загадка»), могут быть разгаданы противной стороной. Часть полученной информации английские спецслужбы сообщали своим американским коллегам.

Дешифровка радиоперехватов вермахта ввела Лондон в курс подготовки Германии к нападению на Советский Союз. 6 июня 1941 года личный представитель Рузвельта У. Донован присутствовал на секретном инструктаже глав ряда подразделений Интеллидженс сервис. Начальник политической разведки Англии Р. Липер объяснил им: «Премьер-министр

уполномочил меня открыть некоторые секретные данные, известные г-ну Черчиллю и начальникам штабов уже несколько недель. Он разрешил сказать вам и только вам, дабы вы могли скоординировать планы — Гитлер нападет на Советскую Россию. Вторжение произойдет в середине июня, в воскресенье 22 июня, то есть до него остается две недели и два дня».

По возвращении в Вашингтон Донован сообщил Рузвельту, что Черчилль отнюдь не собирается вводить в курс всего этого Москву: «Сталин мог бы понять происходящее. Но англичане считают весь аппарат в Блэкли (штаб-квартира служб дешифровки. — Н. Я.) слишком секретным. Они используют эту информацию для получения выгод иными путями».

Как бы то ни было, назревавшие события в Европе не требовали сверхчеловеческих усилий от американской внешней политики, но обстановка на Дальнем Востоке складывалась совершенно по-иному. Выяснить намерения Японии было почти невозможно не потому, что маска японской дипломатии была непроницаема, а потому, что она скрывала государственную тайну — в Токио так и не было достигнуто единства мнений о дальнейших действиях. Мацуока рассматривал Тройственный пакт как свой личный триумф, уже одно это усиливало оппозицию к его политике. Далеко не все в руководящих кругах Токио были готовы слепо следовать в фарватере германской политики. Сущность разногласий сводилась к тому, что если экстремисты, среди которых Мацуока был не последним, считали необходимым идти напролом, не останавливаясь перед войной, то «умеренные» деятели во главе с Коноэ надеялись вырвать у США переговоры, поддержанными демонстрацией силы и шантажом.

Пытаясь склонить кабинет в пользу своих идей, Мацуока приводил поразительные аргументы. На заседании Координационного комитета 22

мая он высказался так: «Если мы тотчас не примем решения, не объединятся ли в конце концов Германия, Англия, США и СССР, чтобы подчинить Японию? Есть также возможность, что Германия и СССР выступят против Японии, а США также вступят в войну. Мне хотелось бы выслушать мнение представителей командования на этот счет!»

Присутствовавшие пришли в замешательство. Молчание. Старики в расшитых мундирах переглядывались через полированный стол. Наконец военно-морской министр адмирал Косиро Оикава громко произнес: «Господа, министр иностранных дел рехнулся, разве не видно?» Обсуждение не состоялось, предположения Мацуока явно носили безумный характер. Генералы и адмиралы буквально удерживали за фалды фрака воинственного дипломата. Они все же считали, что возможности курса Коноэ пока не исчерпаны.

Еще осенью 1940 года между правительствами Японии и Соединенных Штатов завязываются неофициальные контакты. Начало им, по-видимому, положила американская сторона. В это время в Токио находились высокопоставленные представители католической церкви США — епископ Дж. Уолш и преподобный отец Дж. Дроут. Оба прибыли в Японию с внешне невинной целью: ознакомиться с положением католической паствы, вверенной попечению их японских духовных коллег. Очень скоро выяснилось, что Дж. Дроут далеко не чужд и мирских дел.

Убежденный антикоммунист и давний противник администрации Рузвельта, Дроут вознамерился единым махом создать некий японо-американский альянс. Все в интересах сокрушения коммунизма. Проекты в этом направлении сочинял Дроут, а епископ Уолш благословлял их. Через чиновника Кооперативного банка Японии Тадава Викава, женатого на американке, они завязали связь с официальными кругами, которым

был передан документ об урегулировании американо-японских отношений. Проект предусматривал ни много ни мало как превращение Дальнего Востока в сферу монопольного владычества Японии и США, а также укрепление их позиций против СССР.

Предложения эти вызвали живейший интерес в японской столице. Даже непримиримый Мацуока считал необходимым конфиденциально побеседовать со скромными священнослужителями. Коноэ также не терял времени. Он предложил Уолшу и Дроуту доставить правительству США секретное послание от него. Премьер объяснил, что он не может направить документ через официальные каналы, опасаясь реакции экстремистских групп. Послание содержало поразительные предложения: японское правительство было готово если не формально, то по существу аннулировать Тройственный пакт, отозвать все японские войска из Китая и приступить к «изучению» основных экономических проблем, стоявших перед Японией и США.

Почти одновременно к Дж. Грю обратился Тетцума Хасимото, лидер очень влиятельной националистической организации «Черный Дракон». Хасимото заверял, что если бы он был американцем, то испытывал бы аналогичные чувства в отношении Тройственного пакта. Хасимото апеллировал к «американскому великодушию» и просил дать ему возможность посетить Вашингтон и встретиться с ответственными деятелями, дабы предотвратить сползание к войне. Грю рекомендовал государственному департаменту удовлетворить просьбу Хасимото.

Наконец, в начале ноября 1940 года японским послом в Вашингтоне был назначен 64-летний адмирал Китисабуро Номура, вызванный из отставки. Номура хорошо знали в Японии, он пользовался немалым влиянием. Высокий, по японским меркам, адмирал внушал уважение своими заслугами: в результате взрыва бомбы, брошенной в него в 1932 году в

Шанхае, он потерял правый глаз, хромота, одна рука у него была искалечена. Он принял пост после долгих раздумий, рассматривая назначение «как трубный глас, зовущий рядового солдата к знаменам».

Перед выездом в США Номура совещался почти со всеми высшими генералами и адмиралами. Он даже совершил поездку на континент, где встретился с командующим Квантунской армией, генерал-губернатором Кореи и командующим японскими войсками в Китае. Было известно, что Номура выступал против Тройственного пакта и высказывался за улучшение отношений с США. В Вашингтоне маневры японской стороны были расценены как добрые предзнаменования: кабинет Коноэ, если не считать несносного Мацуока, очевидно, хотел договориться с Соединенными Штатами. Немалые надежды внушал и новый посол: в годы первой мировой войны Номура был военно-морским атташе Японии в США и лично знаком с Рузвельтом, который, даже будучи президентом, в переписке с Номурой именовал его своим «другом».

Величественного посла, неторопливо следовавшего к месту службы, обогнали неофициальные «дипломаты». В середине января Уолш и Дроут явились в Вашингтон.

Привезенные ими предложения были тщательно изучены. Католик, министр почт Ф. Уокер представил Уолша и Дроута государственному секретарю, а 23 января 1941 года епископ и преподобный отец встретились в Белом доме с Президентом. Конфиденциальная беседа продолжалась более двух часов. Выяснилось, что в Токио домогались провозглашения США и Японией своего рода «доктрины Монро» для Дальнего Востока, американской экономической помощи, а также посредничества США в «урегулировании» японо-китайской войны. Если эти требования будут удовлетворены, Япония бралась выступить в защиту Соединенных Штатов в случае нападения на них Германии, пока

не аннулируя своих обязательств по Тройственному пакту. Предложения носили фантастический характер, и их наверняка не могло бы принять любое ответственное японское правительство.

Хасимото выдвинул примерно аналогичные требования, настаивая, кроме того, на признании США «главенствующей роли Японии в Восточной Азии». Представитель «Черного Дракона» явно хватил через край.

Из этих бесед в Вашингтоне сделали заключение, что правительство Коноэ побаивается США. Орудия, направленные на Америку, не заряжены. Воинственные речи в Токио и тайные предложения привели к выводу, что Япония занимается обычным шантажем. Подводя итоги, главный советник государственного департамента по делам Дальнего Востока С. Хорнбек докладывал правительству: «Необходимо постоянно помнить об одном важнейшем факте — Япония не подготовлена к войне с Соединенными Штатами». Было решено оставить в стороне неофициальные контакты и начать переговоры обо всем с Номура, когда он прибудет в Вашингтон.

В начале февраля чрезвычайно тревожные вести пришли из Юго-Восточной Азии. Япония, давно оказывавшая все возрастающее давление на Таиланд, вмешалась в вооруженный конфликт между Таиландом и Французским Индокитаем. Она взяла на себя посредничество в установлении перемирия, одновременно проводя внушительную демонстрацию морской мощи в Юго-Восточной Азии. В Лондоне расценили эти действия как очередные шаги к продвижению в сторону Сингапура, Малайи и Бирмы. Англия не располагала достаточными силами в Юго-Восточной Азии и, будучи занята войной в Европе, не могла направить туда подкреплений. Правительство Черчилля возобновило давнюю просьбу — послать американские военные корабли в Сингапур, чтобы предостеречь Японию, подчеркнув единство США и

Англии. Правительство США отказалось.

Тогда английский посол в Вашингтоне лорд Галифакс предложил опубликовать «совместную декларацию США и Британской Империи — любое нападение на Голландскую Индию или на английские владения на Дальнем Востоке немедленно и безвозвратно вовлечет Японию в войну с Соединенными Штатами и Британской Империей». Чтобы объяснить американцам, что иного выхода нет, послу было поручено также сообщить в Вашингтоне, со ссылкой на английский комитет начальников штабов: война-де одной Англии с Японией «неизбежно приведет к затяжке войны с Германией и сделает конечный успех войны маловероятным без всестороннего участия в ней Соединенных Штатов». Все эти разъяснения мало помогли делу. Правительство Черчилля никак не могло смириться с тем, что США были готовы в случае необходимости воевать до последнего английского солдата и вовсе не стремились занять место на первой линии огня, что с отменной любезностью предлагал Лондон.

В ОП-20-Дж и СИС

Рузвельт и его соратники были убеждены, что они на верном пути. Уверены в этом не по наитию, а на основании, как им представлялось, твердого знания не только намерений, но и ближайших шагов противника. Почему?

Обращаясь к генезису нынешнего исполинского шпионского ведомства США — Агентства национальной безопасности, — американский исследователь Дж. Бамфорд с достоинством отметил: «Возникновение криптологии (во флоте заокеанской республики. — Н. Я.) можно проследить практически с первой передачи по радио с военного корабля в 1899 году». Криптологи флота сразу же вступили в острое

соперничество со своими коллегами в армии и уже по этой причине «к декабрю 1941 года американская радиоразведка больше напоминала средневековое феодальное государство, чем нынешнюю империю АНБ». В те времена, объясняет Бамфорд, помимо армии и флота радиоразведкой занимались ФБР, береговая охрана, федеральная комиссия связи, а у семи нянек дитя без глазу. Теперь, разумеется, все по-иному — АНБ в несколько раз превышает по персоналу и расходам ЦРУ, а в ее штаб-квартире в городе Форт-Мид, поблизости от Вашингтона, работает более 50 тысяч человек. Но до этого дошли методами проб и ошибок, усвоения многих уроков, главным из которых был Пёрл-Харбор. В негативном смысле.

В 20-е годы военно-морская разведка США сосредоточила внимание на раскрытии кодов японского флота. С весны 1920 года агенты ФБР регулярно тайком проникали в японское консульство в Нью-Йорке. Они нанесли немало ночных визитов со взломом в помещение консульства, ибо выполнение задания — сфотографировать японские шифровальные книги — оказалось весьма сложным делом. Тогдашняя фотоаппаратура была громоздкой, а книги на диво объемистыми. Около четырех лет потребовалось на перевод и обработку их, а вносимые японцами изменения повлекли серию новых взломов в 1926 — 1927 годах. Конечный результат — США во второй половине 20-х годов могли читать шифропереписку японского флота, так называемый «красный код». По цвету переплетов, в которых американские криптологи держали свое сокровище.

Усилия криптоаналитиков и взломщиков, естественно, обеспечили многие преимущества американскому флоту над японским. В ходе этой коллективной работы выделились работники, которым на ответственных постах в разведке было суждено встретить вторую мировую войну. С

1924 года отдел дешифровки японских кодов возглавил лейтенант Л. Саффорд. Среди его подчиненных оказались несколько женщин, проявивших себя отличными криптоаналитиками. В 1936 году Л. Саффорд был назначен начальником ОП-20-Дж (5-й отдел 20-го управления главнокомандования ВМС США), занимавшийся радиоперехватом и дешифровкой военно-морских кодов. Одна из подчиненных сотрудниц оставила по-женски меткое описание Л. Саффорда, который, хотя и был выпускником Аннаполиса, никак не походил на кадрового морского офицера. Он ходил в мятой форме, как будто спал в ней, «волосы дыбом, постоянно почесывал голову в затруднении. Говорил страшно быстро и непонятно», а его глаза все время бегали, как будто он высматривал какую-то опасность. «Безумный гений» — кличка Саффорда у подчиненных, единодушно признававших его выдающиеся математические способности.

Ключевой подотдел подразделения Саффорда — перевод и рассылка дешифрованных материалов — с 1940 года возглавил также выпускник Аннаполиса А. Крамер. Он провел несколько лет в Японии в 30-е годы и овладел японским языком. По повадкам — полная противоположность начальнику отдела Саффорду — педант, сухарь, четко и ясно отдававший распоряжения (любимое словечко — «точно!»). И внешность: невероятная аккуратность, усы подстрижены волосок к волоску. Хотя Крамер был начальником подотдела в системе ОП-20-Дж, значился он за ОП-16-Ф2, то есть за дальневосточным управлением военно-морской разведки. «Это было сделано частично для того, чтобы сбить с толку японцев, которые могли бы извлечь определенные выводы об американских успехах в дешифровке японских кодов из того факта, что знающий японский язык офицер типа Крамера работал в отделе, занятом радиоперехватами».

По всей вероятности, предосторожности были сочтены нелишними из-за скандала, устроенного в начале 30-х годов бывшим руководителем службы дешифровки армии в 1917—1929 годах Г. Ярдли. Потеряв в результате ведомственных склок работу, Ярдли бедствовал в годы кризиса и, чтобы прокормиться, а весьма вероятно и отомстить чиновникам, не оценившим его, быстро написал и выпустил в 1931 году книгу «Американский черный кабинет». Ярдли, которого в США иногда именовали «отцом американской криптографии», занятно рассказал, как в этом «кабинете» перехватывалась и дешифровалась переписка десятков других государств. По его оценке, в 1917 — 1929 годах не менее 45 тысяч телеграмм!

Военное министерство США в ответ на запросы журналистов лихо отрицало само существование «черного. кабинета», государственный департамент повел кампанию дискредитации Ярдли, а когда он в ярости написал еще одну книгу все о том же и сдал рукопись в издательство, судебные исполнители в феврале 1933 года конфисковали ее. Тем дело и кончилось в США, а в Японии книгу Ярдли перевели, издали значительным тиражом. Японские экстремисты до отказа использовали ее для нагнетания вражды к США. Разве не доказал Ярдли, что гостеприимные хозяева Вашингтонской морской конференции в 1922 году читали секретную переписку делегации Японии с Токио? В результате этого Империя восходящего солнца оказалась обделенной в квотах на морские вооружения и т. д.

Помимо пропагандистской ценности для Японии выход книги Ярдли причинил серьезные неудобства американским криптографам. В Токио задумались над надежностью своих кодов и на всякий случай изменили их. В 1933 году американские разведки сделали крайне неприятное открытие: «Взлом в служебном помещении военно-морского атташе в

Токио, к счастью сорвавшийся, заставил Вашингтон заподозрить, что японцы имитируют как наши методы работы, так и коды». Резко обостряется «борьба умов» американских и японских криптографов, изобиловавшая драматическими эпизодами, включая поимку в результате дешифровки японских кодов американских военнослужащих, работавших на Японию. В целом перевес оказался на стороне США, хотя американцы по понятным причинам пуще огня боялись, чтобы их гласно увенчали лаврами. При осуждении, например, двух японских агентов — Томпсона и Фарнворса в 1937 году материалы, приведшие к их аресту (дешифрованные телеграммы), не предъявлялись в суде.

Главная причина, по которой американская разведка была своего противника, — Вашингтон располагал куда большими ресурсами в тайной войне. С 20-х годов военно-морская разведка США постепенно развертывает сеть постов перехвата радиogramм и переговоров по радио японского флота. Уже в 1925—1926 годах устраиваются первые такие посты в американских дипломатических представительствах в Шанхае и Пекине. В последующие десятилетия вводятся в строй мощные станции радиоперехвата: на Филиппинах, Гуаме, в Импириал Бридж в Калифорнии, во Флориде. Станции С на острове Байнбридж у Сиэтла на Тихоокеанском побережье США и станция Х на острове Оаху были специально нацелены против Японии. Военная разведка имела свою сеть станций радиоперехвата — Форт-Нэнкок, штат Нью-Джерси; Сан-Франциско; Форт-Хьюстон; Сан-Антонио; в Панаме; Форт-Шафтер, Гонолулу; Форт-Миллс; Манила; Форт-Хант, Вирджиния; Рио-де-Жанейро. Громадная, жестко централизованная система создавалась и функционировала так, чтобы практически ни одно сообщение, переданное из Японии японским кораблям или между ними, не прошло мимо внимания американской радиоразведки. Все перехваченные

шифrogramмы записывались и передавались в Вашингтон, военно-морская разведка к концу 1941 года соединила телетайпной связью ОП-20-Дж со станциями подслушивания на Американском континенте. «Станции подслушивания за границами США, как флота, так и армии, перехватывали японские шифрованные телеграммы, зашифровывали их в этом виде и передавали по радио в Вашингтон. Перешифровка производилась для того, чтобы в Японии не могли узнать о размахе американских усилий в области криптоанализа». Количество шифрованных материалов, исходивших из Токио по мере приближения к войне, настолько возросло, что с 1940 года для упорядочения работы военно-морская и военная разведка США разделили между собой функции: по нечетным дням ими занималась первая, а по четным — вторая.

В 1937 году американский флот вводит в действие против Японии Центрально-тихоокеанскую стратегическую сеть выявления местонахождения объектов. По гигантской дуге от Кавите на Филиппинах через Самоа, Мидуэй, Гавайи до Датч-Харбор на Аляске расположили специальные радиостанции с очень чувствительными антеннами. Принцип работы был прост: поворачивая антенну, добивались самой лучшей слышимости, прокладывали на карте направление сигнала, пересечение линий с нескольких станций указывало, где находится данное судно. Повторными прослушиваниями устанавливались его курс и скорость.

На исходе 30-х годов военно-морская разведка США льстила себя надеждой, что знает, где находится каждый японский корабль. При условии, разумеется, что потенциальный противник не прибегал к радиомолчанию. Но и на этот случай, как представлялось в Вашингтоне, был выход, а именно — анализ радиопереговоров. Так можно было

установить позывные различных радиостанций, уточнить, кто и кому отдавал приказание, и т. д. Американцы недооценили эффективность контрмер — не только радиомолчание, но и частую смену позывных, ложные радиосообщения, имитацию оживленных переговоров по радио и т. д. Но для всего этого должно было пройти время, а тогда 100 с лишним офицеров и сотрудников, работавших в радиоотделе 14-го военноморского округа на Гавайях (в целях сохранения тайны именовавшемся «оперативный разведывательный отдел»), были свято убеждены: ни один корабль под флагом Восходящего солнца не проскользнет незамеченным в западной (считая от США) части Тихого океана. Данные радиоразведки Центрально-тихоокеанской стратегической сети стекались именно в этот отдел, возглавлявшийся в 1941 году способным офицером Дж. Рошфором.

Отдел занимался и дешифровкой ряда японских кодов. Деликатная и строго секретная работа была четко расписана между различными американскими подразделениями криптоанализа. Критерий — сложность, а следовательно, важность кода. Простейшие именовались «Ла», этой частицей начинались шифровки. Затем более сложные — «ПА-K2». Две группы этих кодов, всего около 10, легко дешифровались в отделе Рошфора, что и было задачей отдела. Кроме того, Рошфору приказали раскрыть «флагманский код», доступ к которому в японском флоте имели только старшие офицеры. Работа над «флагманским кодом», оказавшаяся безрезультатной, поглотила многие тысячи часов у работников отдела в ущерб дешифровке множества перехваченных документов, проходивших под кодами «Ла» и «ПА-K2». Их просто откладывали, а среди них было немало донесений хотя бы японского генконсульства в Гонолулу.

Дешифровкой важнейших систем занимались в Вашингтоне — от флота ОП-20-Дж и соответственно от армии — управление СИС.

Криптоаналитики в целом успешно справлялись с расшифровкой основного кода японского флота, проходившего у американских разведчиков под литерами ДжН (японский флот) с указанием далее порядкового номера. Трудность работы над кодом заключалась не в том, что он вообще не поддавался расшифровке, а в очень частой смене шифровальных книг, которая сводила на нет сделанное. Коротко говоря, дешифровка отставала от событий. Во второй половине 1941 года японский флот перешел на код ДжН 256. В ОП-20-Дж к исходу года прочитывали не более 10 процентов содержания перехваченных документов. Эти данные оставались в Вашингтоне и не передавались в штаб Киммеля, а сотрудникам Рошфора, во избежание дублирования работы, было запрещено заниматься кодом ДжН 256.

Тут, вероятно, таится одна из главных причин, почему оказался возможным скрытый подход оперативного соединения Нагумо к Гавайям. Американские исследователи очень неохотно обращаются к тогдашней истории с кодом ДжН 256. Редкое исключение — меланхолические рассуждения в 1985 году в книге Э. Лейтона, Р. Пино и Дж. Костелло «И я был Там»: «Нет никаких сомнений в том, что в Вашингтоне должны были получить обрывочные сведения из кода японского флота. Какие именно или насколько они были важны, судить трудно, ибо по сей день (1985 год! — Н. Я.) не был найден или рассекречен ни один первоначальный документ, содержащий дешифровку ДжН 256. Следует отметить, что ни один такой документ не был рассмотрен или предъявлен какой-нибудь комиссии, расследовавшей Пёрл-Харбор, включая расследование конгресса 1945 года. Это отнюдь не означает, что из документов разведки умышленно исключили неудобную важную часть и Вашингтон занимается обманом. Но случившееся, несомненно, еще один пример того, как командование ВМС

не хочет признать, что из перехватов ДжН 256 можно было получить дополнительные данные о намерениях Японии...».

Со скорбными и малословными рассказами американских исследователей о трудах американских криптоаналитиков над кодами японского флота резко контрастируют победные реляции о том, как военная и военноморская разведки раскрыли тайну вражеской шифровальной машины. В результате самый важный правительственный код Японии — «розовый» прочитывался без труда американцами. А коль скоро США тогда по технике превосходили Японию, то сконструированные американцами дубликаты шифровальных машин работали лучше, чем оригиналы.

Едва ли эту проблему решили криптоаналитики, как следует из официальной версии трубадуров американских разведок. Скорее это еще один пример «творческого содружества» науки с оперативниками, взломщиками и прочими. Во всяком случае вехой на пути раскрытия «розового кода» было посещение незванными «гостями» в отсутствие хозяина квартиры и служебного помещения японского военноморского атташе в Вашингтоне. Визит со взломом под покровом ночи был нанесен по той основательной причине, что подслушивающая аппаратура зарегистрировала некие звуки, которые сотрудники ФБР приняли за работу шифровальной машины. Американским криптоаналитикам, видимо, удалось раскрыть этот код, ибо новая машина была модернизированным вариантом «красной» машины, введенной с середины 30-х годов в дипломатических представительствах Японии за рубежом. Сменившую ее машину американские криптоаналитики обозвали «розовой», отсюда название кода.

Японские специалисты не допускали и мысли, что «розовый код» может быть раскрыт — машина давала миллионы комбинаций. Тем не менее это случилось. Когда группа криптоаналитиков военной разведки во главе с

У. Фридманом в августе 1940 года после 20-месячных трудов представила дешифрованные тексты «розового кода», в узком кругу руководителей разведки их прозвали «кудесниками». От этого прозвища и пошло название источника — «чудо». Шифровальная машина «розового кода» выглядела как увеличенная пишущая машинка, только с двумя клавиатурами. На одной отбивался текст, печатавшийся на другой в зашифрованном виде, и наоборот.

Эти машины как бы овестьвили многолетние усилия более чем 700 работников ОП-20-Дж и 350-СИС. Ф. Рузвельт, К. Хэлл, Г. Стимсон, Ф. Нокс и высшее командование вооруженных сил — а только эти лица были в курсе «чуда» — не могли нарадоваться: важная шифр-переписка Токио для них была теперь открытой книгой. Из 227 шифрованных документов между Токио и японским посольством в США, касавшихся американо-японских переговоров в феврале — декабре 1941 года, не были перехвачены только 4! В Вашингтоне посвященные в тайну не усмотрели парадокса: «чудо» вводило их только в курс высших политических тайн Токио. Но не военных. Для проникновения в военные тайны нужно было читать менее сложные, но многочисленные японские коды, а американские криптоаналитики раскрыли только часть из них.

Адмирал-дипломат Номура в США

14 февраля 1941 года Номура наконец явился в Белый дом для беседы со своим старым «другом» Рузвельтом и Хэллом. Они договорились встретить Номура, говоря словами президента, «с постными физиономиями и прочеать ему серьезную нотацию». Государственные деятели США заняли места друг против друга, посадили между собой посла, и президент стал держать речь. О том, что и как было сказано, сам Ф. Рузвельт несколько спустя рассказывал со значительным чувством

юмора.

Он напомнил, как в свое время «президент Мак-Кинли сделал все, чтобы избежать войны с Испанией, но случилась одна из тех ужасных вещей, которые называются инцидентами. Никто не знает, был ли «Мэн» потоплен испанцами или нет, но президент Мак-Кинли и Джон Хэй не могли сопротивляться требованиям американского народа начать войну (вздых). Когда японцы потопили «Пэнаи», волна негодования охватила страну. Я и г-н Хэлл (вот он сидит напротив) с большим трудом успокоили новую волну негодования и, благодарение богу, преуспели в этом (вздых). Я надеюсь, что адмирал Номура передаст своему правительству, что здесь прилагаются все усилия к тому, чтобы все было спокойно, однако терпение американского народа на исходе, и, если плотину прорвет (три вздоха), цивилизации придет конец».

Едва ли исторический экскурс мог произвести глубокое впечатление на Номура, а ссылки на гибель цивилизации звучали явным плагиатом: Мацуока в речи на завтраке, устроенном японо-американским обществом в связи с отъездом Номура в США, нарисовал куда более душераздирающую картину «гибели мировой культуры» в случае войны между США и Японией. Конкретно Номура не мог ни о чем говорить — Коноэ не озаботился проинформировать посла о сути начатых в Токио тайных переговоров.

В феврале 1941 года в Нью-Йорке появился Викава. Он был связан с Коноэ, для переписки с которым использовал особый шифр. Новый посланец встретился с Дж. Уолшем и Дж. Дроутом, с ними он уже имел дело в Токио. В начале марта эти трое выработали и передали Хэллу японскую программу переговоров. Прежние предложения повторялись, а договоренность между США и Японией надлежало увенчать исторической встречей Франклина Рузвельта и Фумимаро Коноэ на полпути — на

Гавайских островах. Престарелого государственного секретаря озадачила сложность ходов японской дипломатии и то, что противная сторона осмеливалась хитрить, покушаясь на его монополию в этих делах. В свои 70 лет Хэлл ощущал себя достаточно сильным, чтобы переиграть любого. Разве не сумел он из бревенчатой хижины в глухом штате Теннесси перебраться в кресло государственного секретаря еще в 1933 году. Никогда не дрогнув, сочетал ригоризм религиозного фундаменталиста с отнюдь не христианскими качествами — ничего не забывать и не прощать. Пуще всего он не терпел, когда посторонние совали нос в его дела, что сразу оказалось очень уместным для переговоров с Номура.

Коротко говоря, он предложил: переговоры с японским послом вести в номере отеля, чтобы не привлекать внимания. Этот порядок сохранялся до 7 декабря 1941 года. Собеседники были вежливы и никогда не повышали голосов даже в пылу острых споров. При первой встрече с Номура с глазу на глаз 8 марта Хэлл хотя и воздал должное усилиям «ответственных, чудесных и способных граждан» урегулировать американо-японские отношения, все же просил передать этим «добрым людям», что не может вести переговоры с ними, если официальный представитель, Номура, не возьмет на себя ответственности. Посол был также крайне сконфужен, ибо находился в неведении о действиях Коноэ. Он ограничился тем, что часто и вежливо кланялся во время монолога Хэлла. Беседы не получилось.

Двинуть дело вперед попытался Рузвельт. 14 марта во время второй встречи с Номура президент весь светился благожелательностью и попытался показать глубокое понимание профессиональной этики, именую Номура адмиралом, а не послом, и проблем, стоявших перед Японией. «Ему удалось поднять вопрос о Китае и настояниях Японии держать там войска для борьбы с коммунизмом. Он пытался убедить

Номура, что китайские коммунисты вовсе не похожи на русских коммунистов, и поэтому страхи Японии необоснованны». Номура уклонился от обсуждения (как раз в эти дни Мацуока находился на пути в Европу), а в Токио направил раздраженную телеграмму, прося прислать ему в помощь офицера армии, чтобы тот объяснил послу, о чем идет речь. Тодзио распорядился командировать полковника Хидео Ивакуро.

25 марта Ивакуро явился в Вашингтон и посвятил наконец Номура в переговоры, протекавшие пока без участия посла, а сам занял пост заместителя военного атташе. 9 апреля Хэлл получил японские предложения, которые повторяли проект, разработанный Уолшем и Дроутом. Япония подтвердила свою верность Тройственному пакту в случае нападения США на Германию. Что касается «урегулирования» японо-китайской войны, то президенту США предлагалось взять на себя посредничество и предложить Китаю следующие условия: вывод японских войск из Китая, учитывая при этом необходимость совместной борьбы с коммунизмом; применение к Китаю доктрины «открытых дверей» в японо-американской интерпретации, которую надлежит выработать позднее; признание Китаем захвата Японией Маньчжурии. Если Китай откажется принять эти предложения, США должны прекратить оказание ему помощи. В заключение предлагалось провести совещание Рузвельта с Коноэ в Гонолулу с предрешенной повесткой дня: восстановление торговых отношений между США и Японией, свободный доступ Японии к источникам сырья и предоставление ей займа.

Договариваться, собственно, было не о чем. Принятие этих предложений означало бы согласие Соединенных Штатов на японское господство на Дальнем Востоке. «С самого начала я правильно понял, — писал Хэлл в своих мемуарах, — что на успех переговоров было менее одного шанса из двадцати, пятидесяти или ста. Прошлая и тогдашняя история Японии,

ее откровенные честолюбивые устремления, возможность для экспансии, представившаяся в тот момент, когда неразбериха в Европе приковала наше основное внимание, и коренное различие между их и нашими взглядами на международные дела — все говорило против возможности достижения соглашения». Хэлл, однако, вступил в переговоры с Номура, предложив Японии 16 апреля в качестве предварительных условий признать «четыре принципа»: общие принципы уважения суверенитета всех стран, невмешательства в их внутренние дела, равенства экономических возможностей и обязательство не изменять статус-кво на Тихом океане не иначе как мирными средствами.

Как можно было совместить эти абстрактно-прекрасные принципы с обсуждением откровенно империалистической программы, выдвинутой Японией, государственный секретарь не объяснил ни тогда, ни в мемуарах. Крайне неловко пытается сделать это нынешняя официальная американская историография. В Токио поняли, и вполне обоснованно, что правительство США согласилось положить японский проект в основу для переговоров. Как заметил Тодзио, японское правительство уделяло больше внимания «практическому разрешению существовавших проблем, а не заявлениям об общих принципах». Почему-то Тодзио предпочел не заметить, что проект этот был творением Уолша и Дроута и отражал взгляды Токио, но не Вашингтона!

Тут в Японию вернулся из Европы Мацуока. Он не выразил восторга по поводу проделанного Коноэ за его полуторамесячное отсутствие. Скоро в документах, поступавших из Токио в Вашингтон, стал заметен его почерк, японская дипломатия наглена на глазах. Рузвельт, ознакомившись с перехваченными и дешифрованными очередными инструкциями Мацуока Номура, только пожал плечами. «Они, — писал президент С. Уэллесу, — кажутся мне продуктом глубоко расстроенного мозга, неспособного

спокойно или логично мыслить».

Прямые доказательства этого высшим руководителям США дал курьезный эпизод. 5 мая была перехвачена и дешифрована телеграмма Номура от МИД Японии: «Из в целом надежного источника информации стало известно, что правительство США почти наверняка читает ваши шифрованные сообщения. Пожалуйста, дайте нам знать, есть ли у вас подозрения на этот счет». ОП-20-Дж и СИС были повергнуты в панику: все труды с «розовым кодом» пойдут насмарку! Они резко ужесточили секретность. Военная разведка Дж-2 исключила президента США из списка лиц, получавших оригиналы перехватов «чуда»! В Дж-2 заподозрили, конечно, не президента, а его адъютанта генерала Ватсона, прозванного в Белом доме «папашей». «Папашу» засекли на том, что он выбросил листок с сообщением от «чуда» в корзину для бумаг. Только в ноябре 1941 года президент Ф. Рузвельт вернул себе право читать оригиналы перехватов «чуда»!

Что до японского посольства, то Номура провел служебное расследование и 20 мая доложил МИД Японии: «США читают некоторые наши коды, хотя я не знаю какие». Никаких последствий. Мацуока так ненавидел Номура, что не желал считаться с мнением адмирала даже в таком деле. Американские криптоаналитики вздохнули с облегчением.

А переговоры все шли, стороны обменивались различными проектами и контрпроектами, уточняли пункты и подпункты. В официальных документах фигурировало согласие США с поразительным пунктом «Совместная оборона (Японии и Китая. — Я. Я.) против вредоносной коммунистической деятельности, включая размещение японских войск на китайской территории. Вопрос подлежит дальнейшему обсуждению». Если Хэлл считал возможным вдаваться в такие вопросы, понятно удовлетворение японской стороны ходом переговоров. Не случайно

Номура и его помощники (Викава и Ивакуро были официально прикомандированы к японскому посольству) неоднократно заявляли за столом совещания, что их разделяют с американцами «только формулировки». 4 июня они даже заявили, что, «преодолев гору и долину, которые лежали между нами, мы должны лишь перебросить мостик через ручей».

Американская дипломатия только выигрывала время, демонстрируя миролюбие, чтобы избежать обострения отношений между Японией и США. В Вашингтоне ожидали нападения Германии на Советский Союз. А когда правительство США убедилось, что до начала германо-советской войны остались считанные часы, Хэлл взял иной тон.

21 июня 1941 года Номура получил из рук государственного секретаря «совершенно секретную» американскую ноту. Японии предписывалось выразить согласие с «четырьмя принципами» международных отношений, изложенными Хэллом в ходе переговоров; принять интерпретацию обязательств Японии по Тройственному пакту как договору, имеющему целью «предотвратить неспровоцированное расширение войны в Европе», а США обещали проводить свою политику в отношении войны в Европе «единственно и исключительно» с точки зрения своей национальной безопасности; прежде чем президент примет на себя посредничество в установлении мира между Японией и Китаем, Токио сообщит Вашингтону свои условия мирных переговоров. Хотя вопрос о выводе японских войск из Китая и статус Маньчжоу-Го подлежали дальнейшему обсуждению, США ожидали, что японо-китайское соглашение будет строиться «на взаимном уважении суверенитета и территории». Принципы равных экономических возможностей должны применяться не только к району юго-западной части Тихого океана, как предлагали раньше США, а ко всему Тихому океану.

И совершенно беспрецедентным было устное заявление, которое Хэлл сделал при вручении ноты японскому послу: «Тон недавних многочисленных публичных заявлений представителей японского правительства, подчеркивающих верность Тройственному пакту, выражает политику, которую нельзя игнорировать. До тех пор, пока такие лидеры проводят эту политику на своих официальных постах и, очевидно, пытаются воздействовать на японское общественное мнение в указанном направлении, разве мы не гонимся за миражем, рассчитывая, что принятие рассматриваемых предложений послужит основой для достижения желательных результатов». Номура безуспешно попытался убедить Хэлла внести изменения в текст ноты, так как в таком виде она была неприемлема для передачи правительству. Хэлл не уступил.

Беседа состоялась за день до вероломного нападения Германии на Советский Союз.

22 июня и после...

В июне 1941 года Токио оказался хуже информированным о ближайших действиях союзника, чем Вашингтон о намерениях потенциального противника. Правда, японский посол в Берлине генерал-лейтенант Осима 6 июня сообщил, что Гитлер намеревается напасть на СССР. Посол довел до сведения своего правительства, что Германия, вероятно, хочет, чтобы Япония приняла участие в этой войне. Координационный комитет срочно обсудил телеграмму Осима и пришел к выводу, что посол не разобрался в обстановке. Германо-советской войны быть не может. Для перестраховки запросили мнение японского посла в Москве Татекава, который согласился с точкой зрения Координационного комитета. Новое донесение Осима 16 июня о том же самом не произвело решительно никакого впечатления.

В четыре часа дня по местному времени 22 июня 1941 года в Токио

пришли известия о нападении Германии на Советский Союз. Японское правительство узнало об этом одновременно с остальным миром.

Вновь, как и в 1939 году, Германия ставила японских милитаристов перед совершившимся фактом. И снова в токийских кругах заговорили о том, что в Берлине не считаются с братьями по духу на Дальнем Востоке. Во весь рост встал вопрос об отношении к германо-советской войне. В тяжких испытаниях доверия к союзнику один Мацуока остался верен Тройственному пакту. Уже в 17.30 он был в императорском дворце. Там Мацуока попытался убедить императора в том, что пробил долгожданный час для нападения Японии на Советский Союз.

Император был настроен скептически. Командование доложило, что Квантунская армия еще не оправилась от разгрома у Халхин-Гола и слабее Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке. Базы советской авиации и флота рядом, а от Владивостока до Токио по воздуху — рукой подать. Германия не уведомила заранее о своих намерениях, и поэтому для подготовки к войне против СССР потребуется по крайней мере шесть месяцев. Кроме того, кампания против СССР не даст Японии остро необходимого сырья и нефти, запасы которых находились в районе Южных морей. И не лучше ли подождать, пока Германия ослабит Советский Союз?

Эти вопросы и стали предметом обсуждения Координационного комитета. С 25 июня по 1 июля состоялось шесть заседаний комитета. Принципиальных разногласий о необходимости до конца использовать возможности, открытые германо-советской войной, не было. Спорили лишь о направлении агрессии. Военственный министр иностранных дел с пеной у рта доказывал, что Япония должна ударить немедленно на север, затем на юг, а в промежутке между этими прогулками «разрешить китайский инцидент». Когда ему указали, что у Японии просто не хватит

сил, чтобы осуществить столь величественные замыслы, он заверил присутствовавших: «Соединенные Штаты не любят СССР и, по всей вероятности, не придут к нему на помощь, вступив в войну». С этим не спорили, но перспектива близкой войны против Советского Союза просто пугала.

Мацуока заикнулся было о том, что необходимо основывать внешнюю политику на моральных принципах, то есть верности Тройственному пакту.

— Господин Мацуока, — воскликнул Хиранума, в прошлом премьер-министр, а теперь министр внутренних дел. — Прошу вас, еще раз обдумайте проблемы, стоящие перед нами. Вы стоите за то, чтобы мы тотчас же нанесли удар по Советскому Союзу? Вы предлагаете нам, чтобы наша национальная политика состояла в немедленном развязывании войны против Советского Союза?

— Да, — ответил Мацуока.

— Я не оспариваю важность дипломатии, основывающейся на моральных принципах, — веско заметил начальник генерального штаба армии генерал Сугияма, — но, поскольку у нас в Китае связана большая армия, мы не можем действовать по-вашему. Верховное командование будет вести подготовку, однако ударим мы на север или нет, пока нельзя решить.

— Престиж Японии необычайно поднимется, если мы нападём на Советский Союз, когда он, как спелая хурма, будет готов упасть на землю, — присовокупил военный министр Тодзио.

Руководители Японии сочли, что высшая государственная мудрость состояла в том, чтобы выждать ослабления Советского Союза в войне с гитлеровской Германией. Впоследствии Коноэ в своих записках уточнил: «Хотя лидеры правительства сумели отвести настойчивые требования о

незамедлительном начале войны против Советского Союза, они были вынуждены в качестве компенсации согласиться на вооруженную оккупацию Французского Индокитая». Итак, агрессия на юг все же оказывалась второстепенным делом, в Токио по-прежнему рассматривали Советский Союз как главного противника.

Итоги обсуждения подвели на совещании с участием императора 2 июля, на котором была принята «Программа национальной политики империи в соответствии с изменением обстановки». Документ гласил:

«1. Императорское правительство преисполнено решимости вести политику, которая будет иметь своим результатом создание Великой Восточно-азиатской сферы совместного процветания и установление международного мира вне зависимости от того, какие международные события могут иметь место.

2. Императорское правительство будет продолжать свои усилия по разрешению китайского инцидента и стремиться создать надежную основу для безопасности страны. Это повлечет за собой продвижение в южные районы и в зависимости от будущих событий также разрешение советской проблемы.

3. Императорское правительство будет выполнять намеченную выше программу, невзирая на любые препятствия».

В ближайшее время намечалось предъявить новые требования к властям Французского Индокитая и поставить под полный контроль эту страну, имея в виду в дальнейшем предпринять действия против Малайи и Голландской Индии.

О Советском Союзе в программе было записано: «Хотя наше отношение к германо-советской войне основывается на духе «оси» трех держав, мы в настоящее время не будем вмешиваться в нее и сохраним независимую позицию, секретно завершая в то же время военную подготовку против

Советского Союза... Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для империи, она, прибегнув к вооруженной силе, разрешит северную проблему...». Боевая мощь Квантунской армии значительно увеличивалась.

В Маньчжурию непрерывным потоком направлялись подкрепления. 6 августа заместитель американского военного атташе в Китае докладывал: «Хотя нельзя сделать точных выводов из противоречивых сообщений, большинство склоняется к тому, что Япония вторгнется в Сибирь. В течение июня в Маньчжурию перебрасывались войска и различное снаряжение. Больше того, в Северном Китае изъято большое количество рельсов, подвижного состава, оборудования, и все это через Тяньцзинь направлено в Мукден». 25 сентября из Токио ему вторил американский военный атташе Г. Кресвелл: «Большая часть вновь мобилизуемой мощи Японии направляется в Маньчжурию. Здесь считают... что в случае краха России японцы разрешат северную проблему... с разрешения или без разрешения Германии». Да, подтвердил в середине сентября американский офицер связи в Сингапуре полковник Ф. Бринк, англичане считают, что они имеют «по крайней мере четыре месяца для укрепления своих стратегических позиций... ибо японцы сосредоточили свои силы для наступления на север и не могут быстро переключить их на южное направление».

К началу 1942 года численность Квантунской армии перевалила за миллион человек, количество танков удвоилось, а самолетов утроилось. В Корее была развернута новая армия. Как отмечается в специальном исследовании Центра по изучению международных отношений при Принстонском университете, «эта мобилизация и сосредоточение наземных и воздушных сил были величайшими во всей предшествовавшей истории японской армии... В Корею и Маньчжурию

было завезено такое громадное количество вооружения и снаряжения, что, несмотря на позднейшие изъятия, около 50 процентов осталось в этом районе к концу войны на Тихом океане».

Решения императорского совещания, конечно, не остались тайной для правительства США. К этому времени «чудо» работало без сбоев.

У США имелось четыре комплекта оборудования для дешифровки японского «розового кода» — два в Вашингтоне, в распоряжении командования армии и флота, один у командующего американским флотом в азиатских водах на Филиппинских островах. Четвертый комплект первоначально предназначался для штаба командующего Тихоокеанским флотом адмирала Х. Киммеля. Но летом 1941 года этот комплект был передан Англии. Считалось, что флот на Гавайских островах обеспечивается достаточным количеством информации из Вашингтона.

В перехваченных телеграммах, зашифрованных по «розовому коду», содержалось только то, что японское правительство считало возможным доверить своим представителям за рубежом, или сообщались решения, предназначенные для передачи Германии и Италии. А отношения внутри фашистской «оси» были далеки от искренности. В самом деле, 2 июля в Берлин была послана телеграмма: «Япония готова ко всем возможностям в отношении СССР, чтобы соединиться с Германией в активной борьбе с коммунизмом и уничтожении коммунистической системы в Восточной Сибири». Осима в тот же день помчался на Вильгельмштрассе, встретился с Риббентропом и вечером доложил начальству в Токио: «Передал указанную ноту и сказал Риббентропу, помимо прочего, следующее: «Мацуока вскоре добьется решения. Если бы вы, немцы, своевременно уведомили нас, что собираетесь скоро воевать с Россией, мы бы уже подготовились». Все же нужно было сделать коррективы на личные

взгляды Осима.

Великая держава не строит своей государственной политики на скупых строчках перехваченных и дешифрованных документов потенциального противника. Утверждать обратное смешно. Решения от 2 июля, естественно, не передавались шифром текстуально. В циркулярной ноте японского министерства иностранных дел сообщалась лишь их суть. О США говорилось только следующее: «Хотя будут использованы все средства, чтобы предотвратить вступление США в войну, в случае необходимости Япония будет действовать в соответствии с Тройственным пактом и решит, когда и как употребить силу». Из этого нельзя было извлечь многого.

Когда криптоаналитики ввели руководителей правительства США в курс дискуссии, развернувшейся в Токио после нападения Германии на Советский Союз, в Вашингтоне заключили, что, несмотря на оговорки в решениях совещания у императора, агрессия Японии против Советского Союза неизбежна. Основополагающей посылкой для этого вывода послужила несомненная подготовка Японии к войне с СССР, а доказательством того, что она разразится, — оценка командованием вооруженных сил США возможностей Советского Союза перед лицом натиска вермахта на Западе. Американский генералитет был убежден, что Германии потребуется от шести недель до двух месяцев для полного разгрома Советского Союза. Белый дом и государственный департамент не ставили под сомнение профессиональное мнение военных. Поскольку в Токио приурочили открыть боевые действия против Советского Союза к тому моменту, когда силы Советской страны будут подорваны, — а в том, что именно так и случится, в Вашингтоне нисколько не сомневались, — постольку война между Японией и Советским Союзом представлялась совершенно несомненной.

Правильно проследив, как им представлялось, причинную связь между успехом агрессии Германии на Западе и выступлением Японии на Востоке, американские руководящие деятели положили этот вывод в основу практических действий. Уже 3 июля 1941 года Г. Старк информирует штаб Х. Киммеля на Гавайских островах: «Из чрезвычайно надежного китайского источника» (о «чуде» ни слова!) стало известно, что «в течение двух недель Япония аннулирует пакт о нейтралитете с Россией и нападет на нее». 5 июля командующим американских гарнизонов на Филиппинских и Гавайских островах, в Карибском море и других местах было разослано предупреждение штаба армии США. Дж. Маршалл не исключал возможности японской агрессии против голландских или английских владений, но наиболее вероятным объектом считался Советский Союз: «Договор о нейтралитете будет аннулирован, и основные военные усилия Японии будут направлены против приморских областей России, возможно, в конце июля или будут отложены до краха в Европейской России».

После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз Соединенные Штаты заявили, что они на стороне советского народа и готовы оказать нам помощь. Исполняющий обязанности государственного секретаря С. Уэллес на пресс-конференции 23 июня 1941 года объяснил: «Для Соединенных Штатов принципы и доктрины коммунистической диктатуры столь же нетерпимы и чужды, как принципы и доктрины нацистской диктатуры... По мнению правительства Соединенных Штатов, любая борьба против гитлеризма, любое сплочение сил, выступающих против гитлеризма, независимо от их происхождения, ускоряют конец нынешних германских руководителей и тем самым будут способствовать нашей собственной обороне и безопасности».

Командование американских вооруженных сил рассматривало советско-

германскую войну под углом зрения национальной безопасности США. Командование флота потребовало немедленно вступить в войну в Европе с тем, чтобы Соединенные Штаты не остались в одиночестве перед грозной коалицией врагов, после того как Германия разгромит Советский Союз и потерпит крах Англия. «В ближайшие сорок восемь часов после того, как возникла эта ситуация в России, — писал через месяц Г. Старк, — с одобрения военно-морского министра я отправился к президенту и заявил... что мы должны, не теряя ни минуты, воспользоваться психологической обстановкой, созданной русско-германским столкновением, начать немедленно эскортирование (конвоев в Англию. — Н. Я.) и заявить об этом, приступить к защите Западной Атлантики в широких масштабах. Такое заявление, за которым немедленно последуют наши действия, почти наверняка вовлечет нас в войну, и я считаю каждый день промедления с вступлением в войну опасным».

23 июня военно-морской министр Ф. Нокс писал президенту: «Гитлеру потребуется от шести недель до двух месяцев, чтобы расправиться с Россией. На мой взгляд, мы не должны упускать этих трех месяцев, не нанеся сильного удара, чем раньше, тем лучше». Военный министр Г. Стимсон в письме Ф. Рузвельту в тот же день настаивал: «Мы должны действовать быстро и преодолеть первоначальные трудности, прежде чем Германия вытащит ноги из русской трясины». Их поддержал министр внутренних дел Г. Икес, который писал президенту также 23 июня: «Если мы не вступим в войну сейчас, мы окажемся без единого союзника в мире, когда придет наш черед». Аналогичную позицию занимал и министр финансов Г. Моргантау.

Сама страстность этих обращений к президенту показывала, что почти все министры не понимали курса тех, кто стоял у руля государственного корабля. Во внешней политике США имели в виду прямо

противоположную цель — максимально долго остаться вне войны. Министры — Ф. Нокс, Г. Стимсон, Г. Икес, Г. Моргантау — были за вступление в войну с Германией, потому что она связана в борьбе с СССР. В глазах Ф. Рузвельта и К. Хэлла, занимавшихся внешней политикой, именно это служило самой надежной гарантией, что по крайней мере в ближайшее время столкновение с Германией невозможно. Воинственные члены кабинета, идолопоклонствуя перед святыней — планом «АБЦ-1», рассматривали Атлантику как американский фронт, а в Белом доме рассудили, что германо-советская война превратила ее в американский тыл. Опасность исходила лишь с Востока. Во внешнеполитическом уравнении, которое пытался решить государственный департамент, единственным неизвестным оставалась Япония.

После 22 июня 1941 года отношения с ней приобрели первостепенное значение для архитекторов американской внешней политики: избежав вооруженного конфликта с Японией, Америка сохраняла возможность вступить во вторую мировую войну только тогда, когда это ей будет нужно. Но пассивное выжидание было бы губительно для далеко идущих планов США: решения императорской конференции недвусмысленно свидетельствовали о том, что японская агрессия готовится и в сторону Южных морей. Американская дипломатия должна была действовать, но так, чтобы не подставить Соединенные Штаты под удар. Сложность задачи обусловила громадное разнообразие приемов, на первый взгляд, даже противоречивых.

В Вашингтоне терпеливо ждали ответа на резкую ноту Хэлла от 21 июня. Японское правительство медлило, и это было расценено как доброе предзнаменование: в Токио готовятся идти походом на СССР и японцам не до второстепенных дел. Правительство США жадно собирало любые

сведения об умонастроениях японских политиков. 25 июня Хэллу доложили содержание беседы сотрудника госдепартамента Дж. Беллантина с заместителем японского военного атташе Х. Ивакуро, который заметил: «Хотя в настоящее время мы не можем вести плодотворные переговоры, в будущем так может случиться, скажем, в результате разгрома России Германией и немецкого продвижения на Дальний Восток».

В Токио Дж. Грю все же решил на свой страх и риск прозондировать позицию Мацуока. Последний, заметно обнаглев, заявил, что политика Японии будет зависеть от «будущих событий», как-то: заключение союза между Англией и СССР или попытки Соединенных Штатов снабжать Советский Союз через Владивосток. В Вашингтоне уже приняли меры на сей счет. Еще 22 июня С. Уэллес в беседе с английским послом Галифаксом выразил надежду, что «Англия не вступит в формальный союз с СССР». Уэллес подчеркнул, что «японцы рано или поздно нападут на Советский Союз, и если Англия заключит такой союз, тогда она будет вовлечена в военные действия на Дальнем Востоке». Что же касается морского пути в СССР через Владивосток, то перевозки из США производились в основном на советских судах.

Мацуока тем временем все повышал ставки. В связи с подготовкой ответа на американскую ноту от 21 июня он указал своим коллегам, что устное заявление Хэлла при вручении этой ноты Номура — недопустимое вмешательство во внутренние дела Японии, ибо государственный секретарь по существу настаивал на его отставке. Именно так, патетически восклицал он, в 1905 году во время марокканского кризиса кайзер заставил уйти в отставку французского министра иностранных дел Делькассе. Ссылаясь на прецедент и личную обиду, он категорически потребовал, прежде чем давать ответ США, добиться, чтобы Хэлл взял

назад свое устное заявление как «невежливое и неуместное». Коноэ еще не оставил надежд побудить США к уступкам в ходе переговоров. Требования Мацуока грозили сорвать их. Правительство воспротивилось. Тогда Мацуока единолично поручил Номура потребовать от Хэлла отказа от своего заявления. К глубочайшему изумлению Токио, Хэлл согласился. Политически близорукий Мацуока упивался этим как личным триумфом. Но правительство США менее всего было озабочено щадить чье-либо самолюбие. Незадолго перед этим получил предметный урок Черчилль. Всю весну 1941 года он умолял Рузвельта внушить Японии «страх перед войной на два фронта». Рузвельт не пошевелил и пальцем; напротив, как подчеркивает известный исследователь истории администрации Ф. Рузвельта, президент «поощрял продолжение переговоров (Номура с Хэллом. — Н. Я.). Они представлялись пока не только наилучшим средством воспрепятствовать войне, но и самым эффективным методом помочь умеренным в Японии оказать сопротивление, а возможно, возобладать над сторонниками решительных действий и прочных связей с Берлином».

В США вознамерились ни много ни мало направлять политические процессы Токио! Намерение честолобивое, но, увы, не учитывавшее японские политические реалии. Конечно, поведение Мацуока стало нетерпимым, особое раздражение почти всего правительства вызывали его тесные связи с немцами. Коноэ и шедшие с ним имели веские основания подозревать, что чрезмерно самостоятельный министр иностранных дел прилагает все усилия к вступлению Японии в войну на стороне Германии. Он поддерживал постоянный контакт с германским послом в Токио Оттом. А Берлин, убеждаясь, что «блицкриг» забуксовал, обратил взоры к Токио, соблазняя его перспективами скорого разгрома Советского Союза. Гитлеровское руководство настойчиво убеждало

своего союзника поднять оружие. Мацуока не только высказывался в пользу такого образа действий на заседаниях правительства, но и попытался сплотить вокруг себя общественное мнение. Он распорядился отпечатать большим тиражом одну из своих речей, в которой ратовал за войну рука об руку с Германией. Правительство успело изъять тираж до начала распространения. В то же время по наущению гитлеровцев Мацуока вел дело к срыву переговоров с Соединенными Штатами. Его действия в конечном итоге лишали Токио свободы рук.

Неугодного министра нужно было убрать. Чтобы у Соединенных Штатов не создалось впечатления, будто Япония уступает их нажиму, 16 июля 1941 года в отставку ушел весь кабинет. Состав нового правительства был объявлен 18 июля. Все главные действующие лица остались на своих местах, пост министра иностранных дел занял адмирал Тэйдзиро Тоёда. Это правительство в Японии прозвали «кабинетом японо-американских переговоров».

Японские политики отдавали себе отчет в том, что теперь добиться отступления Соединенных Штатов труднее. Как объясняет М. Сигемицу в своих мемуарах, «участие России в войне немедленно сняло бремя, которое несла Англия, и соответственно усилило американские позиции. США отныне могли продвинуть их вперед. Им больше не было необходимости смягчать свое отношение к действиям Японии на Дальнем Востоке». На Токийском процессе главных японских военных преступников Тодзио подробно рассказал о том, что на этот счет правительство было единодушно. Не менее единодушно в Токио были и в том, что пробил час осуществить давние планы империалистической экспансии.

Президенту и государственному секретарю «чудо» — перехваченная и дешифрованная телеграмма из Токио японскому посольству в Вашингтоне

— растолковало: «Перетасовка кабинета была необходима для того, чтобы ускорить решение вопросов, связанных с делами страны, и не преследует иных целей. Политика Японии не будет изменена. Она остается верной принципам Тройственного пакта». Руководители американской внешней политики не могли не понять, что Япония даст ответ Соединенным Штатам, но, по-видимому, иной, чем требовала, на их взгляд, германо-советская война. В Токио, оказывается, следовали собственной логике.

«Президент все еще лаял, а не кусал»

Еще в сентябре 1940 года Япония добилась от режима Виши согласия на ввод своих войск в северную часть Французского Индокитая. Дальнейшее овладение страной затянулось. В Тонкине, а затем в других частях Индокитая вспыхнули восстания, руководимые коммунистами. Против повстанцев совместно действовали японские и французские колонизаторы. Только поздней весной 1941 года японские милитаристы были готовы овладеть оставшейся частью страны. «И если они несколько отложили решение, то лишь в ожидании прояснения отношений между Германией и СССР», — замечают В. Лангер и С. Глисон.

Не прошло и месяца с начала германо-советской войны, как Япония потребовала от Виши разрешения занять стратегические пункты в Южном Индокитае. 21 — 23 июля были подписаны соответствующие соглашения, и японские войска общей численностью до 50 тысяч человек начали оккупацию южной части Французского Индокитая. Япония выходила на ближние подступы к Сингапуру, Голландской Индии и Филиппинским островам. Сомнений быть не могло — японская агрессия распространялась на юг.

В Вашингтоне были серьезно озабочены действиями японских милитаристов, которые избрали южное направление агрессии. На

японское продвижение на юг Соединенные Штаты всегда реагировали крайне болезненно. За установлением в сентябре 1940 года японского контроля над северной частью Индокитая последовало введение системы лицензий на экспорт из США в Японию некоторых видов стратегических материалов и сырья. Ограничения эти остались в основном на бумаге: так, например, импорт чугуна, листовой стали и металлического лома Японии из США в 1941 году увеличился против 1940 года в среднем в четыре раза. Крутых мер в области торговли с Японией правительство США проводить не собиралось.

Эта политика неоднократно ставилась под сомнение членами американского правительства, реалистически оценивавшими опасность японской агрессии для самих Соединенных Штатов. В начале 1941 года министр внутренних дел Г. Икес был назначен еще на один пост — руководителя управления по распределению горючего для целей национальной обороны. Г. Икес очень быстро выяснил, что громадное количество бензина и нефти, необходимых американским вооруженным силам, экспортируется в Японию. В конце июня своей властью он ввел эмбарго на вывоз горючего в Японию из портов Атлантического побережья и Мексиканского залива. Министр резонно рассудил, что нельзя допустить, чтобы японские корабли и самолеты, которые завтра будут действовать против США, заправлялись американским топливом и горючим.

Президент по-иному взглянул на дело. Он немедленно отменил распоряжение Икеса, спросив его: будет ли министр выступать за эмбарго, если «введение его нарушит непрочное равновесие на чашах весов и побудит Японию выбрать между нападением на Россию и нападением на Голландскую Индию». Икес не постиг логику президента и обратился с просьбой об отставке с поста руководителя ведомства по

распределению горючего в целях национальной обороны.

Рузвельт не принял отставки. Икес входил в состав кабинета, но не был в курсе святой политики США. Рузвельт счел необходимым объяснить министру: «Речь идет не об экономии горючего, а о внешней политике, которой занимается президент и под его руководством государственный секретарь. Соображения в этой области сейчас крайне деликатны и весьма секретны. Они не известны и не могут быть полностью известны Вам или кому-нибудь другому, за исключением двух указанных лиц. Мы оба — президент и государственный секретарь — полностью согласны в отношении экспорта нефти и других стратегических материалов, зная, что в настоящих условиях, как они им известны, данная политика наиболее выгодна для Соединенных Штатов». И в другом письме Икесу 1 июля Рузвельт подчеркнул: «Мне кажется, Вам будет интересно знать, что на протяжении последней недели японцы дерутся между собой насмерть, пытаются решить, на кого прыгнуть: на Россию, в сторону Южных морей (тем самым связав свою судьбу окончательно с Германией), или они будут продолжать «сидеть на заборе» и более дружелюбно относиться к нам. Никто не знает, какое решение будет принято в конечном счете, но, как Вы понимаете, для контроля над Атлантикой нам крайне необходимо сохранить мир на Тихом океане. У меня просто не хватает флота, и каждый небольшой инцидент на Тихом океане означает сокращение числа кораблей в Атлантике».

Занятие японскими войсками Южного Индокитая опрокинуло посылки, на которых строилась эта политика. Было необходимо предостеречь Японию, но как? Несколько дней в Вашингтоне шло тщательное обсуждение вопроса, во время которого основное внимание уделялось целесообразности наложения эмбарго на экспорт нефти в Японию.

Правительство запросило наиболее компетентный в сложившихся условиях орган — командование военно-морского флота. 22 июля Г. Старк представил государственному департаменту рекомендации флота, конечный вывод которых гласил: «Введение эмбарго, вероятно, приведет к тому, что без большой задержки последует нападение Японии на Малайю и Голландскую Индию и, возможно, к раннему вовлечению Соединенных Штатов в войну на Тихом океане. Если США решили вести войну на Тихом океане, тогда действия, ведущие к ней, следует отложить, если это возможно, до тех пор, пока Япония не будет связана войной в Сибири... Сейчас несвоевременно накладывать эмбарго на торговлю с Японией».

Хотя рекомендации командования флота полностью совпадали с предшествующей позицией правительства, адмиралы, очевидно, не брали в расчет, что если США не примут никаких мер в связи с вступлением японских войск в Южный Индокитай, то это лишь укрепит Токио в убеждении, будто Япония находится на верном пути. Давление на юге увеличится, а война против Советского Союза будет отложена. В этих условиях США решили продемонстрировать силу.

25 июля американское правительство ввело эмбарго на экспорт нефти в Японию и заморозило все японские активы в США на общую сумму 130 миллионов долларов. На следующий день филиппинская армия была включена в вооруженные силы США. Военное министерство учредило новую инстанцию — командование американскими силами на Дальнем Востоке во главе с генералом Д. Макартуром. В связи с «ремонт» закрыли для японского судоходства Панамский канал. Англия и власти Голландской Индии последовали за США, заявив о замораживании японских активов и прекращении торговли с ней. Япония ответила аналогичными действиями в отношении активов этих стран. Было

произнесено немало громких слов с обеих сторон. Американская печать превозносила твердость правительства, а японские газеты с таким отчаянием убеждали своих читателей в том, что Японию «окружают», как будто петля голода уже затягивалась на шеях редакторов. Как обстояло дело в действительности?

Эмбарго не прекращало, а лишь ограничивало американо-японскую торговлю. Государственный департамент разъяснил органам, ведавшим торговлей с Японией, что они могут выдавать лицензии на экспорт в эту страну с тем, чтобы вывоз нефти (экспорт авиационного бензина воспрещался) равнялся примерно уровню 1935—1936 годов. Поскольку японские активы были заморожены, предписывалось следить за тем, чтобы стоимость экспорта примерно равнялась стоимости импорта. Ограничения должны были действовать три месяца, по истечении которых в зависимости от политической обстановки торговлю можно было вновь расширить на основе клиринга, то есть безналичного расчета. Когда в Лондоне выяснили, что кроется за американским «эмбарго», там были вынуждены срочно пересмотреть свое решение и открыть ограниченную торговлю с Японией. Власти Голландской Индии также пошли на это. В противном случае, как понимало английское правительство, риск войны брала на себя только Англия, а США оставались в стороне. Министр иностранных дел Японии Тоёда, который 26 июля в полном расстройстве чувств говорил Грю: «Я едва спал последние ночи», — вновь обрел душевный покой, «Итак, — записал Икес в своем дневнике, — мы снова дурачим страну, как и год назад». Проанализировав все эти события, те, кто закладывали фундамент официальной трактовки американской внешней политики — правоверные летописцы В. Лангер и С. Глисон, — написали: «Не будет преувеличением поэтому сказать, что президент все еще лаял, а не

кусал».

«Бетти» недоумевают

26 июля Киммель написал длинное письмо, открывавшееся обращением «Дорогая Бетти». Он искал у адресата — главнокомандующего ВМС США совета. Прозвище «Бетти» адмирал Г. Старк получил еще на первом курсе военно-морского училища в Аннаполисе. Юноши забавлялись, заставляя Старка декламировать возглас героя войны за независимость Джона Старка: «Сегодня мы победим, или Бетти Старк останется вдовой!» Героическое намерение в стихах плохо вязалось с внешностью и повадками тихони-кадета, которые он сохранил на всю жизнь. Некий член кабинета Рузвельта отзывался о нем как о «робком и малоспособном человеке для занимаемого поста, самом слабом советнике президента». Кадеты давно состарились, на плечах удачливых из них сверкали адмиральские погоны, но для однокашников Г. Старк оставался «дорогой Бетти».

Письмо было чуть ли не слезной мольбой объяснить, какова политика правительства Соединенных Штатов. Киммель писал:

«1. Необходимо держать командующего (Тихоокеанским. — Н. Я.) флотом в курсе политики министерства, решений и изменений в политике и решений, призванных встретить изменения в международной обстановке.
а. До сих пор мы не получили официальных данных относительно позиции США в случае участия России в войне, в первую очередь в отношении содружества на Тихом океане, если оно будет вообще между США и Россией, если и когда обе державы примут активное участие в боевых действиях. В наших существующих планах Россия не предусмотрена и не предвидится координированных действий, совместного использования баз, общей системы связи и т. д. Новая

обстановка открывает перед нами возможности, которые следует полностью использовать, и необходимо до конца воспользоваться возможностями взаимной помощи (разрядка моя. — Н. Я.). Конкретно прошу дать ответ на следующие вопросы:

1) Объявит ли Англия войну Японии, если японцы нападут на приморские провинции (России)?

2) Если ответ на первый пункт положительный, тогда окажем ли мы им активную поддержку, как предварительно предусмотрено в случае нападения на Голландскую Индию или Сингапур?

3) Если ответ на второй пункт положительный, тогда составляются ли планы совместных действий, оказания совместной помощи и т. д.?

4) Если ответ на первый пункт отрицательный, тогда какова будет позиция Англии? Какова будет наша позиция?

5) Если Англия объявит войну Японии, а мы не сделаем этого, какова наша позиция в отношении японского судоходства, патрулирования тихоокеанских вод, рейдеров и т. д.?

б. В зависимости от хода боевых действий обстановка в России, по-видимому, дает нам возможность укрепить нашу оборону на Дальнем Востоке, в особенности Гуам и Филиппины... По моему мнению, нам следует двинуть укрепление Гуама и ускорить укрепление Филиппин. Война России с державами оси может дать нам передышку (разрядка моя. — Н. Я.)».

Адмирала основательно занесло, он думал даже о сотрудничестве с СССР и просил ввести его в курс государственной политики на уровне Белого дома, а последнего не знала даже подавляющая часть членов правительства! Что мог ответить Старк? Письмо Киммеля от 26 июля Старку было не единственным обращением такого рода, его разве что отличала развернутая аргументация. Старк — «Бетти» проявил женскую

изворотливость. 8 августа Киммель получил ответное письмо, подписанное «Бетти» в Вашингтоне 2 августа. Старк заверил, что по существу он сможет ответить «довольно скоро», а пока отсылал его к своему письму «Рукастому».

Прозвище «Рукастый» среди старых выпускников Аннаполиса носил командир флагманского линкора Тихоокеанского флота «Пенсильвания» капитан Ч. Кук. 31 июля Старк писал ему: «Дорогой Рукастый... Сожги письмо после того, как покажешь его Киммелю. Ряд вопросов, которые недавно ставили вы, и ряд вопросов, которые ставит Киммель (на них я дам ответ по возможности скорее), принадлежат к числу тех, которые я сам все еще пытаюсь выяснить в Вашингтоне. Газеты дают вам по ним ровно столько информации, сколько я сам имею». Иными словами, Старк порекомендовал томившимся по фактам морякам на Гавайских островах читать газеты. Походя заметим, что своего обещания «дать ответ по возможности скорее» он так и не сдержал.

Оставив таким образом в стороне то, что в первую очередь интересовало Киммеля — политику США, Старк заключил письмо соображениями, ставшими, пожалуй, банальными в глазах командиров в Пёрл-Харборе: «Как вам, вероятно, известно из наших телеграмм и моих писем, мы считаем, что первоочередная цель Японии — Советское Приморье. Тернер (начальник оперативного управления штаба флота. — Я. Я.) считает, что Япония вторгнется туда в августе. Возможно, он прав. Обычно он бывает прав. Я придерживаюсь той точки зрения, что, хотя Япония в конце концов пойдет на Сибирь, она отложит выступление до приведения обстановки в Индокитае и Таиланде в желательное для нее состояние и до тех пор, пока не будет какого-либо прояснения в русско-германской войне». Что до перспектив ее, то «ничто по сей день не поколебало моей первоначальной оценки, что немцы достигнут своих

ограниченных целей. Но Германия испытывает большие трудности, чем предполагала... Я нисколько не сомневаюсь, что немцы смогли бы очистить Ближний Восток, если бы они нанесли удар в этом направлении, вместо России. Что последует за русской кампанией, все еще под вопросом».

Всего этого Старк мог не писать, он трудился совершенно напрасно, его письмо (немедленно показанное Киммелю) не прибавило ничего нового к распухшим досье, где подшивались документы с предсказаниями неизбежного нападения Японии на СССР. Разумеется, как результат поражений Советского Союза от вермахта. Источники расходились только в сроках как первого, так и второго.

Но расхождения были невелики и не относили выступление Японии против СССР дальше осени 1941 года.

В 1946 году объединенная комиссия конгресса, расследовавшая катастрофу в Пёрл-Харборе, крепко взялась за капитана Лейтона, имевшего несчастье возглавлять разведку Тихоокеанского флота на Гавайских островах в канун войны. На самые каверзные вопросы капитан отвечал как очень простодушный человек, каким, конечно, он не был в отставных адмиральских чинах спустя четыре десятилетия, когда с соавторами сочинял свои мемуары! А тогда, по свежим следам за победоносной войной, молодой Лейтон даже припомнил, что Киммель четыре или пять раз в эти критические месяцы повторял вслух: «Хотелось бы мне знать, что мы собираемся делать». Ссылки Лейтона на то, что он был в курсе «высшей политики», раззадорили допрашивавших его, они наконец выяснили лимиты тогдашних познаний начальника разведки. «Видите ли, — сказал он, — существовала какая-то географическая линия, известная лишь высшим властям, и, если бы японцы переступили ее, тогда против них предприняли бы действия либо

англичане, либо голландцы, либо, возможно, мы. Но по этому поводу не было ни авторитетных разъяснений, ни документов. Я узнал об этом, сплетничая в коридоре, и доложил штабу флота». «Другими словами, — возмутился член комиссии конгрессмен Мэрфи, — вы, начальник разведки флота на Гавайях, занимались распространением коридорных сплетен!» Лейтон развел руками.

И все же что это была за таинственная «линия»? Придется вновь вернуться в мир «высокой политики», куда по служебному положению в 1941 году не допускались любознательный Киммель и несчастливый Лейтон.

«Чудо» и УСС в руках Рузвельта

Они оказались под давлением неотразимых обстоятельств не одни, а в отличной компании. К «высокой политике» не подпускались не только военные моряки, но и подавляющая часть министров, не говоря уже о лидерах конгресса. Уже по этой причине безумно трудно точно реконструировать мотивы президента Франклина Д. Рузвельта. Один из его ближайших соратников, входивший в «мозговой трест» Р. Тагвелл, в 1957 году в большой книге с величайшим пессимизмом обрисовал перспективы для историков, пытающихся углубиться в историю президентства Ф. Рузвельта.

Да, соглашается Тагвелл, «документов — грузовики, протоколов — прорва, писем — кипы». Но президент «соорудил всевозможные препятствия» на пути историков. В самом деле, «едва ли есть хоть одна надежная запись хоть одной беседы за всю жизнь Франклина Рузвельта... Нет ни одного протокола сотен заседаний кабинета и очень мало полных записей ключевых совещаний. Все это представляется столь неправдоподобным, что сочиняются самые различные истории, дабы

объяснить отсутствие материалов. В библиотеке (Рузвельта. — Н. Я.) в Гайд-парке упорно твердят, что в подвале Белого дома, под кабинетом Рузвельта была тайно размещена звукозаписывающая аппаратура. Беседы президента записывались и сдавались на хранение, чтобы можно было сослаться на них в случае необходимости. Увы, это не так. Никогда никаких записей не производилось». Тагвелл либо не знал, либо избегал сказать правду, либо заблуждался.

В 1982 году празднование 100-летия со дня рождения Ф. Рузвельта заметно оживило открытие: правы те, кто утверждал, что президент имел возможность записывать и записывал, по крайней мере в канун войны, говорившееся в его кабинете. Тогда экспериментальная и поэтому очень большая по размерам звукозаписывающая установка была спрятана в подвале Белого дома. Микрофон был скрыт в настольной лампе на президентском столе. Сообщенное в начале 1982 года объясняет очень немного. Еженедельник «Тайм» удивился, «почему записи были загадочно прекращены в ноябре 1940 года», чему не поверили профессионалы «плаща и кинжала» и т. д. Для наших целей нет необходимости входить в существо этих препирательств.

Важно другое — тогда были записаны рассуждения Ф. Рузвельта о том, как он полагал уместным разрешать японо-американские конфликты всего за год с небольшим до Пёрл-Харбора. Свой курс в отношении Японии Рузвельт считал производным от обстановки в Европе.

Восстановленная запись донесла голос Рузвельта. Он обращался к кому-то в кабинете — к кому конкретно понять нельзя, как всегда, президент переговаривал любого: «Вот газеты сообщают (японский премьер) говорит, что Япония будет считать актом войны, если мы будем оказывать помощь ее противникам. Что же это значит? (Рузвельт по своему обыкновению начал диалог с воображаемыми собеседниками. —

Н. Я.). Что же означает слово «напасть», я не знаю. Вполне возможно, по крайней мере вероятно, может случиться так. Джэк Гарнер (вице-президент. — Н. Я.) дает один шанс из десяти, что, объединившись, Гитлер, Муссолини и Япония могут счесть, что они в состоянии остановить поток американских военных грузов в Англию — этих самолетов, пушек, кораблей, боеприпасов и в результате — повергнуть Англию.

Тут они могут предъявить нам ультиматум: «Если вы будете продолжать слать что-либо в Англию, мы будем рассматривать это как нападение на нас» (Рузвельт подчеркнул сказанное ударом по столу). Я тогда скажу: «Крайне прискорбно. Но мы не хотим воевать с вами. У нас есть контракты, и по нашим законам о нейтралитете любая воюющая страна имеет право закупать и увозить все у нас». Тогда они скажут: «После такой-то даты, если вы будете продолжать слать в Англию военные грузы, самолеты и другое, мы будем считать вас воюющей страной».

Прекрасно, что же мы ответим? Я скажу: «Очень прискорбно, но мы-то не считаем себя (Рузвельт продолжал, посмеиваясь) воюющей стороной. Мы не собираемся объявлять вам войну. Если вы считаете нас воюющей стороной, то мне вас жалко, мы таковой не являемся. Но если же вы будете исходить из этой предпосылки и каким-то образом нападете на нас, мы будем защищать свое, повторяю, мы будем защищать, но никак не больше».

Изложив этот сценарий с несомненным удовлетворением, Рузвельт вскоре после этого обратился к другому сценарию, который ему определенно нравился меньше. Видимо, по той причине, что с самого начала было видно: Вашингтон не сможет полностью контролировать развитие событий. Записи предшествовал смех Рузвельта, раскатистый, оглушающий. Постепенно отрывочные фразы между взрывами смеха:

«руководитель японской ассоциации печати... сказал, что случилось, черт побери, самое гадкое... В США поднимается возмущение и мы-де готовы нажать на курок, если японцы хоть что-то сделают. Я знаю, что мы кое-чего не потерпим, общественное мнение не потерпит, если японцы займутся глупостями. Теперь же этот тип (глава японской ассоциации печати. — Н. Я.) телеграфирует Рою (Говард, глава американского газетного концерна. — Н. Я.) — войны не будет, я цитирую по памяти, на одном, на одном и единственном условии (президент ударами по столу подкрепляет свои слова), что США признают новую эру не только на Дальнем Востоке, но и на Востоке вообще. Единственным подтверждением этого признания должна быть демилитаризация Соединенными Штатами своих морских, воздушных и военных баз на Уэйке, Мидуэе и в Пёрл-Харборе. Боже мой! Впервые какой-то дрянной япошка требует, чтобы мы убрались с Гавайев. И это тревожит меня больше всего на свете».

Тут слышались два мужских голоса, попытавшихся убедить президента, что тот «тип» в Токио не занимает ответственного поста. Рузвельт цедил сквозь зубы «Да-а», что отнюдь не означало согласия с собеседником, а служило только признаком того, что президент слушал. Наконец он энергично закончил беседу: «Единственно, что тревожит меня — немцы и япошки сговорятся, да тут еще и итальянцы и, черт возьми, они все действуют уже пять, нет, шесть лет и ни разу не поскользнулись и ни разу не ошиблись в оценке реакции международного общественного мнения... Но может наступить время, когда немцы и япошки, наконец, сгруппируются и вовлекут нас в войну. Единственная опасность нашего вступления в войну — они поскользнутся».

Рассуждения Франклина Д. Рузвельта приоткрывают плотную завесу над

внутренним миром президента. Он не хотел сложа руки ожидать фатального — когда державы «оси» наконец «поскользнутся», а ощущал в себе силы стать поводом тех, кто в Токио определял политику Японии, и благополучно перевести их через «скользкое» место. Другими словами, попытаться внушить японским вершителям судеб своей страны, как именно им следует действовать. Рассекреченные в США только в 1981 году сотни тысяч страниц документов о предыстории Пёрл-Харбора (в том числе материалы «чуда» и дешифровки некоторых других (но не всех!) кодов) в какой-то мере позволили перевести представление об этом замысле Рузвельта из сферы в основном предположений, хотя и обоснованных, на почву фактов.

В соратники и младшие партнеры этого предприятия Рузвельт взял премьер-министра Великобритании Уинстона С. Черчилля. Хотя их взгляды на вступление США в войну в Европе были противоположными — Рузвельт делал все, чтобы не допустить этого, а Черчилль делал все, чтобы вовлечь их как можно скорее, — оба лидера были едины в оценке противника в Азии — Японии, да и азиатских народов вообще. Еще более сплачивали их имперские предрассудки, которые они разделяли со своим ближайшим политическим окружением, причем американцы в этом отношении оставляли позади себя англичан.

В начале 1942 года Рузвельт снисходительно выразил сочувствие Черчиллю за то, что «вы, ребята, так намучились с бирманцами за последние 50 лет. Я их терпеть не могу. Вы бы посадили всю эту банду на раскаленную сковородку, окружили ее стеной и изжарили бы их в собственном соку».

На протяжении всей войны на Тихом океане расовые соображения накладывали отпечаток на американо-английскую стратегию. Главнокомандующий ВМС США адмирал Э. Кинг в годы войны настаивал,

например, что Новую Зеландию и Австралию нужно спасти, ибо это страны «белого человека», а Черчилль объяснял кабинету: «Мы не можем бездействовать, допустив, чтобы желтая раса завладела британскими доминионами» и т. д. и т. п. В целом, замечает английский проф. К. Торн, исследовавший «обстановку накануне Пёрл-Харбора»: «Один из важнейших аспектов войны на Тихом океане в 1941 — 1945 годах — то была расовая война, и именно так ее нужно рассматривать в перспективе более чем ста лет».

Оптимизма в том, что США и Англия возобладают над противником, включая японцев, президенту и премьеру было не занимать. Как воскликнул Черчилль в разгар войны: «Зачем извиняться по поводу превосходства англосаксов над другими (расами)? Конечно мы высшая раса!» Рузвельт и Черчилль пытались строить образ действия США и Англии в войне так, чтобы добыть победу преимущественно руками других и с минимальными издержками для себя. Важнейшей и наисекретнейшей частью этой политики было стремление побудить врага делать шаги, пагубные для него. Рузвельт и Черчилль были убеждены — описанными методами они переиграют правительства стран-противников. Да и союзников тоже. В число таковых, о чем, наверное, Черчилль догадывался, Рузвельт включал и Англию.

Проведение этого курса требовало соблюдения величайшей секретности и особых подразделений в сети спецслужб. В Англии в 1940 году Черчилль учредил Управление специальных операций. В США Рузвельт вскоре после нападения Германии на СССР, 11 июля 1941 года, организовал Управление «координатора информации», во главе которого поставил своего давнего друга У. Донована. От этого управления, переименованного на следующий год в Управление стратегических служб (УСС), ведет свою родословную ЦРУ. Ведомство У. Донована летом 1941

года расправляло крылья. По замыслу президента, оно должно было поставить на службу тайной войны лучшие умы в общественных науках. Собранной профессуре для начала вменялось на основании глубокого анализа самой разнообразной разведывательной информации разрабатывать стратегию нанесения врагу поражения чужими, включая его собственные, руками.

Полковник У. Донован, по основной профессии юрист с Уолл-стрита, был своего рода ветераном американской разведки, включая службу советником при Колчаке в 1919 году. Тогда он люто возненавидел «большевизм», осуждал его публично в самых резких выражениях и рекомендовал правительству США накануне краха колчаковщины поставить сибирской контрреволюции оружие и снаряжение для армии в 600 тысяч человек. Тогда же, в 1919—1920 годах, Донован завязал таинственные связи в Токио и с генералами японских интервенционистских войск в России. Теперь, в 1941 году, спустя менее 20 лет он в определенном смысле вступал на знакомую почву, с тем различием, что имел за собой полную поддержку президента, прикомандировавшего ему для связи своего старшего сына капитана Джеймса Рузвельта и имевшего возможность опереться на знания и опыт крупнейших американских ученых-обществоведов. «Коллегию кардиналов», как звал их Донован.

УСС оказалось бесценным для Вашингтона в войне, но первые шаги ведомства и Донована в 1941 году были не очень успешными. По той простой причине, что создание Рузвельтом личной разведки встретили в штыки соперники в этой деликатной области. Самый обстоятельный американский биограф У. Донована справедливо заметил:

«Белое пятно в деятельности Донована, которое ставит в тупик, — по всей вероятности устранение его от событий, приведших к Пёрл-Харбору,

что означало и отстранение его от источника информации, известного в правительстве как «чудо». Хотя в исполнительном приказе президента о создании этой организации ясно говорилось: Donovanу должна предоставляться вся информация, имеющая касательство к национальной безопасности, начальник штаба армии генерал Джордж К. Маршалл исключил его из числа получателей материалов «чуда». Это один из самых таинственных и тревожных эпизодов неразберихи с Пёрл-Харбором. Если бы данные «чуда» были переданы «коллегии кардиналов» для изучения и анализа, нет никаких сомнений в том, что своевременно было бы выяснено намерение японцев нанести удар по Пёрл-Харбору и американские вооруженные силы сумели бы принять активные меры обороны».

Действия Дж. Маршалла легко отнести за счет межведомственного соперничества, но скорее они результат непонимания, точнее, незнания им, профессиональным военным, новой эры в разведке, которую открывал Ф. Рузвельт. Donovan пока не получил дешифровок «чуда», но он не мог не понимать необходимости освещения положения на Дальнем Востоке и Тихом океане. Он, конечно, принял соответствующие меры. По крайней мере известно, по словам его лучшего английского биографа, следующее: «В августе 1941 года Donovan решил: необычайно важно узнать, что планируют японцы. Donovan знал, что Гитлер желает вступления Японии в войну. Он получил тревожные сообщения об этом из Японии от людей, с которыми он завязал связи еще в Сибири в 1919 году. Donovan попросил Эдгара Энзеля Моурера (один из крупнейших американских журналистов. — Н. Я.) немедленно выехать на Восток. Моурер ехал под предлогом написания статей для газеты «Чикаго дейли ньюс», но в действительности имел поручение разузнать что только можно о намерениях Японии». В ближайшие два месяца он объехал

Китай, побывал в Гонконге, Сайгоне, Ханое, Батавии, Сингапуре, Бангкоке. Побеседовал с генералом Макартуром на Филиппинах и адмиралом Киммелем на Гавайях. Таковы были возможности Донована! В том августе 1941 года, когда Моурер выехал на Дальний Восток, состоялось первое американо-английское совещание «в верхах».

Коноэ теряется в догадках

Ф. Рузвельт наконец лично встретился с У. Черчиллем на Ньюфаундленде. Состоялась Атлантическая конференция, посвященная определению стратегии США и Англии в войне. Президент и премьер, помимо прочего, обстоятельно обсудили, что делать с Японией. Англичане указывали, что только твердая позиция США, не считающаяся с угрозой войны на Тихом океане, может остановить Японию. За возвышенными речами английских деятелей о единстве англосаксонского мира американцы без труда разглядели желание защитить колониальные владения Англии на Дальнем Востоке руками Соединенных Штатов.

Рузвельт с трудом принял английское предложение, чтобы США одновременно с Англией, ее доминионами и Голландией предупредили Японию, что ее дальнейшая агрессия заставит эти державы применить оружие. Он объяснял англичанам, что цель США — хотя бы на месяц отсрочить войну на Тихом океане. Черчилль немедленно предложил текст соответствующей декларации. В пункте первом документа Японию предупреждали, что в случае ее нового продвижения в юго-западной части Тихого океана США «предпримут меры, даже если они могут привести к войне между Соединенными Штатами и Японией». А в пункте втором указывалось, что, если при применении указанных мер третья держава «станет объектом агрессии Японии», США окажут ей помощь.

Президент заметил, что достаточно первого пункта, о втором вообще говорить не нужно. Он указал, что по возвращении в США лично переговорит обо всем с Номура. Черчилль ликовал. Ему казалось, что тревоги позади — Соединенные Штаты берутся защитить и британские владения. На радостях он оповещает кабинет в Лондоне: «Президент сообщил, что немедленно телеграфирует м-ру Корделлу Хэллу, который устроит встречу президента с японским послом сразу же по возвращении в Вашингтон для вручения важного документа. Президент по возможности скоро встретится с послом и передаст ему письменное заявление. Я попросил копию заявления, но мне при отъезде ответили, что ее еще не составили. Президент, однако, заверил меня многократно, что он включил в текст слова, приведенные выше (пункт первый декларации. — Я. Я.)... Я убежден, что он не смягчит формулировку».

Что касается политики США в случае нападения Японии на СССР, то Рузвельт пообещал дополнительно устно предупредить Номура, что, «поскольку СССР является дружественной державой, США не заинтересованы в равной степени в любом конфликте в северо-западной части Тихого океана». Даже если бы эти слова были произнесены, они остались бы словами. Как заметил компетентный американский историк Р. Даусон, «стремясь отсрочить схватку с Японией по возможности на более длительный срок, Соединенные Штаты едва ли приняли решение действовать, если бы Япония вторглась в Сибирь или блокировала Владивосток».

Но как быть с заверениями Черчиллю? Теперь английский премьер мог на деле увидеть результаты того, что «оставил инициативу всецело в руках президента». По возвращении в Вашингтон Рузвельт и не помышлял выполнять свое обещание. Он посоветовался с Хэллом, и оба пришли к выводу, что ни в коем случае не нужно создавать у японцев впечатление

существования какой-либо договоренности с англичанами. Стоит говорить только от имени одних Соединенных Штатов. А чтобы не возбуждать ненужных толков в Лондоне и избежать затруднительных объяснений с Черчиллем по поводу нарушения слова, английскому правительству ничего не сообщать. Итак, с сокрушенным сердцем писали авторы официальной английской истории второй мировой войны, «с глубокой печалью следует констатировать, что доверие Черчилля было обмануто».

17 августа Рузвельт пригласил Номура и подтвердил, что если Япония пойдет на дальнейшие действия для установления господства над соседними странами при помощи силы или угрозы силой, то США предпримут все возможные шаги для охраны своих «законных прав и интересов». Где же находились границы этих «законных прав и интересов»? Рузвельт, естественно, не уточнил их в беседе с Номуром. Но для себя в Вашингтоне уже давно установили пределы допустимого японского продвижения.

Впервые такие пределы определили на совещании военных представителей Англии, Голландии и США в Сингапуре в апреле 1941 года. Генерал Дж. Маршалл и адмирал Г. Старк полагали, что США должны вступить в войну с Японией, если она нападет на американские, английские, голландские владения на Дальнем Востоке и Тихом океане, или начнет продвижение за пределы района — в Таиланде западнее 100° восточной долготы или южнее 10° северной широты, — или попытается захватить Португальский Тимор, Новую Каледонию и острова Товарищества. Командование вооруженных сил США не видело необходимости вступать в бой с Японией, если она двинется против Советского Союза. Чтобы до войны США с Японией дело не дошло, необходимо было растолковать Японии, какие пути агрессии для нее

открыты, а какие закрыты.

Рузвельт предложил Номура возобновить американо-японские переговоры, практически приостановленные оккупацией Японией Южного Индокитая. Хотя к этому времени посол был разочарован в них, о чем поставил в известность свое правительство и, следовательно, через «чудо» и Рузвельта, он не мог не выполнить последнего приказа Токио. Он достал листок бумаги из кармана и зачитал также уже известное президенту: Коноэ возобновляет старое японское предложение о личной встрече с Рузвельтом. Президент согласился, правда, не «на полпути в Тихом океане», а на Аляске в середине октября. Но в качестве предварительного условия возобновления переговоров президент просил «японское правительство любезно сообщить более ясно, чем до сих пор, о своей нынешней позиции и планах».

Правительство Коноэ судорожно ухватилось за согласие Рузвельта. Обстановка в Токио к этому времени крайне обострилась. После 25 июля экстремисты взывали к мщению. Их тезис — положение Японии напоминает положение рыбы в пруду, из которого медленно, но верно выкачивают воду, — получил повсеместное распространение. Некоторые видные лидеры, поддерживавшие Коноэ, подвергались угрозе прямой физической расправы. 14 августа произошло неудачное покушение на жизнь Хиранума, у него была прострелена шея. Полиция забеспокоилась, в донесениях правительству она проводила многозначительные параллели с обстановкой 26 февраля 1936 года. На автомобиль, в котором ехал Коноэ, было совершено нападение. Полиции удалось схватить четырех «сверхпатриотов», именовавших себя «отрядом небесного мщения». 18 сентября, в 10-летнюю годовщину начала японского вторжения в Маньчжурию, они намеревались воздать должное Коноэ за все его дела, в том числе за отставку Мацуока. Пришлось

прикомандировать к Коноэ и его сторонникам отряды охранников.

Американское предложение, помимо прочего, давало возможность Коноэ хоть на время убраться из Токио. Побудительные мотивы самого Коноэ, стремившегося к встрече с Рузвельтом, слишком понятны. Аристократ до кончиков ногтей, он исповедовал кредо своего сословия — подобные встречи решают судьбы государств. Японское правительство без промедления начало подготовку к конференции: был подобран состав делегации, куда включили генералов и адмиралов, известных своим «миролюбием», выделен специальный корабль, оснащенный мощной радиостанцией. 28 августа Номура вручил Рузвельту ответ Коноэ с согласием на встречу.

Относительно просимых заверений о своих намерениях японское правительство заявило: войска из Индокитая будут выведены по урегулированию «китайского инцидента». Япония не предпримет никаких военных действий в отношении соседних стран. Коноэ особо выделял: «Что касается советско-японских отношений, то японское правительство равным образом заявляет, что оно не примет никаких военных мер до тех пор, пока Советский Союз останется верным пакту о нейтралитете». Этих заверений в Вашингтоне не ждали. Соответственно ответа Японии не последовало.

В правительственных ведомствах Соединенных Штатов не могли взять в толк, что в Токио куда более трезво оценивали мощь Советского Союза, чем многие политики США. Не вообще, а на основании скрупулезного анализа динамики вооруженной борьбы на советско-германском фронте. Один из виднейших работников главного морского штаба С. Утида занес в свой дневник 8 августа: «С июля не видно больших изменений в ходе борьбы между Россией и Германией. Русское сопротивление непоколебимо. Поэтому Япония не может начать операции против России

в Сибири в 1941 году». Так сочли в главном морском штабе. 9 августа и генеральный штаб армии принял решение — никаких операций против СССР в 1941 году не проводить. «Встречу (с Рузвельтом. — Н. Я.), — говорил Коноэ на совещании с военным и военно-морским министрами, — нужно провести скоро. Ход войны между Германией и СССР показывает, что кульминационный пункт будет достигнут где-то в середине сентября. Если, как предсказывают определенные круги, в боевых действиях наступит застой, тогда нет оснований оптимистически взирать на будущее Германии. В этом случае Америка займет более твердую позицию и больше не захочет вести переговоры с Японией... Учитывая возможность неблагоприятного развития событий для Германии, представляется делом первостепенной важности, не допуская ни одного дня отсрочки, достичь соглашения с Америкой!» Военный и военно-морской министры согласились.

Сведения о предстоящей встрече Рузвельта с Коноэ просочились в печать и стали поводом для спекулятивных предположений об американо-японских переговорах. Японское правительство обратилось с просьбой к США — выступить с совместным заявлением о том, что встреча произойдет около 20 сентября.

3 сентября Рузвельт пригласил Номура в Белый дом. На беседе присутствовал Хэлл. Президент с большим сочувствием отнесся к трудностям Коноэ, но привлек внимание посла к тому, что и сам находится в трудном положении. Рузвельт взял на себя труд прочитать пресловутые «четыре принципа», сообщенные Номура Хэллом в начале переговоров, подтвердил приверженность США к ним и осведомился, на какие уступки пойдет Япония, чтобы могло состояться «совещание в верхах».

Погоня за миражем

Когда в начале сентября выяснилось, что Соединенные Штаты уклоняются от уточнения своей позиции, Координационный комитет в Токио взялся за выяснение военных возможностей Японии. 5 сентября император собрал Коноэ, начальников штабов армии и флота. Он осведомился у военных, сколько времени потребуется для кампании против США на Тихом океане. Генерал Сугияма браво отрапортовал: три месяца. Император резко напомнил генералу, что тот был военным министром в 1937 году, когда возник «китайский инцидент». Тогда Сугияма обещал, что все будет кончено в один месяц, прошло уже четыре года, а войне в Китае нет ни конца, ни края. В смятении Сугияма принялся подробно объяснять, что громадные просторы Китая не дали возможности провести операции по плану. На это император раздраженно возразил, что если Китай велик, то Тихий океан безбрежен. Генерал смешался, понурил голову и замолк. На помощь пришел начальник главного морского штаба адмирал Нагано. Он с большим тактом заметил, что положение Японии напоминает состояние тяжелобольного, которому предстоит операция. Без нее больной угаснет, но и операция опасна. По мнению вооруженных сил, необходимо попытаться добиться успеха путем переговоров, если это не удастся, тогда пойти на операцию — начать войну.

6 сентября состоялось ключевое совещание у императора, на котором договорились, что, если Япония к началу октября не осуществит своих «минимальных требований» в переговорах с Соединенными Штатами, тогда «мы немедленно примем решение о подготовке к войне против США, Англии и Голландии». Военщина была очень довольна. Октябрь был избран по настоянию военных в интересах успеха: наилучшая погода для десантных операций стояла в ноябре, в декабре действовать

было бы труднее, а январь исключался из-за северо-восточных ветров. Участники совещания с большой долей лицемерия сетовали на США. После принятия решения император скорбно процитировал старинное стихотворение примерно такого содержания: «Моря простираются во все стороны от наших берегов, и мое сердце говорит народам мира: почему ветры волнуют море и нарушают мир между нами?» Сделал паузу и сообщил, что стихотворение написал его дед, император Мэйдзи, и он напомнил его, чтобы все поняли миролюбивые чаяния деда.

После совещания у императора 6 сентября военные занялись реальным делом — форсированной подготовкой к войне, включая операцию против Пёрл-Харбора, а политики устремились в погоню за миражем — возможностью добиться удовлетворения японских требований путем переговоров с Соединенными Штатами.

Уже вечером 6 сентября Коноэ пригласил Грю на тайное совещание. Они встретились в доме общего знакомого. Посол приехал в автомобиле, с которого были сняты все знаки, указывавшие на принадлежность машины к дипломатическому корпусу. За поздним обедом премьеру и послу прислуживала только дочь хозяина дома; Коноэ заверил Грю, что о встрече никто не знает (на самом деле он получил согласие основных министров на нее). Премьер, разумеется, умолчал, что днем состоялось совещание у императора. Но Грю все равно почувствовал нечто необычное: собеседник заклинал его устроить встречу с Рузвельтом, ибо, хотя позиция Хэлла, как выразился Коноэ, «была блестящей с точки зрения принципа», конкретные проблемы можно решить лишь с президентом.

Грю немедленно сообщил в Вашингтон об усилиях японского правительства достичь «конструктивного примирения». Хэлл и К°, однако, по-прежнему приглашали японцев присоединиться к высоким

принципам международных отношений.

Несмотря на новые просьбы Коноэ сообщить предложения США, американские руководители уклонялись от определенного ответа. Многочисленные документы, которыми обменялись в сентябре и первой половине октября США и Япония, не подвинули переговоры ни на шаг. Американская сторона в лучшем случае предлагала японцам еще раз изучить ноту Хэлла от 21 июня. В ответ японские представители прямо обвинили американских дипломатов в том, что они отказываются «выложить карты на стол».

Грю, находившийся в Токио и имевший возможность вплотную наблюдать политическую обстановку в столице Японии, не мог понять неуступчивости собственного правительства. 29 сентября он предупредил Вашингтон: если встреча между Коноэ и Рузвельтом не произойдет, тогда правительство падет и будет заменено «военной диктатурой, которая не захочет избежать столкновения в лоб с Соединенными Штатами». Отправив телеграмму, посол пометил в своем дневнике: «Для премьер-министра Японии потрясти все прецеденты и традиции, а в этой стране их так чтят, и выразить желание явиться со шляпой в руке для встречи с президентом США на американской земле — одно это служит мерилom решимости правительства ликвидировать громадный вред, причиненный отчуждением нашей могучей и потенциально разгневанной страны». Однако Рузвельт упорно отклонял все попытки японского правительства убедить его встретиться с Коноэ.

Неуступчивость Соединенных Штатов привела к резкому падению престижа правительства Коноэ в Японии. Напрасно он силился убедить военных, что на переговорах с Рузвельтом, если когда они и состоятся, он будет с ними. Напрасно он обращал внимание на список «миролюбивых» генералов и адмиралов, включенных в делегацию. Они

принадлежали к крайней военщине, некоторые из них знали даже о подготовке Пёрл-Харбора! Главный представитель от флота — адмирал Иосида, в прошлом военно-морской министр. От армии — заместитель начальника генерального штаба генерал-лейтенант Осаму Цукада. А чего стоил «маньчжурский Лоуренс» генерал-лейтенант Кэндзи Доихара, возглавлявший японские спецслужбы в Китае. Экстремистам все было мало, они требовали призвать более энергичных людей к управлению страной.

Тодзио пришел

20 сентября на очередном заседании Координационного комитета военные предъявили Коноэ ультиматум — вынести решение о начале военных действий не позднее 15 октября. В противном случае вооруженные силы не смогут должным образом подготовиться к операциям в конце года. Военные планировщики рассчитали, что весенняя распутица в Сибири кончается в марте. После чего возможны операции против Советского Союза. Исходя из этого, на овладение районом Южных морей отводилось 120 дней. Следовательно, войну против США и Англии нельзя начать позднее начала декабря.

Коноэ впал в отчаяние. Он уехал «отдыхать». Злоязычные в столице давно заметили странное совпадение: стоило назреть кризису, как премьер ощущал острую потребность в отдыхе. 1 октября он вернулся к делам, а 2 октября пришел, наконец, ответ из Вашингтона: Рузвельт отклонил предложение о встрече.

Коноэ поделился с коллегами давней мечтой стать монахом в буддийском монастыре. Тодзио заметил, что в жизни человека бывают такие случаи, когда ему лучше прыгнуть с закрытыми глазами с террасы Кийомиэцудера (буддийский храм в окрестностях Киото), нависшей над

обрывом. Коноэ согласился, что такая идея может прийти человеку в голову, но он, как премьер страны, не может согласиться, что именно так следует решать проблемы, стоящие перед Японией.

Семейные праздники обычно смягчают сердца людей. По этой причине, а также для безотлагательного вынесения решения о дальнейшей политике князь Коноэ приурочил совещание руководителей правительства ко дню своего рождения — 12 октября. В это воскресенье ему исполнилось пятьдесят лет. Министры собрались в доме именинника. Пристойной, приличествующей случаю беседы не получилось.

— Мы стоим на распутье и должны решить либо в пользу мира, либо в пользу войны. Я считаю, что решение целиком и полностью зависит от премьера, — холодно заметил военно-морской министр.

— Я бы высказался за продолжение переговоров... — нерешительно начал Коноэ. Тодзио прервал князя и, чеканя фразы, произнес:

— Решение премьера поспешно. Коротко говоря, вопрос сводится к следующему: есть или нет возможность успешно завершить переговоры. Вести переговоры, в которых нет надежды на успех, и в конечном итоге упустить благоприятные условия для начала военных действий чревато серьезными последствиями.

Повернувшись к министру иностранных дел, Тодзио осведомился, есть ли возможность добиться сдвигов в переговорах. Тот ответил, что основное разногласие — вопрос о пребывании японских войск в Китае. Если армия уступит, тогда, быть может, можно рассчитывать на успех переговоров.

— Пребывание войск в Китае — вопрос жизни и смерти для армии, и здесь никакие уступки невозможны, — отрезал Тодзио.

— Разве нельзя, — мягко заметил Коноэ, — на время забыть о славе и пожать плоды, выполнить формальности, на которых настаивает Америка, причем результат будет тот же самый, что и «размещение

войск».

Тодзио не хотел и слышать об этом. Четырехчасовое совещание окончилось безрезультатно, день рождения Коноэ был безвозвратно испорчен. Гости разошлись сумрачные, а у князя опустились руки. Он видел, что дни его премьерства сочтены.

14 октября Коноэ сделал последнюю попытку, переговорив до начала заседания кабинета с глазу на глаз с Тодзио. Он обратил внимание генерала на то, что никто не может предсказать продолжительность войны с США, если Япония решится «выпустить стрелу из лука». Может быть, пять лет, может быть, десять. Князь провел параллель с курсом Японии в русско-японскую войну в 1904 году, что так любили делать многие лидеры в Токио. Он напомнил, что 4 февраля 1904 года перед окончательным решением о нападении на Россию император вызвал доверенного советника маркиза Ито и спросил его, есть ли вероятность полной победы. Ито ответил, что нет, но Япония сможет закрепить первоначальные успехи быстрым заключением мира при посредничестве Соединенных Штатов.

Ныне, взывал князь, такой третьей державы-посредницы сыскать невозможно. А дела Германии на восточном фронте идут неважно. Не лучше ли, предложил Коноэ, как-то разрешить «китайский инцидент», подождать исхода войны в Европе и сыграть решающую роль на мирной конференции, опираясь на военную мощь империи.

Тодзио не тронула взволнованная речь Коноэ. Он мрачно заметил, что премьер уделяет слишком много внимания слабостям Японии, забыв, что и у Соединенных Штатов есть слабые места. «Вообще я думаю, что разногласия в политике порождаются несходством наших характеров», — заявил Тодзио и откланялся.

На заседание кабинета, состоявшееся позднее в тот же день, Тодзио

явился в состоянии крайнего озлобления. Нисколько не сдерживаясь, он обрушился на политиков. Министры замерли на своих местах. Попытка Тоёда объяснить цели дипломатии вызвала яростный приступ бешенства у Тодзио. Он иступленно бранился, обвинял дипломатов в том, что они срывают все и вся. Впервые кабинет увидел Тодзио в действии. После его нападок на Тоёда никому не захотелось продолжать дискуссию. Военщина устами Тодзио дала ясно понять, что нынешний кабинет неприемлем. Военный министр ушел, оставив правительство в растерянности. Вскоре через посланца он передал Коноэ: пусть премьер больше не ищет встречи с ним, генерал не может за себя поручиться.

В политических кругах Японии давно горько шутили: если хотите узнать, какова внешняя политика страны, не нужно терять время и обращаться к премьеру или к министру иностранных дел, сходите в генеральный штаб. Разрешение правительственного кризиса 15—17 октября 1941 года подтвердило правоту острословов.

Военщина пошла напролом. Представители генерального штаба уведомили политиков, что, если правительство не окажется полностью в руках армии, возникнут «внутренние беспорядки». Дальнейших разъяснений не требовалось: события 30-х годов еще были свежи в памяти. Тодзио и его сторонники усиленно нагнетали тревогу. Именно в эти дни, узнав, что в Токио работает запеленгованный радиопередатчик, Тодзио приказал арестовать двух германских подданных — Зорге и Клаузена. Разумеется, в момент ареста никто в японской охранке не подозревал, что они советские разведчики. Тодзио просто не хотел оставить ни одного камня нетронутым, чтобы подорвать положение ненавистного Коноэ, при правлении которого в столице работали тайные передатчики.

16 октября правительство Коноэ подало в отставку. Все приходит своим

чередом. В конце декабря 1945 года Коноэ покончил с собой. Он оставил документ, в котором, как обратила внимание «Нью-Йорк таймс», возлагал «вину за войну на Тихом океане и катастрофу своей страны на всех, исключая себя... Но в его премьерство началась война Японии против Китая, он совместно с Мацуока сколотил фашистский союз с Германией и Италией... В момент прозрения после капитуляции Японии Коноэ искренне признал, что японское правительство долго было «двуглавым драконом, правительство обещало одно, а другая голова — военные приказывали другое»...

17 октября император вызвал Тодзио и поручил ему формирование нового кабинета. 57-летний генерал согласился. По дороге из императорского дворца он объехал наисвятейшие места: гробницу императора Мэйдзи, памятник герою русско-японской войны Того и храм Ясукуни. Он смиренно просил богов наставить его на истинный путь. Они, вероятно, подсказали состав нового правительства, метко прозванного немногочисленными либералами «ненадежнейшей маньчжурской бандой». Новый премьер сохранил за собой пост военного министра и еще взял портфель министра внутренних дел. Открывается эра «сёгуната Тодзио», испуганно шептались по углам токийцы.

18 октября было официально объявлено о создании правительства Тодзио и о присвоении премьеру ранга полного генерала. Напутствие императора оказалось беспрецедентным: Тодзио было сказано, что новое правительство не связано никакими предшествующими решениями. Приняв пост, Тодзио немедленно вызвал начальника управления шифров и кодов Кадзуро Камеяма. Премьер напомнил ему о книге Ярдли и потребовал доложить, надежны ли действующие коды. Камеяма поторопился заверить сурового генерала, что «на этот раз у нас все в порядке».

В Соединенных Штатах популярнейший журнал «Лайф» сообщил читающей публике: приход Тодзио — победа «нацистов», от нового кабинета «попахивает порохом». Но, разъяснил журнал, «Тодзио давно рвется в бой. В 1937 году он заявил: «Япония должна быть готова воевать одновременно с Китаем и Россией». Она уже воюет с Китаем, а сосредоточение 25 японских дивизий на советской границе выглядит, как будто Япония собирается вот-вот броситься на Россию».

«Они направляются на север»

В середине октября советник японского посольства в Вашингтоне Хидэнари Тerasаки встретился с начальником оперативного управления штаба флота США адмиралом Ричмондом Тернером. Встреча носила полуофициальный характер, и поэтому обычно сдержанный Тerasаки дал волю своим чувствам. Он заявил: «Соединенные Штаты стоят на крайне идеалистических позициях относительно Дальнего Востока... Но разговоры о принципах — всего лишь любимый конек богачей. Если оставить в стороне принципы, то, на мой взгляд, ваша цель заключается в том, чтобы заставить нас воевать в Китае, пока мы не будем истощены. С другой стороны, вы сами проводите очень реалистическую политику в Центральной Америке. Не будем говорить о Панаме, мы можем найти массу современных примеров, подтверждающих мою мысль... Материально мы, японцы, беднее американцев. Я не знаю, чем закончится война между нами, но даже если мы потерпим поражение, Япония будет драться до конца».

16 октября на первой полосе «Нью-Йорк таймс» появилось сообщение из Токио о публичном выступлении начальника японской морской разведки капитана Хидео Хирада. США и Япония, говорил он, «подошли к тому пункту, когда их дороги разойдутся... Америка, чувствуя себя

неуверенной в нынешней обстановке, проводит громадное расширение флота. Однако Америка не может вести одновременно операции в Атлантическом и Тихом океанах. Императорский флот готов к худшему и завершил всю необходимую подготовку. Больше того, императорский флот горит желанием действовать, если это окажется необходимым».

Если даже ответственные японские деятели заговорили таким языком, тогда отпадали сомнения, что кризис в американо-японских отношениях мог быть разрешен только силой оружия. Однако в Вашингтоне слепо верили, что Япония начнет войну, но не против Соединенных Штатов. Под это убеждение в американских ведомствах снизу доверху подгоняли факты, которые допускали иное толкование.

В октябре 1941 года в Вашингтон приехал один из крупных английских военных деятелей, лорд Маунтбэттен. Он попросил разрешения у Старка проехать на Гавайи и ознакомиться с состоянием Пёрл-Харбора. Ради бога, отвечал адмирал, но только с условием прочитать лекцию американским офицерам об опыте борьбы с немецкими подводными лодками в Атлантике. Лекция в Пёрл-Харборе прошла с блеском, а по ее окончании флотская молодежь осадила маститого докладчика вопросами, как США могут вступить в войну.

Польщенный вниманием аудитории, Маунтбэттен вооружился указкой и ткнул в Пёрл-Харбор на карте Тихого океана. «Переждав громкие возгласы недоумения и несогласия, Маунтбэттен объяснил американской аудитории, почему он указал на Пёрл-Харбор как на место, где США вступят в войну. Он подчеркнул, что Япония традиционно начинает военные действия внезапным нападением. Так случилось в ночь 9 февраля 1904 года, когда русский флот был атакован на якорной стоянке в Порт-Артуре, и с этого началась русско-японская война.

Маунтбэттен также рассказал о внезапной английской атаке с воздуха

против итальянского флота на якорной стоянке в Таранто 11 ноября 1940 года». По возвращении в Вашингтон Маунтбэттен получил часовую аудиенцию у Старка, которому попытался внушить, что в свете уроков Таранто американские корабли в Пёрл-Харборе беззащитны в случае налета палубной авиации. Старк внимательно выслушал англичанина и благодушно заключил беседу: «Боюсь, что претворение в жизнь даже части ваших рекомендаций сделает ваш визит в США очень дорогим для американского флота».

15 октября Рузвельт сообщает Черчиллю о несомненных, как ему представлялось, последствиях прихода к власти нового правительства: положение с японцами определенно ухудшилось, «и я думаю, что они направляются на север (разрядка моя. — Н. Я.), однако ввиду этого вам и мне обеспечена двухмесячная передышка на Дальнем Востоке». На следующий день правительство Коноэ ушло в отставку. Как реагировали на это Соединенные Штаты? Хотя американские историки написали библиотеки книг по вопросам внешней политики, этот важнейший вопрос почти не освещается. Вот объяснение Лангера и Глисона в книге, вышедшей в 1954 году: «Президент, узнав об отставке Коноэ, немедленно отменил обычное заседание правительства и в течение двух часов совещался с министрами: Хэллом, Стимсоном, Ноксом, генералом Маршаллом, адмиралом Старком и Гарри Гопкинсом. К сожалению, нет никаких сведений об этом совещании, за исключением пометки в дневнике Стимсона: «Мы стоим перед деликатной проблемой вести дипломатические дела так, чтобы Япония оказалась неправой, чтобы она первой совершила дурное — сделала первый открытый шаг!»

Спустя почти тридцать лет и громадные книги Г. Пранджа «Мы спали на рассвете» (1981) и «Пёрл-Харбор: вердикт истории» (1986) не только не добавили ничего нового, но основательно запутали уже сказанное.

Прандж привел процитированные слова Стимсона и «разъяснил»: «В последующие годы историки ревизионистской школы судорожно хватались за такие прискорбно неудачные формулировки, как свидетельство того, что Рузвельт умышленно подстрекнул японцев начать войну на Тихом океане и особенно напасть на Пёрл-Харбор. На деле военный министр выразил одну из самоочевидных истин, известных всем, но о которых (особенно в правительственных кругах) редко говорят вслух: ни одно правительство не желает предстать перед своим народом и потомками в неприглядном свете».

Как ни петляют американские историки, оказавшиеся перед высокой стеной секретности, все же можно в общих чертах представить если не выводы совещания у президента, то его общий тон. На это проливает свет директива Старка, направленная Киммелю 16 октября. «Отставка японского кабинета создала серьезную обстановку. Если будет сформировано новое правительство, оно, по-видимому, будет крайне националистическим и антиамериканским. Если у власти останется кабинет Коноэ, он будет действовать, имея другой мандат, не предусматривающий сближение с США. В любом случае наиболее возможна война между Японией и Россией (разрядка моя. — Н. Я.). Поскольку в Японии считают США и Англию ответственными за ее нынешнее отчаянное положение, есть вероятность того, что Япония может напасть и на эти две державы». О том, каковы были шансы последнего по сравнению с агрессией Японии против СССР, красноречиво говорит следующее: Старк изменил в проекте «вероятна» на «возможна» при подготовке директивы, а также предписал командующему Тихоокеанским флотом «принять должные меры предосторожности... но не провоцировать Японию».

Ход мысли Г. Старка виден из его письма 17 октября, в котором

объяснялась отданная накануне директива: «Дорогой Киммель! Дела у нас здесь последние двадцать суток идут ни шатко ни валко, а впрочем, ты знаешь все, что мы делаем. Лично я не верю, что Япония может пойти на нас войной, и в директиве, посланной тебе, я говорю о «вероятности», больше того, я значительно смягчил в окончательной редакции представленный мне проект директивы. Быть может, я не прав, но надеюсь, что это не так. В любом случае после долгой возни в Белом доме решили, что нам все же нужно быть начеку... Ты, наверно, помнишь то письмо, мое письмо, в котором я сообщал мнение оперативного управления, предсказывавшего нападение Японии на Сибирь в августе. Тогда я писал, что Япония не сделает ни одного определенного шага в этом направлении, пока обстановка не прояснится. Я думаю, что все это произойдет автоматически». Действительно, во второй половине октября положение на советско-германском фронте было очень тяжелым для СССР.

Естественно, эти документы подробно обсуждались Киммелем и Шортом. Впоследствии генерал Шорт свидетельствовал: в штабах на Гавайях из них заключили, что «была очень большая вероятность войны между Россией и Японией... Это ослабило, с моей точки зрения, возможность немедленной войны между США и Японией, ибо они (в Вашингтоне. — Н. Я.), очевидно, считали наиболее вероятной японо-русскую войну». Напрасно скромничал генерал Шорт и сваливал все на Вашингтон. Его собственный разведотдел в ориентировке намерений Японии на 12.00 17 октября докладывал командованию, то есть тому же Шорту: «Основное направление политики Японии... останется неизменным, ожидается, что Япония скоро бросит военный вызов державе или группе держав, противодействующих этой политике». Затем перечислялись возможные действия Японии: «1. Нападение на Россию с востока. 2. Оказание

давления на Индокитай и Таиланд для получения военных баз и гарантий экономического сотрудничества. 3. Нападение на английские владения на Дальнем Востоке. 4. Оборона против американского нападения в поддержку Англии». Вот так!

Английское правительство было всецело согласно с США, что Япония в ближайшее время нападет на СССР. Однако, рассматривая эту перспективу с точки зрения национальных интересов Англии, в Лондоне считали неразумным допустить, чтобы державы «оси» били своих противников «поодиночке» — в данном случае Советский Союз. Английское правительство осведомлялось, что «сделают Соединенные Штаты в случае нападения Японии на Россию».

Американские расчеты строились на том, что 18 октября правительство сформировал генерал Хидэки Тодзио. Он был тесно связан с Квантунской армией и рассматривался американскими политиками как сторонник Германии. Аналогичных взглядов придерживались и в Лондоне. Руководство английской разведки на Дальнем Востоке докладывало: «Новый премьер настроен всецело прогермански. Считается, что японцы бросятся на Владивосток и Приморье, как только предстанет неизбежным распад советского сопротивления... Пока русские сильнее в Сибири, несмотря на возможные изъятия войск оттуда, но Приморье и Владивосток могут быть, без всякого сомнения, захвачены японцами».

В Вашингтоне, да и в Лондоне было упущено из виду только то небольшое обстоятельство, что как Тодзио, так и новый министр иностранных дел Сигэнори Того, в прошлом посол в Москве, лучше, чем кто-либо другой в Токио, понимали силу Советского Союза и сложность войны против него.

22 октября Хэлл ответил англичанам: «Правительство США еще не решило, что делать в случае нападения Японии на СССР». Английское

правительство в ответ высказалось за совместное предостережение (США, Англии и СССР) Японии «против блокады Владивостока или нападения на Сибирь». Соединенные Штаты отказались. Почему?

Хэлл, пишут Лангер и Глисон, «решил на время рассматривать японскую агрессию в целом, а не заниматься ее отдельными проявлениями. Тем не менее Вашингтон решил отныне направлять поставки в Россию через Архангельск, а не Владивосток». Объяснение «научных светил» из УСС и ЦРУ решительно ничего не проясняет. Дело было, конечно, в том, что влиятельные силы в Соединенных Штатах старались не сделать ничего, что могло бы отвратить Японию от агрессии против Советского Союза.

«Б-17»: через Гавайи на Филиппины

В разведывательном управлении штаба армии США — Дж-2 — офицеры имели доступ ко всем материалам, к каким имел и президент. Они видели глобальные замыслы агрессоров — Германии и Японии — и понимали, что основной фронт второй мировой войны держит Красная Армия, защищающая на советской земле и американцев. Простой здравый смысл и элементарное чувство самосохранения подсказывали — нельзя допустить, чтобы на Востоке Советскому Союзу нанесли предательский удар в спину. Этими бесхитростными мыслями офицеры управления делились со своим правительством.

2 октября руководство управления направило «наверх» пространную аналитическую записку, в которой глубоко, со всех точек зрения рассмотрело позицию США в переговорах с Японией. К этому времени было известно, что главное препятствие на пути договоренности — это требование Хэлла, чтобы Япония вывела войска из Китая. На первый взгляд честнейшая позиция, продиктованная пламенной заботой о жертве агрессии — китайском народе, о чем внушительно трактовали тогда американские средства массовой информации с трескучими ссылками на

благороднейшие традиции внешней политики США.

Люди военные, американские разведчики, однако, оставили в стороне риторiku и написали вещи, определенно неприятные для политиков, а именно: «На этой стадии выполнения национального стратегического плана прекращение боевых действий в Китае, за которым последует вывод японских войск — 21 дивизии, 20 бригад и 1000 самолетов, — нанесет величайший ущерб нашим интересам. В случае возвращения в Японию таких сил они окажутся потенциально взрывными и их сможет поставить под контроль только военная олигархия. Эти милитаристские элементы подавят или уничтожат умеренные элементы, заменив их беспокойными шовинистами, не обладающими ни способностью, ни склонностью поддерживать дипломатические отношения с любой демократической страной.

Если японские войска будут переведены из Китая в Индокитай или в Маньчжоу-Го, они, несомненно, выплеснутся в прилегающие районы, и наши интересы окажутся под еще большей угрозой».

Разведчики подчеркивали, что с 1932 года Квантунская армия «была абсолютно независимой от перетасовок кабинета в Токио...

Из изложенного представляется необходимым сковать максимальные японские силы в Китае по крайней мере на ближайшее время. Другими словами, мы должны немедленно положить конец нашим попыткам добиться вывода японских сил из Китая...

США должны сделать все возможное для помощи России в борьбе против Гитлера. Поэтому любые шаги с нашей стороны, которые высвободят японские (прогерманские) силы для удара по России с тыла, безрассудны». Что касается американо-японской встречи в «верхах», то, по мнению управления, «ни встреча лидеров, ни экономические уступки в это время не принесут ощутимой выгоды Соединенным Штатам, если

Япония до этой встречи не даст твердого обязательства порвать с державами «оси». Непосредственная цель Соединенных Штатов — любым путем ослабить Гитлера. Японская гарантия не нападать на Сибирь освободит Россию психологически и в военном отношении и даст ей возможность оказывать более сильное сопротивление Гитлеру. Имея в виду указанное, обязательным предварительным условием предлагаемого совещания должен быть окончательный разрыв Японии с осью и гарантия, искренность которой должна быть бесспорной, не нападать на Россию в Сибири».

Нам уже известно, что именно в день поступления аналитической записки в Белый дом — 2 октября — Рузвельт окончательно отклонил японское предложение о встрече с Коноэ. Но сделано это было вовсе не так, как ожидало управление: президент практически не объяснил мотивов. По всей вероятности, офицеры управления в результате этого начали подходить к пониманию смысла попыток Вашингтона не допустить, чтобы в Токио «поскользнулись» на внешнеполитической стезе.

В связи с падением правительства Коноэ неугомонные разведчики сочинили новый меморандум, направленный правительству 16 октября. Они сообщили: падение правительства — «логический результат того, что министр иностранных дел Тоёда не смог добиться ослабления американского экономического давления на Японию... и давления националистов в пользу прекращения японо-американских мирных переговоров». Кто от этого пострадает? Составители документа подчеркивали: «Теперь японская армия, а не флот будет оказывать решающее влияние. Командование армии не замедлит воспользоваться любым ослаблением сибирской армии, вызванной русскими неудачами в Европе». Иными словами, разведчики прозрачно намекнули, что они

проникли в суть игры влиятельных кругов в Вашингтоне.

Если Белый дом, как мы видели, успокоился с появлением на посту премьера Тодзио, то разведывательное управление забило тревогу. 21 октября оно поторопилось доложить правительству: «В тот самый момент, когда Квантунская армия сочтет, что она превосходит Сибирскую армию по силам в соотношении 2 к 1, весьма вероятно, что она начнет наступление независимо от политики и намерений правительства в Токио. А если это соотношение станет 3 к 1 или больше, то вероятность станет неизбежностью». Доклад завершался категорическими рекомендациями: «В наших лучших интересах... принять все возможные меры, чтобы сохранить нынешнее равновесие в силах русских и Квантунской армии».

Влиятельные и компетентные офицеры в командовании американской армии изыскивали пути, разумеется в национальных интересах США, чтобы предотвратить ухудшение положения Советского Союза в результате японской агрессии. Соединенные Штаты имели полную возможность предостеречь Японию против нападения на СССР. Больше того, коль скоро это нападение представлялось Вашингтону неизбежным, такое предостережение было совершенно обязательно в интересах коалиционной войны против держав «оси». Слово оставалось за правительством США.

Оно прозвучало. 23 октября «Нью-Йорк таймс» оповестила, что отныне главный поток грузов в СССР будет направляться не через Владивосток, а через Архангельск. Газета объяснила, что Вашингтон таким образом стремится избежать инцидентов с Японией. На следующий день Белый дом возмутился и с негодованием опроверг объяснение газеты, однако американские суда больше не появлялись на путях к Владивостоку.

Как видно из американской документации, на том и закончилась

эскапада разведывательного управления, оно перестало досажать правительству своими прожеками. По-видимому, офицерам, совершившим вылазку в политику, указали их место. Как именно, представить нетрудно — в армии нет недостатка в уставах, наставлениях и инструкциях. И, конечно, все это было проделано в отборных терминах просвещенной «демократии», существующей в США, — утверждений о верховенстве политиков над военными, в чем и состояло, по официальной американской доктрине, их преимущество над тоталитарными режимами, погрязшими в тупом милитаризме.

Различие между профессиональными военными и высокими политиками выявляет отличие описанных рекомендаций разведчиков от советов президенту военного министра Г. Стимсона, направленных в те дни. 21 октября он обратился с пространной докладной к Рузвельту. Стимсон подробно обосновывал свою мысль, что единственное эффективное средство в руках США для обуздания Японии — сосредоточить на Дальнем Востоке и Тихом океане мощные силы бомбардировочной авиации. Он настаивал на всемерном усилении соединений бомбардировщиков на Филиппинах.

Стимсон, как и немало других высокопоставленных американских военных, переоценивал возможности бомбардировщиков «Б-17». Он писал: «Внезапно в юго-западной части Тихого океана открылась стратегическая возможность первостепенного значения, революционизировавшая все наши проблемы в этой области, накопившиеся за двадцать лет. Если раньше мы не могли влиять на события в этом регионе, то теперь мы наделены в высшей степени эффективным средством. Больше того, мы едва ли даже понимаем собственные возможности в этом отношении». Всего 128 бомбардировщиков «Б-17» считалось достаточным для отражения

японского вторжения на Филиппины!

Американские авиаторы поразмыслили и решили, что этих сил хватит еще и на то, чтобы разгромить с воздуха важнейшие промышленные объекты Японии. Для вящей убедительности Стимсон распорядился графически изобразить на приложенной к докладной карте, как именно бесподобные «Б-17» расправятся с японскими городами. В радиусе круга с центром на Филиппинах с юга и другого с центром во Владивостоке (!) оказывался Токио. Радиус действия «Б-17» не позволял действовать только с Филиппин. Поэтому предполагались «челночные» операции — вылет с Филиппин, бомбардировка Японии, посадка у Владивостока и обратно. Увлеченный такой перспективой генерал Макартур потребовал выслать ему на Филиппины «600 полетных карт с местонахождением индустриальных объектов в самой Японии». Уже в ноябре он получил многие сотни листов подробных карт и приказал разослать их по аэродромам.

Хотя только в начале сентября 1941 года первые «Б-17» приземлились на филиппинских аэродромах и должно было пройти немало времени, прежде чем на островах собралось бы 128 потребных машин (промышленность только-только налаживала их выпуск), Стимсон и Маршалл внесли серьезнейшие коррективы в американские планы. Если до конца лета 1941 года штабные планировщики в соответствии с прежними планами исходили из того, что с началом войны с Японией Филиппины придется сдать, то с принятием на вооружение «Б-17» они с возрастающей уверенностью готовили операции с опорой на архипелаг. Следствием этого совершенно непонятного задним числом оптимизма было то, что Гавайи признавались глубоким тылом американского фронта на Тихом океане. Старшим авиационным начальникам на островах пришлось смириться с тем, что «Б-17» появлялись там, как прекрасный

мираж, и тут же исчезали. Гавайи превращались в промежуточный аэродром на пути перегонки бомбардировщиков из Калифорнии на Филиппины.

Итак, «южная клешня» американской мощи (по выражению Стимсона) вытягивалась на 5000 миль на запад до Филиппин. После войны генерал Дж. Маршалл объяснил, что лежало в основе драматического изменения американских военных планов: «Если бы мы смогли создать более или менее надежную оборону Филиппин, особенно с помощью тяжелых бомбардировщиков, на которые авиаторы тогда возлагали величайшие надежды, мы считали, что сумели бы остановить японское продвижение и их вступление в войну вообще, ибо они не могли не опасаться за судьбы своих городов, если не смогут взять Филиппины».

Дальше — больше. Рисуя в самых радужных красках преимущества описанного образа действия, Стимсон так заключал докладную президенту: «Еще одна возможность открывается в северо-западной части Тихого океана. Гавань и порт Владивостока — одни из трех ворот России. Ворота в Архангельске могут захлопнуться в любой момент. Пропускная способность ворот через Персидский залив недостаточна. Близость Аляски к Сибири и Камчатке, возможности, которые там есть (хотя мы еще не удостоверились в них), дают нам случай использовать эти бомбардировщики в дополнение к указанным действиям с юга. Этот район может послужить базой для северной клешни американского влияния и мощи на этот раз не только для защиты против японской агрессии, но и для сохранения оборонительной мощи России в Европе... Контроль над западной частью Тихого океана, который будет таким образом установлен, явится едва ли не серьезнейшим предостережением Японии, равно как средством гарантии России. Есть все основания ожидать, что таким образом можно оторвать Японию от держав «оси».

Но расчеты эти и всяческие упования на то, что американская авиация разместится на нашей земле, делались без хозяина Сибири и Камчатки — Советского Союза. Как бы ни были прекрасны в глазах американского обывателя побуждения Стимсона, это могло навлечь на советский Дальний Восток японскую агрессию.

Ничто не могло поколебать посвященных в Вашингтоне — нападение Японии на Советский Союз абсолютно гарантировано. Безраздельное господство этого убеждения затянуло вплоть до сегодняшнего дня поиски в США виновников внезапности нападения на Пёрл-Харбор, ибо разве не злой умысел, и он один, конкретных лиц повинен во всеобщем ослеплении пребывавших на высших постах в Вашингтоне? Упускается из виду куда более прозаическое объяснение: верили, потому что хотели верить.

В конце 70-х годов по следам за Уотергейтом в США обнаружили «архизлодея» — бывшего директора ФБР Э. Гувера! Летом 1941 года в США приехал югослав Д. Попов, завербованный немецким абвером. В Берлине он считался отличным агентом, на деле патриот Попов работал на английскую разведку под кличкой Трайскл. Среди поручений абвера был вопросник, составленный, несомненно, японцами и касавшийся оборонительных сооружений в Пёрл-Харборе. Попову, помимо прочего, поручалось выехать на Гавайи и убедиться во всем собственными глазами. Очевидно, что в данном случае германская разведка бралась помочь своим японским коллегам.

Дальше, по словам видного историографа английских спецслужб У. Стивенсона, случилось невероятное: по приезде в США английская разведка связала Попова с ФБР. «Он должным образом доложил, что, по мнению немцев, японские моряки твердо убеждены — они могут вывести из строя большую часть американского Тихоокеанского флота, используя

тактику англичан в Таранто, применяя, как и англичане, торпеды, приспособленные для небольших глубин, и перед лицом казалось бы непреодолимого сопротивления, то есть в условиях Пёрл-Харбора». Попов передал ФБР вопросник о Пёрл-Харборе.

Увы, сокрушается Стивенсон, личность Трайскла возмутила Гувера, сама кличка («трехколесный велосипед» — Н. Я.) для него была оскорблением. «Кличку избрали из-за его сексуального атлетизма, — писал ядовито впоследствии Гувер (убежденный гомосексуалист), — он предпочитал находиться в постели с двумя женщинами одновременно...» Контакты Трайскла в высших сферах, экзотические вкусы и экстравагантный стиль жизни, по его мнению, служили отличной маскировкой. ФБР с отвращением взирало на это, игнорируя мнение английских защитников Трайскла, указывавших на выполненные им с блеском опасные поручения. Гувера не заинтересовал вопросник о Пёрл-Харборе! Видя отношение ФБР, английские разведчики мудро посоветовали Попову убраться из США и укрыли его в Канаде. С тем в небытие ушло предостережение Трайскла о Пёрл-Харборе».

В декабрьском номере за 1982 год ведущего исторического журнала «Америкэн историкл ревью» Дж. Братцел и Л. Рут из Мичиганского университета напечатали сенсационную статью «Пёрл-Харбор, микроточки и Э. Гувер» о результатах розысков в архиве Рузвельта в Гайд-парке и в материалах ФБР. Они утверждали, что Гувер не доложил Рузвельту сообщенное Поповым. «Вашингтон пост» обнародовал на своих страницах написанное ими для специализированного профессионального журнала, предпослав статье заголовок «Знал ли Гувер о Пёрл-Харборе? Историки заявляют: директор ФБР замолчал предупреждения». В статье, помимо прочего, сказано:

«В войне слов по поводу того, кого следует винить за внезапность

японского нападения на Пёрл-Харбор 41 год тому назад, появляются новые факты, свидетельствующие о том, что покойный директор ФБР Эдгар Гувер несет долю ответственности за путаницу в разведывательных органах. В результате США не придали значения ни одному из предупреждений о том, что нападение неизбежно... Историки пишут, что Попов был принят Эдгаром Гувером, который отчитал его за поездку в Майами с незамужней девицей... и не доложил ни один из вопросов, которые ставили немцы о Пёрл-Харборе президенту». Игнорировало и предупреждение Попова и ФБР: «Ждите нападения на Пёрл-Харбор еще до конца года» и т. д.

В ответ на эти статьи ФБР весной 1983 года рассекретило несколько документов (периода с 30 сентября по 8 ноября 1941 года) о пребывании Попова в США. Оказалось, что ФБР передало информацию Попова об интересе немцев к Пёрл-Харбору, но, «как отметил историк американских спецслужб Томас Ф. Трой, в то время США страшно опасались прежде всего саботажа (на Гавайях). В вопроснике не было и намека на то, что можно ожидать японского нападения с воздуха на Пёрл-Харбор». Все это, вероятно, так. Примечательно разве то, что в 1983 году ФБР защищало честь мундира своего покойного директора. Т. Трой в газетной статье, то есть рассчитанной на массового читателя, прошел мимо сказанного в специальных сочинениях, а именно: «Гувер лично приказал, чтобы Попову запретили выехать в Пёрл-Харбор, а тогда можно было бы точно выяснить мотивы держав «оси», и даже угрожал арестовать Попова по закону Манна, предусматривавшему уголовное преследование лиц, перевозящих женщин через границы штатов в аморальных целях».

Осенью 1941 года в ФБР были глубоко убеждены в своей правоте и шли в ногу с другими американскими спецслужбами. Как раз в ноябре вернулся

в Вашингтон Э. Моурер. Донован собрал высших генералов выслушать его доклад. Моурер живо описал тревожные настроения в странах Дальнего Востока и заверил, что из нескольких дюжин влиятельных людей, с которыми он беседовал, только один нервный бизнесмен в Маниле ожидал войны Японии с США. Много спустя Моурер припоминал: «Я рассказал адмиралу Киммелю о том, что сказал мне этот человек, он рассмеялся от всей души... Большинство этих людей считали, что японцы нападут на Россию, только немногие думали, что японцы бросятся на юг — на Голландскую Ост-Индию и Сингапур. Я рассказал также о том чуде (предсказавшем войну с США. — Н. Я.) и помню, как генералы обменялись понимающими взглядами». Надо думать, они полагали — докладчик транжирит время в поездке на слабоумного. Моурер представил в высшие вашингтонские инстанции докладную на 57 страницах. Документ, излагавший описанную речь перед генералами, был датирован 3 декабря!

«Розовый код» и «код ветров»

Случилось так, что Соединенные Штаты и Япония приняли важнейшие решения в один день — 5 ноября. Им предшествовала цепь событий как в Вашингтоне, так и в Токио. Американское правительство понимало, что после прихода к власти кабинета Тодзио не за горами решительные шаги Японии. Нужно было заранее определить свою позицию, а для этого изучить соотношение военных и политических возможностей страны. 5 ноября командование вооруженных сил США представило президенту развернутые рекомендации. Высшие военные деятели вновь указали, что главная цель США — нанести поражение Германии, а в войне против Японии следует придерживаться стратегической обороны, ибо неограниченное наступление на Тихом океане поглотит ресурсы,

необходимые для Европы. Схватки с Японией следует избегать до тех пор, пока США не накопят достаточных военных сил на Тихом океане.

Если же Япония в ближайшее время встанет на путь вооруженной агрессии, «тогда военные действия против Японии следует предпринять в одном или нескольких нижеследующих случаях: 1) открытый акт войны японских вооруженных сил против территории или подмандатных территорий Соединенных Штатов, Британского Содружества или Голландской Ост-Индии; 2) продвижение японских войск в Таиланд, к западу от 100° восточной долготы, или южнее 10° северной широты, или вторжение на Португальский Тимор, Новую Каледонию или острова Товарищества... 3) если войны с Японией нельзя избежать, тогда на время нее следует придерживаться установленных стратегических планов, то есть военные операции должны носить в основном оборонительный характер с целью удержания территории и ослабления японской экономики; 4) учитывая глобальную стратегию, японское продвижение против Куньмина, в Таиланде, за исключением указанного выше, или нападение на Россию не оправдывают вмешательства Соединенных Штатов против Японии» (разрядка моя. — Н. Я.). Исходя из всего этого, высшее командование вооруженных сил США считало, что отношения с Японией не следует вести к разрыву. Рекомендации завершала лаконичная фраза: «Никаких ультиматумов Японии не предъявлять». Ф. Рузвельт согласился с этими доводами.

Заранее решив не помогать СССР, американские стратеги с легкостью необыкновенной постановили требовать и получить от нашей страны помощь, если сами США окажутся в войне. Поводом для этого могло быть использование бомбардировщиков «Б-17» генералом Макартуром против Японии. С осени 1941 года все новые бомбардировщики этого типа отправлялись на Филиппины. В начале декабря спланировали собрать и

послать на архипелаг сразу 48 «Б-17», что более чем удвоило бы их количество там. Генерал Дж. Маршалл, которого буквально распирала гордость по поводу сил, сосредоточившихся у Макартура, 15 ноября созвал семь известных американских корреспондентов на секретную пресс-конференцию.

На Филиппинах, проникновенно внушал он газетчикам, «достигнуто самое большое сосредоточение тяжелых бомбардировщиков в мире». Это-то примерно о 40 бомбардировщиках «Б-17»! Эти самолеты-де не только защитят острова, но и сожгут «бумажные» города Японии. Востроглазый журналист быстро прикинул в уме — «Б-17», вылетевшие с Филиппин бомбить Токио, не смогут вернуться назад. Горючего не хватит. Маршалл благодушно отвел тревожный вопрос: «Русские с радостью разрешат американским летчикам использовать как базу Владивосток». Непостижимо! Как будто Советскому Союзу было мало войны в критические месяцы 1941 года с европейскими державами «оси»!

В то время как в США строили подобные планы в ожидании нападения Японии на других, в Токио по уши погрязли в реальных подсчетах, в суровой военной бухгалтерии. Координационный комитет почти не прерывал заседаний. 23 октября согласились, что нет иного пути, кроме войны, однако военный потенциал США в 7—8 раз больше японского. Поэтому «нет никакой возможности полностью возобладать над США в случае войны с ними». Вывод: следует провести скоротечную кампанию с ограниченными целями.

Министр иностранных дел Того на заседании 1 ноября все же попытался вырвать у военных ответ, какими силами располагает Япония для войны с США. Это оказалось делом нелегким, пришлось прозаседать 17 часов! Наконец Тодзио ответил, что министру «следует успокоиться и довериться верховному командованию». Военно-морской министр

адмирал Симада поддержал Тодзио, заверив Того, что «японский флот потопит американский». Последний пробормотал что-то в том смысле, что «абсурдно основывать расчеты на предположениях», но согласился с военными.

5 ноября в Токио состоялось, наконец, решающее заседание Тайного совета у императора. Участники решили, что переговоры с США следует пока продолжить и вручить американскому правительству два варианта предложений Японии, условно названных план А и план Б. Если до 25 ноября правительство США не примет одного из этих планов, тогда война.

План А предусматривал: Япония соглашается с принципом отказа от дискриминации в международной торговле на Тихом океане и в Китае, если этот принцип будет признан и в остальном мире; что касается Тройственного пакта, то японское правительство согласно не расширять сферы «самообороны» и желает избежать распространения европейской войны на Тихий океан; после заключения мира между Японией и Китаем японские войска останутся на 25 лет в Северном Китае, на границе МНР и острове Хайнань.

Если США отвергнут план А, тогда надлежало передать план Б, носивший характер модус вивенди. Япония обязывалась воздержаться от дальнейшей экспансии в обмен на ослабление американских ограничений на торговлю с ней.

Японское правительство согласилось с намеченным военными ориентировочным днем начала войны — 8 декабря (по токийскому времени). Началось развертывание вооруженных сил в предвидении войны с США, Англией и Голландией с тем, чтобы независимо от состояния переговоров в этот день безусловно поднять оружие. Выдвижение вооруженных сил и дипломатические переговоры отныне

шли параллельно.

Ключевой фигурой в японо-американских переговорах стал Номура. Адмирал к этому времени устал и был издерган бесцельным топтанием на месте. Попав в шестерни чудовищной дипломатической машины, Номура не понимал, что от него лично мало что зависело, и в неуспехе своей миссии был склонен винить только себя, проклиная слабое знание английского языка. Когда пало правительство Коноэ, Номура обратился с просьбой об отставке в МИД Японии, полагая, что ему, тугому на ухо послу, не место в жаркой дипломатической схватке. Он объяснил, что не верит в возможность достижения соглашения и не имеет ни малейшего желания продолжать «это лицемерное существование, обманывая других людей». Из Токио последовал ответ: новое правительство искренне стремится урегулировать отношения с США. Номура остался на своем посту.

Токио удовлетворило настойчивые просьбы посла прислать ему помощника. Им был избран Курусу, старый друг Номура, в прошлом японский посол в Берлине, подписавший Тройственный пакт. Чрезвычайные и полномочные послы Империи восходящего солнца вели переговоры, не зная о подлинных намерениях собственного правительства. Когда уже разразилась война, фашистская дипломатия возвела это в особую доблесть. Гитлер в начале января 1942 года с восторгом рассказывал своим приближенным: «Осима объяснил мне, что для обмана американцев японцы направили Номура и Курусу, ибо было известно, что они всегда стояли за достижение взаимопонимания с Соединенными Штатами. Действительно, когда хочешь обмануть противника, симулируя слабость, не следует использовать мужественного человека, прося его симулировать слабость! Лучше выбрать такого, кто слаб духом!»

В начале ноября Курусу выехал в США. С собой он вез только прекрасное знание английского языка: все инструкции, включая тексты планов А и Б, уже были переданы телеграфом Номура. Ему поручалось представить американскому правительству план А, в случае его отклонения вручение плана Б должно было состояться с участием Курусу. Рузвельт и Хэлл были своевременно осведомлены обо всем, что творилось на японской дипломатической кухне: американская разведка перехватывала и дешифровывала всю переписку между Токио и японским посольством в Вашингтоне. В Белом доме и государственном департаменте знали как содержание двух планов, так и то, что Токио установил предельный срок ведения переговоров с Соединенными Штатами — 25 ноября, сообщенный телеграммой под № 736 от 5 ноября. Было над чем поразмыслить. Надо было бы, конечно, в первую очередь поразмыслить над самой датой 25 ноября. В этот день, как мы знаем, «Кидо Бутай» уходил в набег на Гавайи. Но, видимо, ни Белый дом, ни командование вооруженных сил не задумывались, почему Токио связывал успех или неуспех переговоров с точно указанным днем.

7 ноября Номура вручил план А Хэллу. 10 ноября посла принял президент. Хотя 6 ноября Рузвельт говорил Стимсону, что он может предложить японцам модус вивенди на шесть месяцев, при встрече с Номура президент ограничился очередной бессодержательной лекцией о прелестях мира, необходимости способствовать процветанию человечества и т. д. По получении сообщения о реакции президента на план А Того был разъярен.

Он немедленно телеграфировал Номура, напомнив, что дату 25 ноября «абсолютно нельзя изменить». Телеграмма была дешифрована и доложена Рузвельту и Хэллу. 15 ноября Номура выслушал окончательный вердикт Хэлла по поводу плана А: японские предложения относительно

международной торговли и Тройственного пакта неприемлемы. Если бы стороны договорились по ним, тогда «мы бы могли сесть рядом как братья и как-то разрешить вопрос о размещении японских войск в Китае». Хэлл еще ласково втолковал Номура, что толпа линчует его, государственного секретаря, если он придет к соглашению с Японией, связанной твердыми обязательствами с Германией. План А, следовательно, отвергался.

А «чудо» ежедневно зловеще нашептывало президенту и государственному секретарю, что Япония ведет не войну нервов, а действительно в ближайшие недели возьмется за оружие. 15 ноября Того телеграфирует Номура: «Срок, установленный моим № 736, абсолютно нельзя изменить. Поэтому, пожалуйста, сделайте все, чтобы США усмотрели истинный свет и стало возможным подписание соглашения к этой дате». Телеграмма была дешифрована и доложена в день отправки. Напряжение в Японии нарастало. Когда 17 ноября открылась 77-я чрезвычайная сессия японского парламента, в нижней палате от имени Лиги содействия трону взял слово депутат, политик-ветеран Тосио Симада. Он заклинал правительство «перестать пастись у дороги», ибо «нацию сжигает пожар», Япония «объект невидимого воздушного налета». США и Англия не перестают издеваться над Японией, но, напомнил Симада, даже над Буддой нельзя смеяться больше трех раз, вообще два раза — максимум для святого. Он сказал: «Раковая опухоль на Тихом океане гнездится в умах высокомерных американских лидеров, которые стремятся к мировому господству». Симада, высказав предположение, что для борьбы с раком необходим «большой нож», спросил, «когда правительство разрешит нации взять скальпель», а также внес резолюцию, в которой между прочим говорилось: «Совершенно очевидно, что основная причина нынешнего конфликта

держав «оси» с английским, американским и советским народами — ненасытное стремление Соединенных Штатов к мировому господству... Но терпение японцев не неистощимо, ему есть предел». Палата единогласно одобрила резолюцию. Такова была атмосфера в Японии, когда Курусу прибыл в Соединенные Штаты.

16 ноября посольству Японии в Вашингтоне передается подробная инструкция об уничтожении «в случае чрезвычайных обстоятельств» шифровальных машин. В тот же день Того в четвертый раз, начиная с 5 ноября, указывает Номура: «По вашему мнению, мы должны терпеливо сидеть, ожидая, какой оборот примет война (в Европе. — Н. Я.). Однако с крайним сожалением я вынужден указать, что в создавшихся условиях об этом не может быть и речи. Я установил предельный срок для окончания этих переговоров в телеграмме № 736, и он не будет изменен. Пожалуйста, постарайтесь понять это. Вы сами видите, как мало осталось времени, и поэтому не позволяйте Соединенным Штатам увести нас в сторону и еще затягивать переговоры. Требуйте, чтобы они приняли решение на основе наших предложений, и сделайте все, что в ваших силах, чтобы добиться немедленного разрешения вопроса». «Чудо» как всегда оказалось на высоте. Телеграмма была дешифрована и доложена 17 ноября, в тот самый день, когда Курусу прилетел в Вашингтон. Номура привел его к президенту и государственному секретарю.

Новый обмен мнениями в течение трех дней оказался бесплодным. Оно и понятно. «Рузвельт, — суммировал переговоры в эти дни Дж. Барнс, — снова настаивал на выводе японских войск из Китая. Как только коренные вопросы будут разрешены, говорил он, «я с удовольствием познакомлю» Японию с Китаем, а детали утрясутся. Курусу никак не прореагировал, тогда Рузвельт по обыкновению стал читать проповеди, а еще сказал — нет серьезных противоречий, препятствующих достижению

соглашения. Пустые слова. Во все возраставшей степени становилось ясно, что между двумя странами почти не было непонимания, только противоречия. Несмотря на значительную путаницу, оба правительства понимали друг друга слишком хорошо. Противоречивы были их интересы. Они не могли прийти к согласию».

Чтобы как-то остановить речи словоохотливых собеседников, Курусу сухо заметил Хэллу: «Необходима немедленная помощь, и если пациенту нужна тысяча долларов на лечение, то триста долларов не помогут».

19 ноября Токио информирует некоторые японские посольства и миссии, аккредитованные за рубежом: «В случае возникновения чрезвычайных обстоятельств (опасность разрыва наших дипломатических отношений) и разрыва международной системы связи следующие предостережения будут включены в середину ежедневных бюллетеней о погоде, передающихся из Японии на коротких волнах: 1) в случае опасности в японо-американских отношениях — «восточный ветер, дождь», 2) в японо-советских отношениях — «северный ветер, облачно», 3) в японо-английских отношениях — «западный ветер, ясно».

Руководители американской разведки полностью оценили важность этой и последующей телеграммы, уточнявшей детали, дешифрованных 26—28 ноября. Несколько радиостанций перевели на круглосуточную работу — прослушивать и записывать все радиопередачи Токио. В результате если раньше в неделю поступало 3—4 фута телетайпных лент с японскими радиопередачами, то теперь в день получали 200 футов таких лент. Всем работникам, имевшим касательство к «чуду», раздали карточки, на которых было указано значение условных фраз.

Как адмиралы, так и молодые офицеры, в той или иной мере занятые в системе разведки, всегда имели при себе эти карточки, уносили их с собой домой на случай экстренного ночного вызова. Вашингтон

настороженно ждал.

Официальные переговоры к этому времени вызывали у Хэлла тошнотворное чувство. Ему надоело, по собственным словам, «двигаться вокруг да вокруг по одному и тому же кругу». Посвященный в тайну «чуда» государственный секретарь прилагал нечеловеческие усилия, чтобы сдерживаться, когда его поучали, как руководить внешней политикой. Интересы сохранения государственной тайны и профессиональная этика не позволяли ему обуздать непрошенных советчиков. Он только горько жаловался своему заместителю А. Берли: «Все эти советчики ходят ко мне с ножами и дубинами».

20 ноября Номура и Курусу вручили Хэллу несколько смягченный план Б: оба правительства обязуются не продвигать своих сил в любые районы Юго-Восточной Азии и южной части Тихого океана, за исключением Индокитая, где уже находятся японские войска; японское правительство выводит свои войска из Индокитая по установлении мира между Японией и Китаем; Япония и США будут сотрудничать в целях получения необходимого сырья из Голландской Индии; Япония и США обязываются восстановить свои торговые отношения, а США будут поставлять Японии необходимое количество нефти; США обязываются воздерживаться от принятия таких мер, которые помешают установлению мира между Японией и Китаем. В Токио уверовали, что Соединенные Штаты пойдут на предлагавшийся модус вивенди, и снабдили Номура и Курусу преамбулой к ожидавшемуся соглашению, текстами нот, которыми надлежало обменяться с английским и голландским правительствами.

Когда Хэлл принимал документ от японских послов, у Номура и Курусу сложилось впечатление, будто американское правительство согласится с ним. Номура радостно извещает Токио: 20 ноября «главный праздник Америки. Они называют его «Днем благодарения». Несмотря на это Хэлл

не только согласился побеседовать с нами, но, по-видимому, был рад повидаться с нами обоими, со мной и послом Курусу, когда мы пришли к нему». Хэлл пообещал послам «благожелательно рассмотреть» японские предложения. Это обнадежило Того, и он добился в Токио небольшой, последней отсрочки. 22 ноября министр телеграфирует послам:

«Нам страшно трудно изменить дату, установленную в моей телеграмме № 736. Вы должны знать это, но я знаю и то, что вы прилагаете сверхчеловеческие усилия. Придерживайтесь нашей политики и делайте все возможное. Не щадите никаких усилий, чтобы добиться желательного для нас решения. Вы не можете и догадаться о причинах, по которым мы хотим урегулировать японо-американские отношения к 25, однако если в течение ближайших трех или четырех дней вы сможете закончить ваши переговоры с американцами, если подписание соглашения может быть завершено к 29 (давайте я напишу эту дату для вас прописью — к двадцать девятому), если окажется возможным обменяться соответствующими нотами, если мы сможем добиться понимания с Англией и Голландией и, коротко говоря, если все будет завершено, мы согласны ждать до этого дня. Но эту дату абсолютно нельзя изменить. После нее события будут развиваться автоматически. Пожалуйста, помните это и приложите еще большие усилия, чем раньше. Об этом в настоящее время должны знать только вы — двое послов».

Того переоценил надежность японского кода, его инструкции немедленно стали известны значительно большему кругу лиц — телеграмма была перехвачена, дешифрована, переведена и доложена руководителям США в день передачи — 22 ноября. Президент и государственный секретарь держали в руках новое доказательство того, если еще требовалось таковое, что быть или не быть войне на Тихом океане и Дальнем Востоке зависит от американского ответа.

Американский ультиматум 26 ноября

Если правительство США стремилось к тому, чтобы оттянуть вооруженный конфликт с Японией (а имеющиеся документы подтверждают это), то Соединенные Штаты должны были пойти на модус вивенди. Государственный департамент и командование вооруженных сил, зная об этой установке правительства, считали ее разумной.

21 ноября у Хэлла состоялось совещание, на котором рассматривались предложения о модус вивенди, разработанные госдепартаментом. Они не слишком отличались от японского плана Б. Что касается японских предложений, то генерал Л. Джероу, представлявший на совещании командование армии, подчеркнул: «Документ удовлетворителен с военной точки зрения... Принятие этих предложений дает возможность достичь одной из наших главных целей — избежать войны с Японией... Особо следует выделить, что модус вивенди остро необходим для успеха наших военных усилий в Европе».

22 ноября государственный департамент выработал американский проект модус вивенди сроком на 90 дней. Его отличие от японского плана Б заключалось главным образом в том, что США требовали немедленного вывода японских войск из Южного Индокитая, а в северной части страны должно было остаться не более 25 тысяч японских солдат. Остальные американские условия в общем совпадали с японскими предложениями. 22 ноября Хэлл ознакомил английского и китайского послов, посланников Австралии и Голландии с американским проектом. Все согласились. Хэлл считал возможным уже 24 ноября дать этот ответ Японии. Действия американской дипломатии до вечера этого дня представляется возможным проследить с большей или меньшей степенью точности. Объяснить мотивы американского правительства в последующие 12 дней,

до начала войны, значительно труднее.

Утром 25 ноября состоялось полуторачасовое совещание Хэлла, Стимсона и Нокса. Участники согласились, что нужно передать американские предложения Японии. О том, что еще говорилось на этом совещании, данных нет. В 11 часов утра все трое прибыли в Белый дом, где с участием Маршалла и Старка состоялось новое полуторачасовое совещание у президента. О нем почти нет сведений, за исключением загадочной записи в дневнике Стимсона: «Президент, вместо того чтобы обсуждать «Виктори пэрэйд» (условное обозначение действий США в случае участия в войне в Европе. — Н. Я.), занялся только вопросом об отношениях с Японией. Он указал, что на нас, по-видимому, будет совершено нападение, быть может, не позднее следующего понедельника (30 ноября. — Н. Я.), ибо японцы, как известно, атакуют без предупреждения. Что нам делать? Проблема сводится к тому, как нам сманеврировать, чтобы Япония сделала первый выстрел, и в то же время не допустить большой опасности для нас самих.

Это трудная задача». На совещании были высказаны предположения, что Япония может двинуться в сторону Южных морей, однако американские владения не подвергнутся нападению. Тем не менее было решено передать Номура и Курусу американские предложения о модус вивенди.

Военные участники совещания, четверо из шести присутствовавших, были глубоко удовлетворены. Они получали время для военной подготовки на Тихом океане. С таким впечатлением оба министра — Стимсон и Нокс и главкомы армии и флота — Маршалл и Старк ушли из Белого дома.

Сразу же после заседания Старк пишет Киммелю: «Я не знаю, что будут делать США. Разрази меня гром, если я знаю. Я бы хотел знать. Я знаю только одно: мы можем совершить любой поступок и к этому нужно быть

готовым, а, может быть, мы ничего не будем делать, но все же скорее всего я склоняюсь в сторону «любого» поступка». Едва ли эта информация помогла Киммелю. На следующий день после совещания с военными президент и государственный секретарь приняли решение, противоположное согласованному с военными руководителями.

Как и почему это случилось? Нет сомнения в том, что в Белом доме должное внимание было уделено сообщениям, поступившим из Берлина 25 ноября 1941 года, — там с большой помпой был продлен на пять лет «антикоминтерновский пакт». На это в Вашингтоне смотрели серьезно. Тут же поступили разведывательные данные, указывавшие, что Япония, по-видимому, собирается «поскользнуться», оправдав самые мрачные опасения Рузвельта. Было замечено 30—50 судов южнее Формозы (Тайваня), следовавших, по-видимому, к берегам Индокитая.

Вечером 25 ноября Стимсон отправил докладную об этом президенту, а с утра на следующий день позвонил ему и осведомился о судьбе документа. «Президент буквально взорвался, так сказать взлетел в воздух, — записал Стимсон в дневнике. — Он сказал, что пока не видел докладной, но вся обстановка изменилась. Это свидетельство вероломства японцев. Они ведут переговоры о полнейшем перемирии — полном выводе войск (из Китая. — Н. Я.) и в то же время направляют эту экспедицию в Индокитай».

Рузвельт преисполнился решимости проучить японское правительство. Он вызвал Хэлла и потребовал взять твердый тон в переговорах. Проект модус вивенди был отброшен. В большой спешке в государственном департаменте был подготовлен пространный документ — «программа десяти пунктов». Эти «пункты» первоначально предлагались для дальнейшего обсуждения в случае принятия модус вивенди. Теперь, когда от него отказались, им предпослали вступление — о

приверженности США к высшим принципам мира и т. д.

Конкретно США предлагали Японии заключить многосторонний пакт о ненападении на Дальнем Востоке; подписать коллективный договор о целостности Индокитая; вывести все войска из Китая; США и Япония будут поддерживать в Китае только чунцинский режим; оба правительства вступят в переговоры о заключении торгового договора. Наконец, ни одно из соглашений, участниками которого являются соответственно США и Япония, не должно толковаться как противоречащее данному американо-японскому соглашению. Таковы были основные положения этого документа. Коротко говоря, Соединенные Штаты предлагали Японии восстановить по доброй воле положение, существовавшее на 18 сентября 1931 года, то есть до начала японских захватов. На всем протяжении американо-японских переговоров в 1941 году правительство США не выдвигало условий, хотя бы отдаленно напоминавших «программу десяти пунктов».

В пять часов вечера 26 ноября Хэлл вручил подготовленный в пожарном порядке ответ Номура и Курусу. Послы, бегло прочитав документ, не могли поверить глазам. Они осведомились о судьбе *модус вивенди*. Хэлл заявил, что в руках послов ответ. Государственный секретарь заметил, что «его линчуют, если выяснится, что нефть поставляется в Японию». Номура возразил: «Иногда государственные деятели, придерживающиеся твердых убеждений, не имеют симпатий у общественного мнения. Только мудрецы могут понять будущее и порой нести мученический венец, однако жизнь коротка и каждый должен выполнить свой долг». Курусу присовокупил: американский ответ «равносителен концу переговоров». Хэлл, по словам Курусу, остался «тверд как скала». На том и расстались. Действительно, американский ответ, который написали чиновники госдепартамента под руководством Хэлла 26 ноября 1941 года, был

программой-максимум, когда-либо выдвигавшейся Соединенными Штатами в отношении Дальнего Востока и Тихого океана. Крупнейший американский историк первой половины XX века Чарлз А. Бирд подчеркнул:

«Никогда в истории американских дипломатических отношений с Востоком, если можно доверять опубликованным материалам, правительство США не предлагало Японии немедленно убраться из Китая под замаскированной угрозой войны и под давлением экономических санкций, которые могли привести к войне. Даже самые отчаянные империалисты, действовавшие под эгидой республиканской партии, никогда не осмеливались официально применять этой доктрины в отношениях с Японией... соблюдать в Китае политические и экономические принципы, когда-то сформулированные в лозунге, на первый взгляд носящем справедливый характер — Открытые Двери, а на деле старую формулу республиканской партии, предусматривающую американское вмешательство в Китае, и также руководствоваться принципами международной морали, изложенными Хэллом... Президент Рузвельт пошел на то, что не осмеливались сделать империалисты-республиканцы: он поддержал решительными экономическими санкциями опасный, хотя и обветшалый жупел Открытых Дверей, а в переговорах с Японией довел дело до выдвижения максимальной программы, которая вела к войне на два фронта. Антиимпериалисты, как демократы, так и республиканцы, могли легко различить в меморандуме его смысл — старый империализм в новых одеждах».

Хотя личные нападки Бирда на Рузвельта придают особый колорит его суждениям, суть дела изложена в контексте как традиций внешней политики США, так и традиционных американских интерпретаций.

Старик Бирд, профессиональный историк, правильно указал на суть

американских требований, но совершенно упустил подоплеку, которую имели в виду составители «программы десяти пунктов». Они угрожающе указывали Японии, что влечет для нее агрессия в южном направлении, но отнюдь не закрывали дверь для продолжения переговоров, если Токио бросит затеи, внезапно вызвавшие к жизни беспримерный документ. Сам Хэлл сразу после войны писал: «Документ, врученный японцам 26 ноября, был не больше чем подтверждением давних основополагающих принципов нашей страны». И еще сообщил: «В нем решительно не было ничего, что бы не приняла с радостью миролюбивая нация, проводящая миролюбивую политику».

Главный советник Хэлла по делам Дальнего Востока в госдепартаменте, как и надлежит подчиненному, поторопился поздравить начальника с ответом 26 ноября. В самых отборных выражениях Хорнбек писал Хэллу на следующий день: «Документ, врученный Вами японцам, на сто процентов соответствует принципам, которые Вы повторно декларировали и которые Вы постоянно отстаивали... Я считаю, что он не может быть раскритикован ни с какой точки зрения и ему нельзя противопоставить сколько-нибудь весомых аргументов». Надо думать, Хэлл с величайшим удовлетворением прочитал эти строки, но вот дальше Хорнбек продемонстрировал понимание дела, которое едва ли обрадовало государственного секретаря, написав с большой проницательностью: «Но по сути своей это отнюдь не честный до конца документ, ибо если на словах его целью является способствовать поддержанию мира на Тихом океане, максимум, что мы можем ожидать от него, — выигрыш времени для укрепления обороны, мы надеемся получить преимущество над японцами». Нужно ли говорить, что Хэлл в немедленном пространном ответе Хорнбеку благочестиво отрицал само предположение о подобных намерениях.

Японские государственные деятели оказались людьми попроще. Они не постигли тонкости хитроумной логики американцев. Деша Номура с текстом ответа Хэлла пришла во время заседания Координационного комитета. Тодзио жадно схватил ее, прочитал вслух и воззрился на присутствовавших. Молчание прервал чей-то возглас: «Это ультиматум!» Наверное, все же фарисейский: японское правительство допустило опубликование его текста только после начала войны, причем весь тираж газеты, напечатавшей американский ответ, был конфискован. «Ультиматум», по словам Того, ударил его прямо «в солнечное сплетение».

Ах, сокрушается современный американский историк Дж. Толанд, почему императорское правительство не проникло в суть замысла Хэлла? «Ведь что возмутило всех присутствовавших тогда в зале заседания, — пишет Толанд, — это категорическое требование очистить весь Китай. Завоевание Маньчжурии потребовало немалой крови и пота. Утрата ее означала экономическую катастрофу. Ни одна держава, обладавшая достоинством, не могла пойти на это.

Предложения Хэлла были порождены негодованием и нетерпимостью, однако оскорбительный абзац был трагически неверно понят. Для Хэлла слово «Китай» не включало Маньчжурию, и он отнюдь не намеревался требовать, чтобы японцы расстались с этой территорией. Конечно, в американской ноте нужно было ясно сказать об этом. Исключение Маньчжурии не сделало бы ноту Хэлла приемлемой, но это могло бы дать возможность министру иностранных дел Того уговорить милитаристов продолжить переговоры, во всяком случае отодвинуть крайний срок, истекавший к 30 ноября.

Вот так и случилось, что две великие державы, которых объединял страх перед Азией под господством коммунизма, встали на путь, ведущий к

столкновению. Кого винить? Япония, конечно, почти целиком несла ответственность за то, что встала на дорогу войны... Но как могли США с их богатейшими ресурсами и землями, не опасавшиеся нападения, понять положение крошечной, перенаселенной, островной империи, почти не имевшей естественных ресурсов, находившейся под постоянной угрозой нашествия беспощадного соседа — Советского Союза?.. Япония и Америка никогда бы не оказались на грани войны, если бы не случился социальный и экономический взрыв в Европе после первой мировой войны... И война, которую не нужно было вести, стала неизбежностью».

Что же, объяснение как объяснение, не хуже других. Упускается из виду — и очень обдуманно — решающее обстоятельство — «ультиматум» Хэлла имел в виду не спровоцировать Японию на войну против Соединенных Штатов, а, напротив, отбить у нее охоту к продвижению на юг. Чтобы Англия и эмигрантское правительство Голландии не сорвали игры Вашингтона, Ф. Рузвельт 27 ноября поручил передать им: США не дают никаких гарантий, что придут на помощь в случае нападения Японии на английские и голландские владения.

Влиятельные силы в Вашингтоне продолжали попытки побудить Токио направить агрессию в другом направлении — против Советского Союза.

Американские историки, особенно те, кто задним числом обосновывают разумность образа действия, предлагавшегося «изоляционистами», сводят все к тому, что Ф. Рузвельт вовлек США в войну без особой на то необходимости. Действительно, Соединенные Штаты внезапно оказались в войне — Пёрл-Харбор тому достаточное доказательство. Но это было следствием не продуманной политики, а громадного политического промаха.

Понятно, что в этом направлении творческая мысль американских официальных историков не работает, они только сетуют, как делали

Лангер и Глисон: «До тех пор и если не будут добыты дополнительные документы, о роли как президента, так и государственного секретаря Хэлла можно только гадать». Или, как пессимистически заявлял в 1950 году профессор С. Бемис, «историки еще сотни лет будут спорить о характере и деталях переговоров Хэлл — Номура в 1941 году». Предсказание оправдывается с величайшей точностью. Спустя три с половиной десятилетия у Г. Пранджа в книге 1986 года читаем: «Более подробно о ноте Хэлла смотрите в книге «Мы спали на рассвете», глава 49». Открываем указанную главу в его же книге 1981 года, к которой нас отослали, и читаем: «Этот документ позднее прославился как нота Хэлла, или «программа десяти пунктов». Мы не можем здесь рассматривать подробно эти вопросы». Это-то в книге почти в 900 страниц убористого текста и освещающей менее года предыстории и истории Пёрл-Харбора! Так и «спорят» современные американские историки.

Факты неоспоримо говорят о том, что американский ответ, или ультиматум, от 26 ноября и был «большой дубиной», при помощи которой США иной раз добивались своих целей. На исходе 1941 года хотели толкнуть Японию против Советского Союза, а самим остаться в стороне.

Если не принять этого тезиса, следует согласиться либо с политическими спекулянтами в США, которые обвиняют Ф. Рузвельта в том, что он умышленно подставил Тихоокеанский флот как приманку для Японии, чтобы получить повод и вовлечь американский народ в войну, либо заподозрить эпидемию массового безумия в Вашингтоне: зная о подступавшей войне, там не приняли никаких мер предосторожности. Но руководители внешней политики Соединенных Штатов пребывали в здравом уме и твердой памяти.

«Чудо из чудес», беспомощность «чуда»

В Вашингтоне твердо считали, что нападение Японии на Советский Союз

последует тогда, когда военное положение нашей страны резко ухудшится. Там было известно также о том, что подготовка Японии к войне против СССР займет примерно шесть месяцев. В конце ноября 1941 года, с точки зрения американских политиков, оба эти условия были налицо: немецко-фашистские полчища осаждали героический Ленинград, пробившись на ближайшие подступы к Москве и все еще продвигались, на юге вышли к Дону, а из Японии поступали сообщения о громадном усилении Квантунской армии, занявшей исходные позиции на советской границе. Дислокация японских вооруженных сил в целом едва ли могла быть секретом для американской разведки. Из 51 дивизии, которыми располагала Япония в ноябре 1941 года, 21 дивизия находилась в Китае, 13 — в Маньчжурии, 7 дивизий требовалось для обороны метрополии и, следовательно, лишь 11 дивизий можно было использовать в других районах. Равным образом из 5 воздушных флотов 3 находились на материке и на Японских островах и лишь 2 были свободны. Описанная дислокация сухопутных сил и авиации отражала подготовку Японии к войне против СССР.

В этих условиях действительно трудно было поверить, чтобы Япония начала войну против США и Англии, против которых можно было бросить (и так действительно случилось) лишь 11 дивизий, то есть около 20 процентов японской армии. В то же время «чудо» и все службы дешифровки продолжали оповещать о завершении подготовки японских вооруженных сил во всех районах, где бы они ни находились. В этом потоке информации терялись телеграммы Токио японскому генеральному консульству в Гонолулу и обратно. Но вся масса перехваченных сообщений давала основания полагать, что в Токио решение о направлении агрессии будет принято в самый последний момент. «Код ветров» убедительно свидетельствовал о том, что война возможна против

любого из трех противников — США, СССР и Англии.

Американские политики то посулами, то угрозами стремились не допустить, чтобы Япония «поскользнулась». Еще 29 октября 1941 года С. Хорнбек подчеркнул в меморандуме Хэллу: «Япония не будет склонна предпринимать новые военные авантюры в тех районах, где она имеет основания ожидать, что встретит энергичное сопротивление, а скорее нанесет удар по слабым районам, которые легко захватить». 27 ноября, на следующий день после вручения ультиматума, ликующий Хорнбек докладывает правительству свое мнение: «Сегодня меньше оснований, чем неделю назад, ожидать, что Япония пойдет войной на нас. Если бы можно было заключать пари, то нижеподписавшийся поставит пять против одного, что США не будут в войне с Японией или до 15 декабря (то есть к тому времени, когда, по словам генерала Джероу, завершится передислокация наших войск), три против одного, что США не будут воевать с Японией до или 15 января (то есть через семь недель), один против одного, что США не будут воевать с Японией до или 1 марта (то есть более чем через 90 дней, в течение которых, по мнению наших стратегов, мы выиграем время для дальнейшей подготовки)... Коротко говоря, нижеподписавшийся не верит, что страна стоит на пороге скорой войны на Тихом океане».

26 ноября Хэлл и взялся разъяснить Японии, что Соединенные Штаты наконец заняли твердую позицию. Теперь, рассуждали в Вашингтоне, перед лицом вооруженных до зубов США («Б-17» на Филиппинах!) Япония сделает свой выбор и устремится на север, против Советского Союза, истекающего кровью в смертельной схватке с Германией и ее европейскими сателлитами. Но в Токио лучше представляли военные возможности СССР, чем в Соединенных Штатах. Того заметил в своих мемуарах: «После начала германо-советской войны я испытывал

значительные опасения по поводу военных перспектив Германии и никогда не мог избавиться от опасений, что эта война закончится для нее так же, как война 1914—1918 годов». Американские политические деятели на поверку оказались куда более легковверными в отношении глупейших измышлений геббельсовской пропаганды, твердившей о неминуемом «крахе» СССР.

Американский ответ от 26 ноября положил конец последним колебаниям в Токио. События начали «развиваться автоматически».

В этот день, 26 ноября, молодой антрополог д-р Г. Филд, выполнявший поручения Рузвельта, был вызван к доверенному секретарю президента Грейс Талли. Обычно разговорчивая, Талли на этот раз была необычайно сдержанна. Она чуть ли не тоном приказа поручила Филду отправиться к директору бюро цензов Дж. Кэпту и потребовать от него, чтобы немедленно был составлен поименный список всех японцев и американцев японского происхождения, проживающих в США, с точным адресом каждого. За основу взять переписи 1930 и 1940 годов, списки в запечатанных конвертах «на мое имя передать лично через часового у главного входа (Белого дома. — Н. Я.). Он даст вам расписку за каждый конверт», — сказала Талли и закончила инструктаж: «поручение чрезвычайной важности» и «совершенно секретное».

Кэпт, услышав о задании, воздел руки к потолку кабинета — таких поручений бюро цензов никогда не получало, и потребуются месяцы и месяцы работы, чтобы справиться с ним. Филд указал на срочность дела. Пресловутая американская деловитость показала себя. Сотрудников бюро засадили за круглосуточную работу. На время ее солдаты морской пехоты встали часовыми вокруг здания бюро цензов. Из 110 миллионов карточек на тогдашнее население США при помощи счетных машин были отсортированы все лица восточного происхождения. Из них отобрали

имена и адреса 126 947 японцев и американцев японского происхождения. 3 декабря Филд доставил последний конверт в Белый дом. Копии списков разослали ФБР, губернаторам штатов и командующим военными округами. Коль скоро до Японии далеко, президент, надо думать, готовился схватиться с неприятелем доступным, под рукой, проживающим в США. И посему заранее велел обзавестись адресами, врага нужно знать в лицо!

Командование вооруженных сил США узнало об ультиматуме, предъявленном Японии, не от собственного правительства, а от «чуда» — с помощью перехваченной и дешифрованной телеграммы японского посольства в Вашингтоне. Пораженный до глубины души Стимсон утром 27 ноября связался по телефону с Хэллом, спросив, какая судьба постигла проект, согласованный на совещании у президента 25 ноября, — предложить Японии трехмесячное «перемирие». Хэлл безмятежно ответил, что он вообще прекратил переговоры. «Я умываю руки в этом деле, — сказал он, — теперь все дело зависит от Вас и Нокса, армии и флота». Тогда Стимсон позвонил президенту. Рузвельт радостно подтвердил, что переговоры «закончились великолепнейшим заявлением, подготовленным Хэллом».

Утром 27 ноября командующие вооруженными силами США собрались на совещание. Сошлись на том, что, «если переговоры закончатся без достижения соглашения, Япония может напасть». Вновь перечислили возможные объекты агрессии. Как обычно, среди них видное место заняли «приморские провинции» СССР. О Гавайях никто и не заикался. Накануне вечером генерал Маршалл заверил своих советников: «Риск нападения на острова слишком велик, чтобы Япония могла пойти на него». Решили все же быть начеку.

С согласия президента 27 ноября командование армии и флота послало

предупреждение командующим на местах, в том числе и на Гавайские острова. Боясь, чтобы подготовительные меры не были использованы японцами как повод для нападения, командующих особо предупреждали действовать осмотрительно, не вызывая ненужной тревоги среди гражданского населения. О том, как поняли эти указания из Вашингтона на Гавайских островах, мы уже видели. На том в столице Соединенных Штатов успокоились.

30 ноября Тодзио выступил с речью, которая вызвала тревожные комментарии американской печати, но не поколебала каменного спокойствия правительства. Через несколько дней взял слово Того. Он заявил: «На основании соглашения с Францией мы заняли Южный Индокитай для совместной обороны. Едва просохли наши следы, и вот появляется старый, добрый дядюшка Сэм и захватывает Голландскую Гвиану (эта территория была оккупирована США «с целью защиты» 24 ноября 1941 года. — Н. Я.). Если США в собственных интересах понадобится любая американская страна, тогда под флагом совместной обороны они захватят ее, как только что доказали». В Японии высоко взметнулся гребень волны антиамериканских настроений. В Вашингтоне продолжали ждать.

Рузвельт и Хэлл глубокой осенью 1941 года по-прежнему верили в то, что «чудо» и другие средства перехвата своевременно введут их в курс намерений Японии. В это время американцы дешифровывали в день в среднем 58—75 документов, а как-то это число возросло даже до 130. Некоторые документы занимали по 15 страниц машинописного текста. «Чудо» так отладили, что Хэлл получал телеграммы, адресованные Номура и Курусу, за час до адресатов. Дешифрованные японские материалы докладывались президенту и другим допущенным к ним дважды в день — утром и вечером. Ответственные — Д. Крамер от флота

и Р. Браттон от армии — поочередно (через день) объезжали правительственные ведомства с папками, в каждой из которых было примерно по 25 важнейших документов, отобранных по их усмотрению из перехваченных и дешифрованных.

Изобилие материалов вызвало недовольство Дж. Маршалла. Он высказался в том смысле, что ему, «чтобы прочитать все, нужно уйти в отставку с поста начальника штаба армии». Браттон отреагировал — стал помечать красной галочкой наиважнейшие документы среди 25 важнейших в ежедневной добыче разведки. Аккуратнейший Крамер предпочитал не марать документы, а отмечать заслуживающие внимания среди них цветными закладками.

Оба офицера попытались облегчить высокопоставленным получателям чтение дешифрованных материалов. Они стали представлять краткие аннотации их содержания. Такая система долго не продержалась, и первым против нее выступил президент. Ссылаясь на осложнение отношений с Японией, он потребовал представления материалов только в оригинале. В Дж-2, памятуя о майском скандале с генералом Ватсоном, по-видимому, заупрямились, что наложило отпечаток на межведомственное решение 12 ноября Оп-20-Дж и СИС. Военная разведка Дж-2 взяла на себя обеспечение материалами Хэлла, оставив Белый дом в компетенции флота.

Требование представлять документы в оригинале отражало досаду Рузвельта, первого должностного лица государства. Вероятно, это было еще и следствием советов У. Черчилля. В середине 1941 года он отказался принимать резюме дешифрованных сообщений «Энигмы», властно заявив подчиненным: «Такая форма коллективной мудрости меня не устраивает, я предпочитаю знакомиться с оригиналами... таким образом я скорее приходил к собственным выводам». Трудно сказать,

какую пользу объективно извлек из этого образа действия английский премьер-министр, но пошедший по его пятам американский президент, несомненно, осложнил себе жизнь. Он наверняка потратил массу времени, читая дешифровки, и, если судить по Пёрл-Харбору, без видимого толку...

1 декабря было дешифровано указание МИД Японии в Лондон, Гонконг, Сингапур и Манилу — уничтожить в посольствах и миссиях шифровальные машины и сжечь шифры. Посольство в Вашингтоне исключалось. В другой телеграмме в тот же день посольству в столице США предписывалось: «Когда поступит указание об уничтожении шифров, обратитесь к нашему военно-морскому атташе. У него есть для этого специальные химикаты». Это обнадежило.

«Северный ветер, облачно» или «восточный ветер, дождь»?

На Гавайях 1 декабря радиоотдел 14-го военно-морского округа Дж. Рошфора был повергнут в глубокий траур. В полночь японский флот внезапно изменил свои позывные, действовавшие всего тридцать дней. На отдел снова свалилось титаническое бремя — идентифицировать 20 000 позывных радиостанций на военных кораблях, торговых судах и берегу. Принципиально ничего нового в этом не было, в прошлом позывные регулярно изменялись, но с интервалами в полгода. А теперь всего месяц, за который было достигнуто не так много.

С проклятиями, тяжкими вздохами и жалобами на пропащую жизнь криптоаналитики Рошфора на Гавайях и в других подразделениях радиоразведки засели за работу. Единственный светлый луч — в считанные часы они убедились, что радиообмен сообщениями в японском флоте примерно повторяет наблюдавшийся в июле 1941 года во время оккупации Южного Индокитая. Тогда перехваты показывали — по радио

передаются распоряжения командных инстанций эскадрам и кораблям в море, но не наоборот. Это говорило о том, что флот уже выполнял задания, как и выяснилось впоследствии. Особенно примечательно — в радиоперехватах не фигурировали авианосцы. КRYPTOаналитики сделали вывод — эти корабли оставались во внутренних водах империи в качестве резерва. Когда канула в прошлое сумятица, вызванная операциями в Южных морях, подтвердилось: да, японские авианосцы не покидали родных вод. Теперь отдел Рошфора во всеоружии опыта сразу установил резкий скачок радиоуказаний в регионе Южных морей, то есть развитие ожидавшихся операций в направлении Сингапура и Таиланда. Как и в июле, криптоаналитики на Гавайях поместили авианосцы 1-го воздушного флота на базы в Японии — в южной части Кюсю и Кюре! О чем и доложили командным инстанциям.

В этот же богатый событиями день 1 декабря «чудо» осведомило Рузвельта и Хэлла насчет последних инструкций Номура и Курусу о том, что хотя крайний срок, поставленный Токио в переговорах с США, прошел, тем не менее, «чтобы не допустить ненужной подозрительности со стороны Соединенных Штатов, мы информируем печать и т. д. — несмотря на определенные разногласия между Японией и США, переговоры продолжаются. Это только для вашего сведения». Послам вменялось посетить Хэлла и «сделать необходимые представления» в связи с тем, что США отвергли предложения Японии о модус вивенди».

Номура и Курусу соответственно пришли к Хэллу, знавшему от «чуда» о цели их визита. Он заверил послов: «США будут рады предоставлять Японии любое нужное ей сырье и материалы, как только военные правители страны покажут, что Япония намеревается проводить мирную политику». Но он тотчас же поспешил добавить: «Мы не предлагаем сотрудничества с этими лидерами». Сразу после беседы с послами Хэлл

отправился к президенту. Они сошлись на том, что Япония вот-вот поднимет оружи.

Японская и американская печать широко оповестили о выходе 2 декабря из Иокогама в Сан-Франциско с заходом в Гонолулу судна «Татута Мару». На его борту были иностранцы, выехавшие из Японии. «Татута Мару», сообщали газеты по обе стороны Тихого океана, придет в двадцатых числах декабря в Сан-Франциско и заберет японцев, покидающих США, затем с той же целью посетит два мексиканских порта и 27 декабря отправится в Японию. Плавание «Татута Мару» было задумано как маскировка. Капитана судна предупредили, что примерно 8 декабря он получит важный приказ по радио и должен будет выполнить его. Опасаясь, чтобы американцы на борту не заставили экипаж следовать в США, как предусматривалось, японские разведчики тайком снабдили судно оружием.

Из этой мозаики фактов не складывалась четкая картина, тем более что личные убеждения американских деятелей никак не уступали им по значимости. В самом деле, что из того, что японские авианосцы — основная ударная сила флота — якобы находились во внутренних водах метрополии? Рассуждая уже после войны, начальник оперативного управления штаба флота адмирал Р. Тернер вернулся к своим настроениям осенью 1941 года. Он признался: «Я не верил, что возможна война (Японии) против США, англичан или голландцев в течение по крайней мере месяца (какого именно, Тернер не уточнил. — Я. Я.).

Совершенно по-другому дело обстояло у русских, ибо Япония находится очень близко от русских. У них уже была армия в Маньчжурии, развернутая или нет, мы не знали. Равным образом Япония держала большую часть своего флота в своих водах. Поэтому действия против России можно было предпринять с максимальной быстротой». В конце

ноября — начале декабря 1941 года командование американского флота, «потерявшее» основные японские авианосцы и, как ему представлялось, обнаружившее их в водах японской метрополии, успокоилось. Япония вот-вот, наверное, обрушится на СССР.

Последние доказательства этого, по-видимому, принесли сообщения по «коду ветров».

4 декабря станция радиоперехвата флота в Челтенхеме, штат Мэриленд, приняла долгожданный сигнал, передававшийся для сведения посольства в Лондоне, с которым больше нельзя было снестись шифром. Капитан II ранга Л. Саффорд так рассказывал после войны о достопамятном происшествии: «Вот, наконец, она», — сказал Крамер, вручая мне телеграмму с «кодом ветров». Именно для перехвата этой телеграммы и были мобилизованы все наши возможности. Мы достигли выдающегося успеха. Эта информация давала возможность обезопасить американский Тихоокеанский флот от внезапного нападения в Пёрл-Харборе, то есть такого нападения, которому русские подверглись в свое время в Порт-Артуре. Именно к этому готовилась радиоразведка флота со дня своего основания — к войне с Японией». Саффорд утверждает, что перехваченный сигнал («западный ветер, ясно» и «восточный ветер, дождь», означавший войну Японии против Англии и США) немедленно доложили начальнику управления связи флота контр-адмиралу Л. Нойсу, который разослал его по разметке — президенту, военному и военно-морскому министрам. Саффорд давал эти показания под присягой в 1946 году объединенной комиссии конгресса, расследовавшей обстоятельства нападения на Пёрл-Харбор.

Другие работники разведки под присягой дали противоположные показания. Начальник дальневосточного отдела военно-морской разведки капитан А. Макколлум подтвердил, что 4 или 5 декабря была

перехвачена телеграмма с «кодом ветров», однако она гласила: «Северный ветер, облачно», то есть война против Советского Союза. Посоветовавшись с Крамером, он решил, что это был обычный прогноз погоды. Так что же было получено в действительности и что было доложено президенту? Проверить, кто прав, не удалось: те, кому по разметке была направлена дешифрованная телеграмма, начисто отрицали ее существование. Когда комиссия конгресса обратилась к сверхсекретным архивным папкам, выяснилось, что чьи-то заботливые руки изъяли документ. Очень тщательные поиски не дали никакого результата. В описях остался только порядковый номер — исходящий 7001, под которым, по-видимому, значился этот документ. Какие-то силы в Вашингтоне были заинтересованы в том, чтобы истина никогда не была установлена.

История не из тех, которыми гордятся американские государственные мужи, и поэтому предельно запутанная. Обширная выдержка из показаний объединенной комиссии конгресса ключевого свидетеля адмирала Р. Тернера живо иллюстрирует это. Адмирал, кстати, не был таким агнцем, каким держал себя под присягой, а прославился на весь флот как пьяница, склонный к рукоприкладству, самодур, проливавший зря кровь моряков в войне на Тихом океане. Надо думать, он с трудом сдерживал себя, ведя кроткий диалог с главным советником комиссии Митчеллом.

«Митчелл. Давали ли вам до 7 декабря (1941 года) какое-нибудь «исполнительное послание» по коду ветров с условными словами «восточный ветер, дождь»; «западный ветер, ясно»; «северный ветер, облачно», означающие: «война с США», «война с Англией», «война с Россией»?

Значилось ли подобное сообщение среди полученной вами информации?

Вы поняли мой вопрос?

Адмирал Тернер. Я все понял. Но хочу начать с того, что случилось, и только потом дам вам прямой ответ.

Митчелл. Хорошо, пусть будет по-вашему.

Адмирал Тернер. Днем в пятницу, как я думаю...

Кифи (конгрессмен). Какого числа?

Адмирал Тернер. 5 декабря адмирал Нойс позвонил мне по телефону или по внутренней связи, сейчас не помню, и сказал: «Сообщение о погоде» или, быть может, слова, означавшие «пришло первое сообщение о погоде». Я спросил, что в нем? Он ответил: «Северный ветер, ясно». А я сказал: «Тут что-то не то». Он ответил: «И я так думаю» и положил трубку.

Я никогда не видел самого текста и не знаю, откуда он взял это сообщение. До недавнего времени думал, что это было аутентичное сообщение. С тех пор, как я вернулся (в США после войны. — Н. Я.), я заключил: дело обстояло совершенно по-иному, но никто так и не объяснил мне. Ведь если бы сообщение было аутентичным, я убежден, мне бы представили копию его.

Митчелл. Если бы в нем имели в виду войну с США, тогда в таком сообщении шла бы фраза «восточный ветер, дождь»?

Адмирал Тернер. Да, сэр.

Митчелл. Вы видели ее когда-нибудь?

Адмирал Тернер. Нет, сэр.

Митчелл. Войну с Россией означала фраза «северный ветер, облачно».

Адмирал Тернер. Может быть, там значилось «облачно» вместо «ясно», но ведь указывалось «северный ветер», что смехотворно.

Митчелл. Может быть, это освежит вашу память. В докладе станции прослушивания Федеральной комиссии связи указано: эта станция

перехватила сводку погоды радио Токио, переданную примерно в 22 часа по Гринвичу 4 декабря. Работник станции, владеющий японским языком, доложил, что он слышал следующее: «Сегодня в Токио северный ветер, довольно сильный, может стать облачно, завтра облачно и прекрасная погода».

Теперь обратите внимание, что это сообщение по смыслу близко подходит к фразе «северный ветер, облачно», что означает войну с Россией, но этот работник услышал не совсем это. Таково и было сообщение?

Адмирал Тернер. Я думаю, это так. Это ближе к тому, что я помню «северный ветер, ясно». Но послушайте, говорилось-то осторожно.

Митчелл. Может быть, он правильно поступил, сказав: «Северный ветер, может стать облачно», что означает в момент, когда он говорил, было ясно, разве не так?

Вот другое сообщение, перехваченное Федеральной комиссией связи примерно в 21.30 по Гринвичу 7 декабря. Нет, я напутал. Речь идет о перехвате в 21.30 5 декабря: «Сегодня северный ветер, утром облачно, днем ясно». И это не совсем подходит к фразе «северный ветер, облачно». Не это ли сообщение?

Адмирал Тернер. Быть может, так оно и есть. Не знаю. Он позвонил мне только раз в конце дня 5 декабря между 22 и 23 часами по Гринвичу.

Митчелл. Вы уверены, что было сказано: «северный ветер», а не «западный ветер»?

Адмирал Тернер. Я уверен — было сказано «северный ветер», так как сам поставил это под сомнение».

Обсуждение истории с «кодом ветров» заняло еще сотни страниц «слушаний» объединенной комиссии конгресса, но не прояснило больше, чем сказал адмирал Тернер. Сказал в здравом уме и твердой памяти, ибо

когда адмирал давал показания в комиссии, «он жил гостем в доме своего бывшего адъютанта капитана У. Мотта, прилагавшего отчаянные усилия, чтобы Тернер успевал протрезветь к слушаниям». Так что адмирал Тернер в 1945 году был авторитетным свидетелем происходившего в 1941 году в высшей военно-морской иерархии США.

Действия правительства Соединенных Штатов в эти критические дни говорят сами за себя и не оставляют ни малейших сомнений в том, что соответствующая телеграмма была перехвачена, хотя Тернер и другие, по-видимому, ошибочно прочли «война против СССР» вместо «война против США». Предположение не является слишком смелым. В пользу его можно привести свидетельство человека, который никак не заинтересован в том, чтобы выставить к позорному столбу собственное правительство, о главном историографе американского флота профессоре С. Морисоне. Этот очень крупный американский историк описал операции ВМС США в минувшую войну. Его труды в Соединенных Штатах — самый авторитетный источник по проблеме.

В одной из своих книг, вышедшей в 1963 году, профессор Морисон заметил: «Положение офицеров разведки армии и флота в Вашингтоне напоминало положение женщины, пытающейся посоветоваться по телефону с доктором о здоровье своего больного ребенка, в то время как соседи выкрикивают ей прямо в уши противоположные советы, собаки лают, дети плачут, а мимо дома с грохотом проходят грузовики. Личные качества людей также играли роль. Вице-адмирал Тернер, руководивший оперативным управлением штаба флота, держался предвзятых мнений, и с ним было трудно работать. Он запретил всем офицерам, владевшим японским языком, заниматься дешифровкой и переводом, и даже начальнику разведки флота — делать выводы из перехваченных документов, настаивая на том, что только он лично будет делать это. А

сам Тернер до конца ноября непоколебимо считал, что Япония нападет на Россию, а не на владения Англии и США».

Уместная и компетентная характеристика Морисоном Тернера дает недостающее звено. Ясно, что он не мог предупредить правительство о нависшей опасности, которое само, впрочем, недалеко ушло от начальника оперативного управления штаба флота. Только поэтому американские вооруженные силы не были подняты по тревоге. Телеграмма с «кодом ветров» рассеяла последние сомнения, если они вообще были: в Вашингтоне сочли, что США в безопасности.

«Мы должны пожертвовать нашими дипломатами»

Последние дни угасающего мира в Токио. Некоторые японские политики, хотя уже не занимавшие ответственных постов, сделали посильную, а следовательно, слабую попытку предотвратить войну. Среди них наиболее активным оказался бывший японский посол в Лондоне Сигэру Иосида. Он ухитрился получить полный текст американской ноты от 26 ноября и отметил слова, которые открывали документ: «Строго секретный, предварительный и без обязательств». Никто в японском правительстве не обратил на них внимания. Иосида же заключил: нота не ультиматум, а имеет в виду продолжение переговоров.

Сделав это открытие, он бросился 29 ноября к Того. «Каковы бы ни были истинные намерения, кроющиеся за документом, — горячо внушал Иосида министру, — нам никоим образом не предъявлен ультиматум... и если вы не можете предотвратить объявление войны Японией Соединенным Штатам — подайте в отставку. Это прервет работу кабинета и заставит задуматься даже армию. Если же в результате вы будете убиты, то вас постигнет счастливый конец». Того не обратил внимания на тонкий анализ документа, а рекомендованный Иосидой образ действия,

по-видимому, не устраивал министра. Он не торопился надеть мученический венец.

Чиновники МИД Японии были заняты совершенно иным: они делали официальный перевод на японский язык ноты от 26 ноября в усиленном варианте, то есть придавали ее и без того резкому содержанию определенно угрожающий характер. Тем временем Иосида встретился с Грю, последний заверил его, что нота никоим образом не ультиматум, а «просто указывает основу, на которой можно вести дальнейшие переговоры между Японией и США». Посол вызвался объяснить это лично Того. Однако министр отклонил настойчивые предложения Грю встретиться с ним. На то были веские причины — время слов прошло.

На заседании Координационного комитета 29 ноября Того осторожно осведомился у адмирала Нагано:

« — Скажите, на какой день намечено выступление. Иначе я не смогу вести дипломатические дела.

— Ладно, я отвечу вам, — сказал Нагано и, понизив голос, сообщил, — 8 декабря (7 декабря по вашингтонскому времени. — Н. Я.). Еще есть время, и вы бы занялись такой дипломатией, которая поможет выиграть войну.

— Но мы не можем продолжать держать наших дипломатов в неведении, — заметил Того.

Кто-то из присутствующих (в протоколе заседания не указано) немедленно произнес:

— Мы должны пожертвовать нашими дипломатами. Нам нужно вести дипломатию так, чтобы США до самого последнего момента продолжали думать о них, мы же будем ставить перед ними все новые вопросы, держа в тайне наши подлинные планы».

1 декабря Координационный комитет принял окончательное решение о

войне против США, Англии и Голландии. Докладчик Тодзио подчеркнул: «Теперь ясно, что японские требования не могут быть удовлетворены путем переговоров». Днем начала войны было подтверждено 8 декабря по токийскому времени (7 декабря по гавайскому времени). Военные заверили комитет, что в отношении Советского Союза будет проявляться «величайшая бдительность».

Хотя правительство приняло решение, ставившее на карту судьбу страны, за исключением военных никто из его членов не знал об оперативных планах командования. В особой тайне сохранялась «Операция 2» — налет на Пёрл-Харбор.

Но как быть с международным правом? Командование вооруженных сил предложило министру иностранных дел Того вручить ноту с фактическим объявлением войны 7 декабря в 12.30 по вашингтонскому времени. По расчетам штабов бомбы начнут падать на Пёрл-Харбор ровно через час после этого. Следовательно, Япония открывала боевые действия, предупредив о них. Но потом адмирал Нагано и генерал Сугияма спохватились: а не много ли — давать американцам час? 5 декабря их представители явились к Того и предложили изменить время вручения на 13.00. Министр все же полубопытствовал, сколько времени пройдет между передачей ноты и первыми выстрелами. Посланцы военных очень сухо ответили, что это «военная тайна». Того не стал настаивать, тем более они заверили его, что дело шло лишь об исправлении некой «ошибки» в подсчетах.

Была и еще одна забота — окончательно договориться с европейскими державами «оси». 28 ноября германское посольство в Вашингтоне информировало Берлин о том, что Хэлл вручил японцам практически ультиматум, «результатом которого будет немедленный разрыв переговоров». Гитлер поручил Риббентропу передать Осима: американо-

японские переговоры рухнули. Если Япония решилась воевать с США и Англией, пусть не колеблется, это в лучших интересах «оси». Пораженный Осима осведомился, должен ли он заключить, что Германия и США скоро окажутся в войне? «Рузвельт фанатик, — напыжился Риббентроп, — совершенно нельзя предугадать, что он сделает». Рейхсминистр заверил, что Германия выступит на стороне Японии против США.

1 декабря Осима сообщил обо всем в Токио, и в тот же день в Берлин пошел ему ответ Того. Министр поручал послу: «Сообщите самым доверительным образом (Гитлеру и Риббентропу. — Н. Я.), что существует величайшая опасность внезапного возникновения войны между англо-саксонскими державами и Японией... Заявите им, что наше движение на юг отнюдь не означает ослабления давления на СССР и, если Россия войдет в более тесные отношения с Англией и США и окажет нам вооруженное сопротивление, мы готовы обрушить на нее всю нашу мощь. Однако в данный момент нам выгоднее сделать акцент на юге».

Незримые японским дипломатам читатели — американские разведчики — приняли к сведению этот обмен сообщениями между Берлином и Токио. Макколлум в большом разочаровании откомментировал: «Японцы извиняются перед немцами за то, что не бросились на Россию». Педантичный Крамер отметил другое: японцы впервые «открылись перед немцами и сообщили своим союзникам о ходе переговоров». 2 декабря японское правительство попросило у Германии и Италии формальные обязательства о том, что они будут воевать совместно с Японией против Соединенных Штатов и не заключат сепаратного мира. Муссолини ничему не удивлялся. Он дал заверения, высказавшись в привычной для него манере, что японо-американская война неизбежна «ввиду крайнего тупоголовия Соединенных Штатов и склочной природы президента

Рузвельта». В 4 часа утра 5 декабря Риббентроп передал Осима больше, чем просил Токио: текст германо-итальянско-японского договора о совместном ведении войны и незаключении сепаратного мира.

Американская и английская разведки тем временем доложили о том, что конвои с японскими войсками, эскортируемые военными кораблями, движутся на юг. Одновременно усилилась концентрация японских войск в Индокитае. Вашингтон был несколько озадачен. Хэлл осведомился у Номура и Курусу, что это значит. Ответ, который они дали по поручению Токио, был явно лживым. Об этой беседе А. Берли записал в дневнике: Хэлл «хорошенько облаял (японских послов) и пробрал их за то, что Япония делает, особенно в свете заявления Тодзио». Вернувшись из государственного департамента, Курусу по телефону (используя условный код) заклинал Токио: «Помогите нам! Премьеру и министру иностранных дел следует изменить тон своих речей! Понимаете? Будьте более сдержанны!».

Острый обмен мнениями по официальным каналам совершенно не затрагивал уже сложившийся в Вашингтоне стереотип взгляда на ближайшие действия Японии. Любая попытка сломать его была обречена на провал, как узнал на собственном опыте некий полковник О. Садтлер. Он, ведавший секретной связью в штабе армии, по должности знакомился с перехватами японской шифр-переписки и с тревогой следил за нарастающим напряжением в отношениях с Токио, неоднократно обсуждал это с руководством Дж-2. Услышав от Нойса, что получено сообщение по «коду ветров», Садтлер решил проявить инициативу. Он сочинил предупреждение: «Надежные источники сообщают — война с Японией разразится очень скоро. Примите все меры, чтобы предотвратить повторение Порт-Артура. Информировать флот. Маршалл». Полковник отправился по канцеляриям руководства, помогаясь подписи

предупреждения Дж. Маршаллом. Он предполагал направить его по отдаленным гарнизонам, включая Пёрл-Харбор. Садтлера практически высмеяли. В тот самый день, когда он обивал пороги приемных высоких чинов — 5 декабря, Дж-2 ориентировал правительство и государственный департамент: Япония «имеет перед собой множество стратегических целей, однако по ряду причин она не может с надеждой на успех сосредоточить для достижения их достаточное количество сил. Исключение в этом отношении составляет возможность серьезного ослабления русских сил в Восточной Сибири». И далее эти цели перечислялись следующим образом: «А. Напасть на Сибирь. В. Напасть на провинцию Юньнань, перерезать Бирманскую дорогу, чтобы быстро покончить с войной в Китае. С. Оккупировать Таиланд. О. Через Таиланд напасть 1) на Бирму и Бирманскую дорогу; 2) на Малайю. Е. Напасть на Филиппины и Гонконг, готовясь к наступлению на Сингапур или Голландскую Индию...».

Имея на руках данные о подозрительных и широких передвижениях японских войск и приведенную оценку ближайших целей Токио, Белый дом больше не медлит. Старая идея — личное обращение президента к императору — претворяется в жизнь. Решено на самом высшем уровне предостеречь Японию. То, что в служебных документах разведки излагалось сухим, скучнейшим языком, приличествующим творчеству канцеляристов, под пером политических лидеров приобрело волнующий характер. Одновременно содержание было решительным образом извращено. Президент ни словом не обмолвился о том, что фигурировало на первом месте среди возможных объектов японской агрессии — «напасть на Сибирь», а говорил только о губительных последствиях японского продвижения на юг.

В личном послании императору Рузвельт сокрушался: «События,

совершающиеся на Тихом океане, грозят лишить наши народы и все человечество благ длительного мира между нашими странами». Он указал дальше, что в результате концентрации японских войск в Индокитае «совершенно понятно, что народы Филиппин, сотен островов Голландской Индии, Малайи и Таиланда задаются вопросом — не собираются ли японские войска нанести удар» по ним. Рузвельт давал заверения от имени США, брался получить гарантии от властей Голландской Индии, Малайи и правительства Таиланда и даже Китая о том, что никто из них не нападет на Индокитай. В заключение президент настаивал на том, что ни один из перечисленных им азиатских народов не может «бесконечно сидеть на бочке с динамитом», и просил императора предпринять действия, чтобы «рассеять тучи войны».

Текст послания передан открытым текстом Дж. Грю в Токио в 9 часов вечера 6 декабря. Послание, задержанное доставкой в Токио, передали послу уже после начала войны.

Эхо в Вашингтоне

В течение дня 6 декабря с 12 до 21 часа американские криптоаналитики были заняты дешифровкой перехваченного пространного документа — ответа японского правительства на ультиматум Хэлла от 26 ноября. Документ передавался четырнадцатью частями. Номура и Курусу были предупреждены, что о времени вручения ответа они будут уведомлены отдельной телеграммой, и особо о том, чтобы не доверять оформление документа в интересах соблюдения тайны машинисткам. Хотя в тексте меморандума не было ничего нового — подробно излагался ход американо-японских переговоров в 1941 году, — его тон говорил о том, что Япония намеревается порвать отношения с Соединенными Штатами. В 21.30 Крамер доставил в Белый дом и передал помощнику военноморского адъютанта президента капитану III ранга Л. Шульцу текст

расшифрованных и переведенных 13 пунктов японского ответа. Шульц взял папку и, получив разрешение, явился в кабинет президента. Там находились Ф. Рузвельт и Г. Гопкинс.

Президент углубился в чтение документа, а затем передал его Гопкинсу. Последний также прочитал. Рузвельт проронил: «Это война». Гопкинс согласился. В присутствии Шульца Рузвельт обсудил с Гопкинсом известную дислокацию японских сил. Гопкинс сказал, что дело явно идет к войне. Очень плохо, что Соединенные Штаты не могут упредить противника, первыми нанести удар и лишить японцев преимуществ внезапности. Президент кивнул и заметил: «Нет, мы не можем этого сделать. Мы демократический и миролюбивый народ». И, вероятно, вспомнив, что говорит в присутствии Шульца, возвысил голос и добавил: «Но у нас хорошая репутация». Единственное, что сделал президент вечером 6 декабря в связи с этими событиями, попытался связаться с Г. Старком по телефону. Рузвельту ответили, что адмирал находится в Национальном театре на спектакле «Принц-студент». Рузвельт не захотел вызывать его из театра, так как это, несомненно, было бы замечено публикой и вызвало ненужные толки.

По возвращении из театра Старку доложили, что звонил Рузвельт. Когда после войны адмирала спрашивали, о чем он говорил с президентом поздно вечером 6 декабря, он заявил, что вообще не помнит, был ли какой-нибудь разговор. Что касается Дж. Маршалла, то секретарь штаба армии полковник Б. Смит, выставивший накануне полковника О. Садтлера, не счел нужным 6 декабря передавать документ Маршаллу, который начисто забыл, что он делал вечером этого дня. Ноксу были посланы тринадцать частей японского ответа. О его реакции, равно как Хэлла и Стимсона, которые не могли не быть извещены, ничего не известно.

Около 7 часов в воскресенье 7 декабря в японское посольство поступила шифровка, оказавшаяся заключительной частью меморандума, переданного накануне. Она была, как обычно, перехвачена, дешифрована и приготовлена к рассылке — последняя, четырнадцатая часть японского меморандума. Она гласила: «Очевидно, намерение американского правительства состоит в том, чтобы тайно сговориться с Великобританией и другими странами и помешать усилиям Японии установить мир путем создания нового порядка в Восточной Азии, а также в том, чтобы сохранить англо-американские права и интересы, вытекающие из состояния войны между Японией и Китаем. Такое намерение явно обнаружилось в ходе настоящих переговоров. Таким образом, искренняя надежда японского правительства урегулировать японо-американские отношения и сохранить и укрепить мир в зоне Тихого океана путем сотрудничества с американским правительством была окончательно потеряна. Японское правительство сожалеет, но не может не уведомить американское правительство, что ввиду указанной позиции американского правительства достижение соглашения путем дальнейших переговоров японское правительство считает невозможным». Номура и Курусу предписывалось вручить ответ Хэллу в 13.00 по вашингтонскому времени (7.30 утра по гавайскому времени). Намерения Японии были совершенно очевидны, а указание часа передачи меморандума имело особенно зловещий смысл.

В 9 часов утра документ был доставлен в кабинет Старка. Прочитав его, адмирал воскликнул: «Боже мой! Это означает войну. Я должен немедленно предупредить Киммеля». Однако Старк не сделал этого, а попытался найти Маршалла. Генерал совершал обычную утреннюю верховую прогулку в окрестностях Вашингтона. Вице-адмирал Уилкинсон все же посоветовал позвонить по прямому телефону с кодирующим

устройством Киммелю.

Присутствовавший капитан А. Макколлум застыл в удивлении — Старк, помешанный на соблюдении военной тайны, положил руку на трубку телефона! Но «Бетти» в его характере взяла верх. «Нет, — нерешительно произнес он, — я лучше позвоню президенту». Телефонный узел Белого дома ответил: президент занят. С видимым облегчением Старк положил трубку и объявил: он дождетсЯ возвращения Маршалла.

В 10 часов утра военно-морской адъютант президента Берделл принес Рузвельту четырнадцатую часть японского ответа. Президент еще не встал и просмотрел ее в постели. Он заметил: «Похоже на то, что японцы собираются разорвать отношения» — и отпустил адъютанта. Вошел личный врач президента адмирал Р. Макинтайр, занявшийся осмотром пациента, на что потребовалось два часа. В течение их было запрещено беспокоить президента и по телефону, в чем убедился Старк.

В 10.30 в кабинете государственного секретаря собрались Хэлл, Стимсон и Нокс. Они занялись рутинным делом — обсуждением проекта послания президента конгрессу. Совещание прервал Крамер, который примерно в 10.45, взмыленный, бегом, принес расшифрованное указание Токио Номура и Курусу вручить ноту в 13.00. Хэлл высказал твердое убеждение в том, что «Япония готовит какой-то дьявольский ход». Все трое принялись гадать, где будет нанесен удар. На всякий случай решили подготовить ультиматум Японии. Хэлл продиктовал стенографистке текст: «Учитывая жизненно важные интересы США, Великобритании и Голландской Индии, любое выдвижение японских экспедиционных сил в воды вблизи Филиппин или в Южно-Китайское море южнее 10° северной широты будет по необходимости рассматриваться указанными правительствами как враждебный акт». Свершив государственное дело, трое министров в 12.00 прервали труды и отправились на ленч.

В 11.25 Маршалл, окончив верховую прогулку и приняв душ, появился, наконец, на службе. Неторопливо прочитал документ. Посвященные в «чудо» помощники гарцевали от нетерпения перед столом Маршалла, напрасно пытаясь привлечь его внимание к тому, что ноту надлежало вручить в 13.00. Затем Маршалл переговорил по телефону со Старком. Они решили, что отдаленным гарнизонам, включая Гавайские острова, нужно направить предупреждение в штабы армии. Специального предупреждения флоту не посылать. Маршалл написал телеграмму: «Сегодня в 13.00 по восточному поясному времени Япония намерена сделать представление, равносильное ультиматуму. Японские послы имеют указание о немедленном уничтожении своих шифровальных машин. Что именно может быть предпринято в назначенный час, нам неизвестно, однако будьте в соответствующей готовности. С настоящей телеграммой ознакомьте военно-морское командование».

Генерал Маршалл имел богатый выбор возможностей для скорейшей передачи предупреждения. На его столе стоял телефон с кодирующим устройством, обеспечивавший прямую связь со штабом Шорта. ФБР располагало собственной телефонной линией с Гавайскими островами. Старк предложил использовать радиостанцию военно-морского флота, более мощную, чем радиостанция армии. Маршалл избрал путь, который оказался самым медленным, — в 11.52 телеграмма была передана на радиостанцию армии. Там потеряли драгоценное время, разбирая почерк генерала, — Маршалл отнюдь не был мастером каллиграфии. С трудом разобрали текст и зашифровали его.

С Гавайскими островами связаться через армейскую радиостанцию не удалось, — как назло, мешали атмосферные помехи, и телеграмму направили через обычные коммерческие каналы связи — компанию «Вестерн юнион». На шифрограмме отправитель — штаб армии — не

проставил грифа «срочно». По получении на станции компании в Гонолулу (через три минуты после 13.00 по вашингтонскому времени) ее положили в ящик почты для форта Шафтер. Юноше-посыльному еще предстояло на мотоцикле привезти шифровку в штаб генерала Шорта.

Она была исправно передана и вручена адресату. Через несколько часов после окончания налета на Пёрл-Харбор.

С отправкой предупреждения на Гавайские острова государственные и военные деятели в Вашингтоне сочли свою миссию оконченной, за исключением Хэлла, знавшего, что ему придется получить от Номура и Курусу пространный документ, текст которого он уже изучил. Офицеры разведки еще посудачили, пытаясь решить, что именно собирается предпринять Япония в 13.00. Они подсчитали поясное время и высказали предположение, что в этот час — на рассвете или до него — в Тонкинском заливе или у Филиппин может что-нибудь произойти. О Гавайях никто не думал — там будет 7.30 утра.

Рузвельт и Гопкинс заперлись на втором этаже Белого дома в Овальном кабинете. Президент в рубашке с короткими рукавами, без галстука разбирал свою коллекцию марок. Гопкинс, как всегда небрежно одетый, валялся на диване, играя с любимой собакой президента Фала. Все телефоны выключены, и узлу связи отдан строжайший приказ — не тревожить воскресного отдыха президента. Сели обедать, болтая о пустяках. Вскоре после часа дня раздался телефонный звонок. Недовольный президент — он как раз завершал обед — взял трубку. Звонил Нокс.

Военно-морской министр неуверенно начал: «Господин президент, похоже на то, что японцы напали на Пёрл-Харбор...» — «Не может быть», — в смятении воскликнул президент. Но это было горькой правдой. Через несколько минут в Вашингтоне все, кому полагалось, знали о том, что

произошло. Теперь генерал Маршалл счел возможным связаться по телефону со штабом Шорта. Во время разговора он отчетливо слышал в телефонной трубке грохот разрывов японских бомб.

Рузвельт позвонил Хэллу и сообщил, что произошло. На мгновение государственный секретарь потерял дар речи. Президент посоветовал не подавать и виду, что он знает о налете на Пёрл-Харбор. Встретить послов формально, холодно и выставить из кабинета.

Пёрл-Харбор: стратегический успех или провал

На Токийском процессе главных японских военных преступников в 1946—1948 годах американское обвинение разоблачало адские планы японских милитаристов, придав особое значение тому, что уведомление, которое можно рассматривать как объявление войны, было вручено Хэллу после начала нападения на Пёрл-Харбор. Жизнь много проще, чем представляют ее изощренные умы, иссушенные юриспруденцией.

Текст ноты, подлежавший вручению Хэллу, стал передаваться в японское посольство с утра 6 декабря. Приступив к работе, японские шифровальщики с удовольствием обнаружили, что МИД не обременяет посольских переводом — перед ними был английский текст. Приятное открытие задало темп, часам к 6 расшифровали восемь из поступивших тринадцати частей документа. Затем перерыв: шифровальный отдел в полном составе проследовал на прощальный вечер в отель «Мейфлауэр», устроенный Х. Тerasаки, главой японского шпионажа в Западном полушарии, в связи с отъездом. В теплой, дружеской атмосфере вино и подогретое сакэ лилось рекой, однако долг превыше всего — около 10 часов вечера шифровальщики вернулись в отдел и вдохновенно подготовили к полуночи еще пять частей.

Что делать дальше? В первую очередь следовало бы позаботиться об оформлении меморандума, то есть перепечатывать начисто документ по

мере расшифровки. Нетрудно было сообразить, что, поскольку Того запретил доверять это дело машинисткам, перепечатка пространного документа (22 страницы) кем-нибудь из дипломатического персонала выльется в длительную процедуру. Простая мысль никого не осенила. Всю ночь шифровальщики томились в посольстве в ожидании заключительной части документа. Чтобы занять время, они довершили приказанное ранее уничтожение шифровальных машин, а на рассвете разошлись по домам.

Около 7 часов утра 7 декабря дежурный по шифровальному отделу принял пачку телеграмм из Токио. Среди них — четырнадцатую часть меморандума. Он по телефону вызвал своих коллег, которые часам к 10 утра уселись за работу. Они начали с более длинных телеграмм, зная по опыту, что эти важнее. В 11.30 шифровальщик Юти Иосида с ужасом прочитал расшифрованное короткое сообщение — вручить ноту Хэллу в 13.00. Немедленно к Номура! Посол тут же связался с госдепартаментом и договорился о встрече, затем — бегом в шифровальный отдел. Там первый секретарь Окумура по своей воле с раннего утра прилежно перепечатывал начисто ноту. Однако похвальное трудолюбие единственного старшего дипломата в посольстве, считавшегося владеющим машинкой, не могло изменить простого факта: он печатал двумя пальцами.

Лишь к полудню Окумура завершил этот процесс, справившись с тринадцатую частями. Шифровальщики никак не могли дать заключительную часть, и у Окумура нашлось время критически осмотреть дело своих пальцев. Он заявил, что непристойно вручать столь плохо изготовленный документ, и засел за машинку переписывать самые грязные страницы. Тут подоспели две телеграммы из Токио с незначительными поправками к тексту, шифровальщики принесли

четырнадцатую часть, а Номура беспрестанно просовывал голову в дверь, осведомляясь, как идут дела. Конечный итог оказался плачевным — лишь в 13.50 Окумура передал дрожавшему от нетерпения послу готовый текст.

Номура и Курусу лавиной скатились по лестнице посольства, прыгнули в машину и через четырнадцать минут стояли у дверей кабинета Хэлла. Государственный секретарь задним числом негодовал на безответственность японских дипломатов. Он разгневанно писал в мемуарах: «Последняя встреча Номура со мной была организована таким же глупейшим образом, каким он вел переговоры с самого начала. Намерение его правительства, приказавшего провести встречу в час дня, заключалось в том, чтобы вручить ноту за несколько минут до удара по Пёрл-Харбору. Посольство Номура испортило все это, задержав расшифровку. Тем не менее, поскольку Номура понимал необходимость явиться в указанный час, ему бы следовало встретиться со мной точно в час дня, хотя бы у него на руках были тогда лишь первые строки ноты, дав указание посольству подвозить оставшийся текст по мере готовности».

Хэлл отлично знал, о чем собирались говорить с ним послы. Он продержал их в приемной четверть часа, затем двери кабинета распахнулись. Номура и Курусу наконец смогли выполнить миссию, возложенную на них императорским правительством. О встрече Хэлла с послами госдепартамент передал в печать следующее официальное заявление:

«В 1 час дня японский посол обратился с просьбой, чтобы государственный секретарь принял японских представителей. Встреча была назначена на 1.45 дня. Японские представители прибыли на прием к государственному секретарю в 2.05. Государственный секретарь принял

их в 2.20 дня. Японский посол вручил государственному секретарю документ, который рассматривается как ответ на документ, переданный ему государственным секретарем 26 ноября. Государственный секретарь Хэлл внимательно прочитал заявление, врученное ему японскими представителями, затем повернулся к японскому послу и с величайшим негодованием сказал: «Я должен заявить, что во время всех моих переговоров с вами на протяжении последних девяти месяцев я не сказал ни одного слова неправды. Это абсолютно ясно из документов. За все мои пятьдесят лет государственной службы я никогда не видел документа, преисполненного такой гнусной ложью и извращениями — гнусной ложью и извращениями в таких размерах, что до сегодняшнего дня я никогда бы не поверил, чтобы хоть одно правительство на нашей планете было способно на это».

Хэлл величественно кивнул головой в сторону двери. Послы, молча откланявшись, покинули кабинет в крайнем замешательстве: они еще не знали о Пёрл-Харборе. Чиновник, закрывавший дверь в кабинет, слышал, как благороднейший государственный секретарь бормотал: «мерзавцы, мерзавцы», а дальше непечатная брань.

Легко понять чувства Хэлла. В Вашингтоне, затеяв сложную дипломатическую игру, подверглись той участи, которую готовили другим. Руководителям американской внешней политики оставалось винить только самих себя, а ничто не вызывает такого гнева, как осознание собственного промаха.

* * *

Сильнейшие эмоции вызывает по сей день у политиков, стратегов и историков несравненно более значительный промах — отказ адмирала Нагумо 7 декабря 1941 года продолжить боевые действия у Гавайских островов. В этом пункте сходятся адмиралы, воевавшие друг против

друга в ту войну. Победитель Ямамото через год, когда японский флот был уже обожжен войной, заметил в доверительной беседе с другим японским адмиралом: «События показали, что отказ от нанесения второго удара по Пёрл-Харбору был грубейшей ошибкой». Побежденный Киммель доложил объединенной комиссии конгресса в 1946 году: «Если бы они (японцы) уничтожили тогда запасы нефти, хранившиеся в наземных хранилищах... это бы заставило наш флот отойти к (Тихоокеанскому) побережью США, ибо (на Гавайях) не было нефти для обеспечения операций флота».

Но вот что писал, безусловно наделенный даром литератора, М. Футида в 1951 году: «Говоря о причинах отхода Нагумо, следует остановиться на гораздо менее логичных рассуждениях, которым часто предаются после войны. Для многих казалось непонятным, почему японцы сразу не захватили Гавайские острова и ограничились ударом по Пёрл-Харбору. Подобные рассуждения возникли благодаря крупному успеху, которым неожиданно закончилось наше нападение. Когда принималось решение о проведении операции, мы вовсе не были уверены в успехе. В то время мы чувствовали себя так, как если бы нам предстояло выдергивать перья из хвоста орла, и, естественно, захват Гавайских островов не входил в наши планы».

Удар по Пёрл-Харбору, являвшийся вспомогательной операцией, создал условия для успешного выполнения основного плана войны — продвижения и захватов на юге. Впрочем, и этот тезис оспаривается, по крайней мере американскими экспертами. Господствующую в военно-исторической науке США точку зрения на Пёрл-Харбор профессор С. Морисон четко сформулировал давным-давно. В журнальной статье в 1961 году, в канун 20-летней годовщины Пёрл-Харбора, он воскликнул: «Внезапное нападение на Пёрл-Харбор было не «стратегической

необходимостью» (о чем японцы толковали даже после войны), а стратегическим слабоумием. Во всей истории войн нет другой операции, которая оказалась бы столь фатальной для агрессора. Тактически — при ударе по Пёрл-Харбору ошибочно сосредоточились на кораблях, а не на портовых сооружениях и нефтехранилищах. Стратегически — этот удар был полнейшим идиотизмом. На высшем политическом уровне — катастрофой».

Для профессионального историка поразительные издержки стиля. В серьезной монографии спустя два года он был более сдержан, но суть аргументации не изменилась: «Решение (на эту операцию. — Н. Я.) для человека с таким интеллектом, как Ямамото, представляется странным, ибо оно отражало не только неверную, а просто катастрофическую стратегию... Учитывая слабость флота в Пёрл-Харборе (о чем он отлично знал) и длительный период времени, который потребовался бы для подхода его в филиппинские воды, совершенно непонятно, почему Ямамото считал необходимым уничтожить флот в самом начале войны. По всей вероятности, он считал, что Япония не может допустить «существования флота» (одна из концепций Мэхана) на своем фланге, даже если этот флот находился на расстоянии тысяч миль».

Зная, что Морисон в свое время был крупнейшим американским историком флота, японские адмиралы вступились за своих павших флотоводцев и стратегию императорского флота. Адмирал С. Такаги, которому, видимо, все было ясно, лаконично написал: «Критика Пёрл-Харбора Морисоном, который был вынужден извратить историю войны в интересах американского флота, всегда будет вызывать смех в будущем». Адмирал С. Фукудоме, однако, счел нужным подробно разобрать и опровергнуть доводы критиканов: «Если припомнить, что успех воздушного налета на Пёрл-Харбор свел на нет план

американского флота «Рейнбоу-5» и ему потребовалось два года для восстановления сил, а тем временем мы смогли без перерывов овладеть Южной Зоной Ресурсов, мы, изучающие стратегию, не можем согласиться с критикой д-ра Морисона японской тактики. Если бы японский флот не провел атаку против Гавайев и, следовательно, столкнулся бы с американским флотом, продвигавшимся по плану «Рейнбоу-5» к Маршалловым островам и западным Каролинским островам, японский флот не смог бы нанести флоту противника большего ущерба, чем добился в Пёрл-Харборе».

Вот так и идет эта дискуссия, оживившаяся в 40-ю годовщину Пёрл-Харбора. Профессор Г. Прандж дал свое взвешенное, по американской мерке, и самое авторитетное в западной историографии суждение на сегодняшний день:

«Не воспользовавшись шоком, замешательством и смятением на Оаху, не использовав полностью преимущества свирепого нападения на корабли Киммеля, не превратив в пыль базу Пёрл-Харбор, не уничтожив громадные запасы топлива на Оаху, не разыскав и не пустив на дно американские авианосцы, Япония совершила первую и, вероятно, самую большую стратегическую ошибку во всей войне на Тихом океане».

В подтверждение своих выводов Прандж привел немаловажные мнения выдающихся участников и влиятельных очевидцев тогдашних драматических событий. Среди них первым по достоинству (и кто дерзнет оспорить разумный выбор?) он поставил М. Гэнда, который заявил: «Гавайи были ключом к последующим операциям на Тихом океане. Хозяин Пёрл-Харбора крепко держит в своих руках центральную часть Тихого океана. Пока Япония не овладела и не укрепилась в Пёрл-Харборе, она не могла нанести поражения американскому флоту».

Гэнда стоял на этом до, во время и после Пёрл-Харбора.

Не изменил своей точки зрения всю жизнь. «Если бы меня послушали, — заявил он в одном из послевоенных интервью американским журналистам, — мы бы вторглись на Гавайи. После удара по Пёрл-Харбору и другим объектам на Оаху мы без большого труда овладели бы Гонолулу. Тем самым мы лишили бы американский флот самой лучшей островной базы на Тихом океане. В результате мы перерезали бы жизненную артерию Австралии, и этот континент упал бы в наши руки, как перезревшая слива».

Так почему, почему не поплыли в декабре 1941 года к Гавайям под прикрытием 1-го воздушного флота транспорты с войсками?

«Мы не захватили Гавайские острова, ибо у нас не было ни одного солдата для их оккупации. Армия берегла своих солдат для войны против России» — заключил свои суждения Гэнда.

Как гитлеровская Германия по дороге к войне прошла по всей континентальной Европе, так и Япония попыталась предварить войну против СССР, поход на север серией кампаний на востоке, юге и западе. Подготовка к смертельной схватке с Советским Союзом определила лицо всей войны на Тихом океане и Дальнем Востоке, обрекла стратегию японских вооруженных сил на катастрофический провал. Таков вердикт истории по поводу Пёрл-Харбора.

Как это объясняют в США

Нападение на Пёрл-Харбор глубоко потрясло США. Американский флот на Тихом океане был разгромлен. Вечерние выпуски газет намекали, что США потерпели серьезное поражение.

По несчастному совпадению утром 7 декабря на первых страницах газет был помещен ежегодный отчет военно-морского министра Ф. Нокса. «Я горд сообщить, — писал министр, — что американский народ может

испытывать полную уверенность в своем флоте. По моему мнению, преданность, моральное состояние и выучка личного состава не имеют себе равных. С любой точки зрения, флот Соединенных Штатов — сильнейший в мире. Международная обстановка такова, что мы должны вооружаться с возможной быстротой, чтобы обеспечить выполнение наших оборонительных задач против любой коалиции противников одновременно на обоих океанах. Наша цель должна всегда заключаться в том, чтобы иметь достаточные силы, что даст нам полную свободу действий на одном океане, в то время как на другом океане останутся силы, обеспечивающие эффективную оборону».

Звучало так волнующе, и в этот же день американские корабли пошли на дно не в битве, с развевающимися флагами, а запертые в тесной мышеловке гавани Пёрл-Харбор. Кто виноват?

Выступая по радио 9 декабря, Ф. Рузвельт постарался воздействовать на общественное мнение в нужном направлении. Голос президента звучал с большим подъемом: «Я могу сказать с величайшей уверенностью, что ни один американец сегодня или спустя тысячу лет не будет испытывать ничего, кроме гордости по поводу нашего терпения и наших усилий на протяжении многих лет, направленных на достижение мира на Тихом океане, который был бы достоин и справедлив для всех стран, больших и малых. И ни один честный человек ни сегодня, ни тысячу лет спустя не сможет подавить чувства негодования и ужаса по поводу предательства, совершенного военными диктаторами Японии под прикрытием флага мира, который несли среди нас их специальные представители».

Итак, овцы были отделены от козлиц, виновники заклеены, невинные оправданы — на тысячу лет.

Итак, японцы напали на Пёрл-Харбор. По этой причине в первые трое суток после 7 декабря в США арестовали 1291 лицо, подозреваемых в

том, что они японские агенты. С врагом внутренним за и на 72 часа разобрались. Сложнее с врагом внешним. Почему нападение оказалось внезапным и кто виноват в Соединенных Штатах? Правительству нужно поторопиться известить народ, заключил военно-морской министр Ф. Нокс. Прежде всего следует самому побывать на Гавайях и собственными глазами увидеть, что случилось. Рузвельт поинтересовался: что это даст? «Там, на месте, можно узнать куда больше, чем здесь» — ответил Нокс и добавил, что его «страшит» сама мысль «о неприятном расследовании конгресса». Рузвельт по достоинству оценил аргумент, и уже 9 декабря Нокс вылетел на Гавайи. Г. Стимсон и Дж. Маршалл отправили полковника расследовать катастрофу по линии армии. Он вылетел 12 декабря из Феникса, штат Аризона, вместе с генералом, которому надлежало принять дела у генерала Шорта на Оаху. Самолет разбился в горах на западе США, трупы посланцев нашли только в мае 1942 года в снегах и льду горы Берг.

Нокс с группой офицеров 11 декабря спокойно долетели до Гавайев. Но на подлете к аэродрому все надели парашюты и спасательные жилеты, стрелки взяли за пулеметы. Приготовились к самому худшему. Но больших ужасов, кроме разбитых кораблей в Пёрл-Харборе, еще дымившихся обломков «Аризоны» и обгоревших остовов самолетов на аэродроме, не увидели. Разговоры Нокса с Киммелем и Шортом были короткими и суровыми. Интеллектуальный уровень министра и адмирала не ослеплял. Они оба и другие начальствующие лица сошлись на том, что японская «пятая колонна» нанесла громадный вред.

Нокс еще спросил Киммеля: «Разве вы не получили в субботу, предшествующую Пёрл-Харбору, предупреждение о том, что мы тайным образом узнали — японское правительство приказало Номура и Курусу вручить их последнее послание г-ну Хэллу в час дня, в воскресенье 7

декабря?» Министр напутал, указание послам было дано не 6, а 7 декабря и нигде не указывалось, что это «последнее послание». Плюс — Киммелю никогда не сообщали, что в Вашингтоне могли «тайным образом» читать шифрпереписку Токио со своими послами. Киммель и другие изумились и ответили отрицательно на вопрос Нокса. В порядочном замешательстве он произнес: «Странно. Я знаю, что такое послание было отправлено Харту (командующему Азиатским флотом на Филиппинах. — Н. Я.), и я думал, что оно было направлено и вам».

К 15 декабря, времени возвращения в Вашингтон, чувство неловкости, возникшее было у Нокса, исчезло без следа. 15 декабря он совещался с Рузвельтом. Было решено в интересах сохранения военной тайны не раскрывать действительные размеры ущерба. Представителям прессы Нокс сообщил, что во время японского нападения на Пёрл-Харбор был потоплен линкор «Аризона», другой линкор, «Оклахома», перевернулся, но будет восстановлен. Потоплены корабль-мишень «Юта», три эсминца и вспомогательное судно. Повреждено несколько других кораблей. Погибло 2897 моряков и солдат.

Обо всем этом Нокс поведал на пресс-конференции в тот же день, особо подчеркнув героизм американских моряков и солдат 7 декабря. Министр пообещал немедленное «расследование».

В конгрессе уже раздавались голоса о настоятельной необходимости расследования беспримерной катастрофы. Эти предложения были крайне опасны для администрации: не говоря уже о духе партийной борьбы, неизбежной в таком случае, правительству было бы трудно поставить под контроль действия сенаторов и конгрессменов. Ф. Рузвельт опередил события: 16 декабря он назначил собственную следственную комиссию в составе пяти человек, возглавлявшуюся заместителем судьи Верховного суда О. Робертсом. Этот юрист давно отстаивал необходимость ведения

войны для создания «мирового правительства». Остальные члены комиссии были тесно связаны с администрацией. Контр-адмиралы в отставке В. Стендли и Д. Ривс едва ли могли критиковать военную неподготовленность на Гавайских островах. Оба совсем недавно на своих постах несли прямую ответственность за обороноспособность баз флота. Отставной генерал-майор Ф. Маккой, руководитель «Ассоциации внешней политики», был ярым сторонником Ф. Рузвельта. Пятый член комиссии — бригадный генерал действительной службы Дж. Макнерни являлся ближайшим советником генерала Дж. Маршалла. 17 декабря назвали «козлов отпущения» — Х. Киммель и У. Шорт были сняты со своих постов.

Свою основную обязанность комиссия усмотрела в оправдании правительства и высшего командования вооруженных сил, одновременно закрепив вину за Киммелем и Шортом. Отсюда и ее стиль работы. Несмотря на то что Робертс знал все тонкости американской юриспруденции, он не позаботился опросить многих важных свидетелей и изучить документы. Больше того, сама процедура опроса, включая Киммеля и Шорта, оказалась беспрецедентной. Робертс то расшаркивался перед ними, то вел себя, как прокурор. Члены комиссии, за исключением Стендли, оставили у них самое неприглядное впечатление. Киммель о Ривсе: «Он предан Белому дому душой и телом, если у него есть душа». Самый молодой член комиссии, 48-летний Макнерни стремительно делал карьеру и посему заслужил от Киммеля: «Лживый сукин сын, у него не больше морали, чем у ползучей змеи». Да, согласился кроткий Шорт, «по-видимому, он сукин сын этой комиссии».

Члены комиссии знали о существовании «чуда», однако не проявили никакого любопытства к этим материалам и не истребовали их. О. Робертс заявил после войны: «Я бы не потрудился прочитать

перехваченную японскую документацию, даже если бы она была нам показана. ...Мне нужно было знать только одно — были ли командующие извещены о критической ситуации». Доклад комиссии был представлен президенту на просмотр и утвержден им.

24 января 1942 года доклад был опубликован. В первой части расхваливались политические и военные руководители США. «Государственный секретарь, — говорилось в докладе, — выполнил свои обязанности, подробнейшим образом информируя военное и военно-морское министерства о международной обстановке и в деталях сообщая им о ходе и возможном окончании переговоров с Японией. Военный и военно-морской министры полностью выполнили свои обязанности, часто совещаясь с государственным секретарем и друг с другом, сообщая начальникам штабов армии и флота о переговорах с Японией и об их существенных последствиях». Все факты истолковывались в пользу Вашингтона.

Задержка с отправкой предупреждения Дж. Маршалла 7 декабря, например, объяснялась так: «Оно было лишь дополнительным предупреждением, учитывая переданные раньше предупреждения и приказы. Если бы даже предупреждение пришло в назначенное время, то все равно оно не принесло бы значительной пользы ввиду того, что командиры на месте не приняли мер до предполагавшегося момента получения этого предупреждения, которые дали бы возможность эффективно отразить нападение».

В чужду хлопот по спасению репутации правительства и высшего командования комиссия Роберта попрадала самые устои американского судопроизводства — приняла показания без присяги, исходившие от заинтересованных лиц, например Старка и Маршалла!

На основе таких шатких, с юридической точки зрения, доказательств

комиссия заключила, что «главной причиной» японского успеха в Пёрл-Харборе было «невыполнение своего долга» Киммелем и Шортом, «каждый из них не сумел должным образом понять серьезность обстановки». В числе дополнительных причин комиссия перечислила: нарушение Японией норм международного права, ограничения на ведение контршпионажа, существовавшие в США. «За исключением незначительных случаев, употребление спиртных напитков личным составом вечером накануне дня нападения не снизило его возможностей».

Выводам комиссии была придана самая широкая гласность. Президент поблагодарил О. Робертса «за тщательное и всестороннее расследование». Народ Соединенных Штатов теперь знал имена злоумышленников — Х. Киммеля и У. Шорта, навлекших на великую страну неслыханный позор.

Оба оказались в незавидном положении. Военное и военно-морское министерства потребовали от них подать рапорты об отставке. В официальных кругах и печати неоднократно требовали предать Киммеля и Шорта суду военного трибунала. Добрые граждане со всех концов страны слали им письма, иной раз высказывая намерения лично покончить с преступниками, если медлит юстиция. Авторы некоторых писем взывали к профессиональной чести. Некий бывший судья Д. Микс писал Киммелю 11 февраля 1942 года: «Как американский гражданин, налогоплательщик, выпускник Йельского университета и один из тех, чьи предки сражались во всех войнах, которые вели США, я предлагаю: вместо того чтобы трусливо просить об отставке и стать иждивенцем налогоплательщиков — пенсия 6 тысяч долларов в год — и учитывая то, что в Пёрл-Харборе в результате вашей небрежности, беззаботности и бездумности была уничтожена на миллионы долларов собственность

налогоплательщиков, вы должны попытаться показать, что вы настоящий мужчина: возьмите пистолет и покончите с вашим земным существованием, ибо, конечно, вы не нужны ни себе, ни американскому народу».

Достойная гражданка Г. Гроус из Оак Парк, штат Иллинойс, обратилась к президенту Рузвельту: «Я надеюсь, что Киммель и Шорт положат конец своей жизни еще до того, как вы вынесете решение об их наказании. Поступив таким образом, они по крайней мере сумеют продемонстрировать то же равнодушие к своей собственной жизни, какое они проявили к жизни прекрасных американских юношей, погибших в результате их небрежности». В дом Киммеля потоком шли письма — как смеют трое сыновей адмирала служить офицерами на флоте, ведь их отец «бесчестный предатель»! Младший сын Киммеля Нед, случайно встретивший адмирала Старка, ожидал дружеского приветствия от человека, знавшего его с детства. Ледяной взгляд, короткая фраза и спина адмирала. Вот все, что запомнил юноша об этой встрече.

22 февраля 1942 года Киммель в письме на имя Старка (разумеется, не в связи с этим случаем!) заметил: «Следует подождать суждения истории, когда все факты можно будет предать гласности. Но я полагаю, что было бы справедливо, если бы военно-морское министерство не делало ничего больше, чтобы еще сильнее разъярить народ против меня». Однако травля продолжалась. 1 марта 1942 года с большим шумом объявили, что Киммель и Шорт увольняются в отставку, а в дальнейшем, когда позволят «общественные интересы и безопасность», их предадут суду военного трибунала. Это решение означало, что оба должны будут объяснять свои действия или бездействие военным судьям, а до тех пор молчать. Короче говоря, Киммелю и Шорту заткнули рот.

Тем временем в США нарастала, набирая темпы, антияпонская кампания.

Проживавшим в США японцам и американцам японского происхождения предстояло оплатить счет за Пёрл-Харбор. Популярнейший публицист У. Липпман после инструктажа военными настаивал: «Проблема «пятой колонны» очень серьезна... Над западным побережьем США нависла непосредственная угроза комбинированного нападения извне и изнутри». Другой известный журналист, Г. Маклемор, взывая к призраку Пёрл-Харбора, требовал: «Я за немедленную высылку всех японцев с западного побережья в глубь страны. Причем отнюдь не в привлекательную местность. Давайте погоним их туда и скучим на самых скверных землях. Зажмем их в тисках нужды, пусть им будет плохо, пусть они голодают и подышают там... Я лично ненавижу япошек. Всех до единого».

О том же писали в служебных документах ответственные лица. Генерал-лейтенант Дж. Дебит, назначенный командующим западным оборонительным округом (охватывавшим штаты Калифорния, Орегон и Вашингтон), заключил: «Японская раса — враждебная раса. Хотя немало японцев во втором и третьем поколении, родившихся в США, являются американскими гражданами и американизированы, их расовая природа не изменилась». Тогдашний генеральный прокурор штата Калифорния Э. Уоррен (в будущем председатель Верховного суда США) подстрекал: «У нас нет саботажа и вылазок «пятой колонны»... считают, что их не готовят... Я думаю, что нас убаюкивают ложным чувством безопасности. Единственная причина, по которой мы избежали катастрофы в Калифорнии, заключается в том, что для нас назначен другой срок».

Президент Рузвельт 19 февраля исполнительным приказом поручил военному министерству поместить всех японцев — около 112 тысяч человек, — независимо от того, имели ли они американское гражданство или нет, в концентрационные лагеря. В городах и поселках по западному

побережью расклеили стандартное объявление: «Приказ всем лицам японского происхождения... Граждане США или нет подлежат депортации из (данного) района к 12. 00 дня (такого-то числа). Размеры и вес багажа ограничиваются тем, что может унести в руках отдельный человек или семья». Распродав за бесценок или бросив свое имущество, те, кто считались японцами, под конвоем солдат депортировались в 13 концентрационных лагерей в отдаленных местностях. Разумеется, самым отвратительным по климатическим и иным условиям.

Там они содержались за колючей проволокой под стражей почти всю войну в отвратительных, а в штрафном лагере в Туле Лейк на севере Калифорнии — в нечеловеческих условиях. Среди депортированных примерно 112 тысяч человек 78 тысяч были американскими гражданами. Работники американских спецслужб, занимавшиеся проблемой японского «шпионажа», единодушно признавали — среди депортированных за всю войну не обнаружили ни одного «агента». Офицер военно-морской контрразведки США К. Рингл, в послужном списке которого было нашумевшее в 1941 году дело Тачибана, ряд тайных взломов в японском консульстве в Лос-Анджелесе, даже сочинил обширную справку для правительства, доказывая необоснованность репрессий в отношении этих 112 тысяч человек. Все напрасно.

После войны где-то в правительственных канцеляриях тайком признали, что великая «демократия», насмерть перепуганная Пёрл-Харбором, карала направо и налево ни в чем не повинных людей. По этой бесспорной причине сочли за благо предать забвению всю неприглядную историю. Главный архитектор депортации К. Бендетсен, напомнил в ее 40-летнюю годовщину «Вашингтон пост мэгэзин», «ныне живет в богатстве и почете в Вашингтоне, о его деяниях в годы войны практически забыто... Он подготовил приказ, по которому любой с одной

шестнадцатой японской крови подлежал депортации как враг народа. В нацистской Германии, дабы попасть, в эту категорию, требовался в два раза больший процент еврейской крови». Еще он настаивал — депортировать круглых сирот, «если у них хоть одна капля японской крови». Расист менее чем за год вырос от капитана до полковника, а в 1950 году стал заместителем военного министра.

Поползновения лиц, побывавших в 1942—1945 годах в лапах военной контрразведки в концентрационных лагерях, добиться признания несправедливости обращения с ними и компенсации пресекались судами. Даже в 1984 году суд отверг претензии, ибо «прошло много времени, память ослабела, а многие действующие лица умерли». Все происходило за глухой стеной молчания, сооруженной «свободной» американской прессой. Свет забрезжил только в 1986 году. Апелляционный суд признал обоснованным иск 19 бывших заключенных по той причине, что «правительство скрыло — интернированные (в концентрационных лагерях) не представляли опасности для национальной безопасности». Теоретически правительству могут быть предъявлены иски за имущественный ущерб, нанесенный депортацией в размере 24 миллиардов долларов. «Никто не собирается разбогатеть на этом деле», — заявил адвокат истцов, но все же американский еженедельник озаглавил заметку, оповещающую об этом, «Победа над колючей проволокой». В сентябре 1987 года палата представителей проголосовала за то, чтобы выплатить по 20 тысяч долларов каждому из этих лиц, «утративших собственность или свободу в результате интернирования».

Если в спорах по поводу судьбы американцев японского происхождения и их собственности в годы войны в какой-то мере обозначился просвет спустя сорок с небольшим лет, то этого никак нельзя сказать по всему

комплексу проблем, связанных с Пёрл-Харбором. Узлы, завязавшиеся в годы второй мировой войны, так и не распутаны. По сей день.

Объединенная комиссия конгресса расследует...

Узлы эти затянулись уже в первые военные годы. Бросив по адресу Киммеля и Шорта серьезные обвинения, власти, по всей вероятности, дальше встали в тупик. Обвиненные со своей стороны вели себя в высшей степени достойно. Люди отнюдь не молодые, они не стали в одиночестве растравлять раны, а занялись делом. Судостроительная фирма в Нью-Йорке в июне 1942 года взяла на работу Киммеля. Он возглавил проектирование и постройку плавучих доков, остро необходимых для кампаний войны на Тихом океане. Шорт с сентября 1942 года — глава отдела перевозок компании Форда в штате Техас, которая была занята исключительно военным производством.

Тем не менее оба не были удовлетворены своим положением и настойчиво требовали суда. Но никаких юридических действий против обвиняемых не предпринималось. Американское законодательство, действовавшее на 7 декабря 1941 года, предусматривало, что лица, виновные в преступлениях, инкриминировавшихся Киммелю и Шорту, должны предстать перед судом в течение двух лет. Когда в декабре 1943 года истек установленный законом срок, конгресс специальной резолюцией продлил его на шесть месяцев.

Киммель, естественно, готовился к процессу. Он потребовал в конце 1943 года от военно-морского министерства документы, касавшиеся предыстории Пёрл-Харбора. Ему ответили, что документов масса, их соберут, но пока интересы безопасности не позволяют передать их адмиралу.

Тут Киммелю протянул руку помощи «безумный гений» Саффорд. С началом войны его повысили в звании, а в феврале 1942 года сняли с

должности главы ОП-20-Дж. Не потому, что он не справлялся, место понадобилось родственнику пробивного офицера. Саффорд отныне был волен досыта заниматься любимым делом — криптоанализом, который, видимо, побудил его к размышлениям.

Возвращаясь мысленно к 7 декабря 1941 года, он, по всей вероятности, подверг события анализу и пришел к поразительным выводам. Вашингтон не сообщил на Гавайи важную информацию, прежде всего о «чуде». От этого заключения один шаг до мысли о том, что ее «утаивали» от Киммеля злоумышленно. Открытие опасное! Посему Саффорд, вступивший в переписку с Крамером, продолжавшим работать на Гавайях, пользовался шифром собственного изобретения. В феврале 1944 года он явился к Киммелю, заявив, что адмирал «жертва самого грязного заговора в истории флота и у меня есть доказательства этого».

Как раз в это время военно-морской министр Ф. Нокс приказал бывшему командующему Азиатским флотом адмиралу Т. Харту провести расследование Пёрл-Харбора в интересах будущего суда над Киммелем. Расследование велось в строжайшей тайне. Киммель отказался принять участие в нем, а Саффорд привел в замешательство Харта своим видом и таинственными открытиями, которым исследователь, вероятно, не поверил. Адмирал Харт трудился с 15 февраля по 15 июля 1944 года, однако раскопанное им так и осталось в тайне. По причине секретности расследования и смерти заказчика — 28 апреля 1944 года скорпостижно скончался Ф. Нокс.

В столичных кругах все чаще шептались, что с расследованиями, касающимися Пёрл-Харбора, дело неладное. Слухи проникали в печать. 13 июня 1944 года конгресс принял новую резолюцию, продлившую срок суда над Киммелем и Шортом еще на шесть месяцев, а также потребовал нового расследования катастрофы в Пёрл-Харборе военным и военно-

морским министрами.

Значительную роль в оживлении интереса ко всему делу сыграла проходившая в это время очередная кампания по выборам президента. Республиканцы проявляли к Пёрл-Харбору явно нездоровый интерес. Сенатор Г. Трумэн, кандидат на пост вице-президента, попытался погасить его, но в действительности подлил масла в огонь. В статье в «Кольерз мэгэзин» 26 августа 1944 года Г. Трумэн «объяснил» причины катастрофы личной неприязнью между Киммелем и Шортом, которые не могли наладить взаимодействия между флотом и армией. Трумэн писал: «На Гавайях генерал Шорт и адмирал Киммель встречались друг с другом лишь в те периоды, когда они разговаривали между собой. Обычно они ограничивались обменом телеграммами и радиogramмами».

Совершенно необоснованное обвинение в дополнение ко многим другим сплетням, распространявшимся печатью, побудило Киммеля нарушить молчание, которое он хранил два с половиной года, и взяться за перо. Адмирал с возмущением писал Г. Трумэну: «Ваши инсинуации насчет того, что генерал Шорт и я не разговаривали, не верны. Ваши заявления о том, что мы будто бы не сотрудничали и не согласовывали своих действий, также лживы... До тех пор пока я не предстану перед гласным судом, крайне несправедливо повторять лживые обвинения по моему адресу, в то время как официальные органы постоянно лишают меня возможности защитить себя публично». Х. Киммель передал письмо в печать.

Трумэн не ответил, сославшись на то, что у него есть документы, подтверждающие обвинение. Учитывая большой политический резонанс Пёрл-Харбора, военный и военно-морской министры дали указание вести новые расследования, назначенные в соответствии с июньским решением конгресса, в глубокой тайне.

А в это время шла напряженная кампания по выборам президента. Рузвельт баллотировался в четвертый раз. Республиканцы гремели словами, определенно подбываясь к Пёрл-Харбору. 30 августа публицист Р. Юз уподобил положение Киммеля и Шорта делу Дрейфуса во Франции. «Дрейфус провел на Острове Дьявола четыре года. К декабрю Киммель и Шорт проведут в чистилище три года. Правительство прячет концы в воду. Конечно, если будет избран Томас Е. Дьюи, полетят пух и перья... Ведь во Франции потребовалось избрать нового президента, чтобы вызволить Дрейфуса из страшного ада». Пошли слухи о том, что накануне Пёрл-Харбора в Вашингтоне знали о предстоящем ударе, и т. д. На пресс-конференции 22 сентября Рузвельт безмятежно шутил: «Ну, конечно, будет полно утверждений такого рода утром, днем и вечером вплоть до 7 ноября (день выборов. — Н. Я.)».

Посвященным в правительстве было не до шуток. Они боялись превращения вопроса о Пёрл-Харборе в предмет борьбы на выборах. В этом случае неизбежно всплывет история с дешифровкой японских сообщений, а «розовый код», как и некоторые другие, Япония в 1944 году все еще использовала. Последствия всего этого для ведения войны были бы неисчислимы. Дж. Маршалл в совершенно секретных письмах, доставленных доверенным офицером, уведомил об этом Т. Дьюи. Тому деваться было некуда. Генерал заверил его, что содержание писем известно еще только главному ВМС адмиралу Э. Кингу. Обласканному доверием Дьюи оставалось браниться в пространство в присутствии посланца Маршалла: «Будь я проклят, если поверю, что япошки все еще используют эти два кода!» — и обещать не касаться публично споров по поводу Пёрл-Харбора. Свое обещание Дьюи сдержал. Избирательная кампания 1944 года прошла без использования республиканцами в политических целях Пёрл-Харбора. Они проиграли. Впрочем, едва ли

Дьюи поздоровилось, если бы в разгар войны он открыл тайну «чуда»!

Только 1 декабря 1944 года от имени военного и военно-морского министров были опубликованы краткие сообщения об итогах работы следственных комиссий армии и флота. Г. Стимсон заключил: «В любом случае собранные ныне доказательства не оправдывают возбуждения судебного дела против какого-либо офицера в армии». Военно-морской министр Дж. Форрестол добавил: «Собранные доказательства не оправдывают суда военного трибунала против лица или лиц, находящихся во флоте». Оба министра также довольно туманно сообщили, что были допущены ошибки не только на Гавайских островах, но и некоторыми сотрудниками военного и военно-морского министерств. До опубликования полных текстов докладов комиссий о причинах катастрофы в Пёрл-Харборе можно было только гадать. Однако стало ясно одно — виновников нужно искать не только на Гавайских островах.

Шло время. Наконец сложила оружие Япония, и 29 августа 1945 года Г. Трумэн устроил пресс-конференцию в Белом доме. На столе перед собравшимися корреспондентами возвышалась груда документов — многочисленные экземпляры текстов докладов следственных комиссий военного и военно-морского министерств. Объем каждого экземпляра, отпечатанного на ротаторе, составлял более 400 страниц. Трумэн сообщил, что он передает документы печати, заметив, что «полностью доверяет искусству, энергии и компетентности всех наших военных руководителей — как армии, так и флота». Президент скромно признался, что не читал докладов. Толпа корреспондентов, с трудом сдерживавшая нетерпение, не слишком внимательно выслушала краткую речь. Едва он кончил, как представители печати, энергично работая локтями, бросились к столу. В мгновение ока стол опустел, корреспонденты разъехались по редакциям.

На следующий день газеты посвятили первые страницы поспешному анализу преданных гласности документов. Оказалось, что не менее девяти раз катастрофу Пёрл-Харбора расследовали, а именно: военно-морской министр Ф. Нокс в декабре 1941 года; комиссия О. Робертса; следственная комиссия военного министерства, назначенная в соответствии с решением конгресса 13 июня 1944 года; следственная комиссия военно-морского министерства, назначенная тем же решением конгресса; адмирал Т. Харт с 15 февраля по 15 июля 1944 года; адмирал Г. Хевитт с 14 мая по 11 июля 1944 года; майор Г. Клаузен с 23 ноября 1944 года по 12 сентября 1945 года; полковник К. Кларк 14 — 16 сентября 1944 года и с 13 июля по 4 августа 1945 года. Тем не менее особой ясности нет. Основываясь на докладах, газеты обрушили на администрацию шквал обвинений.

Трумэн понял, что допустил промах. На следующий день он созвал новую пресс-конференцию, на которой заявил: «Я прочитал доклады очень внимательно (более 400 страниц за сутки! — Н. Я.) и пришел к выводу, что все это результат политики, которую проводила сама страна. Страна не была подготовлена. Каждый раз, когда президент пытался провести программу военной подготовки через конгресс, ее урезали. Когда бы президент ни выступал с заявлением о необходимости подготовки, его предавали анафеме. Я думаю, что нужно винить страну в целом не менее, чем любого человека, за то, что произошло в Пёрл-Харборе». Виновны все без исключения американцы! Заявление Г. Трумэна еще более запутало дело.

6 сентября 1945 года лидер большинства в сенате сенатор А. Баркли предложил создать объединенную комиссию конгресса для расследования обстоятельств японского нападения на Пёрл-Харбор. Предложение было единодушно поддержано в обеих палатах.

Объединенной комиссии конгресса предстояло внести ясность. Комиссия состояла из пяти сенаторов и пяти членов палаты представителей. Господствовавшая партия в конгрессе — демократическая — позаботилась, чтобы большинство в комиссии принадлежало ей — на шесть демократов четыре республиканца.

Объединенная комиссия конгресса по очевидным причинам не могла игнорировать выводы предшествовавших расследований. Обнародование докладов следственных комиссий армии и флота объяснило, зачем после их продолжительной работы потребовалось еще поручать адмиралу Хевитту и старшим офицерам Кларку и Клаузену снова заниматься Пёрл-Харбором. Оказалось, что следственная комиссия флота пришла к выводу: Киммель и Шорт работали в тесном контакте, «каждый из них знал о мерах, предпринимавшихся другим для обороны Пёрл-Харбора. Всего этого было достаточно в интересах дела». Планы Киммеля были «здоровыми», нельзя предавать суду ни одного офицера, ибо «нападение при тогдашних условиях нельзя было предотвратить. Когда оно произойдет, предсказать было нельзя». Но вот адмирала Старка следственная комиссия осудила, указав, что он не предоставлял Киммелю имевшиеся у него данные, «особенно утром 7 декабря». Примерно таким же образом следственная комиссия армии обошлась с генералом Маршаллом. Коротко говоря, впервые ответственность за Пёрл-Харбор была возложена и на Вашингтон.

Вот министры Стимсон и Форрестол и приказали своим подчиненным провести дополнительные служебные расследования, дабы смазать эти выводы. Те не очень преуспели. Как записал в своих выводах адмирал Хевитт, расследовавший вместе со специальным помощником военно-морского министра Дж. Соннетом мутные дела, связанные с «чудом» и прочим: адмиралы Киммель и Старк «не проявили, особенно в период с

27 ноября по 7 декабря 1941 года, высокого понимания проблем, необходимого для осуществления командования, приличествующего их рангу и обязанностям».

Из материалов следственной комиссии флота предстал Киммель во всем блеске оскорбленной чести военного моряка. Он четко и ясно излагал свои мысли, безмерно возмущаясь коварством Вашингтона. Как и следовало ожидать, гранитной основой теперь уже не защиты, а нападения Киммеля было сообщение ему Саффордом о «чуде». Неду Киммелю навсегда запал в память «бешеный гнев отца» после разоблачений Саффорда: «Ей-богу, он превратился в тигра!» С несколькими юристами и преданными офицерами Киммель подготовил внушительную документацию, оправдывая свои действия в канун Пёрл-Харбора и понося Вашингтон.

Поглощенный этими занятиями, Киммель стойко перенес тяжкую утрату. 6 сентября 1944 года пришло сообщение: в районе Филиппинских островов погибла со всем экипажем американская подводная лодка «Робало» под командованием его старшего сына Мэннинга М. Киммеля. Адмирал У. Делани, посланный к отцу с черной вестью, застал его в кабинете с группой юристов. Делани, запинаясь, начал говорить. Киммель поднял голову от бумаг и резко спросил: «Мэннинг?» На утвердительный ответ он, без тени волнения, бесцветным голосом бросил: «Это случается!» — и погрузился в бумаги. Неду, однако, отец с плохо сдерживаемым бешенством сказал с глазу на глаз о судьбе старшего брата, 30 с небольшим лет: «Этот мерзавец (Рузвельт) теперь убил моего сына!».

Объединенная комиссия конгресса, приступившая к работе 15 ноября 1945 года, не могла не считаться с четким заявлением Киммеля, сделанным главкому ВМС адмиралу Э. Кингу: «Непосредственно после

Пёрл-Харбора я считал, что вопреки всем моим усилиям я не смог справиться с делом и в этом смысле должен взять на себя вину за Пёрл-Харбор... Теперь я отказываюсь принять хоть какую-нибудь ответственность за катастрофу в Пёрл-Харборе». Ничего лучшего не могло ожидать руководство республиканской партии. Ее стратегия была проста — превратить расследование Пёрл-Харбора в обвинение против администрации Ф. Рузвельта и тем самым побудить избирателей обратиться на следующих выборах к этой партии за руководством. Один из видных стратегов партии, конгрессмен Дж. Смит, разъяснял своим коллегам: Киммелю нужно не делать акцента на военных вопросах, ибо правительство «до конца использует технические детали, и адмиралу Киммелю будет очень и очень трудно объясниться... Форпостом обороны адмирала Киммеля должна быть дипломатия, приведшая к Пёрл-Харбору, а не технические детали».

Этот хитрый замысел с точки зрения межпартийной борьбы, однако, без труда разглядели зоркие лидеры демократов. Престарелый Хэлл с порога отверг предположение доклада следственной комиссии армии, а именно, что его ответ 26 ноября 1941 года «был ультиматумом, который положил начало войне». Уставив налитые кровью глаза на членов комиссии конгресса, старик прохрипел: «Если бы я мог выразиться так, как хочу, вы бы, верующие, разбежались во все стороны!» Он перевел дыхание и бросил: «Уже несколько месяцев мне предъявляют это позорное обвинение, в то время как каждый разумный человек знает — япошки были на марше к захватам на Тихом океане и установлению полного контроля над ним... Они изготовились к нападению и никто не мог остановить их, разве пасть на землю как трусы, и мы были бы трусами, если бы уступили». Хэлл только раз побывал на заседании комиссии. И задал тон в трактовке дел внешнеполитических.

Представление разворачивалось в большом зале с мраморными стенами на глазах примерно 500 человек — прессы и сгоравших от любопытства зрителей. Чередой шли свидетели. Очень интересные показания дал вице-адмирал Теодор Уилкинсон, глава военно-морской разведки во время Пёрл-Харбора. Он разъяснил немало запутанных вопросов. Но, увы, 21 февраля 1946 года Уилкинсон погиб, управляемый им автомобиль скатился с паромы. Жена спаслась, а вице-адмирал так и не выбрался из машины. «Пошли слухи, что Уилкинсон покончил с собой, ибо он бросил вызов военной иерархии во время показаний в комиссии. Он настаивал, что были сообщения, в которых японцы выражали опасение — «розовый код» разгадан. Он также предъявил 11 радиоперехватов, которые, как показывали Маршалл и другие, не существовали. Некоторые сторонники Саффорда утверждали, что Уилкинсон, человек чести, не мог больше жить, ибо не сказал правды о сообщении с кодом ветров». Саффорд верил в это. Касаясь событий 1941 года, он писал: «Уилкинсон был единственным порядочным человеком среди них в разведке, единственным, кто раскаивался». Чета Уилкинсонов была очень дружна с Саффордами, и после трагедии вдова адмирала пришла к госпоже Саффорд, обвиняя ее мужа, что он повинен «в смерти Пинга» (прозвище Уилкинсона) из-за своего жуткого упрямства в спорах по поводу Пёрл-Харбора.

В конце 1945 года главный советник объединенной комиссии конгресса У. Митчелл со своими помощниками подали в отставку, ссылаясь на то, что расследование затягивается. Первоначально комиссия должна была представить доклад 3 января 1946 года. В этот день произошло другое — вашингтонский юрист С. Ричардсон, связанный с правительством, заступил на место Митчелла. По просьбе руководителя комиссии директор ФБР прислал ему в помощь расторопного 33-летнего юриста Э.

Моргана.

На долю Ричардсона выпало выслушать 15 января показания Киммеля, зачитавшего обширный, более 100 страниц, документ. За ним последовал генерал Шорт, который уподобил себя «козлу отпущения», избранному военным министерством. Оба горячо отрицали, что они виноваты и практически не прибавили ничего нового к уже известному.

Работа объединенной комиссии конгресса закончилась 31 мая 1946 года. Состоялось 70 открытых заседаний, не считая закрытых, объем собранных материалов и стенографических отчетов составил 10 миллионов слов. Доклад комиссии был представлен конгрессу в одном томе 20 июля 1946 года, 39 томов материалов и стенографических отчетов опубликованы в октябре 1946 года. Несмотря на выставленную на обозрение гору материалов, многие аспекты американской внешней политики так и остались в тени.

Главные действующие лица в 1940—1941 годах не были допрошены в комиссии, часть из них по понятным причинам: скончались Ф. Рузвельт, Ф. Нокс и Г. Гопкинс. Г. Стимсон в период работы комиссии был болен. Хотя он разрешил включить в материалы комиссии извлечения из своего личного дневника, на заседаниях Г. Стимсон не появлялся и на поставленные ему вопросы отвечал письменно так, как считал нужным. К. Хэлл обогатил собрание документов комиссии длинным заявлением, в котором с особой педантичностью изложил личную философию международных отношений и собственные взгляды на политику в отношении Японии. Как уже отмечалось, он только раз зашел на заседание комиссии, однако оно велось так, что бывший государственный секретарь не подвергся перекрестному допросу.

Республиканцы, члены комиссии, проявили понятное рвение в расследовании. Но решения о вызове свидетелей, истребовании

документов и т. д. принимались большинством голосов. Более того, им было запрещено самостоятельно просматривать архивы правительственных ведомств. А целесообразность предоставления тех или иных документов из личного архива покойного президента единолично решала его личный секретарь Грэг Талли! Такая процедура сбора материалов, естественно, была не случайна, и многое, что могло бы раскрыть истинную политику Соединенных Штатов в канун войны, не было предано гласности.

Ч. Бирд заключил: «Тысячи документов, относящихся к вопросу, о существовании которых известно, остались засекреченными. Что они откроют, если когда-либо эти документы увидят свет, может быть только предметом догадок как для читателей, так и для историков». Объективность комиссии оказалась весьма условной. Ее работа, естественно, не имела в виду всесторонний критический анализ внешней политики Соединенных Штатов. Больше того, во время работы комиссии выяснилось, что кое-кто уже позаботился скрыть некоторые факты, ставшие случайно известными в ходе более ранних расследований.

Наиболее поучительный пример в этом отношении — судьба японской телеграммы, содержащей предупреждение из Токио о начале войны, переданной «кодом ветров». Этот документ 4 декабря 1941 года был разослан разведкой руководящим политическим и военным деятелям США. Уже следственная комиссия военного министерства, работавшая в 1944 году, после безуспешных поисков документа констатировала: «Оригинал телеграммы исчез из архива военно-морских сил. Этот оригинал был на месте сразу после Пёрл-Харбора и вместе с другими документами был взят для представления комиссии Робертса. Копии находились и в других местах, но теперь они все исчезли... В течение минувшего года были уничтожены журналы радиостанции, в которых

было зарегистрировано получение телеграммы. Свидетель армии показал, что эту телеграмму командование армии никогда не получало. Она была ясным указанием Соединенным Штатам (о войне. — Н. Я.) еще 4 декабря. Легко понять чрезвычайно важное значение этой телеграммы».

Объединенная комиссия конгресса зафиксировала особое рвение Дж. Форрестала — ведь сигнал по «коду ветров» был перехвачен радиостанцией флота — в «прикрытии» случившегося. Военно-морской министр сначала попытался поручить служебное расследование такому деятелю, один авторитет которого подавил бы допрашиваемого. Он предложил адмиралу Дж. Ричардсону взять на себя эти функции. Бывший командующий ядовито ответил: он твердо уверен, что значительная доля ответственности за Пёрл-Харбор лежит на Вашингтоне. Ричардсон отказался. Тогда и только тогда расследование было поручено более покладистому адмиралу Г. Хевитту.

Адмирал вместе со своим помощником Соннетом добился выдающихся успехов. Крамер, докладывавший перехваченную телеграмму от 4 декабря 1941 года, был приглашен на обед в дом к самому адмиралу Старку, где его память «освежили». С этого момента он стал давать весьма противоречивые показания. Другие опрошенные офицеры также изменили предшествующие показания и заявили, что они и в глаза не видели этой радиогаммы. Конгрессмен Кифи объявил, что у него есть доказательства — Крамера «травили», добиваясь изменения его показаний о «коде ветров», насильственно поместили в психиатрическое отделение флотского госпиталя Бетесда. Крамер, разумеется, заявил, что содержался там не против своей воли. Но авторы книги «И я был Там» в 1985 году подчеркнули: «Утверждения, сделанные в 1945 году, были недавно подтверждены нам коллегой и соседом капитана Крамера.

Крамера «уговорили» изменить свои показания о радиограмме по «коду ветров» угрозой пожизненного заключения в доме для умалишенных».

Практически единственным упрямцем оказался капитан Л. Саффорд. Он упорно стоял на своем. Обратившись к работе следственной комиссии флота, он теперь показывал: «Цель Соннета, по-видимому, заключалась в том, чтобы заставить изменить ранние показания, невыгодные Вашингтону, заставить «враждебных» свидетелей изменить свои показания и внести элемент сомнения там, где он не мог добиться отказа от показаний. Больше всего он пытался заставить меня изменить показания о послании с «кодом ветров» и побудить меня поверить, что я страдаю галлюцинациями». Когда это не удалось, Соннет в присутствии Хевитта прибег к угрозам, заявив Саффорду: «Никто не поставит под сомнение ваши умственные способности, если ваша память сыграет дурную шутку по прошествии столь длительного периода времени. Многочисленные свидетели, которых вы называли, отрицают существование телеграммы с «кодом ветров». Вам не следует нести факел для адмирала Киммеля».

Главный советник Ричардсон, заметив, что Саффорд нервничает, давая показания, задумчиво осведомился, не «напуган» ли он? Саффорд пожал плечами. Ричардсон прибег ко всем юридическим уловкам при допросе под присягой свидетеля. Он пытался довести до абсурда сказанное Саффордом. Например: «Итак, вы утверждаете, что существовал обширный заговор от Белого дома, через военное и военно-морское министерства, через подразделение Крамера уничтожить эти копии?» (документов с «кодом ветров». — Н. Я.). Или по поводу обвинений Саффорда, что на Гавайи умышленно не было послано предупреждение о возможности японского удара. Ричардсон: «Таким образом, вы утверждаете, что, имея в руках (перехваченное) сообщение, офицеры

флота, офицеры армии и президент США, все они забыли о войне и забыли использовать это сообщение». Саффорд в ответ: «Я не знаю, почему не послали предупреждение». Ричардсон часами донимал Саффорда, который в конце концов взорвался, обвинив главного советника комиссии в том, что он не первый, кто пытается заставить его изменить показания. Но эта часть показаний Саффорда не вошла в текст «слушаний», что не удивило Киммеля: с текстом его показаний обращались не лучше, извращая сказанное или вычеркивая неудобные фразы.

Результат очевиден. Как отметила американский исследователь Р. Волстеттер, «кто видел, и какие материалы «чуда», и кому что передавалось вечером 6 декабря (1941 года) — очень деликатный вопрос. Протоколы показаний полны противоречий. Сказанное осенью 1945 года неизменно противоречило показаниям, данным перед предшествовавшими следственными комиссиями. В 1945 году документы либо скрывались, либо исчезли, а память участников событий была «освежена», или они начисто забыли происходившее. Поэтому в ряде случаев на настойчивые вопросы следовал стереотипный ответ: «Не помню». Даже сенаторы, стремившиеся нажить политический капитал на расследовании, устали и перестали углубляться в дело».

Ко всему прочему еще в апреле 1945 года правительство сделало попытку законодательным путем запретить разглашение сведений о том, что США имели возможность дешифровать японскую документацию. 9 апреля 1945 года сенат рассмотрел законопроект Э. Томаса, предусматривавший 10 лет тюрьмы и штраф в 10 тысяч долларов за разглашение шифрованных материалов, американских или иностранного государства. Республиканцы, почувствовавшие, что за повышенной заботой о сохранении государственной тайны кроется какой-то коварный

замысел правительства, сорвали принятие этого законопроекта. В результате комиссии конгресса было представлено более 700 перехваченных и дешифрованных японских документов.

При формулировании окончательных выводов объединенная комиссия по расследованию нападения на Пёрл-Харбор так и не пришла к единому мнению. Основной доклад подписали семь членов комиссии, восьмой — конгрессмен Ф. Кифи — поставил подпись с оговорками. Этот доклад получил название «доклад большинства». Члены комиссии — сенаторы республиканцы О. Брестер и Х. Фергюсон сочинили собственный доклад, так называемый «доклад меньшинства». Перед составителями «доклада большинства» стояла дилемма — либо полностью поддержать выводы расследования О. Робертса, тем самым оправдав правительство и взвалив всю вину на Х. Киммеля и У. Шорта, что автоматически предавало бы их в руки военного трибунала, либо высказаться в пользу выводов расследований военного и военно-морского министерств, проведенных в 1944 году. Тогда досталось бы крепко и политикам. Первый путь был невозможен, так как все собранные документы в своей совокупности не давали возможности начать судебное преследование бывших командующих на Гавайях. Второй путь также был заказан: изобличающих документов не хватало, ибо объединенная комиссия не пожелала углубляться в дебри вопроса об ответственности политиков. Был избран средний путь.

Виновниками Пёрл-Харбора, естественно, были объявлены японцы. Что касается американского правительства, то в «докладе большинства» утверждалось: «Внешняя политика США отнюдь не носила провокационного характера, что давало бы Японии повод для нападения на них... Комиссия не обнаружила никаких документов до или во время своей работы, которые подтверждали бы обвинения, что президент,

государственный секретарь, военный министр, военно-морской министр заманивали, провоцировали, побуждали или принуждали Японию к нападению на США, с тем чтобы легче провести объявление войны в конгрессе. Напротив, все данные свидетельствуют о том, что они выполняли обязанности достойно, проявляя свои способности и предвидя будущее в соответствии с высочайшими традициями нашей внешней политики». Политики были полностью оправданы.

Виновниками, по мнению объединенной комиссии, были военные и только военные. На первом месте среди них оказались командующие на Гавайских островах, которые «не сумели выполнить свои обязанности с учетом предупреждений, полученных из Вашингтона». В докладе подробно перечислялось все, что они должны были сделать, но не сделали в области военной подготовки. При всем этом подчеркивалось, что ошибки были «промахами суждения, а не упущениями по службе». Эта формулировка раз и навсегда освобождала Киммеля и Шорта от опасности преследования по суду. В качестве виновников Пёрл-Харбора в Вашингтоне указывались также работники оперативного управления военного министерства и разведки армии и флота.

«Доклад большинства» был устремлен главным образом в будущее. Его выводы заканчивались 5 рекомендациями и 25 конкретными предложениями, имевшими в виду реорганизацию и улучшение военной машины Соединенных Штатов. Горькие уроки Пёрл-Харбора умело использовались для того, чтобы в 1946 году — первом послевоенном году — обосновать необходимость широких военных приготовлений. Тщательно обдуманый и спланированный ход тех сил в США, которые были заинтересованы в разжигании военного психоза в стране. Составителей документа, по-видимому, в большей степени заботило достижение этой цели, чем воссоздание объективной истории событий,

которые привели к Пёрл-Харбору. Грядущая война, в неизбежность которой они, несомненно, верили, отбросила густую тень из будущего на их тогдашние выводы.

Кифи приобщил к «докладу большинства» собственное мнение. Он обращал внимание на то, что объединенной комиссии «было отказано в получении многих важнейших сведений». На его взгляд, «факты подбирались таким образом, быть может и ненамеренно, чтобы возложить вину на Гавайи и уменьшить вину, которую следовало бы возложить по справедливости и на Вашингтон». Кифи выразил мнение, что «в основе трагедии лежала тайная дипломатия... В будущем народ и его конгресс должны знать, насколько близко американская дипломатия подвинула дело к войне, с тем чтобы они могли бы пресечь ее действия, если последние становятся неразумными, или поддержать их, в случае если американская дипломатия занимает разумную позицию... Для того чтобы предотвратить любой Пёрл-Харбор в будущем, который может оказаться более трагичным и катастрофичным, чем Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 года, должна существовать тесная координация между американским общественным мнением и американской дипломатией». Благие пожелания Кифи пропустили мимо ушей, ибо, по его мнению, виновниками были не военные, а политики. Более четко сформулировать свои выводы он не мог, объединенная комиссия сознательно старалась уйти от определения вины политиков.

«Доклад меньшинства» был в основном продиктован соображениями партийной борьбы, и уже одно это сузило содержащиеся в нем выводы. Однако сенаторы-республиканцы смотрели в корень дела. Внешняя политика Соединенных Штатов не была исследована по той простой причине, что вопрос об оценке мудрости внешнеполитического курса США был «исключен уже самой формулировкой задач комиссии».

Поэтому «выводы о дипломатических аспектах основываются на недостаточных материалах». Выправить это положение сенаторы-республиканцы не могли — они не получили в ходе работы всех нужных материалов, — да и не хотели.

Составители «доклада меньшинства» решительным образом разошлись с мнением большинства объединенной комиссии конгресса. Сенаторы Брестер и Фергюсон дали исторический обзор событий в канун Пёрл-Харбора, из которого явствует, что нападение Японии не могло быть неожиданностью для американского правительства. Конкретными виновниками катастрофы они называли Ф. Рузвельта, Г. Стимсона, Ф. Нокса, Дж. Маршалла, Г. Старка, Л. Джероу, Х. Киммеля и У. Шорта. В «докладе меньшинства» указывалось: «Утверждение, исходящее от столь высоко-авторитетного лица, как президент Трумэн, который 30 августа 1945 года заявил: «Нужно винить страну в целом не менее, чем любого человека, за то, что произошло в Пёрл-Харборе», — необоснованно, ибо американский народ не имел решительно никакого представления о проводимой тогда политике и предпринимавшихся действиях».

Пока речь шла о партийной борьбе, сенаторы-республиканцы были красноречивы и выносили безапелляционные суждения. Но когда дело коснулось внешней политики, они проявили куда большую сдержанность. Оно и понятно: в США говорят, что межпартийные распри кончаются у берега океана. В отношении внешней политики «доклад меньшинства» далеко не пошел. Составители констатировали: «Государственный секретарь Корделл Хэлл, который был в центре японо-американских переговоров, несет серьезную ответственность за дипломатические события, приведшие к неизбежности Пёрл-Харбора, однако он не выполнял никаких функций в цепи военного командования, ответственного за оборону Пёрл-Харбора, — от главнокомандующего до

командующих на Гавайских островах. По этой причине, а также потому, что дипломатические аспекты не были полностью исследованы, мы не делаем никаких выводов в отношении его». Итак, как большинство, так и меньшинство комиссии оказались единодушными в одном — в оправдании внешней политики Соединенных Штатов.

Никто и никогда в объединенной комиссии конгресса не сказал об основной внешнеполитической стратегии Вашингтона в канун войны — попытаться отвести японскую агрессию от США, нацелив Японию на Советский Союз. Поскольку этот вопрос вопросов был обойден, постольку работа комиссии, равно как предшествующих расследователей в США, не дала удовлетворительного объяснения причин внезапности японского нападения на Пёрл-Харбор. Поэтому в американской исторической науке живет и будет жить загадка Пёрл-Харбора. Она вызвана к жизни упорными попытками в Соединенных Штатах извратить историю в целях оправдания внешнеполитического курса американского правительства.

Если исследование проблемы Пёрл-Харбора в США с исторической точки зрения в силу изложенных причин оказалось неудовлетворительным, то ее военно-стратегические аспекты постоянно изучаются в целях извлечения уроков для современной американской военной науки, строительства вооруженных сил. Еще при Трумэне японский успех 7 декабря 1941 года использовался для обоснования реорганизации структуры командования американских вооруженных сил. Г. Трумэн в своих мемуарах заметил: «Из материалов слушаний (в комиссии конгресса. — Н. Я.) дела о Пёрл-Харборе мне стало ясно, что трагедия явилась результатом как неподходящей военной структуры, не обеспечившей единства командования ни в Вашингтоне, ни в войсках, так и личных промахов офицеров армии и флота». В 1947 году в США создается министерство обороны.

Пёрл-Харбор подтолкнул организацию Центрального разведывательного управления. «Мне часто приходило в голову, — писал Трумэн, — что, если бы у правительства существовал координационный центр при сборе информации, Японии оказалось бы значительно труднее, если вообще было бы возможно осуществить успешное предательское нападение на Пёрл-Харбор. В те дни военные не знали всего, что было известно государственному департаменту, а дипломаты не имели доступа ко всему, что знали армия и флот». Как подчеркивается в крупном исследовании о ЦРУ, «среди множества последствий, которыми отдался Пёрл-Харбор, самым серьезным было его влияние на разведку... Пёрл-Харбор и дал необходимые аргументы для воздействия на политиков, ускорив организацию централизованной разведки». Ссылки на Пёрл-Харбор облегчили проведение через конгресс законодательства о создании ЦРУ, поставили ведомство вне и выше законов.

Особое внимание вызывает вопрос: возможен ли Пёрл-Харбор, то есть внезапное нападение, в век ядерного и ракетного оружия, ибо последствия такого удара в наши дни окажутся совершенно несоизмеримыми с тем, что произошло 7 декабря 1941 года. Вопрос, естественно, совсем не академический. Уже Роберта Волстеттер в книге «Пёрл-Харбор: предостережения и решения», подготовленной в сотрудничестве с корпорацией «Рэнд», попыталась дать ответ на вопрос, сформулированный ею так: «Что дает нам Пёрл-Харбор для выяснения возможности внезапного нападения в наши дни, когда его результаты окажутся значительно большими и, возможно, фатальными?»

Пять лет трудов и вот выводы Р. Волстеттер: «Коротко говоря, мы не смогли предсказать Пёрл-Харбора не из-за недостатка нужных данных, а из-за изобилия материалов, не имевших отношения к делу». Что до ошибок американских командующих и правительства, то они кроются «в

особенностях человеческого восприятия и проистекают из такой глубокой неопределенности, что ошибок нельзя избежать, хотя возможно и сократить шансы совершения их».

Переходя к ответу на свой вопрос, автор подчеркивает: «Несмотря на громадное увеличение расходов на сбор и анализ разведывательной информации и несмотря на успехи дешифровки и перевода при помощи машин, по всей вероятности со времен Пёрл-Харбора, преимущества вне всякого сомнения перешли к тому, кто изберет внезапное нападение».

Дурной пример заразителен. Японская победа в Пёрл-Харборе оказала определенно опасное влияние на американскую политическую мысль. Сказанное Волстеттер в общих словах в 60-е годы в книге Г. Пранджа в середине 80-х годов конкретизировано применительно к теологии ракетно-ядерной войны: «В огне Пёрл-Харбора сгорела национальная невинность... Пёрл-Харбор так глубоко укоренил идею внезапного нападения в национальное самосознание, что «Пёрл-Харбор» стал почти тождественным любому такому нападению. США в высшей степени оценили идею внезапного нападения. И совершенно правильно». И далее Прандж процитировал американский журнал «Нью рипаблик», который как-то писал: «Наш удар действительно должен быть «первым» ударом, наносимым всеми силами, а не тем, что от них останется после первого удара врага как раз с целью подорвать нашу наступательную мощь. Это, в свою очередь, диктует: нашей единственной убедительной угрозой является угроза того, что мы можем нанести сами внезапный удар».

Как отметил в 1985 году влиятельный американский еженедельник «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт», это носит название «ядерный Пёрл-Харбор — возможность нанесения первого удара без риска возмездия».

«Ревизионисты» утверждают

Работа объединенной комиссии конгресса не положила конец горячей дискуссии в американской историографии вокруг вопроса о вступлении Соединенных Штатов в войну. Напротив, сорок томов дали дополнительные материалы для противоречивых суждений. Спор, по-видимому, будет продолжаться бесконечно. Отставной адмирал Киммель внес в него посильную лепту. В письме составителям сборника документов о Пёрл-Харборе, увидевшем свет в конце 1962 года, Киммель высказался категорически: «Мне никогда не дали возможности полностью ознакомиться с архивами о Пёрл-Харборе, хранящимися в военно-морском министерстве и Белом доме. Мне отказали в разрешении просмотреть так называемую папку Белого дома, в которой, по-видимому, находятся послания Рузвельта и Черчилля... По моему мнению, хотя, конечно, я лицо заинтересованное, нет никаких сомнений в том, что м-р Рузвельт знал о плане японцев напасть на флот в Пёрл-Харборе и дату планировавшегося удара и сознательно утаил эту информацию от командующих на Гавайях, чтобы атака состоялась».

Крайнее суждение! Даже горячий поклонник адмирала Л. Саффорд во время одного из многочисленных расследований Пёрл-Харбора свидетельствовал, что дислокацию японского флота надлежало установить подразделению Рошфора на Гавайях. Другими словами, штаб Киммеля должен был ориентировать в этом вопросе Нокса и Старка, а не наоборот. Дж. Рошфор со своими подчиненными (на 7 декабря 1941 года 18 офицеров и 128 рядовых), по словам Саффорда, «был обязан предотвратить внезапное нападение на флот, как случилось у русских в Порт-Артуре». Один из посвященных в деликатные дела разведки адмирал Р. Ингерсолл объяснил объединенной комиссии конгресса: «Приоритетную ответственность за установление дислокации японских кораблей нес командующий Тихоокеанским флотом. Именно в его

распоряжении находились средства, нужные для этого, — радиоразведка».

Человек одной идеи, Х. Киммель никогда с этим не соглашался. Год от года с возрастающим, пожалуй, старческим упрямством и безразличием ко всему, кроме своей судьбы, он твердил — невиновен! До самой смерти, последовавшей на 86-м году жизни в мае 1968 года.

Другие герои трагедии 7 декабря 1941 года уходили из жизни с меньшими драматическими издержками. Шорт в забвении прожил последние годы, почитывая военные книги и разводя розы. Когда он угас в сентябре 1949 года, сын отставного генерала майор У. Шорт удовлетворил любопытство газетчиков: «Отец выложил все факты о Пёрл-Харборе комиссии конгресса. Ему не было суждено написать книгу, он ничего не мог прибавить к сказанному».

Л. Саффорд почти три десятилетия интриговал мир средств массовой информации. Он никогда не отступался от своих показаний о существовании передачи из Токио по «коду ветров». Саффорд служил до конца 50-х. В 1958 году президент Эйзенхауэр подписал закон, принятый конгрессом, о награждении Саффорда премией в 100 тысяч долларов за примерно 20 разработок в области криптографии. Мнения о Саффорде резко расходились: для одних он был лжецом, для других — гением. Быстрая на физическую расправу супруга Саффорда полагала, что знает лучше, — пинками и затрещинами отгоняла от мужа любого, кто пытался заговорить с ним о Пёрл-Харборе. Особенно журналистов, пытавшихся проникнуть в дом Саффордов. Их она просто сталкивала с лестницы.

За спиной властной супруги Саффорд продолжал работать над проблемами Пёрл-Харбора, поддерживая оживленную переписку с «историками-ревизионистами». Он написал для них обширные справки, но работать приходилось вне дома. Жена тщательно проверяла его

бумаги и все, где упоминался Пёрл-Харбор, неукоснительно сжигала. Посему профессиональный криптограф зачастую стал шифровать свои письма. Саффорд умер в разгар своих исследований Пёрл-Харбора в 1973 году, бдительная супруга ушла из жизни через семь лет.

Американская школа «ревизионистов» сосредоточила свои усилия на том, чтобы доказать, будто Ф. Рузвельт, стремившийся к вступлению в войну, сознательно оставил командование на Гавайях в неведении о предстоявшем японском нападении. А когда японская авиация нанесла удар по Пёрл-Харбору, он использовал это как повод для того, чтобы поднять народ Соединенных Штатов, не желавший воевать, на вооруженную борьбу.

Основателем направления считается Чарлз А. Бирд. Впрочем, маститый историк в первую очередь занимался вопросом о том, почему в условиях американской «демократии» правительство безответственно перед народом. Эту печальную для либерала, каким был Ч. Бирд, тему он развивал в своих двух книгах, увидевших свет в 1946—1948 годах. Крайние выводы о Ф. Рузвельте сделали его ученики, сплотившиеся после смерти Ч. Бирда в 1948 году вокруг профессора Х. Барнса, столпа «ревизионистов» 20-х годов, которые тогда доказывали, что США не нужно было вступать в первую мировую войну.

На концепции этих историков, основными среди которых были Ч. Тэнзилл, Ф. Санборн, Дж. Моргенштерн, наложила значительный отпечаток дискуссия о путях американской внешней политики. «Ожесточение ревизионистов отражает отвергнутую политику... — отмечал видный деятель администрации Рузвельта Р. Тагвелл. — Ревизионизм в данном случае, как и в случае Вильсона и его войны, является возрождением точки зрения влиятельных кругов о том, что Франклин (Рузвельт) шел напролом и проводил ошибочную политику.

Аргументация основывается на том, что он желал войны и маневрировал, с тем чтобы вовлечь США в войну против держав «оси». Аргументация идет дальше: указывается, что войны следовало избежать, ибо дела обстоят хуже по завершении военных действий, чем они были бы в случае проведения политики компромисса. Совершенно очевидно, что в дискуссии такого рода нельзя прийти к каким-либо определенным выводам». Школа «ревизионистов» получила шумную и даже скандальную известность в Соединенных Штатах на рубеже 40-х и 50-х годов. Маккартистам особенно пришлись по душе нападки на Ф. Рузвельта. Однако историки этого направления, ссылаясь на события кануна второй мировой войны, стали на позиции «неоизоляционизма», утверждая, что Соединенным Штатам и ныне нужны свободные руки, то есть высказались против участия страны в военных блоках. На «ревизионистов» ополчилась официальная историография, за которой стояли власть предержащие, и влияние школы быстро упало.

Идейный манифест «ревизионистов» — сборник статей под редакцией Х. Барнса «Вечная война за вечный мир», выпущенный в 1953 году, — мог убедить только убежденных. Не больше. Впрочем, таких было немало, и не только в США. Но по иным причинам, чем «ревизионисты». В «заключительном отчете» о своей миссии в Токио Р. Крейги, встретивший войну с Японией в 1941 году на посту английского посла, резко раскритиковал Хэлла и его политику. «Я считаю, — писал Крейги, — что можно было достичь компромисса с Японией в декабре 1941 года». Он выразил уверенность, что, если бы не меморандум Хэлла от 26 ноября, «война с Японией не была бы неизбежна». Отчет вызвал замешательство в Форин оффис, где сочли его «резким обвинением политики США». Крейги заставили переделать бумагу.

В сентябре 1943 года У. Черчилль заметил: «Это очень странный

документ, который нужно держать в строжайшем секрете. Я едва ли читал более одностороннюю и прояпонскую версию случившегося... вылившегося в бесчинство Пёрл-Харбора».

В июне 1944 года министр производства Англии О. Литтлтон в речи перед американской торговой палатой в Лондоне заявил: «Японию спровоцировали напасть на Пёрл-Харбор. Извращают историю те, кто утверждает, что Америку вынудили вступить в войну». Разумеется, сказанное Литтлтоном, да и история с «заключительным отчетом Крейги» дали оружие в руки «ревизионистов». Без цитаты из этой речи английского министра не обходится ни одна из книг «ревизионистов». Цитируют, однако, вне контекста. Литтлтон как раз восхвалял США за то, что они оказывали военную помощь Англии. Внося коррективы в свою речь, он подчеркнул (что не цитируют «ревизионисты!»): «Японский агрессор считал эту помощь провокацией и вероломно напал на Пёрл-Харбор».

Американский профессор Л. Сеарс в свое время заметил: «Ревизионизм относительно второй мировой войны не слишком развился. Историки, оправдывающие вступление США в войну, более объединены и более наступательны, чем было после первой мировой войны, а их противники не сумели добиться, чтобы их выслушали как следует. Послание «восточный ветер», говорившее о намерении Японии напасть, весьма уместно исчезло из правительственных архивов... Было бы опрометчиво полагать, что американцы в 1984 году будут столь же хорошо информированы о второй мировой войне, как нынешнее поколение американцев о первой мировой войне».

Прогноз Л. Сеарса в срок, указанный им — середина 80-х годов, — в общем оправдался. В отношении грамотности американцев в истории. Но нужно внести серьезные коррективы в описанное профессором примерно

30 лет тому назад. «Ревизионизм» обнаружил необычайную выживаемость, ибо рука об руку с укреплением военных связей между США и Японией там растет сожаление по поводу утраченных тогда Токио возможностей — не поднимать оружия против Америки, а обрушиться на СССР. Тут и пригодилась тенденция, изначально заложенная в работах «ревизионистов», причем второго положения, в пору расцвета этого направления — У. Чемберлен и У. Ньюман. Эти двое подробно, а некоторые другие «ревизионисты» мельком пытались доказать, что участие США во второй мировой войне было ошибочным, ибо из нее Советский Союз вышел могучей державой.

Отсюда у «ревизионистов» следовало — США-де необоснованно обостряли отношения с Японией. В результате случился Пёрл-Харбор. Мы уже имели возможность убедиться, как развил в 80-е годы эти тезисы до абсурда Дж. Толанд в своей лихой книге «Позор. Пёрл-Харбор и его последствия». С годами официальные историки приучились выстраивать в своих трудах факты так, что их изложение в этом отношении стало совпадать с «ревизионистами», хотя одновременно они жарко открещивались от идейного родства с ними. Типичный пример — работы Г.Пранджа и его соавторов. В монументальной книге мы спали на рассвете» указано: «Более чем, тридцатилетние тщательные поиски, включая все материалы, рассекреченные до 1 мая 1981 года, не дали результатов — не обнаружено ни одного документа или одного слова в показаниях, которые подтвердили бы позицию ревизионистов». Но в этой же книге он подтасовывает факты именно так, как делали «ревизионисты» в своих целях.

Излагая известные рекомендации Маршалла и Старка Рузвельту 5 ноября 1941 года, Прандж опускает основное — командование американских вооруженных сил заявляло: нападение Японии на СССР не должно

повлечь вмешательства США. Или телеграмму с «кодом ветров» из Токио Номура он датирует не 19 ноября, а 29 ноября 1941 года. Далее опускаются важнейшие события в Вашингтоне в промежутке от получения японского плана Б до ноты Хэлла 26 ноября и т. д. Что, Прандж не ведал, что творил, занимаясь грубыми извращениями? Отнюдь нет.

Он был официальным историографом генерала Д. Макартура в бытность его американским проконсулом в Японии. Сразу после 1945 года Прандж использовал свое пребывание в Японии, расспросив, а поначалу даже, видимо, допросив практически всех, кто с японской стороны имел отношение к Пёрл-Харбору. Вызванные им не могли не отвечать: Прандж — с 1946 года гражданский чиновник оккупационных сил — имел ранг, соответствовавший воинскому званию генерал-майора. Любопытный историк, правда, был куда как обходителен, потчuya в то тяжелое для Японии время оголодавших «гостей»: адмиралов, генералов и офицеров разбитых императорского флота и армии брэнди и бисквитами из магазина оккупантов.

То дела давно минувших дней, когда Гэнда 72 раза, а футида 50 раз побывали, скажем, на расспросах у Пранджа. С Макартуром Прандж вернулся в 1951 году в Вашингтон и стал профессором Мэрилендского университета. С тех пор он все писал свою книгу. В конце 70-х силы стали иссякать, Прандж в 1979 году передал в распоряжение учеников, молодых историков Д. Голдштейна и К. Диллон, как все материалы (размещенные в комнате 6х7 метров), так и неоконченную многотомную рукопись — 3500 машинописных страниц. В мае 1980 года Прандж умер, а книга, законченная Голдштейном и Диллон, увидела свет в канун 40-й годовщины Пёрл-Харбора.

Так что само предположение о том, что Прандж мог ошибиться по

неведению смехотворно. Речь идет об умышленной селекции документов в понятных целях. Очень компетентный исследователь Д. Кан счел необходимым в своей рецензии объединить работы Толанда и Пранджа, объяснив: «Хотя книги Пранджа и Толанда различны по изложению и концепциям, в обеих высказываются ошибочные суждения об истории. Толанд, по существу, именует Рузвельта убийцей и военным преступником, кем он не был. Прандж называет Пёрл-Харбор «поворотным пунктом в мировой борьбе». Это не так; подлинным поворотным пунктом было вторжение Гитлера в Россию, ибо он попал в тиски войны на два фронта — против непобедимого колосса, с одной стороны, и непотопляемой базы — с другой».

Хотя сказанное Каном в высшей степени интересно исторически, куда весомее его политическая оценка последних свершений в американской историографии Пёрл-Харбора. «Утверждения «ревизионистов» имеют куда большие последствия, чем обвинения Рузвельта в сокрытии информации о предстоявшем нападении... С утверждениями о том, что войны (с Японией) можно было избежать, связано убеждение, которого придерживаются некоторые, хотя и неясно, находится Толанд среди них, о том, что Соединенным Штатам следовало бы воевать с Советским Союзом, а не с Японией. Из всех ревизионистских теорий эта самая неисторическая».

Действительно, в антисоветском угаре иные в США стали писать совершеннейший вздор.

Эпилог: за чертой исторической науки

«Сколько бы нам ни потребовалось времени, чтобы отразить это тщательно подготовленное нападение, — говорил Франклин Д. Рузвельт 8 декабря 1941 года, — американский народ в своем справедливом гневе пройдет путь до конца — до полной победы. Я полагаю, что выражу волю

конгресса и народа, когда скажу: мы не только не поощрим усилий, защищая себя, но сделаем все, чтобы подобное предательское нападение никогда больше не угрожало нам». Против Японии была обращена мощь Объединенных наций, а вступление Советского Союза в войну на Дальнем Востоке в августе 1945 года привело к быстрой капитуляции японских милитаристов.

Япония была оккупирована американскими войсками. Встал вопрос о наказании японских военных преступников, что являлось декларированной целью Объединенных наций в годы войны. Американский генерал Д. Макартур, формально верховный союзный главнокомандующий на Дальнем Востоке, впоследствии писал: «Принцип уголовной ответственности политических лидеров страны, побежденной в войне, был для меня отвратителен. Я считал, что поступающие таким образом нарушают основные принципы уголовного законодательства. Я считал и соответственно рекомендовал ограничить уголовную ответственность политических лидеров Японии на начало войны обвинением в нападении на Пёрл-Харбор, как совершенного без предварительного уведомления». Если обвинение захочет привлечь к суду еще и императора, заметил как-то Д. Макартур, тогда придется увеличить оккупационные силы на миллион человек.

Личные взгляды генерала Д. Макартура, однако, не могли определить структуру и работу Международного военного трибунала, учрежденного в Токио в начале 1946 года. Он состоял из представителей одиннадцати стран, в том числе Советского Союза. Однако Д. Макартур был наделен высшей властью в Японии, и американские власти сумели взять в свои руки большую часть подготовительной работы. Вызов свидетелей и отбор документов в известной степени зависел от них. В результате магнаты монополистического капитала, в частности клика «дзайбацу», двигавшая

страну к войне, полностью избежали ответственности. Перед трибуналом предстали только политики и военные.

Ответственность милитаристской клики за агрессивную войну, в том числе за Пёрл-Харбор, была установлена вне всяких сомнений. В приговоре Международного военного трибунала было также записано: «Трибунал считает, что агрессивная война против СССР предусматривалась и планировалась Японией в течение рассматриваемого периода (то есть с 1928 года); что она была одним из основных элементов японской национальной политики и что ее целью был захват территорий СССР на Дальнем Востоке». Семерых главных военных преступников приговорили к смертной казни и повесили 22 декабря 1948 года.

Какова судьба непосредственных исполнителей преступных замыслов японской военщины? Подавляющее большинство служивших в оперативном соединении Нагумо 7 декабря 1941 года погибли в войне, их поглотили волны Тихого океана. Но военная судьба капризна, она пощадила некоторых, кто сыграл выдающуюся роль в налете на Пёрл-Харбор. После войны получили известность те, кто был относительно молод в день Пёрл-Харбора — Сугуру Сузуки, Мицуо Футида и Минору Гэнда. Тогда им было 33 — 37 лет. В свое время их заслуги были высоко оценены императорскими вооруженными силами, а затем и союзником Японии по агрессивным блокам — Соединенными Штатами. Футида после войны оставил военную службу, стал священником. Сузуки и Гэнда снова надели мундиры. Первый — служил контр-адмиралом «оборонительных военно-морских сил» Японии, второй — дослужился до чина генерал-лейтенанта. До весны 1962 года он занимал пост командующего военно-воздушными силами Японии. По случаю ухода в отставку — Гэнда исполнилось 57 лет — американский генерал Лаймэн Лемнитцер вручил

ему в дополнение к японским наградам за Пёрл-Харбор американский орден «За заслуги».

В декабре 1961 года корреспондент журнала «Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд рипорт» попросил Г. Пранджа дать интервью в связи с двадцатилетней годовщиной «Дня позора». Корреспондент спросил: «Как японцы относятся сейчас к своему внезапному нападению? Обнаружили ли вы среди них чувства сожаления или раскаяния?» Прандж ответил: «Нет, они считают, что выполнили свой долг в отношении императора и страны. Угрызения совести не тревожат их. Гэнда публично заявлял, что он ни о чем не сожалеет. И Футида тоже не сожалеет об этом». Прандж привел слова японского адмирала Тюити Хара: «Американское правительство должно дать нам ордена за то, что мы сделали для него, ибо мы воздействовали на чувства американцев и подняли их на войну. Мы оказали вам психологическую услугу». Не этому ли совету последовали США, наградившие спустя несколько месяцев Гэнда орденом «За заслуги»?

Прошло еще четверть века. Теперь и американские историки, ссылаясь на новейшие разыскания, в интересах укрепления отношений с Токио вносят поразительные вклады в историю Пёрл-Харбора. Р. Пино и Дж. Костелло, доработавшие книгу покойного контр-адмирала Э. Лейтона «И я был Там» (1985 г.), обнародовали открытие: Советский Союз-де знал и не сообщил о подходе оперативного соединения адмирала Нагумо к Гавайям!

В книге с интригующими недомолвками повествуется о том, что «не заметил ни один американский историк», а именно — корабли Нагумо встретили на пути к Гавайям советское судно. «Этим судном, — сказано в книге, — почти наверняка был «Урицкий», прошедший через Золотые ворота в Сан-Франциско несколькими днями ранее с важным военным

грузом по ленд-лизу. Курс судна пересекался с курсом «Кидо Бутай» где-то северо-западнее Гавайских островов... По всей вероятности, русские сообщили японцам о курсе «Урицкого». Из этой посылки следует «логический вывод» — советская разведка знала точные детали, каким маршрутом пойдет через северную часть Тихого океана ударное соединение Нагумо!

Если дело обстояло так, тогда Сталин логично приказал уведомить Токио о курсе «Урицкого». Ему нужно было предотвратить инцидент в критическое для обеих стран время. Он также должен был обеспечить благополучную доставку грузов по ленд-лизу — танков и самолетов во Владивосток и своевременную перевозку их по транссибирской железнодорожной магистрали к последней борьбе для спасения Москвы». Прервем повествование. Простой расчет показывает — таинственное советское судно должно было прийти во Владивосток тогда, когда Красная Армия 6 декабря 1941 года уже погнала вермахт на Запад. Кстати, велико ли было судно и сколько оно могло привезти этих «танков и самолетов»? Словоохотливый автор не оставляет в неведении: «водоизмещением 1200 тонн».

С серьезным видом в книге истолковывается приказ, отданный Нагумо, — топить встречные суда «третьей страны». Приказ этот-де не относился к советским судам. Отсюда поразительные рассуждения: «Тот факт, что Токио отдал этот приказ, а «Кидо Бутай» встретил русское судно примерно в 900 милях южнее более короткого оживленного пути во Владивосток с западного побережья Америки, указывает — японцы получили некое предупреждение. Оно могло исходить только от русских, лишь они знали, что «Урицкий» так перегружен, что маленькое судно нужно было направить необычным, более южным курсом, подальше от дурной погоды у берегов Аляски. Предупреждение и встреча в океане

указывают на то, о чем до сих пор не подозревали, — существовал тесный сговор между Москвой и Токио. Если с «Урицкого» видели «Кидо Бутай» в последнюю пятницу мира на Тихом океане (5 декабря. — Н. Я.), капитан судна не сообщил об этом открыто по азбуке Морзе... а, вероятно, «Урицкий» доложил эти важнейшие разведывательные данные секретным советским кодом... Возможный сговор между Токио и Москвой указывает — Сталин точно знал, как, где и когда разразится война на Тихом океане».

Коль скоро эти данные преподносятся от имени контрадмирала Э. Лейтона, профессионального американского разведчика, поучительно проверить их достоверность. Обращение в советские архивы дало результаты, которых можно было ожидать. Да, был «Урицкий», лесовоз. Водоизмещением 3328 тонн, а не 1200 тонн. В июне 1941 года Дальневосточное морское пароходство сдало лесовоз «Урицкий» в аренду Владивостокскому арктическому пароходству, и летом — осенью 1941 года «Урицкий» участвовал в доставке грузов в Арктику. В порты США в 1941 году «Урицкий», естественно, не заходил. В США лесовоз ходил летом 1942 года (капитан И. А. Чернов). По описанным причинам, никак не мог «Урицкий» встретить 5 декабря 1941 года оперативное соединение Нагумо поблизости от Гавайских островов. Все написанное об этом от имени Э. Лейтона — ложь.

И это не должно удивлять. Американский историк флота Р. Лав, рецензируя в январе 1986 года эту книгу, писал: «Ее выход прискорбен по двум причинам. Она усиливает представление об историках Пёрл-Харбора как о сварливых чудаках, процветающих только в атмосфере своей крошечной теплицы. Обращение Костелло с текстом также снижает образ и достижения прекрасного офицера, заслуживающего лучшего от наследников его воспоминаний».

Извлекать «уроки» из Пёрл-Харбора, как бесцеремонно пытается Костелло, изнурительная поденная работа. Ничего нельзя извлечь ни из уверенности Пранджа, что сказанное им и есть «вердикт истории», ни из незамысловатых рассуждений Костелло о том, что новые изыскания «едва ли изменят сцену».

Почему же? Извлечь можно то, что не желает видеть и суровый рецензент. Новейшие исследования в США событий в Пёрл-Харборе перешли за последнюю черту, за которой кончается наука. Теперь вину за Пёрл-Харбор пытаются поделить между Японией и СССР! Применительно к истории с лесовозом «Урицкий» нет необходимости вдаваться в тонкости — кто, контр-адмирал или его посмертные соавторы, лжет. Они несут коллективную ответственность за то, что к нашим дням изучение истории Пёрл-Харбора в США укладывается в прокрустово ложе антисоветского клише, созданного могучим пропагандистским аппаратом.

Примечания

{1}Spector R. Someone Had Blundered, but Who? — The New York Times Book Review, January 5, 1986, p. 9.

{2}Toland J. Infamy. Pearl Harbor and its aftermath. N. Y., 1984, p. XVI, 340.

{3}Thorne СЛ. Allies of a Kind. Th United States, Britain and the War against Japan. N. Y., 1979, p. 28.

{4}Мэтлофф М., Снелл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941 — 1942 гг. М., 1955, с. 10.

{5}Pearl Harbor as History. Ed. by Borg D., Okamoto Sh. N. Y., 1973, p. 261—262.

{6}Morgenstern G. Pearl Harbor. The Story of the Secret War. N. Y., 1947, p. 69.

{7}Pearl Harbor Attack. Hearings before the Joint Committee on the Investigation of

the Pearl Harbor Attack (далее: Pearl Harbor Attack...), pt. 2. Washington, 1946, p. 536—537.

{8}Ibid., p. 548.

{9}Fukudome Sh. Hawaii Operation. — United States Naval Institute Proceedings, December 1955, p. 1317.

{10}Футида М., Окумия М. Сражение у атолла Мидуэй. М., 1958, с. 40.

{11}Prange G., Goldstein D., Dillon K. Pearl Harbor: The Verdict of History. N. Y., 1986, p. 495 (далее: Prange G. Op. cit.).

{12}Okumia M., Horikoshi J., Caiden M. Zero. N. Y., 1956, p. 61.

{13}Kato T. The Lost War. N. Y., 1946, p. 89.

{14}Layton E., Pineau R., Costello J. And I Was There. N. Y., 1985, p. 71 — 72 (далее: Layton E. Op. cit.).

{15}Agawa H. The Reluctant Admiral: Yamamoto and the Imperial Navy. N. Y., 1979, p. 158.

{16}Layton E. Op. cit., p. 64.

{17}Collier R. 1940: The World in Flames. London, 1980, p. 269 (далее:

{18}Collier R. Op. cit.).

{19}Fucudome Sh. Op. cit., p. 1317.

{20}Prange G. At Dawn We Slept. The Untold Story of Pearl Harbor. N. Y., 1981, p. 21, 123, 26. Layton E. Op. cit., p. 111.

{21}Pearl Harbor as History. Ed. by Borg D., Ocamoto Sh., p. 167.

{22}Prange G. At Dawn We Slept, p. 228—229, 232, 262—263, 13.

{23}Хасимото М. Потопленные. М., 1956, с. 32.

- {24}Lord W. The Day of Infamy. London, 1957, p. 28.
- {25}Prange G. At Dawn We Slept, p. 323.
- {26}Layton E. Op. cit., p. 110.
- {27}Prange G. At Dawn We Slept, p. 151.
- {28}Whitehead D. The FBI story. A Report to the people. N. Y., 1956, p. 186
(далее: Whitehead D. Op. cit.).
- {29}Ungar S. FBI. Boston, 1976, p. 105.
- {30}Congressional Record, vol. 87, pt. 7, p. 7592.
- {31}Prange G. At Dawn We Slept, p. 152, 257.
- {32}Yoshikawa Tadeo with Norman Stanford. Top Secret Assignment. — United States Naval Institute Proceedings, December 1960, p. 47.
- {33}Pearl Harbor Attack, pt. 35, p. 363.
- {34}Ibid., p. 531.
- {35}Ibid., pt. 12, p. 261.
- {36}Ibid., p. 268.
- {37}Ibid., p. 266, 269.
- {38}Morgenstern G. Pearl Harbor, p. 56—58.
- {39}Dyer G. On the Treadmill to Pearl Harbor: The Memoirs of Admiral James D. Richardson. Washington, 1973, p. 435—436.
- {40}Prange G. Op. cit., p. 417.
- {41}Arnold H. Global Mission. N. Y., 1949, p. 193—194.
- {42}Layton E. Op. cit., p. 225.

- {43}Admiral Kimmel's Story by Husband E. Kimmel. Chicago, 1955, p. 19.
- {44}Prange G. At Dawn We Slept, p. 133.
- {45}Pearl Harbor Attack, pt. 15, p. 1635.
- {46}Ibid., pt. 14, p. 1044.
- {47}Prange G. At Dawn We Slept, p. 139—140.
- {48}Pearl Harbor Attack, pt. 14, p. 1402.
- {49}Ibid., pt. 10, p. 4856.
- {50}Ibid., pt. 16, p. 2251.
- {51}Ibid., pt. 14, p. 1406.
- {52}Ibid., pt. 16, p. 2276.
- {53}Admiral Kimmel's Story, p. 57.
- {54}Pearl Harbor Attack, pt. 36, p. 159—160.
- {55}Morgenstern G. Pearl Harbor, p. 226—231.
- {56}Morison S. The Rising Sun in the Pacific, 1931 — April 1942. Boston, 1948, p. 210—213.
- {57}Prange G. At Dawn We Slept, p. 336.
- {58}Admiral Kimmel's Story, p. 48.
- {59}Wohlstetter R. Pearl Harbor: Warning and Decision. Stanford, 1962, p. 42.
- {60}Brownlow D. The Accused. N. Y., 1968, p. 126.
- {61}Admiral Kimmel's Story, p. 75.
- {62}Кампании войны на Тихом океане. Материалы комиссии по изучению стратегических бомбардировок авиации Соединенных Штатов. М., 1956, с. 63.

{63}Lord W. The Day of Infamy, p. 19.

{64}Что произошло в Пирл-Харборе? Документы о нападении Японии на Пирл-Харбор 7 декабря 1941 года. М., 1961, с. 132.

{65}Admiral Kimmel's Story, p. 8.

{66}Farrago L. Burn after reading. The Espionage History of World War II. N. Y., 1962, p. 186—187.

{67}Lord W. The Day of Infamy, p. 67.

{68}The New York Times, December 7, 1981.

{69}Morgenstern G. Pearl Harbor, p. 37.

{70}Karig W., Kelley W. Battle Report: Pearl Harbor to Coral Sea. N. Y., 1944, p. 18—19, 38, 42.

{71}Stafford E. The Big E. The Story of the USS Enterprise. N. Y., 1962, p. 14.

{72}Admiral Halsey's Story. N. Y., 1947, p. 77.

{73}Fuchida M. I led the attack on Pearl Harbor. — The Washington Post Magazine, December 6, 1981, p. 32—33.

{74}Lord W. The Day of Infamy, p. 158—159, 220.

{75}Prange G. At Dawn We Slept, p. 543.

{76}Whitehead D. Op. cit., p. 190.

{77}Lord W. The Day of Infamy, p. 167.

{78}Ryan P. Pearl after the Attack. — Washington Post Magazine, December 6, 1981, p. 18.

{79}Stafford E. Op. cit., p. 20—21.

{80}Pearl Harbor Attack, pt. 16, p. 2257; pt. 22, p. 94.

{81}Prange G. At Dawn We Slept, p. 589, 561.

{82}The New York Times, April 2, 1984. (Ссылка относиться к подстрочному примечанию. — OCR.)

{83}Prelude to Infamy, Official Report on the Final Phase of U. S. — Japanese Relations. October 17 to December 7, 1941. N. Y., 1943, p. 47—48.

{84}Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 330.

{85}Там же, т. 32, с. 284.

{86}Sato K. If Japan and America Fight. Tokyo, 1921, p. 69—74, 173.

{87}Коммунистический Интернационал, 1931, № 33—34, с. 48, 52.

{88}Kennedy M. Aspects of Japan and Her Defence Forces. London, 1928, p. 125, 132.

{89}Международная жизнь. 1965, № 4. с. НО.

{90}Дементьева И., Агаянц Н., Яковлев Е. Товариш Зорге. М., 1965.

{91}Butow R. Tojo and the Coming of the War. Princeton, 1961, p. 107.

{92}Layton E. Op. cit., p. 63.

{93}История второй мировой войны. М., 1974. т. 2, с. 72.

{94}Чуйков В. И. Миссия в Китае. М., 1981. с. 12.

{95}Дементьева И., Агаянц Н., Яковлев Е. Товарищ Зорге, с. 89—90.

{96}История второй мировой войны, т. 2, с. 210.

{97}The New York Times, November 29, 1938.

{98}Яковлев Н. Н. Маршал Жуков. М., 1986, с. 7.

{99}Shigemitzu M. Japan and Her Destiny. London, 1958, p. 171.

{100}Documents of German Foreign Policy. Series D. Ed. by A. Toynbee and V. Toynbee. Oxford, 1958, p. 664—676.

{101}Shigemitsu M. Japan and Her Destiny, p 177.

{102}Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1939, vol. 3, p. 52

{103}Langer W., Gleason S. The Undeclared War, 1940—1941. N. Y., 1954, p. 4.

{104}Kase T. Journey to the «Missouri». New Heaven, 1950, p. 43.

{105}Collier R. Op. cit., p. 187.

{106}Захариас Э. Секретные миссии. М., 1959, с. 282.

{107}Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. М., 1954. т. 1, с. 409.

{108}Lunger W., Cleason S. The Undeclared War, p. 32.

{109}Watson M. Cheif of Staff: Prewar Plans and Preparations. Washington, 1950, p. 115—121.

{110}Congressional Record, vol. 87, pt. 10, Appendix, p. A 1156.

{111}Ibid., pt. 6, p. 6112.

{112}Ibid., vol. 90, pt. 6, p. 7916.

{113}Flynn J. The Truth about Pearl Harbor. N. Y., 1944, p. 7.

{114}Prange G. Op. cit., p. 161.

{115}Чуйков В. И. Указ, соч., с. 59—60.

{116}Grew J. Ten Years in Japan. N.Y., 1944, p. 334.

{117}Pearl Harbor Attack, pt. 2, p. 635.

{118}Grew J. Ten Years in Japan, p. 359, 361, 363.

{119}Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. В 2 т. М., 1958, т. 1, с. 453. См. подробнее:

Мэтлофф М., Снелл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941 — 1942. М., 1955, с. 50—67.

{120}Thome Ch. Allies of a Kind, p. 120—123.

{121}Nazi Conspiracy and Aggression, vol. 6. Washington, 1946, p. 906.

{122}Irving D. Hitler's War. London, 1977, p. 261 — 262, 217—218.

{123}Lunger W., Gleason S. The Undeclared War, p. 350, 352.

{124}Feis H. The Road to Pearl Harbor: the coming of the war between the United States and Japan. Princeton, 1950, p. 57.

{125}Аварии В. Борьба за Тихий океан. М., 1947, с. 226.

{126}Prange G. Op. cit., p. 27.

{127}Villamiue V. Japan and Russia Fabricate a Treaty out of Synthetic Friendship. — Congressional Record, vol. 87, pt. 11, p. 1797.

{128}Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1941, vol. 4, p. 965.

{129}Layton E. Op. cit., p. 89—90.

{130}Welles S. Time for Decision. N.Y., 1944, p. 170; Hull C. Memoirs. N.Y., 1948, vol. 2, p. 967; Farrago L. Burn After Reading. The Espionage History of World War II, p. 121 — 123.

{131}Montgomery H. Hyde. Room 3603. N.Y., 1963, p. 58.

{132}Dunlop R. Donovan. America's Master Spy. N.Y., 1982, p. 282.

{133}Butow J. The John Doe Associates: Backdoor Diplomacy for Peace. Stanford, 1974, p. 41, 108.

{134}Langer W., Gleason S. The Undeclared War, p. 311—315.

{135}Ibid., p. 322.

{136}Pearl Harbor Attack, pt. 19, p. 3445.

{137}Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941. М., 1959, с. 459.

{138}Bamford J. The Puzzle Palace. A Report on America's Most Secret Agency. Boston, 1983, p. 36—39.

{139}Kahn D. The Codebreakers. London, 1978, p. 13.

{140}Layton E. Op. cit., p. 48.

{141}Kahn D. Op. cit., p. 15—17.

{142}Layton E. Op. cit., p. 232.

{143}Langer W., Gleason S. The Undeclared War, p. 325.

{144}Ibid., p. 467.

{145}Butow R. The Hull — Nomura Conversations: A Fundamental Misconception. — American Historical Review, July 1960, p. 824.

{146}Hull C. Memoirs, vol. 2, p. 985—986.

{147}Langer W., Gleason S. The Undeclared War, p. 473.

{148}Pearl Harbor Attack, pt. 20, p. 4296.

{149}Prange G. At Dawn We Slept, p. 119.

{150}Pearl Harbor Attack, pt. 4, p. 1861, 1863.

{151}Langer W., Gleason S. The Undeclared War, p. 479.

{152}Номура К. Миссия в Америку. К японо-американским переговорам. С приложением 38 дипломатических документов на английском языке по вопросу о японо-американских переговорах в 1941 г. Токио, 1946, с. 60—67, 69.

{153}Pearl Harbor Attack, pt. 20, p. 4004.

- {154}История войны на Тихом океане. В 5 т. М., 1958, т. 3, с. 380.
- {155}Prange G. Op. cit., p. 123—124; Butow R. To jo and the Coming of the War, p. 120.
- {156}Admiral Kimmel's Story, p. 82.
- {157}Pearl Harbor Attack, pt. 14, p. 1397.
- {158}Ibid., pt. 12, p. 1 — 2.
- {159}Ibid., pt. 14, p. 1397.
- {160}Watson M. Chief of Staff, p. 493.
- {161}Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1941, vol. 1, p. 768.
- {162}Langer W., Gleason S. The Undeclared War, p. 538.
- {163}Prange G. Op. cit., p. 123.
- {164}Foreign Relations of the United States: Japan 1931 — 1941, vol. 2, p. 502.
- {165}Dawson R. The Decision to Aid Russia 1941. The University of North Carolina Press, 1959, p. 118.
- {166}Foreign Relations of the United States: Japan 1931 — 1941, vol. 2, p. 506.
- {167}Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy 1932 — 1945. N.Y., 1979, p. 272.
- {168}Shigemitsu M. Japan and Her Destiny, p. 235.
- {169}Pearl Harbor Attack, pt. 14, p. 1398—1399.
- {170}Langer W., Gleason S. The Undeclared War, p. 484.
- {171}История войны на Тихом океане, т. 3, с. 204.
- {172}The Secret Diary of Harold L. Ickes. N.Y., 1954, vol. 3, p. 558—559.

- {173}F.D.R. His Personal Letters. N.Y., 1950, vol. 2, p. 1173—1174.
- {174}Pearl Harbor Attack, pt. 5, p. 2382—2385.
- {175}Morgenstern G. Pearl Harbor, p. 99.
- {176}Foreign Relations of the United States: Japan 1931 — 1941, vol. 2, p. 533 — 534.
- {177}The Secret Diary of Harold L. Ickes, vol. 3, p. 588.
- {178}Langer W., Gleason S. The Undeclared War, p. 655.
- {179}Pearl Harbor Attack, pt. 16, p. 2239.
- {180}Ibid., p. 2175—2177.
- {181}Ibid., pt. 10, p. 4995.
- {182}Tugwell R. The Democratic Roosevelt. N.Y., 1957, p. 14.
- {183}Time, January 25, 1982, p. 31.
- {184}Butow J. The FOR Tapes. — American Heritage, February — March 1982, p. 16—17, 12.
- {185}Roosevelt and Churchill. Their Secret Wartime Correspondence. N.Y., 1975, p. 206.
- {186}Thorne Ch. Allies of a Kind, p. 6—9.
- {187}Ibid., p. 1.
- {188}Brown A. Wild Bill Donovan. The Last Hero. N.Y., 1982, p. 75—76, 192.
- {189}Dunlop R. Donovan, p. 302.
- {190}Gwyer J., Butler R. Grand Strategy. London, 1964, vol. 3, p. 136—137.
- {191}Dawson R. The Decision to Aid Russia 1941, p. 184.

{192}Burns J. Roosevelt: The Soldier of Freedom, 1941 — 1945. N.Y., 1970, p. 128.

{193}Gwyer J., Butler R. Grand Strategy, p. 137.

{194}Foreign Relations of the United States: Japan 1931 — 1941, vol. 2, p. 556 — 558.

{195}В книге американского историка Дж. Моргенштерна, одной из основных работ, в которых доказывается, что Ф. Рузвельт «заставил» Японию напасть на США, американское правительство обвиняется в провоцировании Токио. Оставляя в стороне эту крайнюю версию, следует отметить, однако, что автор в пылу полемики высказал здравую идею. Моргенштерн собрал несколько предостережений Японии, сделанных в 1941 году ответственными деятелями США японским дипломатам. Эти предостережения достаточно точно устанавливали границы безнаказанной японской агрессии. Моргенштерн пишет: «Наиболее удивителен тот факт, что во всех этих заявлениях Японии грозили войной, если она нападет на территории, не принадлежавшие США. Думан (советник посольства США в Токио. — Н. Я.) грозил войной от имени Англии, ее доминионов и колоний. Тернер грозил войной от имени голландских и британских колоний. Уэллес исключал возможность мирного урегулирования, ибо Япония двинулась в Индокитай, тогда принадлежавший вишистской Франции. Рузвельт думал о жизненно важных коммуникациях Британской империи, когда выступил со своим всеобъемлющим предупреждением. И, как мы увидим, государственный секретарь Хэлл действовал по наущению китайцев, когда он отказался от собственного плана сохранить мир и предъявил такие требования Японии, которые вызвали нападение на Пёрл-Харбор и войну». Цель этих рассуждений совершенно ясна, как и то, что Соединенные Штаты никогда не предостерегали Японию против нападения на Советский Союз (Morgenstern G. Pearl Harbor, p. 122—126).

{196}Pearl Harbor Attack, pt. 4, p. 1695.

{197}Feis H. The Road to Pearl Harbor, p. 282.

{198}Grew J. *Turbulent Era: A Diplomatic Record of Forty Years 1904—1945*. Boston, 1952, vol. 2, p. 1332.

{199}Langer W., Gleason S. *The Undeclared War*, p. 700.

{200}Prange G. *At Dawn We Slept*, p. 177.

{201}Pearl Harbor Attack, pt. 20, p. 3999.

{202}Butow R. *Tojo and the Coming of the War*, p. 246.

{203}Burns J. *Roosevelt: The Soldier of Freedom 1941 — 1945*, p. 136—137.

{204}Shigemitsu M. *Japan and Her Destiny*, p. 248.

{205}Grew J. *Turbulent Era*, vol. 2, p. 1324—1330.

{206}Foreign Relations of the United States: Japan 1931 — 1941, vol. 2, p. 645.

{207}Grew J. *Ten Years in Japan*, p. 444.

{208}Prange G. *Op. cit.*, p. 235.

{209}Pearl Harbor Attack, pt. 20, p. 4009.

{210}The New York Times, December 27, 1945.

{211}Kahn D. *The Codebreakers*, p. 30.

{212}Life, October 27, 1941, p. 34.

{213}Morgenstern G. *Pearl Harbor*, p. 176.

{214}The Washington Post, December 7, 1982.

{215}F.D.R. *His Personal Letters*, vol. 2, p. 1223.

{216}Langer W., Gleason S. *The Undeclared War*, p. 730.

{217}Prange G. *At Dawn We Slept*, p. 287.

{218}Pearl Harbor Attack, pt. 14, p. 1402.

{219}Ibid., pt. 16, p. 2214—2215.

{220}Ibid., pt. 32, p. 191.

{221}Ibid., pt. 18, p. 3196—3197.

{222}Prange G. Op. cit., p. 125.

{223}Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. London, 1962, p. 178.

{224}Langer W., Gleason S. The Undeclared War, p. 838.

{225}Pearl Harbor Attack, pt. 14, p. 1356—1358.

{226}Ibid., p. 1361.

{227}Ibidem.

{228}Wohhtetter R. Pearl Harbor: Warning and Decision, p. 165.

{229}Ibid., pt. 3, p. 1119.

{230}Ibid., pt. 20, p. 4443.

{231}Stevenson W. A Man Called Intrepid. London, 1979, p. 276—279, 282.

{232}The Washington Post, December 2, 1982.

{233}The Washington Post, April 2, 1983.

{234}Brown A. The Last Hero, p. 196.

{235}Dunlop R. Donovan, p. 303.

{236}Smith B. The Shadow Warriors. OSS and the Origins of CIA. N.Y.,

{237}1983, p. 77. Pearl Harbor Attack, pt. 14, p. 1065—1067.

{238}Manchester W. American Caesar. Douglas MacArthur 1880—1964. N.Y., 1978, p. 219.

- {239}Togo C. The Cause of Japan. N.Y., 1951, p. 126—140.
- {240}Pearl Harbor Attack, pt. 12, p. 79—82.
- {241}Hitler's Secret Conversations. N.Y., 1951, p. 117.
- {242}Foreign Relations of the United States: Japan 1931 — 1941, vol. 2, p. 736.
- {243}Pearl Harbor Attack, pt. 12, p. 130.
- {244}Langer W., Gleason S. The Undeclared War, p. 809.
- {245}Ibid., p. 137.
- {246}Burns J. Op. cit., p. 155.
- {247}Foreign Relations of the United States: Japan 1931 — 1941, vol. 2, p. 759.
- {248}Pearl Harbor Attack, pt. 12, p. 237.
- {249}Wohlstetter R. Pearl Harbor: Warning and Decision, p. 232.
- {250}Foreign Relations of the United States: Japan 1931—1941, vol. 2, p. 755—756.
- {251}Pearl Harbor Attack, pt. 12, p. 161.
- {252}Prange G. At Dawn We Slept, p. 363.
- {253}Pearl Harbor Attack, pt. 12, p. 165.
- {254}Ibid., pt. 14, p. 1106.
- {255}Что произошло в Пирл-Харборе?, с. 167 (перевод уточнен). См. в указанном сборнике документов, переведенных на русский язык, извлечение из дневника Г. Стимсона за эти дни.
- {256}Pearl Harbor Attack, pt. 16, p. 2225.
- {257}Toland J. Infamy, p. 279.
- {258}Ibid., p. 764—766.

{259}Beard Ch. President Roosevelt and the Coming of the War 1941. A Study in Appearances and Realities. Yale University Press, 1954, p. 235—236, 238—240.

{260}Pearl Harbor Attack, pt. 2, p. 437, 555.

{261}Prange G. Op. cit., p. 182—184.

{262}Toland J. Infamy, p. 287—288.

{263}Feis H. The Road to Pearl Harbor, p. 322—324.

{264}Langer W., Gleason S. The Undeclared War, p. 893.

{265}Bemis S. A Diplomatic History of the United States. N.Y., 1950, p. 869.

{266}Prange G. Op. cit., p. 593; Prange G. At Dawn We Slept, p. 396.

{267}Gwyer J., Butler R. Grand Strategy, p. 294.

{268}Langer W., Gleason S. The Undeclared War, p. 843.

{269}Pearl Harbor Attack, pt. 15, p. 2089.

{270}Togo C. The Cause of Japan, p. 239.

{271}Toland J. Infamy, p. 281—283, 297—298.

{272}Pearl Harbor Attack, pt. 11, p. 5422.

{273}Pogue F. The Pearl Harbor Blunders. — Look, December 14, 1965, p. 36.

{274}Kahn D. The Codebreakers, p. 28—29.

{275}Jones R. Most Secret War. London, 1978, p. 268—269.

{276}Layton E. Op. cit., p. 238.

{277}Prange G. At Dawn We Slept, p. 437.

{278}Pearl Harbor Attack, pt. 36, p. 303—304; pt. 8, p. 3892.

{279}Ibid., pt. 4, p. 1946.

{280}Удовлетворительный анализ этих перипетий с «кодом ветров» был сделан Дж. Моргенштерном на стр. 205—222 его книги. Тем, кто оспаривал существование этой телеграммы, он предлагал ответить на следующие вопросы: «Во-первых, если этот сигнал, означавший войну, не был передан 4 декабря, почему как японский, так и американский флот переменили позывные сигналы в этот день? Во-вторых, почему военно-морское министерство США отдало по радио приказ изолированным постам и гарнизонам на Тихом океане уничтожить все ненужные шифры и коды из-за опасения, что они могут быть прямо захвачены Японией? В-третьих, почему эксперт флота по делам разведки на Дальнем Востоке был так серьезно встревожен 4 декабря, что немедленно подготовил ясное предупреждение о войне для передачи командующим на Тихом океане? (не отослано по указанию сверху. — Н. Я.). Невозможно поверить, чтобы такие важные меры в различных направлениях были бы приняты без мотивировки. Телеграмма с «кодом ветров» и была мотивом» (Morgenstern G. Pearl Harbor, p. 210).

{281}Pearl Harbor Attack, pt. 4, p. 1968—1969.

{282}Toland J. Infamy, p. 184—185.

{283}Morison S The Two Ocean War. Boston, 1963, p. 76.

{284}The Yoshida Memoirs. Boston, 1962, p. 18.

{285}Butow R. Tojo and the Coming of the War, p. 361.

{286}Japan's Decision for War Records of the 1941 Policy Conferences. Stanford, 1967, p. 261—262.

{287}Pearl Harbor Attack, pt. 12, p. 204: pt. 8, p. 3440; pt. 33, p. 860.

{288}Ciano's Diplomatic Papers. London, 1948, p. 465.

{289}Irving D. Hitler's War, p. 345—346.

{290}Wohlstetter R. Pearl Harbor: Warning and Decision, p. 202, 271.

- {291}Pearl Harbor Attack, pt. 35, p. 98—99.
- {292}Ibid., pt. 14, p. 1371. 1374.
- {293}Foreign Relations of the United States: Japan 1931—1941, vol. 2, p. 784—786.
- {294}Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс, т. 1, с. 660—662.
- {295}Что произошло в Пирл-Харборе?, с. 267—268.
- {296}Там же, с. 190.
- {297}Hull C. Memoirs, vol. 2, p. 1097.
- {298}Beard Ch. President Roosevelt and Coming of the War, p. 212—213.
- {299}Toland J. The Rising Sun. N.Y., 1970, p. 357.
- {300}Prange G. At Dawn We Slept, p. 550.
- {301}Pearl Harbor Attack, pt. 6, p. 2812.
- {302}Футида М.. Окумия М. Сражение у атолла Мидуэй, с. 60.
- {303}Morison S. The Lessons of Pearl Harbor. — Saturday Evening Post, October 26, 1961, p. 27.
- {304}Morison S. The Two Ocean War. Boston, 1963, p 48.
- {305}Prange G. Op cif., p. 499—500.
- {306}Prange G. At Dawn We Slept, p. 549—550.
- {307}The Washington Post, December 2, 1956.
- {308}The New York Times, December 7, 1941.
- {309}Beard Ch. President Roosevelt and the Coming..., p. 211.
- {310}Pearl Harbor Attack, pt. 7, p. 3360.
- {311}The New York Times, December 16, 1942.

- {312}Prange G. *At Dawn We Slept*, p. 593—594.
- {313}Pearl Harbor Attack, pt. 7, p. 3269, 3272.
- {314}Beard Ch. *President Roosevelt and the Coming...*, p. 216—221.
- {315}Admiral Kimmel's Story, p. 172.
- {316}Toland J. *Infamy*, p. 39, 49, 51.
- {317}The Washington Post, December 7, 8, 1982.
- {318}The Washington Post Magazine, December 6, 1982, p. 56.
- {319}Newsweek, February 3, 1986, p. 44.
- {320}U.S. News and World Report, February 1986, p. 7.
- {321}Toland J. *Infamy*, p. 72.
- {322}Congressional Record, August 21, 1944, p. A3958.
- {323}Toland J. *Infamy*, p. 124—129.
- {324}The New York Times, December 2, 1944.
- {325}Beard Ch. *President Roosevelt and the Coming...*, p. 304—305.
- {326}Ibid., p. 573.
- {327}Pearl Harbor Attack, pt. 39, p. 299, 308, 317.
- {328}Theobald R. *The Final Secret of Pearl Harbor*. N.Y., 1954, p. 166.
- {329}Toland J. *Infamy*, p. 55, 93.
- {330}Prange G. *At Dawn We Slept*, p. 660.
- {331}Ibid., p. 630.
- {332}Pearl Harbor Attack, pt. 2, p. 614—615.

{333}Toland J. Infamy, p. 245—246.

{334}Morgenstern G. Pearl Harbor, p. 199.

{335}Admiral Kimmel's Story, p. 165.

{336}Pearl Harbor Attack, pt. 8, p. 3608—3610.

{337}Ibid., p. 210—212.

{338}Wuhlstetter R. Pearl Harbor: Warning and Decision, p. 220.

{339}Beard Ch. President Roosevelt and the Coming..., 1941, p. 337—361.

{340}Memoirs by Harry S. Truman. Years of Trial and Hope. N.Y., 1965, vol. 2, p. 63, 74.

{341}Ranelagh J. The Agency. The Rise and Decline of the CIA. N.Y., 1986, p. 55.

{342}Wohlstetter R. Pearl Harbor: Warning and Decision, p. 3, 387, 399.

{343}Prange G. Op. cit., p. 544—545.

{344}U. S. News and World Report, October 14, 1985, p. 86.

{345}The Puzzle of Pearl Harbor. Ed. by P. Burtness and W. Ober. N.Y., 1962, p. 235—236.

{346}Pearl Harbor Attack, pt. 26, p. 388.

{347}Ibid., pt. 9, p. 4241.

{348}Toland J. Infamy, p. 338, 207—208.

{349}Beard Ch. American Foreign Policy in the Making. 1932—1940. New Heaven, 1946; President Roosevelt and the Coming of the War 1941. New Heaven, 1948.

{350}Tansill C. Back Door to War. The Roosevelt Foreign Policy 1933 — 1941. Chicago, 1952; Sanborn F. Design for War. A Study of Secret Power Politics 1937—1941. N.Y., 1951; Morgenstern G. Pearl Harbor. The Story of the Secret War. N.Y.,

1947.

{351}Tugwell R. The Democratic Roosevelt. N.Y., 1957, p. 483—484.

{352}Perpetual War for Perpetual Peace. Ed. by H. Barnes. Caldwell. Idaho, 1953.

{353}Thorne Ch. Allies of a Kind, p. 74—75.

{354}Prange G. Op. cit., p. 35.

{355}Chamberlin W. America's Second Crusade. Chicago, 1950; Neumann W. How American Policy Toward Japan Contributed to War in the Pacific. — Perpetual War...

{356}Prange G. At Dawn We Slept, p. 850.

{357}Ibid., p. 336, 457, 396—397.

{358}The Washington Post, December 6, 1981.

{359}The New York Review of Books, May 27, 1982, p. 39—40.

{360}Prelude to Infamy. Official Report of the Final Phase of U. S. — Japanese Relations, October 17 to December 7, 1941. N.Y., 1943, p. 48.

{361}Reminiscences. General of the Army Douglas MacArthur. N.Y., 1964, p. 318.

{362}Внешняя политика Советского Союза. 1949 год. М., 1953, с. 631.

{363}U.S. News and World Report, December 11, 1961, p. 60, 64.

{364}Layton E. Op. cit., p. 220—221, 263—265.

{365}The Washington Post Book Review, January 19, 1986, p. 6.

{*1}В разгар войны на Тихом океане, в начале апреля 1943 года, в Вашингтоне из перехваченной и дешифрованной японской телеграммы узнали точные сроки вылета Ямамото для инспектирования гарнизонов сначала на остров Трук, затем на остров Бугенвиль. Телеграмма была доложена военно-морскому министру Ф. Ноксу и Ф. Рузвельту. Был отдан приказ перехватить самолет Ямамото у острова

Бугенвиль и «приложить все усилия к тому, чтобы уничтожить объект». Для выполнения задачи было направлено два звена истребителей. 18 апреля 1943 года американские истребители встретили в воздухе два японских бомбардировщика, на одном из которых летел Ямамото с офицерами штаба. Одно звено связало шесть истребителей прикрытия, другое сбило оба бомбардировщика. При этом Ямамото погиб.

{*2}Так, 17 июня 1940 года в связи с военной тревогой на Тихом океане штаб армии США отдал следующий приказ гарнизону на Гавайских островах: «Немедленно быть в полной боевой готовности на случай рейда через Тихий океан, но не создавать истерии, не возбуждать ненужного любопытства газет и вражеских агентов. Предлагаю состояние боевой готовности ввести под видом маневров. Сохраняйте ее до новых указаний». Такое положение на Гавайских островах сохранялось в течение месяца, пока не было отменено Вашингтоном.

{*3}Японцы потеряли 55 человек — экипажи сбитых самолетов и 9 человек на сверхмалых подводных лодках. Еще несколько десятков человек погибло на большой подводной лодке. США потеряли: флот — 2008 убитыми и 710 ранеными, армия — 218 убитыми и 364 ранеными, морская пехота — 109 убитыми и 69 ранеными. Кроме того, погибло 68 человек и было ранено 35 гражданских лиц. Всего 2403 убитых и 1178 раненых. Почти половина убитых приходилась на погибших при взрыве «Аризоны».

{*4}Показателем неразберихи в США, связанной с Пёрл-Харбором, является и то, что подлинник этой речи Ф. Рузвельта был обнаружен в архивах лишь через 43 года — в марте 1984 года! В библиотеке Франклина Д. Рузвельта хранились «подлинники и варианты всех 983 речей президента Рузвельта, за исключением одной этой, о Пёрл-Харборе». В тексте видны пометки Рузвельта, заменившего слова «день, который войдет в мировую историю» на «День позора»{80}.

{*5}В 1986 году японское агентство Киодо Цусин впервые опубликовало письма императора Хирохито, написанные в сентябре 1945 года кронпринцу Акихито, с объяснением причин поражения Японии. В одном из них Хирохито указал:

«Народ нашей страны был чрезмерно уверен в своей империи и не ставил ни во что Британию и США. Наши военные придавали слишком большое значение духу, забывая о науке».

{*6}Р. Зорге приехал в Токио 6 сентября 1933 года официально в качестве корреспондента немецких газет «Франкфуртер цайтунг», «Берзен курир» и голландской «Амстердам хандельсблад». Он создал очень эффективную организацию, работавшую до 16 октября 1941 года. В нее входили немец Макс Клаузен, югослав Бранко Вукелич, японцы Ходзуми Одзаки и Ётоку Мияги. Четыре коммуниста и марксист по убеждениям — Одзаки видели цель своей деятельности в срыве происков агрессивных сил, сохранении международного мира. Ходзуми Одзаки и Ётоку Мияги были горячими патриотами своего народа и видели будущее Японии в мирной жизни, дружественных отношениях с СССР.

{*7}Этот комитет осуществлял связь между правительством и командованием вооруженных сил. В него входили премьер-министр, министр иностранных дел, военный и военно-морской министры, а также лица, приглашаемые по мере надобности.

{*8}Взрыв американского крейсера «Мэн» на рейде Гаваны в 1898 году послужил поводом для объявления войны Испании Соединенными Штатами.

{*9}Американская канонерка, потопленная в 1937 году японцами на Янцзы.

{*10}Еще в книге «Необъявленная война 1940—1941», увидевшей свет в 1954 году, У. Лангер и С. Глисон не могли не отметить: «Едва ли можно пройти мимо обращения президента и Хэлла с творением Дроута — Викава — Ивакуро. Как выяснилось позднее, государственный секретарь допустил довольно серьезную ошибку, попросив Номура послать эту неофициальную программу в Токио с просьбой сообщить, считает ли императорское правительство ее пригодной в качестве основы для переговоров. Японцы, совершенно естественно, поняли, что правительство США рассматривает ее как таковую, особенно потому, что Хэлл настаивал на представлении ему этой программы в качестве официального документа... Впоследствии государственный секретарь педантично напоминал

послу Номура, что пока нет и речи о «переговорах», обсуждение носит предварительный характер и имеет цель найти основу для настоящих переговоров. Определение названия, по-видимому, не имело большого значения и, конечно, не дает ответа на вопрос, почему американские власти согласились продолжать обсуждение, когда основные японские предложения ничего не обещали». Позднейшие интерпретации в США так и не ушли от сказанного в этой работе. Не должно удивлять, что авторы, видные работники американской разведки в годы войны, а впоследствии в ЦРУ, уже в 50-е годы закладывали основу этой официальной версии.

{*11}В проекте документа первоначально записали «очень благоприятном», однако формулировка вызвала протест Мацуока. «Мне не нравится словечко «очень», — кричал он, настояв на исключении его. На заседании 2 июля отметили, что нападение на СССР, с которым недавно подписан пакт о нейтралитете, все же даст повод обвинять Японию «в предательстве». Председатель Тайного совета Хара отрезал: «Никто не назовет Японию предателем, если она нанесет удар по Советскому Союзу. Я трепетно молюсь, чтобы благоприятный момент для нападения наступил».

{*12}Военно-морская разведка США, например, докладывала правительству 1 декабря: «Отношения между Японией и Россией остаются напряженными. 25 ноября Япония вместе с Германией и другими державами «оси» продлила на пять лет «антикоминтерновский пакт».

{*13}Американские политики увязывали даже передвижения японских войск с положением на советско-германском фронте. Так, Г. Стимсон указывал после войны: «Утром 1 декабря президент возвратился в Вашингтон. Я вспоминаю, что за это время были получены сведения, говорившие о том, что японские экспедиционные силы, за которыми мы наблюдали, вместо того чтобы следовать в Сиамский залив и к полуострову Малакка, стали высаживаться в Индокитае, недалеко от Сайгона. Это обстоятельство, казалось, давало нам небольшую отсрочку, поскольку позволяло предположить, что Япония не намеревается немедленно вторгнуться в Таиланд. К этому времени русские предприняли новое

контрнаступление против немцев в районе Ростова, и мы подумали, что, возможно, это наступление явилось причиной паузы в продвижении японских сил».

{*14}Это еще раз подтверждает, что документ от 26 ноября был предназначен для того, чтобы Япония сделала выбор между северным и южным направлением агрессии. Р. Буту писал: «Японские лидеры (включая министра иностранных дел Того), по-видимому, считали, что все американские ссылки на «Китай» автоматически включали Маньчжурию. Этот вопрос был вкратце обсужден в Вашингтоне 16 апреля 1941 года. Тогда Номура заметил, что защита Хэллом принципа, требующего не нарушать статус-кво иначе, как мирными методами, будет означать вмешательство в маньчжурский вопрос. На это Хэлл ответил: «Проблема непризнания Маньчжурии будет обсуждена и разрешена в ходе переговоров. Поэтому пункт о статус-кво не затронет «Маньчжоу-Го» и будет применяться в дальнейшем со времени подписания общего соглашения». Следовательно, японские утверждения о том, что нота Хэлла была еще более неприемлема ввиду ее требований разрыва связи Японии с Маньчжоу-Го, не следует серьезно принимать в расчет». Стремясь доказать миролюбие США, Р. Буту доказал другое: Вашингтон никогда не хотел лишать Японию ее маньчжурского плацдарма агрессии (Butow R. Tojo and the Coming of the War, p. 343—344).

{*15}После войны Дж. Маршалл объяснил объединенной комиссии конгресса по расследованию обстоятельств нападения на Пёрл-Харбор: он не воспользовался телефоном, так как опасался, что разговор могут подслушать японцы, «что поставит в затруднительное положение государственный департамент». Тогда Маршаллу напомнили о приказе военного министерства направить два американских самолета для фоторазведки над японскими островами, включая остров Трук. До 7 декабря полет не состоялся, так как из США на Гавайские острова еще не успел прилететь второй самолет «Б-24» с необходимым оборудованием. Во время готовившегося полета летчики должны были применить оружие, если бы японские истребители попытались чинить им

препятствия. В связи с этим сенатор Фергюсон спросил Маршалла: «Как же использование телефона можно считать открытым актом по сравнению с этим полетом?» — «Это вопрос суждений», — ответил генерал (Morgenstern G. Pearl Harbor, p. 278—279).

{*16}Членов комиссии осыпали милостями администрации. Адмирал В. Стендли вскоре после подписания доклада получил медаль «За отличную службу» и в 1942—1943 годах был послом США в Советском Союзе. Дж. Макнерни быстро пошел по службе, к концу войны стал генералом и командующим оккупационными войсками США в Германии. Ф. Маккой после капитуляции Японии был назначен председателем Совещательной комиссии по делам Дальнего Востока. Контр-адмирал Д. Ривс получил ранг полного адмирала.